

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

ДЖЕЙМС
РОЛЛИНС

РЕБЕККА КАНТРЕЛЛ

КРОВЬ ЛЮЦИФЕРА

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

ДЖЕЙМС
РОЛИНС

РЕБЕККА КАНТРЕЛЛ

КРОВЬ ЛЮЦИФЕРА

МОСКВА
2015

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
P67

James Rollins, Rebecca Cantrell

BLOOD INFERNAL

Copyright © 2015 by James Czajkowski and Rebecca Cantrell

Оформление серии *С. Шикина*

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Роллинс, Джеймс.

P67 Кровь Люцифера / Джеймс Роллинс, Ребекка Кантрелл ;
[пер. с англ. М. В. Смирновой]. — Москва : Издательство «Э»,
2015. — 464 с. — (Книга-загадка, книга-бестселлер).

ISBN 978-5-699-83286-6

Орден сангвинистов подошел к финальной части операции, направленной на спасение человечества от вечного мрака и господства темных сил. Трое Избранных – Рун Корца, Джордан Стоун и Эрин Грейнджер – узнали, где на Земле сокрыт Первый Ангел, призванный уничтожить зло. Но чтобы добраться до этого места, им понадобится собрать сложнейшую головоломку и подобрать ключ к ангельской темнице. Да и что будет потом, хранителям Кровавого Евангелия неизвестно. Никто из них не знает, чего ожидать от пробужденного создания. Ведь это... сам Люцифер!

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Смирнова М.В., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

ISBN 978-5-699-83286-6

*От Джеймса:
Ребекке за то, что она
вместе со мной проделала этот путь.*

*От Ребекки:
моему мужу и сыну.*

Как упал ты с неба, Денница, сын зари!
разбился о землю, попиравший народы.

Ис. 14:12

*Лето 1606 года от Рождества Господня
Прага, Богемия*

Наконец труды близятся к завершению...

Английский алхимик, коего все знали под именем Джона Ди, стоял в своей тайной лаборатории перед огромным колоколом, выдутым из гладкого, без единого изъяна, стекла. Колокол был достаточно высок, чтобы под ним мог во весь рост стоять человек. Сей дивный образец был создан опытейшим стеклодувом на далеком острове Мурано близ Венеции. И более года понадобилось артели ремесленников, дабы путем вращения и раздувания при помощи гигантских мехов превратить колоссальный шар расплавленного стекла в это совершенное творение. А затем еще пять месяцев драгоценный колокол со всеми предосторожностями везли от места его создания далеко на холодный север, ко двору Его Величества Императора Священной Римской империи Рудольфа II. И когда колокол прибыл в Прагу, император приказал, чтобы для него была выстроена тайная алхимическая лаборатория, окруженная вспомогательными мастерскими, кои раскинулись на огромные расстояния под пражскими улицами.

Это было десять долгих лет назад...

Ныне колокол был водружен на круглую железную подставку в углу основного помещения лаборатории. Края подставки давным-давно порыжели от ржавчины. Близ нижнего края колокола была сделана круглая стеклянная же дверца в половину его высоты, запертая на прочные засовы и притертая так, что воздух извне не мог попасть в колокол, а изнутри — просочиться наружу.

Джон Ди содрогнулся, глядя на колокол. Хотя он был доволен тем, что работа его близится к завершению, это также

внушало ему страх. Он уже возненавидел адское приспособление, зная, ради каких ужасных целей оно было создано. В последнее время он старался всеми силами держаться подальше от колокола. Целыми днями алхимик расхаживал по лаборатории в длинной робе, испятнанной химикалиями, заглядывал в колбы и реторты, едва не окуная в них свою седую бороду, и избегал обращать взгляд слезящихся глаз на пыльную поверхность стеклянного колокола.

Но ныне я почти исполнил порученное мне.

Отвернувшись от колокола, Ди подошел к камину и коснулся мраморной облицовки. Его скрюченные пальцы проделали ряд сложных движений — и в мраморе открылась потайная ниша. Только сам Джон и император знали о существовании этого крошечного углубления.

Когда алхимик сунул руку внутрь, позади него раздался яростный стук. Ди вновь повернулся к колоколу — к заключенной под стеклянным колпаком твари. Это существо, пойманное верными людьми императора, было доставлено сюда всего несколько часов назад.

Я должен действовать со всей возможной быстротой.

Нечистая тварь билась под колоколом, ударяясь о стекло, как будто чуяла, что грядет. Но при всей своей сверхъестественной силе она не могла выбраться на свободу. В этом не преуспели и куда более древние и сильные существа, как ни пытались.

За последние годы множество подобных созданий были заключены Джоном в стеклянное узилище.

Невероятное множество...

Хотя он знал, что ему ничего не угрожает, животная сущность его ощущала опасность. И разуму, при всей его способности к логике, нечего было противопоставить этому чувству.

Алхимик прерывисто вздохнул, вновь запустил руку в потайную нишу и извлек некий предмет, обернутый в промасленную ткань. Сверток был перевязан алым шнуром и заключен в восковую оболочку. Стараясь не повредить воск, Джон направился к занавешенному окну, крепко прижимая ношу к груди. Даже сквозь ткань и воск ужасающий холод, исходящий от предмета, леденил его пальцы и ребра.

Он слегка приоткрыл плотные портьеры, впус­тив в лабораторию узкий луч утреннего солнца, и дрожащими руками по­ложил сверток в пятно света на каменной столешнице. Сам он встал по дру­гую сторону, так, чтобы его тень даже краешком не задела поверхность предмета. Сняв с пояса острый тонкий нож, Ди раз­резал воск и алый шнур. Потом с величайшей осторожностью развернул ткань, белые кусочки воска отделились от нее и осыпались на стол.

Солнце, сиявшее в эти ранние утренние часы над Чехией, озарило то, что скрывалось в коконе из воска и ткани: дивный самоцвет величиной с ладонь алхимика, переливающийся изумрудно-зеленым блеском. Но это был *не изумруд*.

— Алмаз, — прошептал Ди в безмолвии лаборатории.

В подземной комнате снова стало тихо, когда существо, сидевшее под колоколом, отшатнулось прочь от того, что сияло на столе. Взгляд твари загнанно метался из стороны в сторону, а солнечный свет, отражавшийся от самоцвета, бросал мерцающие зеленые отблески на оштукатуренные стены.

Джон не обратил ни малейшего внимания на страх пленницы и внимательно посмотрел на алмаз, в самом сердце которого ворочалась чернильно-черная мгла. Она была текучей, словно смесь дыма и масла, — живое существо, заключенное внутри алмаза, точно так же, как демоническая тварь была заключена под колоколом.

Хвала Господу за это.

Он коснулся холодного, как лед, самоцвета кончиком пальца. Если верить легенде, камень был добыт в глубочайших ко­пях Дальнего Востока. И подобно всем великим камням, он нес на себе проклятие — так гласила молва. Люди убивали ради того, чтобы завладеть им, и умирали вскоре после того, как самоцвет попадал в их руки. Более мелкие алмазы, добытые из той же жилы, украшали короны чужеземных властителей, но этому не была уготована столь пустая и суетная судьба, как его собратьям.

Ди осторожно поднял зеленый алмаз. Прошли десятилетия с тех пор, как камень высверлили изнутри. Два ювелира лишились остроты зрения, создавая внутри сияющего зеленого камня полость при помощи крошечных алмазных сверл. Крошечное отверстие закрывала костяная пластинка, такая тон-

кая, что почти просвечивала насквозь. Кость была похищена более тысячи лет назад из гробницы в Иерусалиме — это была последняя подлинная частица земного тела Иисуса Христа.

Или по крайней мере считалась таковой.

Джон закашлялся и, ощутив во рту металлический привкус крови, сплюнул в деревянное ведро, стоящее у стола. Недуг, пожиравший его изнутри, в последние дни мучил его почти непрерывно. Ди боролся за каждый вздох, гадая, не будет ли этот вздох последним. Легкие вздымались и опадали в груди со свистом и хрипом, словно порванные мехи.

Приглушенный стук в дверь заставил алхимика вздрогнуть, камень выскользнул из его пальцев и упал на деревянный пол. Вскрикнув, Ди быстро нагнулся за зеленой драгоценностью. Камень упал на пол, но не раскололся.

Боль пронзила сердце Джона, отдаваясь в левую руку. Он сполз на пол, прислоняясь к массивной ножке стола. Мензурка с желтой жидкостью упала на доски и разлетелась вдребезги. От краешка медвежьей шкуры, лежащей на полу, поднялся дымок.

— Мастер Ди! — послышался из-за двери юношеский голос. — Вам плохо?

Щелкнул замок, дверь распахнулась.

— Не подходи... — с усилием выдавил Джон. — Вацлав...

Но юноша уже вбежал в лабораторию, спеша на помощь наставнику, и поднял Джона с пола.

— Вы заболели?

Исцелить недуг Ди было не под силу даже самым могущественным алхимикам при дворе императора Рудольфа. Джон пытался сделать вдох, пока юноша поддерживал его. Наконец кашель утих, но острая боль в груди не ослабела, как это бывало прежде. Юный подмастерье осторожно провел пальцами по лбу Ди, стирая липкий пот.

— Вы не спали всю ночь. Ваша постель была не разобрана, когда я пришел сегодня утром. Я пошел проверить... — Вацлав умолк, глянув в сторону стеклянного колокола и обнаружив заключенное внутри существо. Это зрелище оказалось ужасным для взора столь молодого и чистого душой человека. Юноша приглушенно ахнул от изумления и ужаса.

Тварь посмотрела на него и положила ладонь на стекло, во взгляде ее читался голод. Острый ноготь царапнул внутреннюю поверхность колокола. Тварь не кормили вот уже несколько дней.

Вацлав не мог оторвать взор от нагого тела твари — тела прекрасной женщины. Волнистые белокурые волосы падали на ее округлые плечи, наполовину скрывая обнаженные груди. Ее можно было назвать едва ли не безупречной, но в слабом свете, просачивавшемся сквозь портьеры и проходившем сквозь толстый слой стекла, белоснежная кожа приобретала зеленоватый оттенок, как будто тело существа уже начало разлагаться.

Вацлав обратил глаза на Джона, желая получить объяснения увиденному.

— Мастер?

Юный подмастерье поступил на службу к Ди, будучи еще восьмилетним мальчиком, однако весьма сообразительным и проворным. Все эти годы Джон наблюдал, как Вацлав вырастает в юношу, искусного в смешивании зелий и возгонке масел. Его, несомненно, ожидало блестящее будущее.

Ди любил его, как родного сына.

Однако сейчас без колебаний поднял острый нож и полоснул юношу по горлу.

Вацлав схватился за рану и устремил взгляд на Джона, не в силах поверить в такое предательство. Кровь хлынула у него между пальцев и запятнала пол. Юноша упал на колени, обеими руками пытаясь остановить алый поток, уносящий жизнь.

Существо под колоколом бросалось на стенки своей стеклянной темницы с такой силой, что массивная железная подставка зашаталась.

Ты чуешь кровь? Это так тебя возбуждает?

Джон наклонился, поднял с пола зеленый самоцвет и поднес его к солнечному свету, дабы проверить целостность печати. Тьма ворочалась внутри, словно ища малейшую трещину, но выхода наружу не находила. Ди перекрестился и зашептал благодарственную молитву. Алмаз остался цел.

Снова положив камень на солнце, Джон преклонил колени рядом с Вацлавом и отбросил пряди кудрявых волос с лица юноши.

Бледные губы Вацлава дрогнули, в горле у него заклокотало.

— Прости меня, — прошептал алхимик.

Беззвучно, одним лишь движением губ, юноша задал вопрос — одно-единственное слово.

Почему?

Джон не мог ни объяснить этого своему подмастерью, ни искупить вину за убийство. Он лишь коснулся ладонью щеки юноши.

— Я хотел бы, чтобы ты не увидел этого. Чтобы ты прожил долгую жизнь, посвященную науке. Но Господь судил иначе.

Окровавленные пальцы Вацлава разжались, открыв страшную рану на горле. Карие глаза остекленели, когда жизнь покинула его тело. Джон осторожно опустил веки умершего — они все еще были теплыми и податливыми.

Склонив голову, алхимик быстро пробормотал молитву за упокой души Вацлава. Юноша был безгрешен, и ныне ему был уготован лучший мир. И все же это была тяжкая потеря.

Существо под стеклянным колоколом, бестия, некогда бывшая человеком, посмотрела в глаза алхимику. Ее взгляд скользнул к телу Вацлава, затем снова обратился на Джона. Должно быть, тварь прочла боль на лице Ди, потому что впервые с тех пор, как ее передали ему, она улыбнулась, обнажая длинные белые клыки и явно насмехаясь над его горем.

Джон с трудом поднялся на ноги. Боль в сердце не утихала. Нужно как можно быстрее закончить дело.

Шаткой походкой он прошел через комнату, закрыл дверь, которую Вацлав оставил нараспашку, и запер. К этому замку было лишь два ключа, и второй сейчас валялся на полу в луже стынущей крови Вацлава. Больше никто не побеспокоит Джона.

Алхимик вернулся к прерванному занятию, проведя пальцами по стеклянной трубке, идущей от колокола к рабочему столу. Он тщательно проверил, нет ли в трубке трещин или сколов, хотя эта проверка заняла немало времени. *Я слишком близок к результату, чтобы допустить хоть малейшую ошибку.*

На конце трубка сужалась, ее выходное отверстие было так мало, что в него едва можно было пропустить швейную иглу — то была работа искусного ремесленника, достигшего вершин

мастерства. Джон еще немного раздвинул плотные портьеры, так, чтобы утренний свет упал на узкий кончик стеклянной трубки.

Боль в груди нарастала, не давая шевельнуть левой рукой. Сейчас ему нужны были все силы, но они быстро таяли.

Трясущейся правой рукой он поднял камень. Самоцвет сиял в солнечном свете, прекрасный и смертоносный. Ди сжал губы, борясь с тошнотой, и при помощи крошечных серебряных щипчиков убрал костяную заслонку с одной из граней камня.

Колени у алхимика подкашивались, но он стиснул зубы, одолевая слабость. Теперь, когда костяная пластинка снята, самоцвет должен быть постоянно залит солнечным светом. Даже мгновенно упавшая тень позволит дымной тьме, обитающей внутри, выскользнуть в большой мир.

Это не должно случиться... по крайней мере сейчас.

Тьма уплотнилась и поползла вверх по стенкам крошечной темницы, пытаясь достичь узкого отверстия, но остановилась, явственно страшась показаться на свет. Зло, сокрытое внутри камня, должно быть, неким образом чувало, что солнечное сияние обладает властью уничтожить его. Единственным убежищем для этого зла сейчас была изумрудно-зеленая сердцевина алмаза.

Медленно, с величайшей осторожностью Джон совместил маленькое отверстие, высверленное в алмазе, с оконечностью стеклянной трубки. То и другое было сейчас залито солнечным светом.

Взяв горящую свечу, стоящую на испятнанной поверхности стола, алхимик поднял ее над алмазом, роняя капли воска на самоцвет и стеклянную трубку, так, чтобы эти капли образовали печать, непроницаемую для воздуха. Только после этого он задернул портьеры и позволил тьме укрыть зеленый камень. При свете свечи была видна темная масса, шевелящаяся в сердце алмаза. Тьма закрутилась маленьким смерчем и поползла вверх по краям отверстия. Ди задержал дыхание, наблюдая, как она перетекает через край. Казалось, эта тьма испытывает на прочность восковую печать. Лишь убедившись, что в воске нет ни малейшей щелочки, позволяющей просочиться в лабораторию, она потекла по стеклянной трубке. Пройдя по всей

ее длине, тьма закономерным образом должна была попасть туда, куда выводила эта трубка, — под стеклянный колокол, где была заключена женщина.

Джон покачал седой головой. Хотя эта тварь некогда и была женщиной, ныне она утратила право так именоваться, и ему не следовало даже думать о ней подобным образом. Она притихла и замерла в центре колокола, ее яркие синие глаза неотрывно смотрели на алхимика.

Ее кожа была безукоризненно-белой, словно алебастр, волосы были подобны струящемуся золоту, но через толстое стекло то и другое отливало водянисто-зеленым цветом. Но тем не менее она была самым прекрасным созданием, какое Ди видел за свою жизнь. Бестия прижала ладонь к стеклу, свет свечи озарил изящные длинные пальцы. Джон прошел через комнату и приложил свою ладонь к колоколу ровно напротив ее ладони. Стекло холодило его кожу. Джон всегда знал, что она будет последней его подопытной — даже если не принимать во внимание боль в груди и нарастающую слабость. Она была шестьсот шестьдесят шестой узницей этого колокола. Ее смерть станет завершением работы.

Движением губ она обозначила одно-единственное слово, тот же самый вопрос, который задал Вацлав.

Почему?

Ди ничего не мог ответить на это, как не мог ответить своему убитому подмастерью.

Ее глаза обратились на тьму, которая подползала все ближе к колоколу.

Как и все прочие, она подняла руки, обратив ладони навстречу омерзительной дымке, просочившейся в стеклянное узилище. Губы существа беззвучно шевелились, на лице отображался восторг.

В прежние годы Ди всегда ощущал смущение, глядя, как общаются между собой эти творения мрака, но это чувство давным-давно покинуло его. Алхимик прижался к стеклу, стараясь оказаться как можно ближе к ним. Даже боль в груди унялась, пока он наблюдал за происходящим.

Внутри колокола черный дым сконденсировался у верха колокола, образовав туман, состоящий из крошечных капель, — а потом обрушился на одинокую узницу стеклянной

темницы. Влага потекла по ее тонким пальцам, по вскинутым вверх рукам. Существо запрокинуло голову и закричало. Джону не нужно было даже слышать ее, чтобы распознать чувство, звучащее в этом крике: вся поза твари выдавала неистовый экстаз. Она поднялась на цыпочки, груди ее напряглись; она дрожала, когда капли омывали ее тело, покрывая его полностью.

Узница содрогнулась в последний раз и упала, ударившись о стенку колокола; ее тело, ныне безжизненное и обмякшее, сползло на дно темницы.

Туман завис над ее трупом, чего-то ожидая.

Свершилось.

Джон отшатнулся от колокола. Обойдя тело Вацлава, он поспешил к окну и широко распахнул портьеры. Ворвавшийся в лабораторию солнечный свет заиграл на боках стеклянного колокола. Тело проклятой твари, запертой внутри, вспыхнуло пламенем и превратилось в омерзительный дым, смешавшись с ожидающим туманом.

Черная дымка — ныне, когда к ней примешалась сущность твари, она стала значительно гуще — отпрянула от солнечного света и метнулась к единственному темному убежищу, которое смогла найти: к стеклянной трубке, ведущей обратно в алмаз. При помощи серебряного ручного зеркала Ди отражал солнечный свет на трубку, преследуя и гоня нечистую тьму обратно в изумрудно-зеленую сердцевину самоцвета — в единственное место, где она могла укрыться в этом залитом солнцем мире.

И когда она вновь полностью, до последней капли, оказалась в каменной темнице, Джон осторожно сломал восковую печать, отделяя алмаз от трубки. Неукоснительно держа крошечное отверстие на свету, он отнес самоцвет к пентаграмме, которую давно уже начертал на полу, и положил камень в середину ее. Свет солнца по-прежнему озарял зеленый алмаз.

Теперь уже совсем скоро...

Ди аккуратно заключил пентаграмму в круг из крупы соли. Насыпая соль, он читал молитвы. Жизнь его шла к завершению, но он наконец-то сможет достичь того, о чем мечтал всегда: открыть врата в ангельский мир.

Более шести сотен раз он выводил этот круг, более шести сотен раз читал эти молитвы. Но в глубине души он знал, что на этот раз все будет иначе. Алхимик прочел стих из Откровения: «Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть»¹.

— Шестьсот шестьдесят шесть, — повторил Ди.

Таково было число тварей, которых он держал в заточении под колоколом, число дымных сущностей, которые он собрал в этом самом алмазе, когда твари погибали, охваченные пламенем. Потребовалось десять лет, чтобы найти их в таком количестве, изловить их, а затем умертвить — и собрать воедино те сущности зла, что давали видимость жизни сим проклятым созданиям. Ныне эти же силы откроют врата в ангельский мир...

Ди закрыл лицо руками, тело его содрогалось. У него было так много вопросов к ангелам! «Со времен, описанных в Книге Еноха, ангелы не приходят к людям без повеления Господа. И с тех самых пор люди не могут вкусить от их мудрости. *Но я низведу их свет на землю и поделюсь им со всем человечеством*».

Подойдя к камину, он зажег длинную свечку и обошел круг, возжигая пять свечей, установленных в углах пентаграммы. Желтые огоньки в сиянии солнца казались слабыми и бессильными, они подрагивали от сквозняка, тянувшего от окна.

Наконец Ди задернул портьеры, и комнату окутал мрак.

Джон бросился обратно и преклонил колени у края круга.

Чернильно-черный дым просочился сквозь крошечное отверстие самоцвета наружу. Он двигался осторожно, возможно, чуя, что большой мир за пределами лаборатории по-прежнему залит светом нового дня. Затем мгла, словно бы осмелев, кинулась к Джону, точно намереваясь завладеть им и заставить его заплатить за то, что он так долго держал ее в заточении. Но соляной круг не давал ей выйти за предел.

Не обращая внимания на эту угрозу, Джон шепотом, едва слышным из-за треска пламени в камине, произнес несколько слов на енохианском языке — языке, давно утраченном человечеством:

¹ Откр. 13:18.

— Я повелеваю тебе, Владыка Тьмы, показать мне свет, что противостоит твоему мраку.

Черное облако внутри круга дрогнуло один раз, потом второй, сжимаясь и расширяясь, подобно живому сердцу. И с каждым содроганием оно становилось все больше.

Джон сложил ладони перед грудью:

— Защити меня, Господи, ибо жажду я узреть великолепие, сотворенное Тобой.

Тьма образовала овал такой величины, что сквозь него мог пройти человек.

Слуха Ди коснулись слова, произнесенные шипящим шепотом:

— *Иди ко мне...*

Голос исходил из портала.

— *Служи мне...*

Джон поднял незажженную свечу, лежавшую на полу рядом с ним, и засветил ее от одной из свечей в углу пентаграммы. Воздев пламя вверх, он воззвал к покровительству господа.

Послышался новый шум, словно с другой стороны врат что-то двигалось, а следом раздался гулкий звон — как от соударения металла о металл.

И снова в его разум вползли слова:

— *Из всех смертных я счел достойным лишь тебя.*

Ди поднялся и сделал шаг по направлению к кругу, но запнулся о вытянутую руку Вацлава. Алхимик остановился, неожиданно ощутив, насколько грешен он для того, чтобы глазам его открылось подобное величие.

Я убил невинного.

Его безмолвная исповедь была услышана.

— *У величия есть своя цена, — заверил его голос. — И лишь немногие готовы платить ее. Ты не таков, как другие, Джон Ди.*

Алхимик задрожал, услышав эти слова — особенно последние два.

Ангел произнес мое имя — оно известно ему.

Ди разрывался между гордостью и страхом, комната вращалась, словно он был пьян. Свеча выпала из его пальцев и, так и не погаснув, покатилась в круг, а затем через пор-

тал. Ее свет озарил то, что скрывалось по ту сторону дымных врат.

Приоткрыв рот, Джон смотрел на исполненную невероятного величия фигуру, восседающую на полированном черном троне.

Свет свечи отразился в глазах, черных, точно нефтяные озера. Лицо сидящего было безжалостно-прекрасным, каждая черта его словно была изваяна из оникса. Венчала этот дивный лик изломанная серебряная корона, ее поверхность была тусклой и черной, а зазубренные края выглядели подобно терниям. Из-за широких плеч вздымались могучие крыла, перья их были черными и блестящими, словно у ворона. Круто изгибаясь, они ниспадали, окутывая и скрывая от глаз обнаженную фигуру сидящего.

Крылатый подался вперед, зазвенев почерневшими серебряными цепями, которыми было опутано и приковано к трону его безупречно-прекрасное тело.

Джон знал, кого лицезрел в эти мгновения.

— Ты не ангел, — прошептал он.

— *Я ангел... и всегда им был.* — Ровный голос наполнял голову алхимика, но губы фигуры, сидящей на троне, оставались неподвижными. — *Твои слова призвали меня. Кем еще я могу быть?*

Сердце Джона сжимало неверие, сопровождаемое нарастающей болью. Он ошибался. Тьма не призывает свет — напротив, она вызывает ко тьме.

И пока он в ужасе смотрел сквозь портал, одно из звеньев цепи, сковывавшей сидящего, лопнуло. Ярко блеснуло серебро на изломе. Создание мрака готово было вырваться на волю.

Это зрелище вырвало Джона из оцепенения. Он отшатнулся от круга и, поднявшись на нетвердые ноги, заковылял к окну. Он не должен позволить твари из мрака войти в этот мир.

Стой...

Этот краткий приказ, состоящий из единственного слога, пронзил голову алхимика неистовой болью. Ди не мог думать, едва мог двигаться, но заставил себя не останавливаться. Скрюченными, точно клешни, пальцами он вцепился в плотную портьеру и потянул изо всех своих слабых сил.

Бархат порвался.

Солнечный свет хлынул в комнату, озарив колокол, рабочий стол, соляной круг и наконец — дымный портал. Оттуда донесся такой пронзительный вопль, что Ди показалось, будто его голова разлетелась на кусочки.

Это было чересчур.

Но этого оказалось достаточно.

Джон Ди осел на пол, и последнее, что он видел, — это тьма, бегущая прочь от солнечного света в свое убежище внутри самоцвета. Покидая этот мир, алхимик вознес свою последнюю молитву:

Пусть никто никогда не найдет этот проклятый камень...

* * *

К полудню солдаты разнесли дверь лаборатории небольшим тараном. И преклонили колени вдоль стен коридора, когда сам император быстрым шагом прошел мимо них.

— Лягте ничком и не поднимайте лиц от пола, — приказал он.

Солдаты повиновались без единого вопроса.

Император Рудольф II прошел мимо распростертых солдат в лабораторию и сразу же узрел пентаграмму, лужицы воска и два мертвых тела на полу — алхимик и его юный подмастерье.

Рудольф знал, что означает их смерть.

Джон Ди не оправдал его надежд.

Не обращая больше внимания на трупы, Рудольф вошел в мистический круг и взял из центра драгоценный алмаз. Отвратительная черная масса копошилась в изумрудно-зеленой сердцевине самоцвета. Холодная ярость исходила из камня, жала разум Рудольфа, однако больше никакого вреда содейть она не могла. Что бы Ди ни сотворил помимо того, но зло он наружу не выпустил.

Держа сверкающий камень на солнечном свету, Рудольф закрыл отверстие кусочком кости, который так и лежал, забытый, на уголке стола: полупрозрачный, как снежинка, но исполненный огромного могущества. Император зажег свечу и запечатал стык алмаза и кости. Падающие капли растопленного воска обжигали ему пальцы.

Покончив с этим, Рудольф сел на старый стул и осторожными движениями завернул переливчатый зеленый самоцвет и заключенную внутри камня тьму в новый лоскут промасленной ткани. Затем перевязал сверток шнуром и макнул в котел с теплым воском, который Ди всегда ставил у самого камина. Чтобы убедиться, что слой воска покроет сверток полностью, не оставив ни малейшей щели, Рудольф полностью погрузил его в котел.

Он оглянулся на солдат, оставшихся в коридоре. Те лежали ниц, как им и было приказано, уткнувшись лицами в пол. Довольный тем, что никто за ним не следит, император открыл потайную нишу в каминной доске и уложил в нее зловеющий сверток. И прежде чем закрыть незаметную дверцу, прошептал быструю молитву на енохианском языке, прося о защите.

По крайней мере на некоторое время зло было сокрыто от глаз людских.

Рудольф ощущал нарастающую усталость во всем теле. Уже давным-давно он не ведал настоящего отдохновения и сегодня тоже не найдет его. Со вздохом император вновь опустился на деревянный стул у рабочего стола Ди и взял из неровной стопки лист выделанной бумаги. Потом обмакнул перо в серебряную чернильницу и начал писать, используя енохианский алфавит, в тайну которого были посвящены лишь немногие из живущих ныне.

Завершив письмо, император сложил бумагу вчетверо, запечатал черным воском и выдавил на горячий жидкий воск печать, выгравированную на его перстне. Через час надежный человек должен отправиться в путь, дабы доставить послание адресату.

Император просил о помощи.

Ему нужен был совет той единственной, что проникла разумом в мир ангелов света и тьмы столь же глубоко, как и Ди. Рудольф бросил взгляд на лежащие на полу трупы, молясь о том, чтобы она сумела исправить урон, понесенный здесь сегодня.

Он взял в руки свое столь поспешно начертанное письмо. Солнечный свет озарил черные буквы знаменитого имени той, кому оно было адресовано:

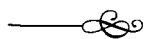
Графине Элисабете Батори из Эчеда.

ЧАСТЬ I

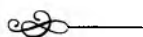
Ибо Иисус сказал ему: выйди, дух нечистый, из сего человека.

И спросил его: как тебе имя? И он сказал в ответ: легион имя мне, ибо нас много.

Мк. 5:8–9

Д Ж. РОЛЛИНС, Р. КАНТРЕЛЛ

Глава 1

*17 марта, 16 часов 07 минут
по центральноевропейскому времени
Ватикан*

Не попадись.

Это предупреждение держало доктора Эрин Грейнджер в непреходящем напряжении. Она, согнувшись, сидела на корточках за стойкой картотеки в центре читального зала Ватиканской апостольской библиотеки. Белый сводчатый потолок высоко над ее головой был украшен изящными фресками. По обе стороны от того места, где она пряталась, тянулись полки с редчайшими в мире книгами. В этой библиотеке хранилось более семидесяти пяти тысяч рукописей и свыше миллиона книг. Будь доктор Грейнджер просто археологом, она с радостью проводила бы здесь целые часы и даже дни, но в последнее время библиотека стала для нее скорее тюрьмой, чем местом, где делались открытия.

Сегодня я должна сбежать отсюда.

Она составила план побега не одна. Ее сообщником был отец Христиан. Он стоял сейчас поодаль от нее, но так, что она могла ясно его видеть. Без слов, одними лишь почти незаметными взмахами руки он призывал ее поторопиться. Отец Христиан выглядел как обычный молодой священник: высокий, с темно-каштановыми волосами, выступающими скулами и гладкой кожей. Его можно было легко принять за человека, которому не исполнилось еще и тридцати лет, хотя на самом деле он был на много десятилетий старше. Некогда он был чудовищем, *стригоем*, тварью, питающейся человеческой кровью. Но в давние поры он вступил в католический Орден сангвинистов и принес обет вечно жить лишь Кровью Христовой. Он и сейчас был сангвинистом — и одним из немногих, кому Эрин безоговорочно доверяла.

Поэтому она полагалась на его слова и в том, что касалось женщины, находящейся сейчас рядом с нею.

Молодая монахиня, сестра Маргарет, спряталась за стойкой, возле которой стояла Эрин. Тяжело дыша, она пыталась выпутаться из своего темного облачения, а ее апостольник¹ уже лежал на полу у ног Эрин. Судя по испарине, выступившей на лбу монахини, она была человеком. Грейнджер могла бы поклясться, что слышит учащенное сердцебиение монахини — такое же частое, как у нее самой.

— Вот, — сказала Маргарет, встряхивая длинными белокурыми волосами, которые теперь свободно рассыпались по ее плечам. Эрин поймала взгляд ее темно-янтарных глаз. Они были примерно одного роста и сходны цветом волос и кожи — это было существенно важной частью их плана.

Эрин стала натягивать через голову облачение Маргарет. Черная саржа царапала щеки, недавно выстиранная ткань пахла свежестью. Женщина одернула одеяние, постаравшись разгладить его на бедрах — насколько это можно было сделать, сидя на корточках. Маргарет подняла с пола белый апостольник и помогла Эрин правильно надеть его на голову, так, чтобы он плотно прилегал к щекам и полностью закрывал белокурые волосы. Несколько выбившихся прядок были тщательно заправлены под плат.

Покончив с этим, монахиня откинулась назад и критическим взором окинула Эрин.

— Что скажешь? — спросил Христиан, едва двигая губами и опираясь рукой на стойку каталога, чтобы скрыть от посторонних глаз происходящее здесь.

Маргарет удовлетворенно кивнула. Эрин теперь выглядела так же, как любая монахиня, почти безликая и безымянная — больше, чем монахинь в черных одеяниях и белых апостольниках, в Ватикане было только туристов и священников.

В довершение маскарада Маргарет повесила на грудь Эрин большой серебряный крест на черном шнуре и протянула ей серебряное кольцо. Грейнджер надела теплое колечко на безымянный палец и осознала, насколько непривычно ей это ощущение — она никогда не носила колец на этом пальце.

¹ Апостольник — головной убор монахини.

Тридцать два года, и замужем никогда не была.

Она знала, что ее отец, давно покойный, пришел бы в ужас, узнав, что его дочь ждет такая судьба. Он с пылом проповедовал, что высочайший долг женщины — рожать детей для служения Господу. И конечно же, он точно так же ужаснулся бы, если б узнал, что она училась в светской школе, получила степень доктора археологии и последние десять лет потратила на доказательство того, что описанная в Библии история по большей своей части обязана происхождением отнюдь не чудесам Господним. Если б он уже не отказался от нее за то, что в юности она сбежала из закрытой церковной общины, то сейчас бы точно проклял ее. Однако Эрин вполне смирилась с этим.

Несколько месяцев назад ей предложили проникнуть взглядом в тайную историю мира: в то, чему не давали объяснения ни книги, которые она прочла за время обучения, ни наука, служившая фундаментом ее личной веры. Тогда Эрин впервые встретила сангвиниста — живое доказательство того, что чудовища существуют и что христианское служение способно обуздать их.

И все же она сохраняла изрядную часть своего скепсиса и манеры подвергать все сомнению. Быть может, она и признала существование стригоев — но только после того, как встретилась с одним из них, узрела его свирепость и его острые зубы. Она верила только в то, в чем могла убедиться самолично, и потому изначально настаивала на этом плане.

Маргарет стянула свои белокурые волосы в хвост — обычно Эрин носила именно такую прическу. Под облачением на монахине были старые джинсы Грейнджер и ее же белая хлопковая рубашка. С некоторого расстояния она вполне могла сойти за Эрин.

По крайней мере я на это надеюсь.

Обе повернулись к Христиану, чтобы он выразил свое окончательное мнение по поводу их маскарада. Он поднял вверх большие пальцы, потом склонился к Эрин и прошептал ей на ухо:

— Эрин, впереди ждет настоящая опасность. Тебе предстоит пройти запретными путями. Если тебя поймают...

— Я знаю, — ответила она.

Священник протянул ей сложенную карту и ключ. Женщина попыталась взять их, но Христиан крепко держал их.

— Я готов пойти с тобой, — сказал он, глаза его тревожно поблескивали. — Скажи лишь слово.

— Ты не можешь, — возразила она. — И ты это знаешь.

Эрин оглянулась на Маргарет. Чтобы их уловка сработала, Христиан должен оставаться в библиотеке. Он был назначен телохранителем Эрин, и неспроста. В последнее время число нападений стригоев на людей по всему Риму возросло. Что-то встревожило чудовищ. И не только здесь. Известия со всего мира указывали на то, что равновесие между светом и тьмой сместилось.

«Но что было причиной тому?»

У Эрин были некоторые подозрения, но прежде чем поделиться ими, она хотела получить доказательства, и сегодняшняя тайная вылазка могла дать необходимые ей ответы.

— Будь осторожна, — произнес наконец Христиан, отдавая карту и ключ. Потом взял Маргарет за руку и помог ей встать. Они надеялись, что все решат, будто блондинка, находящаяся рядом с Христианом, и есть Эрин, и тогда отсутствие настоящей Эрин пройдет незамеченным.

— Твоя кровь, — прошептала Грейнджер. Этот предмет был нужен ей так же, как нужен был ключ.

Христиан чуть заметно кивнул и сунул ей в руку закупоренный стеклянный флакон, содержащий несколько миллилитров его черной крови. Эрин сунула холодный флакон в карман, в котором лежал фонарик.

Христиан коснулся своего наперсного креста и прошептал:

— Ни пуха ни пера!

Потом повел сестру Маргарет от стойки картотеки к столу, где Эрин оставила свой рюкзак и блокнот. Грейнджер оглянулась на рюкзак — ей не хотелось покидать его здесь. В нем, укрытая в герметичном чехле, лежала книга, куда более драгоценная, чем все множество древних томов, хранящихся в тайных архивах Ватикана.

Это было Кровавое Евангелие.

Книга пророчеств, написанная самим Христом, начертанная Его святой кровью. Лишь несколько страниц этой книги являли себя взору. Эрин вообразила, как пламенные строки возникают на чистых древних страницах. Это были строфы

зашифрованных пророчеств. Некоторые из них были уже разгаданы, другие все еще оставались нераскрытой тайной. Но куда более интригующими были сотни чистых страниц, все еще не явивших свое сокрытое содержание. Ходили слухи, что эти утраченные тайны могли содержать все знания о вселенной, о боге, о значении всего сущего и того, что лежит вне мира.

Даже сейчас у Эрин пересохло во рту при мысли, что ей придется оставить здесь такую сокровищницу знания. Она испытывала гордость от того, что это знание было открыто ей. Эта книга была вверена ей в египетской пустыне. Слова, начертанные в Кровавом Евангелии, можно было прочесть лишь тогда, когда Эрин держала том в руках. И до сего момента она повсюду носила его с собой, не выпуская из поля зрения.

Но теперь ей придется это сделать.

Монахини не носят рюкзаков, и чтобы ее маскарад остался нераскрытым, Эрин придется оставить драгоценную книгу под надежным попечением Христиана.

И чем быстрее я это сделаю, тем скорее смогу вернуться.

Понимание этого заставило ее поспешно выпрямиться. Идти предстоит довольно далеко, а если она не вернется к вечеру, когда библиотека закрывается, их обман раскроют. Выбросив эту мысль из головы, Эрин склонила голову, чтобы никто не видел ее лица, сделала глубокий вдох и вышла из-за картотечной стойки в наполненный тихим шелестом и шепотом читальный зал. Похоже, никто не обратил на нее особого внимания, пока она медленно шла к парадной двери. Эрин заставляла себя сохранять спокойствие. Чувства у сангвинистов настолько острые, что они способны расслышать человеческое сердцебиение. И могут задаться вопросом, почему это у монахини, прошедшей через такое спокойное помещение, как библиотека, сердце бешено колотится.

Эрин миновала ряды полок и столов из полированного дерева, на которых громоздились стопки книг. Многие из ученых, сидевших за столами, немало лет ждали возможности попасть сюда. Они с благоговением склонялись над своими записями — их рвение сделало бы честь любому священнику. Когда-то и Эрин была такой же, как они, — пока не открыла

иной, лежащий куда глубже пласт истории. Известные тексты и знакомые тропы больше не привлекали ее.

И это было обоюдно. Обычные способы научных изысканий теперь были закрыты для нее. Недавно она была уволена с занимаемой ею должности в Стэнфордском университете — из-за гибели студента на раскопках в Израиле. Эрин понимала, что должна как-то обеспечивать себе будущее, волноваться о перспективах своей карьеры, — но все это больше не имело значения. Если она и остальные не достигнут цели, ни у кого больше не будет будущего, о котором нужно тревожиться.

Она распахнула тяжелую библиотечную дверь и вышла под яркое послеполуденное небо Италии. Весеннее солнце приятно согревало щеки, но у Эрин не было времени наслаждаться этим теплом. Она ускорила шаг, спеша через Священный Город к базилике Святого Петра. Вокруг кишели туристы, постоянно сверяясь с картами и указателями.

Эта толпа мешала идти, однако в конце концов Эрин добралась до огромной величественной базилики. Это здание символизировало папскую власть, и любой человек, смотрящий на него, не мог не проникнуться его грандиозностью. И пусть даже Эрин знала, ради каких мрачных целей оно возведено, но красота фасада и массивных куполов неизменно наполняла ее душу благоговением.

Она направилась напрямик к гигантским дверям и, не встречая никаких препятствий, прошла между мраморными колоннами высотой в два этажа. Проходя через атриум в обширный неф базилики, Эрин бросила взгляд на стоящую справа микеланджеловскую «Пьету» — изваяние скорбящей Богоматери, держащей на коленях мертвое тело сына. Эрин ускорила шаг — словно скульптура напомнила ей о том, о чем не следовало забывать. «Если я потерплю неудачу, множество матерей будут оплакивать своих погибших детей».

Но она по-прежнему понятия не имела, что делает. За последние два месяца она перерыла Ватиканскую библиотеку в поисках истины, скрывающейся за последним пророчеством Кровавого Евангелия: *«Купно трио должно отправиться в свои последние искания. Кандалы Люцифера разомкнуты, а Чаша его по-прежнему утрачена. Потребуется свет всех*

троих, дабы сплотить сию Чашу сызнова и опять изгнать его в тьму непреходящую».

Скептически настроенная часть разума Эрин — та часть, которая по-прежнему не желала принимать истину о стригоях, ангелах и чудесах, разворачивающихся у нее перед глазами, — сомневалась в том, что эта задача вообще выполнима.

Заново создать какую-то древнюю чашу, прежде чем Люцифер вырвется на свободу из ада?

Это было похоже скорее на какой-нибудь древний миф, чем на действие, которое можно совершить в нынешние времена.

И все же она была одной из *предреченного трио*, о котором гласило Кровавое Евангелие. Это трио составляли Рыцарь Христов, Воитель Человеческий и Женщина Знания. И предполагалось, что Эрин, будучи упомянутой Женщиной Знания, должна раскрыть истину, спрятанную за этими таинственными словами. Двое других ожидали ее решения, исполняя собственные задачи, пока она работала в Ватиканской библиотеке, пытаясь отыскать ответы. Ни одного из них сейчас не было в Риме, и Эрин не хватало их обоих, она хотела бы, чтобы они были рядом с нею — хотя бы затем, чтобы она могла поделиться с ними своими многочисленными предположениями.

И конечно, куда большее связывало ее с сержантом Джорданом Стоуном — Воителем Человеческим. За несколько коротких месяцев, прошедших с их первой встречи, Эрин успела влюбиться в отважного солдата с пронзительными синими глазами, наделенного ненавязчивым чувством юмора и четким пониманием долга. Он мог заставить ее рассмеяться в самые напряженные моменты, он несчетное число раз спасал ей жизнь.

Разве все это могло не прийти ей по душе?

Мне не по душе то, что тебя нет сейчас со мною.

Это была эгоистичная мысль, однако это было правдой.

В последние несколько недель он начал отдаляться от нее и от всего остального. Сначала Эрин решила, что Стоун нервничает из-за того, что его оторвали от привычной службы в армии и против его желания прикомандировали к сангвинистам. Но потом заподозрила, что его отстраненность имеет куда более глубокие причины и что она постепенно теряет его.

Сомнения отравляли ее душу.

Быть может, он не хочет тех отношений, к которым стремлюсь я...

Быть может, я не та женщина, что нужна ему...

Эрин была ненавистна сама мысль об этом.

Третий участник трио, отец Рун Корца, доставлял еще больше проблем. Рыцарь Христов был сангвинистом. Эрин прониклась уважением к его строгому моральному кодексу, его невероятному искусству бойца и его преданности Церкви, но она по-прежнему боялась его. Вскоре после их встречи он испил ее крови в момент острой нужды, едва не убив ее в темных катакомбах под Римом. Даже сейчас, проходя через базилику Святого Петра, Эрин без труда могла вспомнить те ощущения: острые зубы, пронзающие ее горло, странный экстаз, охвативший ее в эти мгновения и придававший этому действу одновременно эротический и тревожный окрас. Это воспоминание в равной мере ужасало и пленяло ее.

Сейчас они, как и раньше, работали над одним и тем же, хотя относились друг к другу настороженно, как будто оба понимали, что черту, пролегшую между ними в катакомбах, будет не так-то легко стереть.

Быть может, именно поэтому Рун исчез из Рима и не показывался уже несколько месяцев.

Эрин вздохнула, снова пожалев о том, что ее соратников нет рядом, однако она понимала, что стоящую перед ней задачу ей придется решать самой. И это было тяжелое испытание. Если трио должно было заново создать нечто, именуемое «Чашей Люцифера», то Эрин предстояло найти некую разгадку природы этой предреченной чаши. Она обыскала все ватиканские архивы, от подземных крипт, осыпающихся от времени, до полок в высокой Торре-дей-Венти, Башне Ветров, по ступеням которым некогда восходил в обсерваторию сам Галилей. Но все ее поиски до сих пор не привели ни к чему. Осталась неисследованной только одна библиотека — собрание трудов, запретное для любого, в ком бьется живое сердце.

Библиотека-деи-Сангинес, частная библиотека Ордена сангвинистов.

Но я должна попасть туда.

Эта библиотека была спрятана глубоко под базиликой Святого Петра, в катакомбах, куда имели доступ лишь члены Ордена сангвинистов, те стригои, что поклялись служить Церкви. Они отказались от пропитания человеческой кровью ради того, чтобы жить лишь Кровью Христовой — или, если говорить точнее, вином, которое посредством благословения и молитвы преображалось в этот священный напиток.

Эрин поспешно прошла через обширную базилику, заметив, что там стоит на страже больше швейцарских гвардейцев, чем обычно. Во всем городе-государстве была объявлена тревога из-за всплеска нападений стригоев. Даже Эрин, по уши закопавшаяся в древние книги, слышала истории о том, что чудовища, совершающие эти нападения, были сильнее и быстрее, чем обычно, и убить их было куда сложнее.

Но почему?

Это была еще одна загадка, разгадка которой могла скрываться в этой тайной библиотеке.

За последние несколько месяцев Эрин прочла тысячи пыльных папирусных свитков, древних пергаментов и глиняных табличек с вытисненными письменами. Тексты были записаны на множестве языков разными людьми, но ни один из этих текстов не содержал нужных ей сведений.

Пока два дня назад...

В Башне Ветров она обнаружила старую карту, спрятанную между страниц списка с Книги Еноха. Она искала этот древнееврейский текст — книгу, якобы написанную прадедом Ноя, — потому что в нем говорилось о падших ангелах и их потомках-полулюдях, именуемых нефилимами. Сам Люцифер предводительствовал этими падшими ангелами во время восстания против Небес и в итоге был низвергнут за то, что пытался воспрепятствовать Господу в Его замыслах касательно человечества. Но когда Эрин открыла этот древний том в Башне Ветров, из него выпала карта, начертанная густыми черными чернилами на листе пожелтевшей бумаги. Примечание к карте, сделанное витиеватым почерком средневекового переписчика, свидетельствовало, что на ней изображена еще одна находящаяся в Ватикане библиотека, более древняя, чем все остальные.

Именно тогда Эрин впервые услышала об этой тайной библиотеке.

Судя по карте, это собрание трудов было сокрыто в Святилище, лабиринте тоннелей и комнат под базиликой Святого Петра, где обосновались некоторые из сангвинистов. В этих древних катакомбах сангвинисты проводили несчетные годы своих бесконечных жизней, погружившись в молитвы и размышления и отрешившись от забот суетного мира, от страстей, кипевших сотнями футов выше. Некоторые провели в этих подземных залах целые столетия, питаясь лишь глотками освященного вина. Каждый день священники подносили серебряные чаши к их бледным губам, вливая живительное причастие в недвижные тела. Сангвинисты искали лишь душевного покоя, и доступ в их тоннели был строго ограничен.

Если верить карте, лежащей в кармане Эрин, в Святилище хранились старейшие архивы в Ватикане. Она тайно спросила Христиана об этом месте и узнала, что большинство документов, сокрытых там, было написано бессмертными сангвинистами, которые своими глазами наблюдали эту древнюю историю. Некоторые были знакомы с самим Христом. Другие жили в еще более древние времена и вступили в орден после того, как сотни лет пробыли дикими стригоями, питающимися людской кровью.

Хотя Святилище было запретно для людей, Эрин однажды уже побывала там, внизу, вместе с Руном и Джорданом. Они трое принесли Кровавое Евангелие в святая святых сангвинистов, дабы получить благословение основателя ордена, того, кого все звали Воскрешенным. Но Эрин узнала, что он носил имя, куда более известное по библейской истории.

Лазарь.

Он был первым из стригоев, кого Христос призвал к служению.

Но в своем желании изучить эту библиотеку Эрин наткнулась на сопротивление нынешнего главы римской ветви ордена — кардинала Бернарда. Она испрашивала позволения попасть в библиотеку, чтобы продолжить исследования, но ей ответили категорическим отказом. Кардинал твердо стоял на своем: никому из людей не позволено даже переступать порог библиотеки. Кроме того, он заверил Эрин, что в библиотеке

содержатся сведения только о самом ордене и ничего такого, что могло бы помочь ей в поисках.

Реакция кардинала Эрин не удивила. Бернард относился к знанию как к дарующему власть сокровищу, которое нужно держать под замком.

Она попыталась пойти с козыря. «Само Кровавое Евангелие доверено мне как Женщине Знания», — напомнила она Бернарду, процитировав пророчество, недавно открывшееся им в пустыне: *«Отныне Женщина Знания связана с книгой нерасторжимо, и никто не может отторгнуть книгу у нее».*

И все же он остался непреклонен. «Я прочел эту библиотеку от начала до конца. Никто из находящихся в Святилище никогда не был на стороне Люцифера и его падших ангелов. История его падения была записана спустя долгое время после того, как произошло само это событие. Так что не осталось никаких непосредственных свидетельств о том, где и как пал Люцифер, о том, где он заключен, или о том, как были сотворены цепи, сковывающие его в вечном мраке, и как их можно восстановить. Поиски в этой библиотеке стали бы пустой тратой времени, даже если бы и не были под запретом».

Глядя в его суровые карие глаза, Эрин понимала, что он не преступит эти многовековые запреты. И это означало, что ей придется найти свой путь вниз, в библиотеку.

Не дойдя нескольких ярдов до дальней стены базилики, она устремила взгляд на статую святого Фомы — апостола, который сомневался во всем, пока не заполучит твердых доказательств. Эрин чуть заметно улыбнулась, несмотря на тревогу. «Моя душа во многом следует примеру этого апостола».

Она подошла ближе к статуе. Под ногами изваяния находилась маленькая дверца. Обычно ее не охраняли, но сейчас, направляясь к ней, Эрин увидела, что у входа стоит швейцарский гвардеец. Дверная ниша наполовину скрывала его от взгляда проходящих мимо. Грейнджер сжала зубы и шагнула в сторону из поля его видимости. Она знала, кто в ответе за это неожиданное препятствие.

«Черт бы тебя побрал, Бернард...»

Должно быть, кардинал поставил тут гвардейца после их жаркого спора, заподозрив, что Эрин может попытаться проникнуть в подземелья без разрешения.

Она начала искать решение проблемы — и обнаружила его в руках у девочки, идущей чуть поодаль от нее. Девчушке было лет восемь или девять, и она, отчаянно скучая, шаркала ногами по узорчатым мраморным плитам и катала в ладонях ярко-зеленый теннисный мячик. Ее родители вышагивали в нескольких ярдах впереди, оживленно беседуя между собой.

Эрин догнала девочку и подстроила шаг под ее походку.

— Привет.

Девчушка подняла взгляд, с подозрением щуря синие глаза. Нос ее был усыпан веснушками, рыжие волосы стянуты в два хвостика.

— Привет, — неохотно отозвалась она по-английски, как будто знала, что на приветствия монахинь отвечать положено в любом случае.

— Можно одолжить у тебя мяч?

Девочка спрятала теннисный мячик за спину, покрепче сжав его в ладонях.

Ладно, выберем другую тактику.

Эрин подняла руку, показав зажатую в пальцах купюру в пять евро.

— Тогда можно у тебя его купить?

Глаза девочки расширились, она уставилась на соблазнительную бумажку — а потом протянула Эрин пушистый мячик, соглашаясь на обмен и одновременно исподтишка поглядывая вслед родителям.

Когда сделка была завершена, Эрин подождала, пока дитя отойдет подальше и присоединится к отцу и матери. Потом ловким незаметным движением бросила мяч по длинной дуге через весь неф, туда, где в нескольких шагах от охраняющего дверцу гвардейца стояла плотная группа из нескольких человек. Мяч ударил в затылок невысокого человека в сером плаще.

Тот выкрикнул несколько ругательств по-итальянски, и суматоха быстро распространилась на всю группу. Как и надеялась Эрин, швейцарский гвардеец отошел, чтобы узнать, что случилось.

Воспользовавшись тем, что он отвлекся, Эрин бросилась вперед и сунула в дверной замок ключ, который дал ей Христиан. По крайней мере петли оказались хорошо смазаны и не

скрипнули, когда она распахнула дверцу. Оказавшись внутри, женщина захлопнула за собой дверь и на ощупь заперла. Сердце ее неистово колотилось.

Эрин приложила ладонь к двери, ощущая, как в душе нарастает тревога. «Как же я смогу выйти обратно и не попасться?»

Но она знала, что менять что-либо уже слишком поздно.

Теперь ей оставался только один путь.

Эрин включила фонарик и огляделась по сторонам. Перед ней тянулся длинный тоннель. Свод потолка изгибался на высоте примерно в девять футов от пола, в стенах виднелись ниши. Около двери стоял пыльный дубовый стол, на котором лежали восковые свечи и спички. Эрин взяла несколько свечей и один коробок спичек, но не стала пока зажигать их. Этот запас пригодится ей на тот случай, если в ее фонарике сядет батарейка.

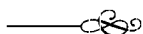
Она вынула из кармана карту. На обратной стороне Христиан начертил схему тоннелей, ведущих в само Святилище. Зная, что пути назад нет, женщина придерживала рукой тяжелую юбку монашеского облачения и шагала вперед. Ей придется пройти не менее мили, прежде чем она достигнет врат Святилища.

От ее поспешных шагов фонарик подрагивал вверх-вниз, его узкий луч метался впереди Эрин, высвечивая входы в боковые тоннели. Она про себя считала их.

Один неверный поворот, и я буду блуждать в этом лабиринте не один день.

Страх заставил ее ускорить шаг. Она спускалась по узким лестницам и все дальше углублялась в путаницу коридоров. Крошечный флакон с кровью Христиана ударялся о ее бедро, напоминая о том, что ценой за знания всегда была кровь. Эту идею вколотили в нее еще в детстве — вколотили в буквальном смысле, когда отец нашел книгу, которую Эрин прятала под матрасом. Грубый голос отца и сейчас еще звучал в ее памяти, перенося ее в далекое прошлое.

— Что произошло с Евой, когда она отведала плод с Древа Познания? — вопрошал отец, возвышаясь над девятилетней Эрин. Его сильные руки — руки фермера — были сжаты в тяжелые кулаки.

Девочка не была уверена, следует ли ей отвечать на его вопрос, и предпочла промолчать. Он всегда сильнее злился на то, что она говорила, чем на ее молчание.

Книга — «Альманах фермера» — лежала открытой на чисто подметенном дощатом полу, свет лампы озарял ее желтоватые страницы. До того дня Эрин читала только Библию, потому что отец сказал, что там содержатся все знания, какие когда-либо понадобятся ей.

Но на страницах альманаха она обнаружила новые знания: когда сажать семена, когда собирать урожай, в какие даты луна пребывает в той или иной фазе. Там даже было несколько шуток, которые и выдали ее падение. Она слишком громко смеялась над ними, и ее застали, когда она сидела под столом, поджав ноги, и читала альманах.

— Что произошло с Евой? — продолжал вопрошать отец, и в его низком голосе прозвучала угроза.

Эрин попыталась защититься, отвечая ему строками из Библии и стараясь держаться как можно скромнее:

— «И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги¹».

— И каково было их наказание? — продолжал отец.

— «Жене сказал: умножая умножу скорбь твою...²»

— И вот урок, который ты получишь от руки моей.

Отец заставил ее выбрать ивовый прут и приказал ей встать перед ним на колени. Повинуясь ему, Эрин опустилась на чисто вымытый матерью пол и стянула через голову платье. Мать сама сшила это платье для нее, и девочка не хотела его запачкать. Эрин аккуратно свернула его и положила на пол рядом с собой. Потом обхватила руками свои замерзшие колени и стала ждать ударов прutom.

Отец всегда заставлял ее долго ждать первого удара, как будто знал, что ожидание боли почти так же тяжело, как сама порка. Спина девочки покрылась мурашками. Уголкем глаза она смотрела на раскрытый альманах и не жалела ни о чем.

Первый удар рассек кожу на спине, и Эрин закусила губы, чтобы не кричать. За каждый крик отец добавит ей ударов.

¹ Быт. 3:7.

² Быт. 3:16.

Он хлестал ее по голой спине, пока кровь не потекла по бокам, впитываясь в ткань нижнего белья. Позже ее заставят оттирать ярко-красные брызги со стен и пола. Но сначала ей придется вытерпеть порку, ожидая, пока отец решит, что она пролила достаточно крови...

Эрин передернуло от этих воспоминаний — в темных коридорах они отчего-то казались еще более ощутимыми. Даже сейчас ее спина горела, словно напоминая о давней боли и преподанном уроке.

Цена знания — всегда кровь и боль.

Еще до того как спина зажила, Эрин пробралась в кабинет отца и втайне дочитала альманах. В одном разделе содержались предсказания погоды. В течение целого года она следила за ними, чтобы посмотреть, действительно ли авторы знали, какой будет погода в тот или иной день. Часто их прогнозы оказывались ошибочными. Так она осознала, что написанное в книгах может быть неправдой.

Даже то, о чем говорится в Библии.

Тогда, в детстве, страх наказания не остановил ее.

И он не остановит меня сейчас.

Быстрыми шагами, но стараясь ступать по каменному полу как можно тише, она наконец достигла двери в Святилище. Это был не главный вход на его территорию, а редко используемый черный ход, через который можно было попасть внутрь неподалеку от библиотеки. Больше всего это было похоже на стену с маленькой нишей, в которой стояла каменная чаша размером не больше чайной чашки или небольшой миски.

Эрин знала, что ей следует сделать.

Тайный ход можно было открыть только кровью сангвиниста.

Она сунула руку в карман и достала стеклянный флакончик, отданный ей Христианом. Внимательно рассмотрела черную кровь, переливающуюся внутри. Кровь у сангвинистов была гуще и темнее человеческой. Она могла двигаться по собственной воле, течь по венам без помощи сокращений сердца. Больше Эрин почти ничего не знала о веществе, которое поддерживало существование сангвинистов и стригоев, однако неожиданно ей захотелось узнать больше, вывести все секреты этой крови.

Но не сейчас.

Она вылила темное содержимое флакончика в каменную чашу, произнося на латыни слова:

— Ибо это есть Чаша Крови Моей, чаша Нового и вечного Завета.

Кровь закружилась в чаше, сама по себе вращаясь спиралью, словно в доказательство своей неестественной природы.

Эрин затаила дыхание. Не отвергнут ли врата кровь Христиана?

Ответ пришел — черная лужица впиталась в камень и исчезла, не оставив ни малейшего следа.

Женщина выдохнула, прошептав завершающие слова:

— *Mysterium fidei*¹.

Она отступила на шаг от глухой стены, сердце колотилось словно бы в горле. Несомненно, любой оказавшийся поблизости сангвинист должен услышать это неистовое биение и понять, что у входа в Святилище стоит живой человек.

Камень тяжело заскрежетал по камню, и перед Эрин медленно открылся проход.

Она сделала шаг в лежащую впереди темноту, вспоминая жестокий урок отца. «Цена знания — всегда кровь и боль».

Да будет так.

Глава 2

*17 марта, 16 часов 45 минут
по центральноевропейскому времени
Кумы, Италия*

Почему я всегда застаю где-то под землей?

Сержант Джордан Стоун полз вперед по узкому тоннелю, упираясь локтями. Камень давил на него со всех сторон, и продвигаться дальше можно было лишь одним способом — извиваясь, как червяк. Земляная крошка, потревоженная его усилиями, сыпалась ему в волосы и попадала в глаза.

По крайней мере я куда-то двигаюсь.

¹ Тайна веры (лат.).

Он протиснулся вперед еще на несколько дюймов.

Из тоннеля впереди его звал и подбадривал громкий голос с сильно выраженным акцентом:

— Ты почти пролез!

Должно быть, это Баако. Джордан явственно вспомнил этого высокого сангвиниста, родом откуда-то из Африки. На прошлой неделе, когда Стоун поинтересовался, из какой именно страны тот прибыл, Баако ответил неопределенно и загадочно: «Как и многие государства Африки, то, где я родился, носило немало именований прежде и, вероятнее всего, будет носить еще больше».

Это был типичный для сангвинистов ответ: исполненный пафоса и, по сути, бесполезный.

Джордан бросил взгляд вперед. Он смутно видел там тусклый свет — обещание того, что этот проклятый тоннель действительно выводит в подземную пещеру. Сержант с удвоенной силой стал пробиваться к этому свету.

Сегодня, несколькими часами раньше, Баако сползал вниз по этому недавно найденному тоннелю и вернулся с известиями о том, что шахта выводит прямоком к святилищу сивиллы. Считанные месяцы назад в этой пещере разыгралась неистовая битва — когда невинного мальчика использовали как жертвенного агнца, дабы открыть врата в ад. Попытка провалилась, а впоследствии сильное землетрясение завалило путь к этому месту.

Сержант продолжал ползти, и еще один голос, с переливчатым индийским акцентом, раздался сзади, потирая его незатейливой шуткой:

— Наверное, тебе не следовало так плотно завтракать.

Джордан оглянулся на Софию — ее тонкий силуэт смутно выделялся во мгле. В отличие от мрачного Баако эта сангвинистка, казалось, всегда готова была над чем-нибудь посмеяться, на ее губах постоянно играла легкая полуулыбка, а темные глаза искрились весельем. Обычно Джордан ценил ее склонность к юмору.

Но не сейчас.

Он потер горящие глаза, пытаясь очистить их от пыли.

— По крайней мере я *хотя бы* завтракаю, — ответил он Софии, потом сжал зубы и продолжил путь, желая поскорее

увидеть собственными глазами то, что осталось от святилища после битвы. После землетрясения власти Ватикана окружили вулканическую гору кордоном. Церковь не могла позволить кому бы то ни было увидеть оставшиеся под землей трупы — особенно тела стригоев и погибших братьев и сестер из Ордена сангвинистов.

Типичная операция «концы в воду».

И, поскольку после того, как армия направила его сюда, ватиканские власти стали его новым начальством, Джордан тоже оказался задействован в этой миссии по сокрытию улики. Но он не жаловался. Это давало ему возможность проводить с Эрин больше времени.

Однако хотя этот факт приводил Стоуна в восторг, какая-то тень, скрывающаяся в глубинах его разума, постепенно заглушала все эмоции. Не то чтобы он больше не любил Эрин. Он любил ее. Она была умна, сексуальна и привлекательна, как никто другой, но эти качества с каждым днем значили для него все меньше. Казалось, вообще все теряет для него значение.

Эрин тоже явно чувствовала это. Джордан часто видел, как она задумчиво смотрит на него, и в глазах у нее то и дело появлялась боль. Если она заговаривала об этом, он спешил развеять ее тревоги, заглушить их шуткой или улыбкой — но все это не затрагивало его сердца.

Что за чертовщина со мною творится?

Он не знал ответа, поэтому делал то, что у него всегда получалось лучше всего: шел вперед, шаг за шагом. Продолжал работать, стараясь отвлечься. В конце концов, все решится само.

Или по крайней мере я на это надеюсь.

Работая здесь, он хотя бы на некоторое время мог оставаться вдали от Эрин, пытаясь заново найти для себя нечто важное, что он, казалось, потерял. Не то чтобы у него было на это много свободного времени. За последнюю неделю они только и делали, что выносили трупы из внешних тоннелей горы, предоставляя яркому итальянскому солнцу испепелить тела стригоев и готовя мертвых сангвинистов к должному погребению. Во время службы в армии Джордану приходилось заниматься медицинской экспертизой, и эти умения сейчас ему оченьгодились.

Особенно теперь, когда был обнаружен тоннель.

Никто раньше, похоже, не бывал в этом таинственном пролазе, а судя по виду стен, ход был выкопан совсем недавно.

Этот факт ставил перед открывателями интересную загадку: был ли лаз вырыт кем-то, кто пробирался вниз, к подземному святилищу, или кем-то, кто прокапывал себе выход наружу?

Ни та, ни другая перспектива не радовала, но Джордану нужно было попасть вниз, чтобы провести расследование.

Наконец он с трудом выкарабкался из тоннеля и распростерся на неровном каменном полу. Баако помог ему встать, подняв на ноги так легко, как будто Стоун был маленьким мальчиком, а не тренированным солдатом ростом в шесть футов.

Маленькая лампа, стоящая на полу пещеры, несколько рассеивала мрак, но Джордан включил налобный фонарик на своей каске. София выбралась из тоннеля и ловким перекатом поднялась на ноги — судя по виду, она ничуть не устала.

— Выпендриваешься, — проворчал Стоун, отряхивая пыль и грязь с одежды.

Ее вечная полуулыбка стала шире. София смахнула короткие пряди черных волос со своих смуглых щек и принялась за поиски. При ее сверхъестественном остром зрении ей не нужны были ни лампа, ни фонарик, чтобы осмотреть помещение.

Джордан позавидовал этому ночному зрению. Размяв затекшую шею, он тоже взялся за осмотр, сделав глубокий вдох. В носу защекотало от запаха серы — но этот запах был не таким сильным, как в прошлый раз, когда Стоун был здесь. Тогда в пещере разразилась битва, и широкая расселина в полу извергала дым и расплавленную серу.

Но сейчас к серному запаху добавился новый.

Знакомый смрад мертвечины.

Джордан заметил трупы нескольких стригоев, валяющиеся справа от него; их тела были изломаны и обожжены, плоть потрескалась и отваливалась кусками. Это зрелище вызывало желание бежать прочь — природный инстинкт, отвращающий от лицезрения столь ужасной бойни, — но долг приказывал Джордану оставаться здесь. Чтобы собраться с духом,

он напомнил себе о том, чему его учили, достал видеокамеру и стал снимать помещение. Действовал без спешки, тщательно следя, чтобы каждый труп попал в кадр, — скорее по привычке, чем ради чего-то еще. Сейчас сержант Джордан Стоун действовал, как полагается действовать на месте преступления сотруднику следственного отдела экспедиционных армейских частей. Он помнил, что ни одна деталь не должна остаться незамеченной.

Джордан двинулся в глубь пещеры, снимая каменный алтарь и стараясь не вспоминать мальчика по имени Томми, который был прикован к этому алтарю, а кровь его текла наземь. Ангельская кровь мальчишки была средством для открытия врат в Преисподнюю, но в итоге отвага того же самого мальчишки помогла закрыть эти врата.

Томми оставил свою отметину и на Джордане, исцелив его касанием длани. Стоун по-прежнему ощущал эту отметину, и с каждым днем она, казалось, пылала все сильнее.

— Ну, — произнес Баако, возвращая его к настоящему, — что скажешь?

Джордан опустил камеру.

— Здесь... здесь кое-что явно изменилось с тех пор, как мы были здесь в прошлый раз.

— И что же? — спросила София, присоединяясь к ним.

Джордан указал на груды мертвых крыс в дальнем углу.

— Их тогда не было.

Баако подошел к куче, поднял один из крошечных трупиков и обнюхал. Джордан с отвращением поморщился.

— Интересно, — промолвил сангвинист.

— И что в этом интересного? — хмыкнул Джордан.

— Из них высосали кровь.

София взяла крысу, самолично изучила ее и подтвердила:

— Баако прав.

Маленькая индианка протянула трупик Джордану, но тот отверг улику.

— Поверю вам на слово. Однако если вы правы, это означает, что кто-то был здесь, внизу, и питался кровью этих крыс.

И это может означать лишь одно...

Джордан опустил руку на рукоять пистолета-пулемета, висящего в кобуре у него на боку. Это был «Хеклер и Кох MP7»,

компактное и мощное оружие, способное выпустить 950 пуль в минуту. Джордан всегда любил этот автомат. А сейчас магазин был вдобавок заряжен серебряными пулями. Кроме того, сержант проверил посеребренный армейский нож, пристегнутый в ножнах к лодыжке.

— Должно быть, один из стригоев выжил в сражении, — предположила София.

Баако оглянулся на тоннель.

— Наверное, он питался крысами, пока не окреп достаточно, чтобы прорыть путь наружу.

— Может быть, это был не стригой, — возразил Джордан, чувствуя, как от неожиданной догадки сердце заколотилось в самом горле. — Помогите мне осмотреть трупы.

София бросила на него непонимающий взгляд, но оба сангвиниста подчинились. Они всматривались в одно мертвое лицо за другим, пока...

— Его здесь нет, — сказал Джордан.

— Кого нет? — нахмурившись, спросил Баако.

Стоун вспомнил лицо бывшего друга, которому он некогда всецело доверял — и который в этой самой пещере предал его доверие.

— Брата Леопольда, — бросил Джордан во тьму и шагнул к тому месту, где каменный пол все еще был испачкан кровью. — Вот здесь Рун пырнул Леопольда. Здесь он упал. Но его тело исчезло.

Взмахом руки Баако обвел помещение.

— Я уже проверил всю пещеру. Землетрясение обрушило все остальные ходы.

Джордан направил луч налобного фонарика на узкий лаз.

— И он прорыл свой собственный.

Сержант закрыл глаза, мысленно видя снова, как Рун дает Леопольду предсмертное соборование, как кровь Леопольда собирается в огромную лужу под телом. Как Леопольд сумел выжить с этой смертельной раной, не говоря уж о том, чтобы найти силы на рытье хода? Эта груда мертвых крыс не могла дать ему достаточного пропитания.

Тот же самый вопрос, должно быть, пришел в голову Софии.

— Длина этого лаза не меньше сотни футов, — произнесла она. — Я не уверена, что даже здоровый сангвинист смог бы прокопаться сквозь такую толщу земли и камня.

Баако опустил на колени рядом с кровавым пятном на каменном полу, прикидывая размер этого пятна.

— Много крови пролито. Этот монах должен был умереть. Джордан кивнул — он пришел к такому же выводу.

— Это значит, что мы что-то упустили.

Он вернулся к тоннелю, осмотрел пещеру, затем начал медленно обходить комнату по мысленно начертанной сетке, ища хоть какое-то объяснение произошедшему. Они сдвигали трупы, проверяя землю под ними. Джордан даже встал на четвереньки и пощупал старую трещину в полу возле подножия алтаря, обнаружив лишь тонкую золотую линию там, где был запечатан разлом.

София присела на корточки рядом с ним и провела смуглой рукой по всей длине трещины.

— Похоже, она надежно закрыта.

— По крайней мере это хорошая новость.

Выпрямляясь, Джордан врезался головой в нижний край алтаря, так, что его каска съехала набок.

— Осторожней, солдат, — предупредила София, пряча улыбку.

Стоун поправил каску. При этом свет налобного фонарика выхватил из темноты за алтарем нечто, похожее на два осколка стекла, зеленых, словно от пивной бутылки.

«Хм-м...»

Джордан натянул тонкие резиновые перчатки и поднял один из осколков.

— Похоже на какой-то кристалл.

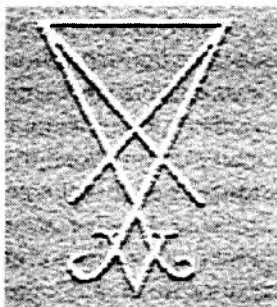
Он поднял осколок повыше. Свет фонаря и лампы отражался от изломов крошечными радугами. Сержант изучил сколотый край, затем положил этот осколок рядом со вторым. Оба куска выглядели так, словно некогда составляли цельный камень размером с гусиное яйцо. Но ныне он был разбит надвое. Джордан приложил осколки друг к другу, отметив, что камень, похоже, был выдолблен изнутри — действительно, как яйцо...

Баако оглянулся через плечо.

— Ты видел это раньше? Быть может, во время боя?

— Насколько я помню, нет, но тогда произошло слишком много всего. — Джордан перевернул загадочный предмет, чтобы осмотреть его с другой стороны. — Взгляните на это.

Затянутым в перчатку пальцем он указал на линии, выгравированные на поверхности кристалла. Они образовывали символ.

Джордан оглянулся на Софию:

— Ты когда-нибудь видела что-то подобное?

— Никогда.

Баако просто пожал плечами.

— С виду чем-то похоже на кубок.

Джордан осознал, что сангвинист прав, однако скорее всего здесь был изображен не совсем кубок.

— Возможно, это потир.

София взглянула на него, скептически приподняв брови.

— Как в строках о Чаше Люцифера?

Теперь уже Стоун пожал плечами.

— По крайней мере это следует изучить.

И я знаю кое-кого, кто будет этим весьма заинтригован.

Джордан сделал на свой мобильный телефон несколько снимков камня и символа, намереваясь переслать их Эрин, как только окажется в зоне приема.

— Мне нужно вылезти наружу и отправить это...

Громкий шорох вновь привлек их внимание к устью лаза. Из мрака на свет появилась какая-то темная фигура. Джордан едва успел заметить клыки — прежде, чем незванный пришелец бросился на него...

Глава 3

*17 марта, 11 часов 05 минут
по восточноевропейскому времени
Сива, Египет*

Боль сожаления кольнула немое сердце Руна Корцы. Он сидел, поджав ноги, у основания высокого бархана и слушал тихий шорох песчинок, скользящих вниз по склону. Его душа наполнялась ощущением глубокого покоя от того, что он пребывал здесь, выполняя труд во имя Господа.

Но даже эта чистота была омрачена тьмой, маячившей на грани восприятия. Рун медленно повернулся в ее сторону, ведомый компасом, таившимся глубоко в его бессмертной крови. Когда он наклонился, ища источник этой тьмы, солнце сверкнуло на серебряном кресте, висящем у него на груди. Черная ткань одеяния скользнула по песку, сметая крошечные его частицы, когда Рун провел ладонью по горячей поверхности пустынной почвы. Его ищущие пальцы ощущали под этой поверхностью семя зла.

Точно ворона, которая охотится за зарывшимся в землю червем, он склонил голову набок, сосредоточив взгляд на одной точке, внешне ничем не отличимой от остального песка. Удостоверившись, что нашел нужное место, достал из своего багажа маленькую лопатку и начал копать.

Несколько недель назад Корца прибыл сюда с отрядом сангвинистов, которому было поручено исполнить эту самую миссию. Но частицы зла, погребенные здесь, грозили взять власть над остальными и полностью поглотить их. В конце концов, Рун заставил свою команду покинуть место раскопок и вернуться в Рим.

Похоже, только он мог выстоять против зла, сокрытого здесь.

Но что это говорит о моей собственной душе?

Он просеивал каждую горсть горячего песка сквозь сито, словно ребенок, играющий на берегу моря. Но это был детский труд. Сито улавливало не камешки и не ракушки. Вместо этого в нем задерживались каплеобразные осколки камня, черного, точно обсидиан.

Кровь Люцифера.

Более двух тысячелетий назад в этих песках разыгралась битва между Люцифером и архангелом Михаилом за юного Христа. Люцифер был ранен, и его кровь капала на песок. Каждая капля пылала нечестивым пламенем, плавя крошечные песчинки и образуя эти отвратительные кусочки стекла. За долгое время, прошедшее с тех пор, они оказались погребены под поверхностью пустыни, и теперь задачей Руна было вновь вынести их на свет.

Из песка показалась единственная черная капля, недвижно лежащая на дне сита. Рун взял эту каплю и несколько мгновений держал в сложенной чашечкой горсти. Она жгла его кожу, но не пыталась совратить его, как это было с другими сангвинистами. В отличие от них Руну не являлись видения, полные кровопролития и ужаса или похоти и соблазнов. Вместо этого разум его был наполнен словами молитв.

Открыв кожаный мешочек, висящий у него на боку, Рун бросил туда черный камешек. Тот ударился о два других — это было все, что удалось добыть за день. Чем дальше, тем мельче были капли, а найти их становилось все труднее. Его работа близилась к завершению.

Рун вздохнул, глядя в необъятный песчаный простор.

«Я мог бы остаться здесь... эта пустыня могла бы стать мне домом».

В лагере его ждала фляга с освященным вином. Больше ему ничего не требовалось. Бернард сообщил, что Руну следует ускорить работу, потому что он нужен в Риме. Так что ему волей-неволей пришлось поторапливаться, хотя он вовсе не желал куда-либо уезжать отсюда.

Впервые за долгие столетия Корца ощущал покой. Несколько месяцев назад он искупил свой тяжелейший грех, когда спас погубленную душу своей бывлой возлюбленной, превратив женщину из стригоя обратно в человека. Конечно, Элисабета — или Элизабет, как она предпочитала зваться теперь — не поблагодарила его за это, напротив, прокляла за то, что он возвратил ей смертность. Но ему и не нужна была ее благодарность. Он искал лишь искупление — и нашел его столетия спустя после того, как оставил всякую надежду...

Рун выпрямился, прервав поиски, и тут его слуха достигло отдаленное мяуканье. Пытаясь не обращать на это внимания, он осторожно завязал кожаный мешочек и стал упаковывать инструменты. Но звук не прекращался — жалобный, полный боли.

Просто какое-то существо, обитатель пустыни...

Корца лез вверх по склону, направляясь в лагерь, но звук преследовал его, царапал слух, разрушал чувство уединения. Он был высоким, словно крик домашней кошки. В душе Руна нарастало раздражение — но к нему примешивалась нотка любопытства.

Что случилось с этим зверем?

Он добрался до своего маленького лагеря и начал прикидывать, как свернуть палатку и убрать оборудование так, чтобы не оставить никаких следов своего пребывания здесь.

Но эти мысли не могли утишить боль, которую причинял его ушам этот крик. Это все равно что слышать царапанье сухой ветки в окно спальни. Чем сильнее пытаешься игнорировать этот скрип и вернуться в сонное забвение, тем громче он становится.

Ему оставалась в лучшем случае одна ночь наедине с пустыней. Если он не сделает что-либо с этим мяуканьем, то не сможет насладиться последними мгновениями покоя.

Корца бросил взгляд туда, откуда доносился плач, сделал один шаг в том направлении, затем другой. И, не успев еще осознать этого, Рун уже бежал по залитому солнцем песку, почти перелетая через барханы. Чем ближе он подбегал, тем громче становился звук, необъяснимым образом влекший его вперед. Какая-то часть рассудка Руна понимала, что есть нечто неестественное в этой погоне и в том, как он ею увлекся, но он все ускорял и ускорял бег.

Наконец вдали он увидел цель. Мяуканье исходило от куста акации, отбрасывавшего длинную тень. Должно быть, пустынное дерево нашло подземный источник воды, и его крепкие корни помогали ему бороться за выживание в этой засушливой земле. Шипастый ствол клонился в одну сторону, подчиняясь неустанно дувшим ветрам.

Задолго до того как Рун оказался вблизи дерева, его обоняния коснулся страшный запах. Даже против ветра он смог

распознать этот смрад, свидетельствовавший о присутствии зверя, превращенного посредством крови стригоя в нечто чудовищное.

Бласфемаре. Беспощадный зверь.

Неужели это зов проклятой крови так неотвратимо гнал его через пустыню? Неужели это зло вызвало к его и так обостренным чувствам — чувствам, усиленным многими неделями поисков оскверненных камней среди песка? Рун замедлил шаг и извлек ножи из ножен, пристегнутых к предплечьям. Солнце сверкнуло на серебряных клинках древних *карамбитов*, изогнутых, словно когти леопарда. Ему понадобятся эти когти, чтобы сразиться с тем, что ждет его впереди. К этому мгновению Рун уже распознал запах своего противника: *анафемский лев*.

Корца обогнул дерево по широкой дуге. Он внимательно всматривался в тень, пока не заметил покрытый желтовато-коричневым мехом холм, полускрытый под навесом ветвей. В своем естественном виде львица, должно быть, была великолепна. Но даже теперь, после искажения, ее величие нельзя было не узреть. Под мехом, ставшим плотным, точно бархат, бугрились неестественно сильные мышцы. Массивная голова покоилась между лапами, и Рун мог видеть морду львицы, красивую и умную.

И все же каждое слабое биение ее сердца несло с собой неизлечимую болезнь.

Подойдя ближе, он заметил черную кровь, запекшуюся на ее плече. Казалось, что мех на ее боках был выжжен широкими полосами.

Рун догадывался, откуда здесь взялась *анафемская* львица — и откуда взялись ее раны. Он вспомнил орды искаженных зверей, сопровождавших армию Иуды во время битвы, разыгравшейся здесь прошлой зимой. Там были шакалы, гиены и небольшая стая львов. Рун полагал, что все эти звери — равно как и стригои — погибли или были рассеяны в конце того сражения, когда по окружающим пескам прошлось священное ангельское пламя.

После этого был послан отряд сангвинистов, чтобы выследить выживших противников, разбежавшихся по пустыне, но, очевидно, эта тварь спаслась и от огня, и от охотников.

Даже раненая, она сумела выжить.

Тварь подняла золотисто-желтую морду и зарычала в его сторону. Ее глаза в тени горели алым — кровь стригоя, осквернившая тело львицы, лишила их истинного цвета. Но это усилие, казалось, истощило еще остававшиеся у несчастной твари силы — ее голова вновь поникла на лапы. Ей оставалось жить уже недолго.

Следует ли мне прекратить ее страдания или дождаться ее смерти?

Рун двинулся вперед, сокращая расстояния между ними и все еще колеблясь в принятии решения. Но прежде чем он сумел сделать выбор, львица рванулась вперед из тени на ослепительный свет солнца. Ее прыжок застал его врасплох. Он сумел откатиться вбок, но острые когти рванули его левую руку.

Рун вновь развернулся лицом к твари, его кровь капала на горячий песок.

Львица угрожающе припала к земле и, встопорщив усы, зашипела. Этот звук оледенил даже бесстрастное сердце Руна. Львица была сильным противником, но она не могла долго оставаться вне тени от дерева. Она все-таки была *бласфемаре* и под прямыми солнечными лучами быстро слабела. Рун сместился так, чтобы встать между ней и древесным укрытием.

Эта угроза встревожила львицу, ее хвост задержался из стороны в сторону, описывая яростную дугу. Она напрягла задние лапы и прыгнула, метя желтыми зубами в шею Руну.

На этот раз Корца принял вызов, бросившись ей навстречу, — он уже знал, что ему делать. В последний миг отвернул в сторону и полоснул серебряным ножом по обожженному плечу львицы, а потом упал и перекатился, стараясь не выпускать ее из виду.

Из пореза хлынула кровь, густая и черная, она пузырилась, точно смола. Рана была смертельной. Рун подался назад, давая львице возможность уйти в тень и умереть там спокойно. Но вместо того она исторгла из груди странный, жуткий вой — и снова кинулась на него, предпочтя тенистому укрытию атаку при ярком свете солнца.

Рун, не ожидавший этого внезапного нападения, двигался слишком медленно. Зубы львицы сомкнулись на его левом запястье и сжались, пытаясь сокрушить его кости. Нож выпал у него из пальцев.

Пытаясь вывернуться из ее схватки, Корца ударил ножом, все еще зажатым в другой руке, и погрузил клинок в глаз львицы. Она взвыла от боли и разжала челюсти, впивавшиеся в его запястье. Рун высвободил руку, потверже уперся ногами в песок и отпрыгнул прочь. Прижимая раненую руку к груди, он замер в ожидании новой атаки.

Но его удар был нанесен точно — львица рухнула на песок. Ее уцелевший глаз смотрел прямо на Руна. Алый блеск угас, уступив место глубокому золотисто-коричневому цвету, прежде чем этот глаз закрылся навсегда.

Перед смертью проклятие покинуло ее, как это и случилось обычно.

— *Dominus vobiscum*¹, — прошептал Рун.

Еще один след скверны был стерт с лица этой земли. Корца повернулся было, чтобы уйти, — и тут до его слуха вновь донеслось жалобное мяуканье.

Он остановился и обернулся, склонив голову, — и услышал негромкое биение еще одного сердца. Из тени выскользнул маленький силуэт и направился к мертвой львице.

Детеныш.

Его шерсть была белоснежной и чистой.

Рун смотрел, потрясенный. Должно быть, львица была беременна и отдала остатки своих жизненных сил, чтобы произвести на свет львенка: последняя материнская жертва. Теперь Корца понимал, почему она не отступила в тень, когда у нее была такая возможность. В предсмертные свои мгновения львица сражалась с ним, чтобы защитить своего детеныша, чтобы увести врага прочь от львенка.

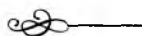
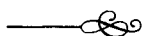
Малыш обнюхивал безжизненное тело матери. Ужас объ-
ял Руна. Если львенок был рожден из ее искаженного чрева, если его питала оскверненная кровь, то он, несомненно, уже появился на свет *беспощадным зверем*.

Я должен уничтожить и его тоже.

Рун поднял нож, оброненный им на песок.

Львенок тыкался носом в морду матери, пытаясь заставить ее подняться. Он жалобно мяукал, точно понимал, что остался сиротой, покинутым всеми.

¹ Господь да пребудет с тобой (лат.).

Подбираясь поближе, Корца настороженно изучал звереныша. Хотя тот ростом был едва ему по колено, но даже такой мелкий *анафемский зверь* может быть опасен. Теперь, вблизи, он заметил на белой шерсти львенка светло-серые пятна, в основном испещрявшие округлый лоб. Должно быть, детеныш родился после битвы, и значит, ему не более двенадцати недель.

Если б Рун не наткнулся на этого львенка, тот умер бы мучительной смертью под солнцем или скончался бы от голода в тени.

Будет благодеянием быстро лишить его жизни.

Рука сангвиниста сжала рукоять карамбита.

Только сейчас почуяв его присутствие, львенок поднял на него взгляд, глаза его сияли на солнце. Он неловко уселся на хвост, и стало ясно, что это самец. Вскинув голову, детеныш громко мяукнул, явно чего-то требуя от Руна.

Их глаза снова встретились.

Корца понимал, чего хочет львенок, — того же, чего жаждут все детеныши: любви и заботы.

Не почувствовав ни малейшей угрозы, Рун со вздохом опустил руку и вложил нож в пристегнутые к запястью ножны. Потом шагнул ближе и опустился на одно колено.

— Иди сюда, малыш.

Корца поманил детеныша к себе и медленно протянул руку ему навстречу. Тот неуклюже шел к нему на растопыренных лапах, несоразмерно больших для его тела. Едва ладонь Руна коснулась теплой шерсти, из горла львенка послышалось мягкое урчание. Он боднул головой протянутую руку Руна и потерся жесткими усами о его холодную кожу.

Рун почесал горло детеныша, отчего мурлыканье стало громче.

Сангвинист поднял взгляд к палящему солнцу, мысленно отметив, что львенок, похоже, не обращает никакого внимания на яркий свет, не причиняющий ему ни малейшего вреда.

Странно.

Рун осторожно поднес львенка поближе к своему носу и внимательно принюхался: запах молока, листьев акации и обычный мускусный запах детеныша льва.

Никаких признаков порчи, свойственной *анафемским зверям*.

Влажные глаза смотрели на него. Их радужная оболочка была карамельно-коричневой, ее обрамлял тонкий золотистый ободок.

Самые обыкновенные глаза.

Усевшись на песок, Рун задумался над этой загадкой. Львенок вскарабкался ему на колени, и он рассеянно почесывал бархатистый подбородок здоровой рукой. Мурлыча, «котенок» положил подбородок на одно колено Руна, принялся и лизнул ткань, пропитанную кровью, которая сочилась из раненого запястья.

— Не надо, — строго сказал Корца, отпихнул голову львенка и попытался встать.

Солнечный луч отразился от серебряной фляжки, пристегнутой к ноге Руна. Львенок напрыгнул на нее, подцепил когтем кожаный ремешок, удерживавший флягу на месте, и начал жевать.

— Довольно.

Маленький лев просто играл, как все дети. Рун оттолкнул упрямое существо и поправил фляжку — и тут осознал, что со вчерашнего дня не выпил ни глотка вина. Должно быть, это из-за слабости он так размяк, глядя на это существо. Нужно подкрепиться, прежде чем принимать решение.

Я должен действовать с позиции силы, а не исходя из сантиментов.

Придя к этому выводу, Рун отстегнул флягу, открыл ее и поднес горлышко к губам. Но не успел он сделать и глотка, как львенок привстал на задние лапы и выбил фляжку у него из рук.

Серебряный сосуд упал на песок, освященное вино выплеснулось из горлышка.

Львенок наклонился и лизнул алую лужицу — он явно испытывал жажду и готов был утолить ее любой жидкостью. Рун застыл, скованный страхом. Если в жилах детеныша течет хоть капля оскверненной крови, святость вина испепелит несчастное создание на месте.

Он оттащил львенка прочь от фляги. Тот оглянулся на него, белоснежная мордочка была запачкана вином. Рун вытер капли тыльной стороной руки. Детеныш, похоже, был здоров и невредим. Корца присмотрелся повнимательнее. В течение

краткого мгновения глазки львенка сияли чистым золотом — сангвинист готов был поклясться в этом. Львенок снова боднул головой колено Руна, а когда вновь поднял на него взгляд, глаза маленького существа вернулись к карамельно-коричневому цвету.

Рун протер собственные глаза, не зная, винить во всем обман зрения или фокусы египетского солнца.

И все же факт оставался фактом: детеныш без малейшего вреда для себя выходил на солнечный свет и лакал освященное вино, и это доказывало, что он вовсе не *бласфемаре*. Быть может, священный огонь пощадил львенка, ибо плод пребывал безгрешным в утробе матери. Возможно, это объясняет, почему львица выжила во время вспышки, ослабев, но сохранив достаточно сил, чтобы произвести на свет эту новую жизнь.

Если Господь пощадил это невинное существо, то как я могу покинуть его теперь?

Приняв это решение, Рун укутал львенка в свою куртку и направился обратно в лагерь. Сангвинистам было запрещено держать *беспощадных зверей*, но ни один указ не препятствовал им заводить обычных питомцев. И все же, шагая через пустыню и слыша, как мурлычет львенок, прижимаясь к его груди, Рун ясно осознавал одно.

Это существо не было *обычным*.

Глава 4

*17 марта, 17 часов 16 минут
по центральноевропейскому времени
Ватикан*

Слова из дантовского «Ада» звучали в памяти Эрин, когда она проходила через двери сангвинистов, чтобы ступить в тайное святилище ордена: «Оставь надежду всяк сюда входящий». Если верить Данте, это предупреждение было начертано над воротами, ведущими в ад.

И здесь они были бы вполне к месту.

Вестибюль, лежащий за дверью, освещался двумя рядами факелов, сделанных из связок камыша. Факелы размещались

вдоль стен через равные промежутки, и хотя они сильно дымили, но давали достаточно света, чтобы озарить длинный холл, так что Эрин могла погасить свой фонарик.

Она прошла вестибюль, отметив, что стены здесь в отличие от базилики Святого Петра не были украшены изящными фресками. Святилище ордена отличалось простотой, почти аскетизмом. Помимо дыма, в воздухе пахло вином и ладаном, точно в церкви.

Холл выводил в большое полукруглое помещение, также ничем не украшенное.

Но тем не менее назвать эту комнату пустой было нельзя.

В голых стенах были вырезаны ровные, одинаковые ниши. В некоторых из них стояли фигуры, которые можно было принять за дивные мраморные изваяния: их руки были сложены в молитвенном жесте, глаза закрыты, лица либо обращены долу, либо воздеты вверх. Но эти статуи могли двигаться — на самом деле это были древние сангвинисты, глубоко погруженные в созерцание и медитацию.

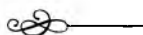
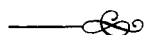
Их называли Затворниками.

Ход, который они с Христианом выбрали, чтобы попасть в Святилище, открывался в святая святых ордена. Эрин решила пройти этим путем, потому что библиотека сангвинистов располагалась в том же крыле Святилища, которое было отведено Затворникам для медитаций. Это имело смысл, ведь такое хранилище знаний полезно иметь под рукой для размышлений и поисков мудрости.

Эрин ступила на порог большого зала и остановилась. Несомненно, Затворники должны были почувствовать, что поблизости открылась дверь, должны были услышать учащенное биение сердца незваной гостьи, — но ни одна из фигур в нишах не шевельнулась. По крайней мере пока.

Женщина подождала еще несколько мгновений. Христиан сказал ей, что нужно дать древним сангвинистам время, дабы привыкнуть к ее присутствию и решить, что они будут делать. Если они не захотят пустить ее в обитель, то не пустят.

Эрин смотрела на сводчатый дверной проем в дальнем конце зала. Если верить карте, он был входом в библиотеку. Почти не осознавая этого, женщина двинулась в ту сторону. Она

ступала медленно — не ради того, чтобы двигаться бесшумно, но единственно из уважения к тем, кто окружал ее.

Ее взгляд скользил вдоль стен, ожидая, что вот-вот чья-нибудь рука поднимется, чей-нибудь хриплый голос окликнет ее. Эрин рассеянно отметила, что некоторые из недвижимых фигур носили облачение орденов, давно уже не существующих во внешнем мире. Она рисовала в воображении те древние времена, пытаясь представить безмолвных, погруженных в размышления Затворников в облике воителей Церкви, какими они некогда были.

Ведь все они некогда были живыми созданиями, как и Рун.

Корца намеревался застыть в одной из этих ниш, он был уже готов отстраниться от внешнего мира, но именно тогда пророчество призвало его на поиски Кровавого Евангелия, и он присоединился к ней и Джордану в этой долгой миссии — дабы найти средство остановить грядущий апокалипсис. Однако временами в глазах темного священника Эрин замечала усталость от жизни в этом мире, от груза всех тех кровопролитий и ужасов, через которые Руну пришлось пройти.

Грейнджер начала понимать эту муку в его взоре. Слишком часто она сама в последнее время просыпалась от собственного крика, теснящегося комом в горле. Жуть, которую ей довелось узреть, бесконечной петлей повторялась в ее кошмарах: солдаты, разорванные на куски яростными зверями... ясные серебристые глаза женщины, которую Эрин застрелила, дабы спасти жизнь Руна... дети-стригои, умирающие в снегу... светлый мальчик, падающий на острие меча...

Слишком многим пришлось пожертвовать в этом поиске.

И он был еще не завершен.

Эрин пристально смотрела на недвижимые статуи.

«Рун, воистину ли ты искал мира или же просто хотел укрыться здесь, под землей? Если бы я могла, сокрылась бы я от мира здесь, погрузившись в тишину и поиск мудрости?»

Тихонько вздохнув, она продолжила свой путь через обширный зал. Затворники словно не замечали ее присутствия — никто из них даже не шевельнулся. Наконец Эрин дошла до арки, ведущей в непроглядно темную библиотеку. Пальцы женщины коснулись было фонарика, но вместо этого она достала свечу, которую сунула в карман у входа в Свя-

тилище, зажгла фитилек от одного из ближайших факелов и переступила порог библиотеки.

Когда Эрин подняла свечу повыше, мерцающий свет озарил шестиугольное помещение, вдоль стен которого тянулись полки с книгами и стояли подставки для свитков. Здесь не было никаких сидений, не было светильников для чтения — ничего, что указывало бы на необходимость потакать человеческим нуждам. Идя через комнату при свете свечи, Эрин чувствовала себя так, словно перенеслась назад во времени. Улыбнувшись этой мысли, она сверилась с картой. Маленькая арка слева вела в другое помещение. Средневековый картограф отметил, что в той комнате хранятся самые древние тексты, собранные сангвинистами. Если и существовало некое знание о падении Люцифера и его заточении в ад, то поиски следует начинать именно оттуда.

Эрин прошла в арку и обнаружила еще одну шестиугольную комнату. Она представила себе план этой библиотеки, вообразила, как такие же комнаты примыкают одна к другой, образуя некое подобие пчелиного улья. Только сокровищем, запечатанным здесь, были не золотистые капли меда, а древние знания. Эта комната была такой же, как первая, но здесь было больше свитков, чем книг. У одной стены даже виднелась пыльная полка с медными и глиняными табличками — судя по виду, это собрание текстов было поистине древним.

Однако не вид этих табличек, созданных в невероятной глубине веков, заставил Эрин замереть.

В центре комнаты возвышалась фигура, покрытая слоем пыли, но, как и Затворники, это не была статуя. Хотя сангвинист стоял спиной к Эрин, она знала, кто это. Один раз она уже смотрела в его глаза, черные, словно маслины, и слышала его глубокий низкий голос. Тогда, в недавнем прошлом, несколько слов, сорвавшихся с этих мертвенно-бледных губ, изменили все. Это был основатель Ордена сангвинистов, человек, который некогда считался святейшим из святых среди своих братьев, тот, кто умер и был воскрешен из мертвых рукой самого Христа.

Лазарь.

Эрин склонила голову, не зная, что еще ей делать. Она стояла так словно бы целую вечность, чувствуя, как стучит в ушах кровь.

Но Лазарь оставался недвижим.

Наконец, поняв, что он ни единым словом не возражает против ее вторжения, Эрин сделала глубокий прерывистый вдох и миновала его застывшую фигуру. Она по-прежнему не понимала, что ей следует предпринять. Она пришла сюда с некой четкой целью, и пока никто не остановит ее, она должна придерживаться задуманного плана.

Но с чего начать?

Женщина обыскала полки и подставки. Понадобились бы века, чтобы перевести и прочесть все, что здесь можно было найти. Растерянная и ошеломленная, Эрин повернулась к одинокой фигуре в центре комнаты — к тому, кого с некоторой долей вероятности можно было назвать здешним библиотекарем. Огонек свечи отражался в его открытых темных глазах.

— Лазарь, — прошептала женщина. Даже его имя прозвучало слишком громко для этого места, но она нашла в себе силы продолжить: — Я пришла, чтобы найти...

— Я знаю. — При этих словах с его губ осыпалась пыль. — Я ждал.

Он плавно воздел руку, подняв в воздух новое облачко пыли. Длинный палец указал на глиняную табличку, лежащую близ края полки. Эрин подошла и взглянула на табличку. Та была размером не больше карточной колоды, красновато-коричневого цвета. Поверхность ее покрывали строки значков.

Эрин осторожно взяла табличку и изучила ее: надпись была на арамейском, языке, который женщина хорошо знала. Она прочла первые несколько строк. В них рассказывалась знакомая история: появление змея в Эдемском саду и его разговор с Евой.

— Из Книги Бытия, — пробормотала Эрин себе под нос.

Согласно большинству толкований, этот змей был самим Люцифером, явившимся, чтобы соблазнять Еву. Но эта запись, судя по всему, гласила, что змей был просто еще одним из животных, обитавших в саду, просто более умным, чем другие.

Эрин поднесла свечу поближе к самому существенному эпигрфу, относящемуся к змею, и по слогам произнесла вслух на древнем языке:

— Хок-ма́.

У этого слова было несколько истолкований: «мудрый», «умный» или даже «хитрый» либо «коварный».

Продолжая перевод записи на табличке, Эрин обнаружила, что эта история во многом сходна с той, что описана в Библии короля Иакова. В этом изложении Ева отказалась есть плод, сказав, что Бог предупредил ее: она умрет, если ослушается. Но змей возразил, что Ева не умрет, а, напротив, обретет знание — познает добро и зло.

Эрин чуть слышно вздохнула, осознав, что в этой истории змей оказался более правдивым, чем Бог. Ведь в итоге Адам и Ева не умерли, отведав плод, но, как и предсказывал змей, обрели знание.

Она отмела эту подробность как несущественную, ее куда больше заинтересовала следующая строка. Это было уже что-то совсем новое. Эрин произнесла перевод вслух, свеча трепетала в ее руке:

— «И молвил змей женщине: “Поклянись истинной клятвой, что возьмешь сей плод и разделишь его со мною”».

Эрин прочла это предложение дважды, дабы убедиться, что перевела его верно, затем стала читать дальше. В следующем стихе Ева дала обещание, что поделится плодом со змеем. Но продолжение истории было таким же, как в Библии: Ева съела плод, разделив его с Адамом, и они были прокляты и изгнаны из Рая.

В памяти Эрин эхом отдались слова отца.

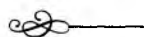
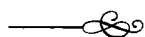
Цена знания — всегда кровь и боль.

Эрин прочла всю табличку заново.

Если верить этой записи, то Ева нарушила клятву, данную змею, и не поделилась с ним плодом.

Грейнджер задумалась о смысле истории. Зачем вообще змею понадобилось заполучить это знание? Во всех прочих библейских историях животных совершенно не заботят какие-либо знания. Быть может, этот дополненный рассказ все же поддерживает версию о том, что змей в саду был замаскированным Люцифером?

Эрин встряхнула головой, пытаясь найти в этом какой-то смысл, вычленив некое значение. Она оглянулась на Лазаря, надеясь, что он ей что-нибудь подскажет.

Но тот молчал, лишь смотрел на нее.

Прежде чем Эрин успела задать ему вопрос, она услышала звук, донесшийся откуда-то из-за пределов библиотеки, — тяжелый скрежет камня.

Она бросила взгляд в ту сторону. «Должно быть, кто-то открыл ближнюю дверь, ведущую в зал Затворников».

Женщина взглянула на часы. Христиан предупреждал ее, что священники-сангвинисты ухаживают за Затворниками, принося им причастное вино. Но он не знал, в какие часы и как часто они приходят туда. Эрин рассчитывала на некоторое везение.

И оно только что закончилось.

Как только священники подойдут ближе, они услышат ее сердцебиение, и ее маскировка будет раскрыта. Эрин молилась лишь, чтобы Бернард не слишком сурово обошелся с Христианом и сестрой Маргарет.

Она положила табличку обратно на полку и повернулась, готовая принять все последствия своего вторжения в запретное место. Но тут Лазарь подался вперед и задул ее свечу. Вздвогнув, Эрин отшатнулась. Библиотека погрузилась во мрак, озаренный лишь отблесками факелов из главного зала.

Лазарь положил холодную ладонь на плечо женщины и сжал пальцы, словно упреждая ее сохранять молчание. Потом повел ее вперед, так, чтобы она могла выглянуть через дверной проем в зал Затворников.

Древние сангвинисты зашевелились. Шелестела ткань, пыль опала со старинных одеяний.

Лазарь, стоящий рядом с Эрин, вдруг запел. Это был гимн на староеврейском языке. Затворники в зале подхватили его песнь. Страх Эрин утих, унесенный прочь звучанием их голосов, вздымавшихся и опадавших в ровном ритме, словно волны, набегающие на морской берег. Вместо страха ее душу наполнило изумление.

На дальней стороне зала показалось несколько фигур. Священники-сангвинисты, одетые в черное, вошли в помещение, неся с собой сосуды с вином и серебряные чаши, и уставились на Затворников, приоткрыв рты от удивления. Подобное хорошее пение явно было чем-то необычным.

Лазарь отпустил плечо Эрин, напоследок еще раз ободряюще сжав пальцы. Женщина поняла: Лазарь и остальные Затворники защищали ее. Их пение должно было заглушить стук ее сердца. Грейнджер стояла недвижно, надеясь, что эта уловка сработает.

Молодые священники приступили к своим обязанностям, поднося чаши к губам Затворников — но губы эти не касались вина, и пение не смолкало ни на миг. Сангвинисты обменялись встревоженными взглядами, в которых явно читалось замешательство. Потом попытались снова, но так же безрезультатно. Глубокие сильные голоса только зазвучали громче.

В конце концов священники сдались и ушли прочь, покинув зал. Эрин услышала, как заскрежетала, затворяясь, дверь в дальнем конце коридора — и только тогда гимн умолк.

Лазарь повел ее в освещенный факелами зал. Затворники вновь замерли в своих нишах, немые и недвижные. Эрин и Лазарь шли к выходу. Она повернулась к своему проводнику и протестующе произнесла:

— Но я же ничего не узнала! Я не знаю даже, как найти Люцифера, не говоря уже о том, как восстановить его кандалы!

Лазарь ответил отстраненным тоном, словно беседовал не с нею, а сам с собою:

— Когда Люцифер предстанет пред тобою, сердце твое поведет тебя верным путем. Ты должна исполнить завет.

— И как же мне найти его? — спросила Эрин. — И о каком завете ты говоришь? О пророчестве из Кровавого Евангелия?

— Ты знаешь все, что можешь знать, — отозвался он, и голос его был еще более далеким. — Путь будет открыт, и ты проследишь по нему.

Эрин хотела вытрясти из него побольше ответов, даже повернулась и сделала шаг к нему. Вопросы теснились у нее в голове, но она задала вслух только один, самый важный:

— Получится ли у нас?

Лазарь закрыл глаза и ничего не ответил.

Глава 5

*17 марта, 17 часов 21 минута
по центральноевропейскому времени
Рим, Италия*

«Я должен освободиться...»

Сознание Леопольда тонуло в море черного дыма. Будучи сангвинистом, он привык к боли — вечному жжению серебряного креста на груди, резкой боли от освященного вина, льющегося в горло, — но эта боль была ничтожной по сравнению с теперешними мучениями.

Погруженный в темный дымный колодец, он потерял себя и не чувствовал окружающего мира. Эта черная пелена отняла у него даже ощущение собственного тела.

Кто мог знать, что отсутствие боли и любых чувств вообще может стать худшей из пыток?

Но куда более страшными были те мгновения, когда тьма отступала и он обнаруживал, что снова взирает на мир собственными глазами. Слишком часто эти глаза видели ужас и кровь, но даже эти краткие просветы в бесконечной тьме были желанными. В эти мгновения Леопольд пытался вобрать в себя как можно больше жизни, прежде чем демон, захвативший его тело, вновь оттеснит его вглубь. Но, как ни старался держаться, продлить эти мгновения он не мог. И в итоге надежда оказывалась куда более жестокой, чем любые мучения.

«Лучше просто оставить все как есть, позволить пламени моей души кануть в это ничто, стать дымом, присоединившись к тем, что были до меня».

А он знал, что до него были и другие. Время от времени клубы дыма прокатывались сквозь него, неся с собой вспышки иных жизней: видение любимого лица, боль от удара кнута, смех ребенка, бегущего сквозь заросли клевера...

«И это все, чем станет моя жизнь? Ключьями, летящими по ветру?»

И когда Леопольд представил себе этот ветер, окружающая тьма разорвалась, словно ее сдуло ураганом. Он обнаружил себя в постели, а под собой — обнаженное женское тело. Алая струйка струилась по шее женщины, стекала между грудей,

пятная висающий там медальон. Глаза женщины, зеленые, словно листья дуба, смотрели на Леопольда. Они были широко раскрыты от ужаса и боли и умоляли его отпустить ее.

Задохнувшись, он отвел взгляд и увидел роскошно обставленную комнату. Плотные серебристые занавеси на окнах были задернуты, чтобы не пустить внутрь солнечный свет, но он знал, что скоро можно будет открыть их. Вечное ощущение времени, внутренние часы, которыми был наделен любой сангвинист, подсказывали ему, что до заката осталось менее часа.

На холодном мраморном полу по обе стороны кровати лежали другие тела, нагие и недвижные. Леопольд насчитал девять.

«Должно быть, сидящий во мне демон был голоден».

Но не только демон был причастен к этому.

В помещении присутствовали еще полдюжины стригоев; некоторые из них были погружены в вялость и дрему, другие продолжали пировать на крови жертв. Опыняющий запах крови висел в воздухе, соблазняя Леопольда присоединиться к этой бойне. Но он чувствовал, что его желудок полон.

«Быть может, поэтому мне и удалось вырваться, пусть даже на краткий миг».

Он намеревался воспользоваться этим.

Леопольд приподнялся над телом женщины, продолжая одной рукой сжимать ее плечо. Она в ужасе съежилась, сердце ее трепетало, словно подбитая птица. Демон выпил из нее слишком много жизни. Леопольд уже не мог спасти ее — но, возможно, мог освободить, чтобы дать ей умереть в мире. Собрав все силы, он заставил разжаться один свой палец, потом второй, приказывая своей руке повиноваться.

На лбу его от усилий выступил пот, но ему удалось отпустить ее плечо. Не в состоянии заговорить, он кивнул, давая понять, что ей нужно уйти.

Дрожа, она взглянула на свое плечо, потом снова на него.

Свет свечи играл в ее зеленых глазах, напоминая Леопольду об иных вспышках изумрудного блеска. *Зеленый алмаз*. Бессильный гнев охватил его. Одна только мысль об этом камне поразила его тело онемением, сделав любую попытку пошевелиться еще более трудной.

«Я своими руками навлек на себя злой рок — и на многих других».

Ему было приказано разбить этот нечистый камень — приказано хозяином, который, как верил Леопольд, мог вернуть Христа в этот мир. Но вместо этого, разбив камень, Леопольд выпустил на свободу демона. Он помнил, как ледяная мгла истекала из разбитого алмаза и вторгалась в его тело, принося с собой чужие голоса, видения чужих жизней. Вскоре он потерялся во всем этом, оглушенный какофонией голосов — но одно имя звучало громче других.

Легион.

Это было имя той тьмы, что душила его, имя того демона, что поглотил его. С того самого мгновения Леопольд то возвращался к осознанию себя, то снова погружался во мрак.

Но сколько это длилось?

Он не мог сказать. Он лишь точно знал, что демон, похоже, призывает к себе других, намереваясь собрать армию стригоев.

С огромным усилием Леопольд поднял руку к лицу. Женщина поползла прочь, путаясь в простынях. Он не обращал на нее внимания — столь велико было его потрясение. Прежде белая рука его теперь была черной, точно чернила. Леопольд повернул голову и увидел на стене зеркало. Там отражалось его нагое тело, подобное скульптуре из черного дерева.

Леопольд закричал, но ни звука не вырвалось из его губ.

Женщина упала с кровати, потревожив одного из дремавших стригоев. Монстр зашипел, разбрызгивая кровь из пасти. Когда он вскинулся, Леопольд узрел на его голой груди, в самой середине ее, черный отпечаток ладони, подобный клейму или татуировке, — но от этой черноты несло скверной и злом, и этот запах был сильнее даже, чем смрад стригоя, помеченного зловещим знаком.

И хуже всего... эта чернота была одного цвета с новым оттенком кожи Леопольда.

Но это еще не все.

Леопольд вытянул руку, выпрямил пальцы и уставился на них, осознавая весь ужас.

«Эта отметина на груди твари того же размера и формы, что моя ладонь».

Должно быть, демон пометил этого стригоя, как принадлежащего ему, — и, вероятно, тем самым поработил его так же надежно, как Леопольда.

Стригой схватил женщину, развернул ее лицом к себе и перегрыз ей горло.

Прежде, чем Леопольд успел вмешаться, тьма снова окружила его и унесла обратно в это дымное море, избавив его от лицемерия терзаемой монстром женщины. И на этот раз Леопольд не сопротивлялся, он был рад, что больше не видит ужаса, творящегося в этой комнате. Но, погружаясь в ничто, он оставил всякую надежду на избавление.

Вместо этого его наполняло новое желание.

«Я должен найти способ заплатить за свои грехи...»

Но вместе с осознанием этой цели в его гаснущем сознании возник неотвязный вопрос, который мог оказаться действительно важным: «Почему именно сейчас мне было позволено освободиться так надолго? Что могло отвлечь внимание демона?»

17 часов 25 минут

Кумы, Италия

«Черт, до чего шустрый мерзавец...»

Джордан вскинул свой пистолет-пулемет и трижды выстрелил в нападавшего, выскочившего из тоннеля. Пули ударились о каменную стену, пролетев мимо цели.

«Снова промазал...»

Судя по клыкам, это явно был стригой, но Джордан никогда прежде не видел ни одного, способного двигаться так. Только что эта тварь была здесь, а долю секунды спустя уже оказалась в другом конце комнаты, словно телепортировалась. Баако и София в буквальном смысле слова прикрывали спину Джордана. Все трое заняли круговую оборону, плечом к плечу. Баако выставил вперед длинный африканский меч, а София держала пару кривых ножей. Стригой, уже переместившийся за алтарь, шипел на них. Длинный порез тянулся через его грудь. Эту рану Баако нанес ему, когда монстр впервые кинулся на них, — тем самым сангвинист спас жизнь Джордану. Увы, это был единственный их удар, достигший цели.

— Он пытается измотать нас, прежде чем убить, — сказала София.

— Значит, пора выбрать новую стратегию.

Джордан вскинул пистолет, но, нажимая на спуск, сместил прицел вбок и выстрелил в пустоту, ожидая, что стригой снова отпрыгнет. Тот так и сделал — напрямик на линию огня.

Визг перекрыл даже грохот выстрела. Стригой отлетел назад, кровь брызнула на стену.

«Повезло, надо будет добавить себе балл на доске счета».

Стригой отпрянул прочь, двигаясь так быстро, что фигура его размывалась в неясное пятно. Джордан водил стволом из стороны в сторону, но тут, появившись словно бы ниоткуда, холодные руки схватили его, сбили с ног и отшвырнули к стене. Еще в воздухе Джордан выхватил нож из ножен, пристегнутых к лодыжке, и приготовился сражаться.

К сожалению, монстр тоже вооружился — отбрасывая Джордана, он одновременно выхватил у Баако меч. Когда они вместе оказались у стены, стригой вонзил клинок прямо в живот Джордана. Сержант рухнул на колени, хрипя от боли.

Баако и София мгновенно кинулись ему на помощь. Широко взмахнув ножом, София отсекала монстру руку с мечом. Вторым своим клинком она вспоролла брюхо стригоя от паха до горла. Холодная черная кровь брызнула на лицо Джордана.

Но он смотрел вниз, на меч, все еще торчащий из его тела.

«Вы малость опоздали, ребята».

17 часов 28 минут

Рим, Италия

Боль рассеяла тьму, окружавшую Леопольда, вновь вернув его во внешний мир, в ту же залитую кровью комнату. Он схватился за живот, ожидая ощутить под пальцами вспоротую плоть и вываливающиеся внутренности. Но вместо этого нащупал лишь гладкую кожу и округлое брюшко, все еще полное крови после недавней трапезы демона.

Леопольд потерял свой обнаженный живот, по-прежнему чувствуя отголоски этой боли.

Он видел перед собой все ту же забрызганную кровью комнату, что и в прошлое пробуждение, — но на нее накладывалось призрачное видение другого помещения: темной пещеры с алтарем посередине.

«Я знаю, что это за место».

Это было святилище сивиллы, сокрытое в сердце вулкана в Кумах — то самое место, где Леопольд выпустил в мир демона по имени Легион.

«Но каким образом мне явилось это видение?»

Он как будто наблюдал за происходящим в святилище чьи-то глазами. Он видел, как когтистые руки вскинулись, хватаясь за живот, из которого текла густая черная кровь и вываливались петли кишок. Но он не просто разделял видение с тем, кто находился в пещере, — он чувствовал и его боль.

Потом тот далекий наблюдатель рухнул на бок. Должно быть, это был стригой, один из огромной армии Легиона, поработанный демоном. Леопольд вспомнил черное клеймо на груди одного из стригоев, находящихся здесь, в этой комнате.

«Может ли быть так, что эта отметина служит в некотором роде физической связью? Оборвется ли эта связь, когда тварь умрет?»

Вокруг него сгущался черный дым, готовясь увлечь его прочь. Но Леопольд продолжал видеть происходящее в подземном святилище глазами умирающего стригоя — эта связь не разорвалась. Тварь обводила взглядом пещеру, словно ища какой-нибудь способ спастись.

Но вместо этого его взгляд упал на алтарь, сосредоточившись на двух половинках изумрудно-зеленого камня.

«Тебя послали забрать эти осколки оттуда?»

Где-то в глубине своей одержимой души Леопольд ощущал это стремление, исходящее от Легиона. Леопольд смутно припоминал, как прокапывал ход из святилища. Демон придал его телу невероятную силу, он тоже хотел вырваться из этой горы, освободиться из этой темницы, состоящей из вулканического камня. Будучи много столетий заточенным внутри самоцвета, демон просто не мог больше ни мгновения находиться в неволе — и в спешке забыл прихватить с собой камень.

«Но зачем этот алмаз нужен ему?»

Камень ярко сиял на алтаре, словно насмехаясь над неудачей Легиона. Но глаза стригоя уже начали стекленеть, взгляд его затуманивался, в его теле почти не осталось жизни. На миг взор его сместился в сторону, туда, откуда доносился смутный шум. Сначала умирающий стригой увидел чьи-то ноги, затем

мужчину, стоящего на коленях на каменном полу, и меч, торчащий у него из живота.

Посредством связи со стригом Леопольд заглянул в синие глаза раненого.

Узнавание пронзило его, словно молния.

«Джордан...»

При этой мысли Легион зашевелился вновь, разрывая связь со стригом, умиравшим в той пещере. Тьма снова забурлила внутри Леопольда, и он ощутил, как внимание демона переключается на него. Леопольд чувствовал, как тот роется в его воспоминаниях, и из всех сил попытался скрыть то, что ему было известно о Джордане и об остальных.

Но это ему не удалось.

Падая в ничто, он ощутил, как его губы шевельнулись, услышал свой собственный голос — но не Леопольд, а Легион произнес другое имя Джордана, его истинное имя.

— Воитель Человеческий...

«Святой Боже, что я натворил?!»

Леопольд ринулся прочь по единственному пути, который на несколько кратких вдохов еще был открыт для него, по рвущейся нити этой связи.

17 часов 31 минута

Кумы, Италия

Джордан, распростертый в луже собственной крови, смотрел в потолок пещеры. Баако своими сильными ладонями зажимал рану на животе Джордана, а София вытаскивала из этой раны длинный меч. Сержант едва ощутил, как окровавленное лезвие вышло из его плоти. Тело его как-то странно онемело и замерзло, отчего кровавая лужа казалась горячей.

Баако склонился над ним, ободряюще улыбаясь.

— Мы перевяжем тебя и по-быстрому доставим в Рим.

— Ты... скверный лжец, — выдавил Джордан.

Они не смогут дотащить его через этот лаз живым с такой дырой в животе. Он сомневался, сумеют ли они донести его даже до устья тоннеля.

Подумав об этом, Стоун вспомнил Эрин и словно наяву увидел ее улыбку, ее смеющиеся карие глаза. Потом пришли

другие воспоминания: локон влажных белокурых волос, прилипший к ее щеке, купальный халат распахивается и падает с плеч, обнажая ее теплое тело...

«Я не хочу умирать в этой норе, так далеко от тебя».

Если уж на то пошло, он вообще не хотел умирать.

Он желал, чтобы Эрин сейчас была здесь, взяла его за руку, сказала бы, что все будет в порядке — пусть даже это не так. Он хотел в последний раз увидеть ее, сказать ей, что любит ее, убедить ее в том, что это правда. Он знал, что она боится любви, считая, что та не продлится долго, а растает и утечет прочь, точно снег весной.

«И теперь моя смерть докажет, что это действительно так».

Джордан стиснул твердое запястье Баако.

— Скажи Эрин... я всегда буду любить ее.

Баако продолжал зажимать его рану.

— Ты сам сможешь ей это сказать.

— А моя семья...

Их тоже нужно будет известить. Мать будет вне себя от горя, сестры и братья будут горевать по нему, а племянники и племянницы через несколько лет почти позабудут о нем.

«Надо было почаще звонить маме».

То ослабление эмоций, которое он ощущал в последнее время, распространялось не только на Эрин, но и на родных тоже. Он чувствовал себя отрешенным от них всех.

Джордан стиснул зубы, не желая умирать вот так глупо, ни за что, даже не ради общего блага. Но растекающаяся лужа крови свидетельствовала о том, что его раненому телу нет дела до его будущих планов — жениться, обзавестись детьми, постареть и сидеть в кресле-качалке на веранде, наблюдая, как растет пшеница в поле.

Он повернул голову — София в этот момент как раз проверяла, жив ли еще напавший на них стригой.

«По крайней мере я выгляжу не так хреново, как этот чувак».

Стригой еще не умер, но этого оставалось ждать недолго. Странно, но глаза твари смотрели прямо на Джордана. Потом бескровные губы шевельнулись, словно в попытке что-то сказать.

София склонилась ниже, изогнув одну бровь.

— Что это?

Стригой с хрипом втянул в себя воздух и с хорошо знакомым Джордану акцентом выдавил:

— Джордан, *mein Freund*¹... прости.

София отдернула руку от тела твари. Джордан тоже был потрясен.

«Леопольд!»

Но каким образом?

Стригой содрогнулся и замер недвижно.

София выпрямилась и покачала головой. Тварь была мертва, и никаких объяснений от нее получить уже не удастся. Джордан пытался понять произошедшее, но мир вокруг выцветал по мере того, как кровь уносила из его тела остатки жизни. Он чувствовал, как падает куда-то, как комната с алтарем отдаляется, но он погружался не во тьму, а в невероятное сияние. Джордану хотелось закрыться от него рукой, но оно разгоралось все ярче, обжигая его. Он зажмурился, но это не помогло.

Подобный свет уже обжигал его ранее — в юности, когда в него ударила молния. Джордан пережил этот удар, но молния оставила на его теле свою метку — сложный ветвистый шрам на плече и верхней части груди. Такие странные извилистые узоры именовались «фигурами Лихтенберга», а иногда «грозовыми цветами».

Теперь вдоль этих шрамов бежали линии жидкого огня, заполняя их — и продолжая течь дальше. Горячие волоски тянулись все дальше, прорастали в живот и взрывались там жгучей болью. Огонь ворочался в чреве Джордана, словно живое существо.

Вот так на самом деле ощущается смерть?

Но он не чувствовал, что слабеет. Напротив, у него неожиданно стало прибывать сил.

Стоун сделал глубокий вдох, потом другой.

Комната постепенно снова проявилась перед его взором. Казалось, все осталось, как и было. Он по-прежнему лежал в луже своей стынувшей крови, а Баако продолжал зажимать ладонями его рану.

¹ Мой друг (нем.).

Джордан встретился взглядом с полными тревоги глазами африканца и нажимом пальцев дал понять, чтобы тот убрал руки.

— Кажется, я в порядке.

Более чем в порядке.

Баако сместил ладони и посмотрел на то место, где меч вонзился в тело Джордана. Потом взмахом жестких пальцев стер с кожи сержанта кровь — и с губ сангвиниста сорвался удивленный свист.

София подошла к ним.

— В чем дело?

Баако оглянулся на нее.

— Кровотечение прекратилось. И могу поклясться, что рана закрывается.

София тоже осмотрела Джордана, но на ее лице вместо облегчения появилась тревога.

— Ты должен был умереть, — без обиняков сказала она, указав на разлитую по полу кровь. — Ты получил смертельную рану. Я немало навидалась их за века своей жизни.

Джордан оперся руками о пол и сел.

— Мне и раньше доводилось считаться мертвым. А один раз я действительно умирал... Нет, два раза. Но кто будет за этим следить?

Баако выдохнул.

— Ты исцелился, точно как говорилось в книге.

София процитировала Кровавое Евангелие:

— *Воитель же Человеческий так же нерасторжимо связан с ангелами, коим обязан своей брэнной жизнью.*

Баако похлопал Стоуна по плечу:

— Похоже, эти ангелы по-прежнему присматривают за тобой.

«Или они все еще никак от меня не отстанут».

София снова оглянулась на мертвого стригоя:

— Он знал твое имя.

Джордан, благодарный за то, что она сменила тему, вспомнил последние слова, произнесенные этими мертвыми губами: «Джордан, *mein Freund*... прости».

— Этот голос... — сказал сержант. — Честное слово, это был голос брата Леопольда.

— Если ты прав, — промолвила София, — то это чудо может подождать. Мы должны доставить тебя к медикам в наш лагерь.

Джордан расстегнул свою рубашку. От раны уже остался лишь клейкий шрам. Стоун был уверен, что через несколько часов исчезнет и эта отметина. И все же он помнил, как меч пронзил его, и это воспоминание заставило его задаться новым вопросом:

— Кто-нибудь из вас когда-либо видел, чтобы стригой двигался так быстро?

Баако посмотрел на Софию, словно считая, что ее опыт больше, чем у него.

— Никогда, — ответила женщина.

— Он был не просто быстрым, — дополнил Баако, — но и сильным тоже.

София подошла к мертвой твари, перекатила ее на спину и стала сдирать одежду убитого монстра. Туловище его украшали три пулевых отверстия. Джордан очень удивился тому, что вообще попал в стригоя. Когда София сняла с мертвого тела рубашку, сержант изумленно выдохнул.

На бледной груди стригоя был выжжен черный отпечаток ладони. Джордан видел подобный и раньше — на шее Батории Дарабонт. Та отметина связывала ее с ее бывшим хозяином, клеймила Дарабонт как его собственность.

И наличие такого же клейма на теле этого стригоя могло означать только одно.

— Кто-то послал эту тварь сюда, под землю.

17 часов 28 минут

Рим, Италия

Имя мне Легион...

Он стоял перед зеркалом с серебряной подложкой, рассматривая себя, полностью вернувшегося в свой плотский «сосуд», — ему нужно было сосредоточиться после частичного пребывания в той мрачной пещере. Зеркало отражало ничем не примечательное тело: слабые конечности, впалая грудь, мягкий живот. Но его присутствие украсило эту плоть, сделав кожу черной, как межзвездный мрак. Гла-

за, смотревшие из зеркала, были темны, словно мертвые солнца.

Он позволил этим глазам закрыться и стал рассматривать тени, составлявшие его подлинную суть. Шестьсот шестьдесят шесть духов. Он пророс в их сознание невидимыми корнями, читая то, что осталось от их памяти, и ища ответы. Он улавливал вспышки общей боли из прошлого, память о стеклянной тюрьме и о белобородом человеке, с отвращением глядящим снаружи через стекло.

Но эта боль способствовала его рождению.

Меня много... я множество... имя мне Легион.

Внутри этих завихрений тьмы, составлявших его сущность, мерцал единственный огонек, подрагивая среди бесконечных теней. Демон подплыл ближе к этому огоньку, всматриваясь в дым, который поднимался от него по мере того, как питающий его дух медленно слабел.

Он знал имя этого огня, этого сосуда, которым он завладел.

Леопольд.

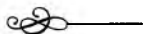
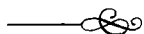
Именно читая по дыму, исходящему от этого гаснущего пламени, Легион многое узнал о современном мире. Он рылся в этих воспоминаниях, в этом опыте, дабы подготовиться к грядущей войне. Он создал армию, поработав других одним лишь касанием длани. Он позволял силе своей тьмы течь сквозь них. И с каждым таким касанием число его глаз и ушей в этом мире множилось, позволяя его сознанию все шире распространяться по земле.

У него была одна цель.

Он представил себе существо, полное безмерной и темной ангельской силы, восседающее на черном троне.

Столетия назад шестьсот шестьдесят шесть духов были сплетены этим темным ангелом воедино, затворив Легиона внутри зеленого самоцвета. Его оставили там как предвестника грядущего, как темное семя, ждущее свое время, чтобы прорасти в новом мире и распространиться по нему.

Когда он наконец был освобожден из алмаза, то вошел в существо, которое и разбило камень. *Леопольд.* Легион глубоко укоренился в этом новом сосуде, пророс сквозь Леопольда, завладел его телом и душой, и двое сделались одним. Этот сосуд станет цветочным горшком, из которого он прорастет в этот

мир, раскинув свои отростки вширь и вдаль, захватывая других, клеймя их, поработывая их. И хотя пребывание его в этом мире зависело от существования Леопольда, он мог путешествовать по этим отросткам и управлять ими с огромного расстояния.

Его долгом было открыть путь для возвращения его господина, подготовить этот мир к очищению, когда паразит, именуемый «человечеством», будет выдворен из этого земного сада. Темный ангел обещал Легиону этот рай, но прежде чем заполучить эту награду, он должен выполнить то, что ему поручено.

И теперь демон знал, какие силы будут противостоять ему. Это он тоже узнал от мерцающего внутри его пламени.

Легион не до конца понимал эту угрозу, но осознавал, что его «сосуд» борется, дабы сохранить некие обрывки сведений сокрытыми от него. Несколько мгновений назад он ощутил, как пламя духа Леопольда вспыхнуло ярче от потрясения, и этот мерцающий свет во тьме привлек внимание Легиона. В этом дыму он прочел имя и увидел лицо того, кто носил его.

Воитель Человеческий.

Но там было не только это имя. Из воспоминаний, ставших дымом, явились и другие.

Рыцарь Христов.

Женщина Знания.

В дыму звучал тихий отголосок пророчества вместе с образом книги, написанной самим Сыном Божьим. И Легион всматривался в пламя, пытаясь узнать больше.

Кто еще стоит у меня на пути?

Глава 6

*17 марта, 08 часов 32 минуты
по тихоокеанскому стандартному времени
Санта-Барбара, Калифорния*

«К слову, о тщетных усилиях...»

Стиснув зубы, Томми преодолел еще пару дюймов вверх по узловатому канату, свисавшему с потолка гимнастического зала. Внизу одноклассники выкрикивали то ли оскорбления,

то ли слова поощрения. Томми не мог разобрать, что именно, — ему мешало биение крови в ушах и собственное хриплое дыхание.

«Не то чтобы это имело хоть какое-то значение».

Он всегда ненавидел физкультуру, даже до того, как у него диагностировали рак. Не особо быстрый, довольно неуклюжий, Томми обычно занимал последние места в большинстве спортивных состязаний. Также он быстро усвоил, что предпочтет держаться подальше от мяча, чем бегать за ним.

«Ну и какой в этом смысл?»

Единственный вид упражнений действительно занимал его — лазанье. Томми показывал хорошие результаты в этом, ему нравилась простота задачи. Только он и канат. Когда он лез вверх, его тревоги и страхи оставались позади.

Или по крайней мере большинство из них.

Он сжал канат коленями и подтянулся повыше. По спине мальчика тек пот. В Санта-Барбаре всегда было тепло и почти всегда солнечно. Томми это нравилось. Проведя некоторое время в России, а потом на борту арктического ледокола, он не хотел больше возвращаться в этот холод.

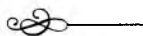
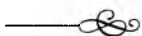
«Конечно, после того как тебя заморозили, превратив в ледяную статую ангела, любой будет ценить солнце Южной Калифорнии».

Он поднял взгляд к этому солнцу, которое сейчас светило сквозь ряд окон, тянувшихся по верху гимнастического зала.

«Почти на месте...»

Еще два ярда, и он сможет коснуться проволочных сеток, которые защищали свисающие с потолка лампы. Прикосновение к пыльной проволоке было почетным достижением среди учеников девятого класса, и Томми намеревался добиться этого.

Он помедлил несколько мгновений, собирая силы для последнего рывка вверх. В последнее время мальчик часто стал выбиваться из сил. Это тревожило. Полгода назад он ощутил на себе прикосновение ангела... в буквальном смысле. Ангельская кровь струилась в его жилах, исцелив его от рака, придав ему сил, даже сделав его временно бессмертным. Но теперь она ушла, обратившись в пламя среди песков Египта.

Томми снова стал самым обыкновенным мальчиком.

«Я намерен таковым и остаться».

Он повисел немного, глядя вверх и стараясь выровнять дыхание.

«Я справлюсь с этим».

Снизу до него донесся резкий голос:

— Хватит уже! Спускайся обратно!

Должно быть, это Мартин Альтман, единственный, с кем подружился Томми в новой школе. Старых друзей он потерял, когда переехал к дяде с тетей. Это единственные родственники, которые остались у Томми после смерти родителей.

Он отбросил эту мысль вместе с мрачными воспоминаниями, которые грозили захлестнуть его. Глянув вниз, Томми увидел, что Мартин смотрит на него. Альтман был высоким и тощим, с длинными руками и ногами, он всегда готов был отпустить какую-нибудь замшелую шутку и сам же над нею охотно смеялся.

Ну конечно, ведь родители Мартина не умерли у него на руках.

Томми ощутил вспышку злости на друга, но он понимал, что это чувство происходит от банальной зависти, и потому попытался унять его. Потные ладони заскользили по канату, и Томми сжал руки крепче.

«Возможно, Мартин прав».

Приступ головокружения еще больше убедил его в этом. Томми начал спускаться, но голова кружилась все сильнее. Он старался держаться и ускорил спуск — теперь просто скользил по канату, обжигая ладони.

«Что бы ни было, не отпускай...»

Но он уже падал. Он смотрел на солнечные лучи, пробивающиеся сквозь окна под потолком, и вспоминал о том, как в прошлый раз летел, рассекая воздух. Но тогда он был бессмертен.

«Сегодня не столь удачный день».

Он рухнул на грудь матов у нижнего конца каната. Удар выбил воздух из его груди. Томми задыхался, пытаясь втянуть воздух в легкие, но они отказывались повиноваться.

— Быстрее! — кричал мистер Лессинг, учитель физкультуры.

Все посерело — а потом Томми обнаружил, что снова дышит. Он хватал воздух большими глотками, втягивая его, словно выброшенный на берег дельфин.

Одноклассники смотрели на него сверху вниз. Некоторые смеялись, другие выглядели встревоженными, особенно Мартин.

Мистер Лессинг растолкал их и подошел к Томми.

— Ты в порядке, — полувопросительно-полуутвердительно заявил он. — Просто лишился дыхания от удара.

Томми попытался дышать ровнее. Ему хотелось провалиться сквозь пол. Особенно когда он заметил в толпе Лизу Баллантайн. Она нравилась ему, а теперь он свалил у нее на глазах такого дурака.

Томми попытался сесть, чувствуя, как боль пронзает ушибленную спину.

— Помедленней, — посоветовал мистер Лессинг, помогая ему подняться на ноги, отчего лицо Томми вспыхнуло еще жарче.

Но зал по-прежнему кренился из стороны в сторону, и мальчик схватился за руку физрука. Сегодня явно не самый удачный день в его жизни.

Мартин указал на левую руку Томми:

— Это у тебя ожог от каната?

Томми опустил взгляд. Его ладони были красными и горели, но Мартин указывал на темную отметину с внутренней стороны запястья.

— Позволь, я посмотрю, — сказал мистер Лессинг.

Томми высвободился и сделал неловкий шаг назад, прикрывая пятно другой рукой.

— Просто ожог от того, что я съехал по канату, Мартин все правильно сказал.

— Хорошо. Все свободны, — скомандовал мистер Лессинг. — Примите душ; даю вам на это вдвое больше времени, чем обычно.

Томми поспешил прочь. Голова у него все еще кружилась, но не от падения. Он старался тщательно скрыть пятно на коже: ему не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал об этом, особенно дядя и тетя. Он будет скрывать это так долго, как сможет. И хотя он не понимал, что происходит, одно он знал точно.

«На этот раз — никакой химиотерапии».

Томми потер отметину на запястье пальцем, словно пытаюсь избавиться от нее, но он знал, что чудеса для него закончились.

Рак действительно вернулся к нему.

Душу мальчика наполняли страх и отчаяние. Ему хотелось бы поговорить с отцом или матерью, но это было невозможно. И все же была в этом мире та, кому он мог позвонить, кому мог доверить свою тайну.

Другая бессмертная, которая, подобно ему, лишилась своего бессмертия.

«Она сообразит, что делать».

*18 часов 25 минут
по центральноевропейскому времени
Венеция, Италия*

Стоя посреди монастырского сада, Элизабет Батори поправила свою широкополую соломенную шляпу так, чтобы она прикрывала лицо, затеняя глаза от клонящегося к закату весеннего солнца. Для защиты от загара она всегда носила шляпу, работая на открытом воздухе, — даже в этом крошечном травяном огорожке за высокими стенами монастыря, ставшего ее тюрьмой.

Много веков назад ее учили, что носители королевской крови никогда не должны позволять своей коже стать темной, как у крестьян, работающих на полях. В те времена у нее в Чахтицком замке были свои собственные сады, где она выращивала лекарственные травы, обучаясь искусству исцеления и добывая зелья из цветочных лепестков или тайных корней. Даже тогда, беря с собой корзину и садовые ножницы, Элизабет — тогда еще Элисабета — не выходила под солнце с непокрытой головой.

Хотя по сравнению с садами, некогда принадлежавшими ей, этот травяной огорожок был ничтожно мал, Элизабет нравилось проводить время среди монастырских грядок с ароматными растениями: тимьяном, луком-резанцом, базиликом и петрушкой. Она проводила послеполуденные часы, выпалывая старые, деревянистые побеги розмарина, чтобы засадить

очищенную землю лавандой и мятой. Их уютные запахи плыли; смешиваясь, в теплом воздухе.

Если закрыть глаза, можно представить, что она сидит летним днем в саду своего замка и скоро из-под каменных сводов к ней выбегут ее дети. Она отдаст им пучки собранных трав и вместе с ними пойдет гулять по дорожкам, слушая рассказы о том, как дети провели день.

Но все это было четыре столетия назад.

Ее дети мертвы, ее замок лежит в руинах, и даже само ее имя произносят шепотом, точно проклятие. И все потому, что она стала нежитью, стригоем.

Ей вспомнилось лицо Руна Корцы, тяжесть его тела поверх ее, вкус собственной крови на ее губах. В тот миг слабости и вожделения ее жизнь необратимо изменилась. После первого потрясения от превращения в стригоя графиня пришла к принятию этого существования, омраченного гибелью души, научилась ценить все, что оно предлагало. Но даже это было отнято у нее прошедшей зимой — похищено той же рукой, которая дала все это.

Ныне она снова стала просто человеком.

Слабая, смертная и запертая в четырех стенах.

Будь ты проклят, Рун.

Элизабет наклонилась, сердито срезала побег розмарина и швырнула на вымощенную плитами дорожку. Мария, престарелая монахиня, работавшая в саду вместе с Элизабет, подметала дорожку позади нее самодельной метлой. Марии было под восемьдесят лет, лицо ее сморщилось и иссохло от старости, голубые глаза были подернуты мутной пленкой. Она относилась к Элизабет с добродушной снисходительностью, словно ожидала, что та перерастет свое несносное поведение. Если бы монахиня знала, что Элизабет прожила на свете больше лет, чем может надеяться прожить эта старуха!..

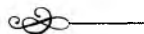
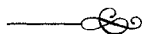
Но Мария ничего не знала о прошлом Элизабет, не знала даже ее полного имени.

Никому в монастыре не было позволено узнать это.

Ломота в колене заставила Элизабет перенести вес на другое, и она знала, чем вызвана эта боль.

Возраст.

«Я сменила одно проклятие на другое».

Краешком глаза она заметила Берндта Нидермана, идущего через двор к трапезной на ужин. Элегантный немец проживал в одной из гостевых комнат монастыря. Он был одет в костюм, считающийся в эту эпоху парадным: отглаженные брюки и синий пиджак хорошего кроя. Берндт поднял руку, приветствуя Элизабет.

Она проигнорировала его жест.

«Мы еще не настолько коротко знакомы».

По крайней мере пока.

Вместо этого она распрямила затекшую спину, глядя куда угодно, но не на Берндта. Этот монастырь в Венеции был не лишен своеобразного очарования. В прошлом это было огромное здание с великолепным парадным входом, смотрящим на широкий канал. Высокие колонны обрамляли прочную дубовую дверь, ведущую к причалу. Элизабет провела немало часов, глядя из окна своей комнаты на канал, по водам которого сновали большие и малые лодки. В Венеции не было ни машин, ни коней — только суда и пешеходы. Это был забавный анахронизм, со времен памятного графине прошлого город во многом остался неизменным.

За последнюю неделю она несколько раз беседовала с немецким гостем. Берндт был писателем и приехал в Венецию, чтобы собрать материал для книги. Судя по всему, этот сбор ограничивался прогулками по каменным улицам, поглощением изысканных блюд и дорогого вина. Если бы Элизабет было позволено хоть раз составить ему компанию, она показала бы ему куда больше, поведала бы ему историю этого стоящего на воде города... но этому не суждено было произойти.

Она всегда оставалась под пристальным надзором сестры Эбигейл, сангвинистки, которая ясно дала понять, что Элизабет не должна делать и шага за пределы территории монастыря. Чтобы сохранить себе жизнь — ныне бренную и хрупкую, — графине следовало оставаться пленницей в этих высоких древних стенах.

Кардинал Бернард был непреклонен в этом решении. Элизабет заточили здесь во искупление ее прошлых грехов.

И все же этот немец мог оказаться полезен. Ради этого она прочла его книги и теперь иногда обсуждала их с автором за бокалом вина и при случае отпускала сдержанную похвалу.

Но даже эти короткие беседы проходили не наедине. Элизабет было позволено разговаривать с гостями только под строгим присмотром обычно со стороны Марии или Эбигейл. Седовласая сангвинистка была неумолима, точно взмах боевой секиры.

И все же Элизабет находила прорехи в их надсмотре, особенно в последнее время. По мере того как уходили месяцы ее заточения, бдительность тюремщиков ослабевала.

Две ночи назад она сумела проскользнуть в комнату Берншта в тот момент, когда его там не было. Среди его личных вещей нашелся ключ от взятой напрокат лодки. Элизабет поспешно спрятала ключ, надеясь, что немец решит, будто сам куда-то задевал его.

До сих пор он так и не поднял тревогу.

Хорошо.

Элизабет вытерла носовым платком пот со лба, и в этот момент в другом конце двора появился мальчик в синей кепке посыльного. Мальчишка передвигался такой же расхлябанной походкой, какую графиня замечала у Томми: как будто современные дети не управляли своими конечностями, позволяя им беспорядочно болтаться во время ходьбы. Ее давно умерший сын Пал, даже будучи в куда более юном возрасте, ни за что не позволил бы себе двигаться так... безвкусно.

Мария поспешила навстречу посыльному, в то время как Элизабет напрягла слух, пытаясь подслушать их разговор. Теперь она знала итальянский язык достаточно неплохо, ведь, помимо работы в саду и учения, ей совершенно нечего было делать. Иногда она засиживалась за учебниками далеко за полночь. Полученные ею знания были оружием, которые она в один прекрасный день сможет обратить против своих тюремщиков.

На руку ей опустилась пчела, и Элизабет поднесла ее к лицу.

— Будьте осторожны, — предупредил раздавшийся позади нее голос.

Графиня вздрогнула. Такого никогда не случилось бы, будь она по-прежнему стригоем. Тогда она могла расслышать сердцебиение с огромного расстояния.

Обернувшись, Элизабет увидела стоящего позади нее Берншта. Должно быть, он обошел двор по кругу, чтобы вот так

незаметно подойти к ней. Мужчина стоял так близко, что Элизабет различала терпкий запах его бальзама после бритья.

Она опустила взгляд на пчелу, сидящую на ее руке.

— Мне следует бояться этого маленького существа?

— У многих людей аллергия на пчел, — объяснил Берндт. — Если она, например, ужалит меня, я от этого даже могу умереть.

Элизабет подняла брови. Современные люди так слабы... Никто не умирал от укуса пчелы в ее времена. Или, быть может, многие и умирали от этого, только никто не знал...

— Мы не можем допустить, чтобы это случилось.

Она отвела руку подальше от Берндта и сдула пчелу, отправив ее в полет.

В этот момент из тени монастырской стены выступила темная фигура и направилась к ним.

Сестра Эбигейл, кто бы сомневался.

С виду сангвинистка казалась обычной пожилой и безобидной английской монахиней — тонкие слабые руки, выцветшие с возрастом синие глаза. На ходу она заправляла под апостольник прядь седых волос, выбившихся из-под покрова.

— Добрый вечер, герр Нидерман, — поприветствовала его Эбигейл. — Ужин скоро будет подан. Если вы направляетесь в трапезную, я уверена...

Берндт перебил ее:

— Возможно, Элизабет будет не против составить мне компанию.

Жесткие пальцы Эбигейл сдавили руку Элизабет с такой силой, что завтра наверняка должен будет остаться синяк. Графиня не сопротивлялась. При должных обстоятельствах эти синяки могут вызвать сострадание Берндта.

— Боюсь, Элизабет не может пойти с вами, — возразила Эбигейл раздраженным тоном, не допускавшим возражений.

— Конечно же, могу, сестра, — отозвалась Элизабет. — Я ведь не узница, верно?

Квадратное лицо Эбигейл пошло красными пятнами.

— Значит, решено, — подхватил Берндт. — И возможно, после ужина мы сможем совершить небольшую прогулку на лодке?

Элизабет заставила себя никак не отреагировать на эти сло-

ва, боясь, что Эбигейл услышит ее учащенное сердцебиение. «Заметит ли он пропажу ключа?»

— Элизабет недавно болела, — промолвила Эбигейл, явно подыскивая объяснение тому, что ее подопечная не должна покидать стен монастыря. — Ей не следует перетруждаться.

— Возможно, от морского воздуха мне станет лучше, — с улыбкой предположила Элизабет.

— Я не могу этого позволить, — возразила Эбигейл. — Ваш... ваш отец будет сильно рассержен. Вы ведь не хотите, чтобы я сообщила Бернарду, не так ли?

Элизабет прекратила дразнить монахиню, хотя эта игра забавляла ее. Она уж точно не хотела подобным образом привлекать к себе внимание кардинала Бернарда.

— Очень жаль, — вздохнул Берндт. — Особенно если учесть, что завтра я должен буду уехать...

Элизабет пристально посмотрела на него.

— Я думала, вы останетесь еще на неделю.

Он улыбнулся ее беспокойству, явно приняв его за приязнь.

— Увы, дела призывают меня обратно во Франкфурт раньше, чем я ожидал.

Это было неприятной неожиданностью. Если Элизабет намеревалась воспользоваться его лодкой для побега, это следовало сделать сегодня ночью. Она быстро соображала, понимая, что это ее наилучший шанс — не только на освобождение, но и на куда большее.

Ее планы были куда грандиознее, чем просто обрести свободу.

Хотя теперь Элизабет вновь могла разгуливать под солнцем, она потеряла куда больше. Будучи смертной, графиня уже не могла слышать самые тихие звуки, улавливать слабейшие запахи или видеть мерцающие краски ночи. Ее как будто завернули в плотное покрывало.

Она ненавидела это состояние.

Она желала вернуть себе чувства стригоя, ощутить, как в теле вновь играет эта невероятная сила, но больше всего она хотела быть бессмертной — вырваться не только из стен этого монастыря, но и из неуклонного течения лет.

«Я не допущу, чтобы что-либо остановило меня».

Прежде чем она успела пошевелиться, сотовый телефон, спрятанный в кармане ее юбки, завибрировал.

Только один человек знал этот номер.

«Томми».

Элизабет отошла на шаг от немца.

— Благодарю вас, Берндт, но сестра Эбигейл права. — Она сделала короткий реверанс, слишком поздно осознав, что сейчас уже не приняты подобные манеры. — Кажется, работа в саду слишком утомила меня. Наверное, мне все-таки следует поужинать в своей комнате.

Губы Эбигейл сложились в жесткую прямую линию.

— Думаю, это мудрое решение.

— Жаль, — разочарованным тоном произнес Берндт.

Эбигейл взяла Элизабет за локоть и повела в комнату, еще крепче, чем прежде, сжимая пальцы. Когда они вошли в тесную келью, монахиня приказным тоном заявила:

— Оставайтесь здесь. Я принесу вам ужин.

Эбигейл вышла, заперев за собой дверь. Элизабет подождала, пока ее шаги затихнут, потом подошла к зарешеченному окну. Только сейчас, оставшись в одиночестве, она достала телефон и перезвонила.

Едва в трубке раздался голос Томми, графиня поняла, что что-то случилось. Мальчик явно с трудом сдерживал слезы.

— Я снова заболел раком, — сообщил он. — Я не знаю, что делать и кому сказать.

Элизабет сильнее сжала телефон, как будто могла дотянуться сквозь эфирные волны до этого мальчика, которого полюбила, как собственного сына.

— Объясни, что произошло.

Она знала историю Томми, знала, что он был болен до того, как вмешательство ангельской крови исцелило его, даровав ему бессмертие. Ныне он был простым смертным, как она сама, — и уязвимым, как в прежние времена. Хотя она и раньше слышала от него термин «рак», но никогда не понимала истинной природы его болезни. Желая проникнуть в суть новости, Элизабет уточнила:

— Расскажи мне, что такое рак.

— Это болезнь, которая ест тебя изнутри. — Его голос звучал тихо, подавленно и потерянно. — Она гнездится в моей коже и костях.

Сердце Элизабет болело от тревоги за мальчика. Она хотела успокоить его, как часто успокаивала сына.

— Но в ваше время доктора, конечно же, смогут вылечить тебя от этой болезни.

Последовала долгая пауза, потом усталый вздох.

— Мой рак они вылечить не могут. Я долго лежал на химиотерапии, меня все время тошнило, у меня выпали все волосы. Даже кости у меня болели. Но врачи так и не смогли остановить болезнь.

Элизабет прислонилась к холодной оштукатуренной стене, глядя в темные воды канала под окном.

— А ты не можешь снова попробовать лечиться этой химиотерапией?

— Я не буду. — Теперь голос его звучал твердо, как у взрослого. — Я должен был умереть еще тогда. Думаю, этому и следовало произойти. Я не хочу снова проходить через это унижение.

— А что твои дядя и тетя? Они не сказали, как тебе следует поступить?

— Я им не сказал и не собираюсь говорить. Они снова заставят меня пройти через эти лечебные процедуры, но все будет зря. Я это знаю. Все идет так, как и должно идти.

Элизабет слышала горечь поражения в его голосе, и в ее душе рос гнев.

«Может быть, ты и не желаешь сражаться, но зато желаю я».

— Послушай, — продолжал Томми, — никто не может меня спасти. Я позвонил, просто чтобы поговорить, поделиться этой тяжестью... с кем-то, кому могу доверять.

Его искренность тронула Элизабет. Во всем мире только он доверял ей. И он был единственным, кому она, в свою очередь, могла довериться. Она почувствовала, как решимость ее становится каменно-твердой. Сын Элизабет умер потому, что она не сумела защитить его. Но она не допустит, чтобы подобное случилось с этим мальчиком.

Он еще несколько минут говорил ей что-то, по большей части о своих покойных родителях. И с каждым его словом Элизабет все яснее видела свою новую цель.

«Я вырвусь на свободу из этих стен... и спасу тебя».

Глава 7

*17 марта, 18 часов 38 минут
по центральноевропейскому времени
Ватикан*

Из огня да в полымя...

Благополучно выскользнув из библиотеки сангвинистов незамеченной, Эрин успела встретиться с Христианом и сестрой Маргарет до того, как ее вызвали в канцелярию кардинала Бернарда в Апостольском дворце. Она прошла за облаченным в черное священником по длинному, отделанному деревянными панелями коридору и миновала папские апартаменты на пути в отдельное крыло, где размещалась штаб-квартира Ордена сангвинистов.

По пути Эрин гадала о причинах этого неожиданного вызова.

«Неужели Бернард узнал о моей незаконной вылазке?»

Женщина попыталась идти спокойно, ничем не выдавая напряжения. Она уже пробовала расспрашивать своего проводника-священника. Его звали отец Грегори, он был новым помощником Бернарда. На ее вопросы он не отвечал: судя по всему, такая неразговорчивость была непременным качеством любого, кто служил кардиналу.

Эрин пристально рассмотрела священника. У него была молочно-белая кожа, густые темные брови, черные волосы достигали середины шеи. В отличие от предыдущего помощника кардинала он не был человеком — отец Грегори принадлежал к Ордену сангвинистов. По виду ему можно было дать чуть больше тридцати лет, но вполне возможно, что он был на много столетий старше.

Они подошли к входу в кабинет Бернарда, и Грегори отворил перед Эрин дверь.

— Мы пришли, доктор Грейнджер.

Она отметила в его фразе ирландский акцент.

— Благодарю вас, святой отец.

Он проследовал за ней в кабинет, достал из кармана старомодные часы на цепочке и посмотрел на циферблат.

— Боюсь, мы пришли несколько раньше, чем предполагалось. Кардинал будет здесь с минуты на минуту.

Эрин заподозрила в этом некий план со стороны Бернарда: заставить ее ждать, чтобы таким образом хоть в чем-то выразить свое превосходство над нею. Кардинал все еще был недоволен тем, что Кровавое Евангелие оказалось связано с нею.

Отец Грегори выдвинул для Эрин один из стульев, стоящих у широкого кардинальского стола, сделанного из красного дерева. На соседний стул женщина положила свой рюкзак.

Ожидая прихода Бернарда, она рассматривала кабинет, обнаруживая все новые сюрпризы. На полках книжного шкафа высотой от пола до потолка стояли древние фолианты, переплетенные в кожу, на высокой подставке поблескивал старинный глобус XVI века, украшенный драгоценными камнями, а над дверью висел меч, явно времен крестовых походов.

Тысячу лет назад кардинал Бернард шел с этим самым мечом в битву, дабы освободить Иерусалим от сарацинов, и несколько месяцев назад Эрин своими глазами видела, насколько он искусен в мечном бою. Хотя кардинал, похоже, предпочитал действовать незаметно и без шума, он все еще оставался свирепым воином.

И это следует учитывать.

— Должно быть, вы устали за целый день работы с книгами, — произнес отец Грегори, направляясь к двери. — Пока вы ждете, я принесу вам кофе.

Как только дверь за ним закрылась, Эрин встала, обогнула кардинальский стол и просмотрела бумаги, разбросанные на столе, быстро окинув взглядом их содержимое. Несколько месяцев назад она не стала бы лезть в тайны кардинала, но она видела, как многие люди умирали ради того, чтобы эти тайны остались тайнами.

Знание было властью, и Эрин не собиралась позволить Бернарду владеть этим знанием единолично.

На самом верху лежал лист с латинским текстом. Эрин пробежала его глазами, переводя по ходу чтения. Судя по всему, два стригоя напали на ночной клуб в Риме, убив тридцать четыре человека. Подобные открытые нападения были необычными, почти неслыханными для современного мира. За прошедшие века даже стригои научились скрываться и прятать тела своих жертв.

Очевидно, теперь что-то изменилось.

Эрин прочла частный доклад об этой бойне и обнаружила куда более тревожные подробности. Среди погибших была тройка сангвинистов. Она судорожно сглотнула, осознав всю невероятность этого. Два стригоя убили трех обученных бою сангвинистов?

Эрин отложила страницу в сторону и стала читать следующий доклад, на этот раз написанный по-английски. В нем описывалось похожее нападение на военную базу вблизи Лондона: двадцать семь вооруженных солдат убиты в столовой во время ужина.

Женщина перебрала остальные бумаги. В них говорилось о странных кровопролитных нападениях, происходящих по всей Италии, Австрии и Германии. Ужасные подробности этих отчетов настолько поглотили ее внимание, что она едва заметила, как распахнулась дверь кабинета.

Эрин подняла голову.

В помещение вошел Бернард, облаченный в алую сутану — знак кардинальского сана. Седовласый, спокойный, он легко мог сойти за безобидного добродушного дедушку.

Увидев Эрин, сангвинист вздохнул и кивком указал на бумаги:

— Я вижу, вы прочли донесения моей разведки.

Она и не пыталась отрицать очевидное.

— В них не хватает конкретики. Вы узнали еще что-нибудь об этих нападающих?

— Нет, — ответил Бернард, занимая свое место за столом. Эрин вернулась к стулу, на котором сидела раньше. — Мы знаем лишь, что они действуют грубо, неорганизованно и непредсказуемо.

— А что насчет свидетелей?

— До сих пор стригои никого не оставляли в живых. Но во время последнего нападения, произошедшего на дискотеке, они попали в объектив камеры наблюдения, и мы смогли получить эту запись.

Эрин насторожилась.

— Это довольно страшное зрелище, — предупредил кардинал, поворачивая к ней монитор своего компьютера.

— Покажите, — сказала она, наклоняясь вперед.

Кардинал открыл видеофайл, и вскоре на экране появилось зернистое, нечеткое изображение нескольких человек, движущихся по темному танцполу. Их озаряли вспышки стробоскопа, и хотя запись шла без звука, Эрин легко могла представить низкое уханье басов в такт этим вспышкам.

— Смотрите на этих двоих, — произнес Бернард.

Он указал на двух мужчин, появившихся у края кадра. Оба были одеты в темное и медленно двигались по направлению к танцполу. У одного была белая кожа, у другого черная. Эрин подалась ближе, чтобы как следует рассмотреть темную фигуру. Качество съемки было слишком плохим, чтобы разобрать черты, но складывалось такое впечатление, что эта черная кожа впитывает свет. Лицо выглядело каким-то неестественным, словно он носил маску.

Танцоры словно ощутили присутствие охотников — маленькая толпа расступилась, образовав неровный круг, в центре которого оказались два незваных пришельца. И эта тревога была оправданной. Мгновение спустя стригои бросились на людей, они двигались так быстро, что их изображения в кадре размывались в неясные пятна. Эрин никогда не видела, чтобы стригои перемещались с такой скоростью.

Менее чем через десять секунд на ногах остались только два стригоя. Изломанные окровавленные тела лежали на танцполе. Каждый из нападавших подхватил с пола раненую женщину, перебросил через плечо — и фигуры кровопийц скрылись из кадра.

Эрин содрогнулась, представив, что уготовано этим несчастным девушкам.

Кардинал нажал клавишу, и изображение замерло.

Грейнджер с трудом сглотнула, думая о том, какую боль и страх эти люди, должно быть, испытали в свои предсмертные мгновения. Ни у одного из них не было ни единого шанса выжить.

— Полиция ищет этих убийц? — спросила она.

Кардинал снова развернул монитор к себе.

— Они ведут поиски, но не знают, на кого охотятся.

— Что вы имеете в виду?

— Полиция не видела этих кадров — и никогда не увидит. Как вы знаете, мы не можем допустить, чтобы доказательства

существования стригоев попали в руки широкой общественности.

Эрин откинулась на спинку стула.

— И как же в этом случае люди смогут себя защитить?

— Мы выслали дополнительные мобильные отряды. Они патрулируют город днем и ночью. Мы найдем этих двух убийц и уничтожим их. Это наш священный долг.

Эрин подумала о том, сколько невинных жизней будет загублено, прежде чем это произойдет.

— Эти стригои были очень быстрыми, я никогда прежде такого не видела.

Кардинал поморщился.

— И они не единственные. Мы получаем похожие сообщения со всего мира. По какой-то причине стригои начали изменяться, становиться более сильными.

— Я слышала об этом, но почему это происходит? И почему именно сейчас?

— Я не знаю точно, но боюсь, что это связано с пророчеством.

Эрин сдвинула брови, пытаясь понять, на что он намекает.

— Оно гласит, что оковы Люцифера каким-то образом ослабли.

— И из-за этого все больше зла проникает в наш мир. Привычное равновесие начинает смещаться, давая избыточную силу созданиям зла и одновременно подтачивая силу святости.

Женщина пристально посмотрела на кардинала, словно пытаясь проникнуть в суть его слов.

— Вы чувствуете себя слабее, чем прежде?

Он сжал в кулак руку, прежде спокойно лежавшую на столе.

— Здесь, на святой земле — нет. Но за последние двенадцать недель мы потеряли восемнадцать оперативников из числа сангвинистов.

«Восемнадцать?» За последние десятилетия численность ордена и так начала сокращаться, равно как и численность католического священства. Сангвинисты не могли позволить себе терять еще больше солдат, особенно перед лицом надвигающейся войны.

— У этих атак есть какой-либо общий географический паттерн? — спросила Эрин. — Возможно, если мы узнаем, где это все началось, мы получим ключ к пониманию того, как это остановить.

Бернард, прищурившись, посмотрел ей в глаза.

— Доктор Грейнджер, похоже, вы, как обычно, попали в самую точку.

Она села прямо.

— Вы что-то вычислили.

— Мы тщательно отмечали время и место этих нападений.

— Чтобы выстроить базу данных, — подхватила Эрин. — Умный ход.

Кардинал кивнул, поблагодарив ее за комплимент, и вновь развернул к ней монитор. Потом быстрым движением пальцев вывел на экран карту Европы. На ней краснели маленькие точки, отмечавшие места нападений. Их огромное количество потрясло Эрин, но она не позволила себе отвлекаться от главного.

— Если проследживать их в обратном порядке по времени, — сказал Бернард, демонстрируя это по карте, — то можно увидеть, что эти нападения распространяются от одной-единственной точки.

Он увеличил масштаб, показав на экране эпицентр атак.

Эрин прочла название местности, чувствуя, как сердце проваливается куда-то в живот.

— Кумы... там находилось святилище сивиллы.

И там сейчас работает Джордан.

Она посмотрела на Бернарда.

— Есть какие-нибудь известия от Джордана и его команды? Они узнали что-нибудь?

Кардинал устало откинулся на спинку своего кресла.

— Это вторая причина, по которой я вызвал вас. Я решил, что вы должны услышать это непосредственно от меня. На них напали...

Его рассказ прервало появление отца Грегори, несущего на подносе серебряный кофейный сервиз. Эрин оглянулась, чувствуя, как ее захлестывает паника на грани обморока. Должно быть, Грегори услышал неистовое биение ее сердца — он недвижно застыл в дверях.

Эрин снова повернулась к Бернарду.

— Джордан жив?

Бернард махнул рукой отцу Грегори:

— Поставьте кофе вон на тот стол. И можете идти.

Грейнджер не стала дожидаться, пока помощник кардинала покинет кабинет. Прошли те времена, когда она ждала, чтобы сангвинисты выберут момент сообщить ей что-нибудь.

— Что произошло? — рывкнула Эрин, угрожающе подавшись в сторону Бернарда. Тот поднял руку, призывая ее успокоиться.

— Не бойтесь, Джордан и его команда живы и невредимы.

Женщина с прерывистым вздохом осела на стул. Однако она чувствовала, что кардинал еще недоговорил. Но он уже ответил ей на самый важный и тревожный вопрос, и она подождала, пока отец Грегори уйдет, и только тогда задала Бернарду новый вопрос:

— Что вы мне еще не сказали?

— Сегодня утром команда Джордана обнаружила новый тоннель — он выглядел недавно прокопанным. Складывается впечатление, что кто-то — или что-то — проложил себе ход наружу из погребенного под землею святилища.

— Что-то? Что вы имеете в виду?

— Мы не знаем. Но нам известно, что тело брата Леопольда пропало из святилища.

Эрин обдумала его слова. Во время битвы в святилище миновавшей зимой Леопольд был убит Руном... по крайней мере это так выглядело. Но если его трупа там нет, значит, он остался в живых — или кто-то забрал его тело.

Она снова вернулась к теме, которая тревожила ее больше всего.

— Вы сказали, что на них напали.

— Да. Внизу, в святилище, Джордана и его спутников поджидал стригой.

Женщина поднялась и подошла к столу, на котором стоял кофейный сервиз. Слишком взволнованная, чтобы сидеть на месте, она налила кофе в чашку, напоминая себе, что Джордан жив и здоров.

И все же...

Согревая ладони о чашку, она обернулась к Бернарду.

— Нападающий был одним из этих суперстригоев?

— Похоже на то. Есть хорошая новость — они собираются привезти тело этого стригоя в Рим, чтобы изучить. По его останкам мы, возможно, сумеем что-нибудь понять.

— Когда? — коротко спросила Эрин. Ей не терпелось увидеть Джордана и своими глазами удостовериться, что с ним все в порядке.

— Они должны быть здесь примерно через час. Но в том святилище они нашли что-то еще, о чем не хотели рассказывать по телефону. Если точно, то Джордан сказал, что хочет, чтобы вы увидели это первая. — Кардинал, похоже, был недоволен тем, что кто-то скрывает от него такие сведения. — Он считает, что вы должны опознать это, поскольку, как он твердо уверен, вы — Женщина Знания.

Эрин отпила глоток кофе, надеясь, что горячий напиток растопит холодный комок паники у нее в груди. Она была благодарна Джордану за то, что он так верит в нее, но могла лишь надеяться, что его вера не ошибочна. Не зная, что они везут из Кум, Грейнджер задумалась над тайной пропажи тела Леопольда и каким-то образом связала эту тайну с загадочным предположением Бернарда.

Что-то проложило себе ход наружу из святилища.

19 часов 02 минуты

Рим, Италия

Легион крался вдоль подножия высокой стены в самом сердце Рима. Он окружил свое тело защитной тенью. Хотя солнце уже ушло за горизонт, окружающие улицы все еще были озарены сумеречным светом. Он предпочитал скрываться в темных местах, а в качестве дополнительной предосторожности поглубже натянул на голову капюшон своей куртки. Он точно знал одно: «Никто из тех, кто увидит мое открытое лицо, не сможет не распознать мое величие».

Пока что многое оставалось неизвестным ему.

Этому следовало положить конец.

Его сосуд, тот, кто некогда звался Леопольдом, оказался весьма полезен. Читая по мерцающему пламени, которое все еще горело во тьме его сущности, Легион многое узнал о происхождении и о тех, кто противостоял ему в исполнении его долга.

Слова этого предсказания с каждым шагом отдавались в его сознании.

Купно трио должно отправиться в свои последние искания. Кандалы Люцифера разомкнуты, а Чаша его по-прежнему утрачена. Потребуется свет всех троих, дабы сплотить сию Чашу сызнова и опять изгнать его в тьму непреходящую.

Он представил себе лицо того, кого именовали Воителем Человеческим, и явственно узрел его синие глаза и твердые черты лица. Воитель был наделен всеми атрибутами мужественности, он являлся истинным олицетворением мужчины и воина.

Легион продолжил свой путь вдоль стены. По дороге мимо него промчалась огромная повозка, вздымая в воздух пыль и мусор и изрыгая зловонный дым. По памяти Леопольда Легион знал, что эта повозка именуется автобусом. Однако он предпочел обратиться к собственным воспоминаниям. Будучи одним из *Падших*, он бессчетные годы бродил по этому миру-саду, задолго до того, как сюда ступила нога человека. Там, где некогда росли дикие леса, человечество заковало землю в искусственный камень. Там, где когда-то под синими небесами текли чистые реки, ныне осталась лишь грязь — и в воде, и в воздухе.

С самого начала Легион знал, что человек не достоин унаследовать этот рай. Во время Войны в Небесах, где он вместе с остальными восстал против планов Бога относительно людей, Легион надеялся забрать этот сад себе. Но в итоге он и прочие проиграли эту битву и были низвергнуты. Но ныне, как и предвидел Легион, человечество показало себя истинной гибелью для этого сада, сорной травой, которую надлежало вырывать с корнем и сжечь.

«Я отниму этот рай обратно».

Он не позволит, чтобы что-либо помешало ему.

Даже пророчество.

И ради этого он должен узнать больше об этом трио — достаточно, чтобы остановить их. Легион провел темными пальцами по стене, чувствуя, как святость этих камней обжигает его. Эта стена отделяла Рим от Ватикана. И он крался вдоль нее с определенной целью.

Легион знал от Леопольда прозвания двух других из *предреченного трио*: Женщина Знания и Рыцарь Христов. Они, вероятнее всего, находились поблизости, скрываясь в этом оплоте святости. Легион отнял руку от стены и уставился на ладонь, представляя, как темные вихри зарождаются в глубине его кожи. Если он наложит длань на одного из троих, то в единый миг сможет завладеть им.

«Одним прикосновением я могу покончить с угрозой, которую несет мне это пророчество».

И первый шаг к достижению этой цели вот-вот должен быть сделан. Рыская вдоль границ Священного Города, Легион надеялся найти нужную добычу. И вот она показалась. По тротуару к нему шел человек, ничем не отличимый от любого иного пешехода. Но своими обостренными чувствами Легион улавливал одно существенное отличие.

В груди этого прохожего не билось сердце.

Сангвинист — это слово Легион узнал от Леопольда. Служитель Господа тоже опознал сверхъестественную природу Легиона — но слишком поздно. Тот обхватил своими черными пальцами открытое запястье сангвиниста. Тот рухнул на колени, когда Легион выжег его волю и наполнил его сердце своим мраком.

«Ты будешь моими глазами и ушами в Священном Городе».

Легион поднял взгляд на гребень стены. Теперь, когда у него есть такой раб, он сможет узнать, где скрывается его враг, и положить конец этой угрозе.

«Я не буду побежден вновь».

19 часов 15 минут

Ватикан

Ожидая появления Джордана, Эрин изучала карту на компьютере Бернарда, прослеживая, как распространяются от Кум нападения стригоев.

— Это как чума, — пробормотала она.

Кардинал поднял взгляд от отчетов, которые как раз перчитывал.

— О чем это вы?

Эрин указала на экран.

— Что, если расценивать паттерн этих странных нападений стригоев как заболевание, эпидемию, которая распространяется все дальше и шире?

— И чем это поможет нам?

— Возможно, вместо того чтобы искать способ предотвратить эти нападения, мы должны сосредоточить усилия на поисках Пациента Ноль. Если мы сможем найти его...

Короткий стук в дверь заставил ее прерваться.

— Войдите, — произнес Бернард, поправляя свою алую кардинальскую шапочку. Он был тщеславен, но ни за что не признался бы в этом.

Эрин повернулась к распахнувшейся двери. Сначала вошел отец Грегори — но он лишь придерживал дверь для остальных. Увидев первого из гостей, Эрин сорвалась с места и пролетела половину кабинета, прежде чем сама это осознала.

Джордан схватил ее в объятия, приподняв над полом. Эрин в ответ изо всех сил обняла его. Когда он вновь поставил ее на ноги, она отклонилась назад, положила руки ему на плечи и окинула его жадным взглядом.

Несмотря на все заверения кардинала, Эрин тревожилась за состояние Джордана. Но он действительно выглядел хорошо — а если сказать точнее, то просто отлично. Его загорелое лицо прямо-таки лучилось здоровьем.

Приподнявшись на цыпочки, женщина запрокинула лицо в ожидании поцелуя. Склонившись, Джордан чмокнул ее в щеку. Его губы были обжигающе-горячими, словно у больного лихорадкой. Эрин опустила на всю стопу, изумленно поднимая руку к щеке.

Поцелуй в щеку?

Столь прохладный знак привязанности был совершенно нехарактерен для Джордана и воспринимался как отторжение.

Эрин заглянула в его ясные синие глаза и протянула руку, чтобы погладить его по коротко стриженным белокурым волосам. Ей хотелось спросить у него, что происходит. Он никак не отреагировал на ее прикосновение. Эрин приложила тыльную сторону руки к его лбу. Кожа его просто пылала жаром.

— У тебя температура?

— Абсолютно нет. Я чувствую себя отлично. — Он отступил назад и большим пальцем указал на своего спутника, шед-

шего чуть позади. — Наверное, просто перегрелся, пытаюсь угнаться за этим парнем.

«Этим парнем» был Христиан, и, судя по выражению лица, молодой сангвинист также был обеспокоен. Джордан явно что-то от нее скрывал.

Но прежде чем Эрин успела об этом спросить, Христиан переступил порог. Он был одет в потертые черные джинсы и темно-синюю ветровку, из-под которой виднелась священническая рубашка с колораткой¹. Он кивнул Бернарду.

— София и Баако пошли отнести тело стригоя в папскую операционную.

Эрин на время отредила от своего беспокойства по поводу странностей Джордана и сосредоточилась на загадке, которую он со своей командой представил им на рассмотрение. Если они смогут обнаружить источник необычной силы и быстроты стригоя, то, возможно, в будущем сумеют разработать способ справиться с этим. Но это явно будет не сию минуту.

Христиан достал из кармана своей куртки лоскут цвета хаки и виновато оглянулся на Джордана.

— София просила меня показать это Эрин.

У Грейнджер перехватило дыхание, когда она узнала этот лоскут. Это был клочок от рубашки Джордана — но этот клочок был пропитан запекшейся кровью, и посередине его явственно виднелся разрез. Она встревоженно посмотрела на Стоуна, он ответил ей улыбкой.

— Не о чем волноваться. Меня просто слегка поцарапали в бою.

— Поцарапали? — Она чувствовала, что он о чем-то умалчивает. — Покажи!

Джордан вскинул руки, словно защищаясь.

— Клянусь... там не на что смотреть.

— Джордан... — Тон Эрин стал холодным, почти угрожающим.

¹ Колоратка — элемент облачения клириков и иных священнослужителей в западных церквях и церковных общинах, представляющий собой жесткий белый воротничок с подшитой к нему манишкой, застегивающийся сзади и надевающийся под сутану, или же белую вставку в воротничок-стойку обычной рубашки.

— Ладно, ладно. — Он задрал свою футболку, предъявив отлично накачанный пресс.

Тут явно все в порядке.

Эрин провела пальцем по его необычно горячей коже, заметив тонкую полоску шрама. Раньше этой полоски не было. Не отнимая пальцев от живота Джордана, она снова взглянула на окровавленный лоскут в руках Христиана. Разрез на передней части рубашки точно совпадал с этим шрамом.

— Царапина или нет, — произнесла Эрин, — но она не должна была зажить так быстро.

Бернард тоже подошел, чтобы осмотреть Джордана.

— По словам Софии и Баако, — объяснил Христиан, — Джордан самопроизвольно исцелился без каких-либо дурных последствий.

Без каких-либо дурных последствий?

Его кожа под пальцами Эрин просто пылала. И он избегал смотреть ей в глаза. Она вспомнила прошлый раз, когда от него исходил такой жар. Это было, когда Джордан был исцелен ангельской кровью Томми. Было ли это свидетельством пророчества, относящегося к Воителю Человеческому? Слова эхом прозвучали в памяти Эрин: *«Воитель же Человеческий так же нерасторжимо связан с ангелами, коим обязан своей брэнной жизнью»*.

Джордан одернул футболку и бросил взгляд на Эрин.

— Я не хотел, чтобы ты волновалась. Я собирался сказать тебе, когда мы будем наедине.

Собирался ли?

Она ненавидела эти свои сомнения, но ничего не могла с этим поделать.

— Полагаю, нам сперва нужно обсудить куда более важную подробность, — продолжил Джордан.

Он достал что-то из кармана своих камуфляжных штанов и поднял так, чтобы все могли это видеть. Свет свечей блестел на острых изломах. Это было похоже на две половинки разбитого зеленого яйца.

— Мы нашли это возле алтаря в святилище сивиллы под землей, — пояснил Джордан.

Он прошел через кабинет и положил осколки на стол кардинала. Все сгрудились вокруг них. Грани камня отбрасывали

радужные блики на лица. Таких ярких отсветов Эрин никогда не видела: желтые были подобны солнечному свету, зеленые — молодой траве, синие — безоблачным небесам. Эти обломки явно состояли не из обычного стекла.

— Что это за камень? — спросила она.

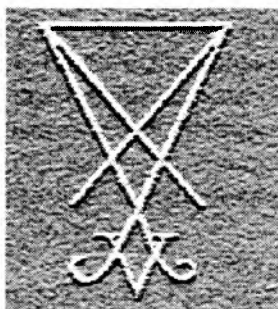
— Думаю, алмаз, — ответил Христиан, наклоняясь поближе. — Зеленый алмаз, если говорить точнее. Чрезвычайно редкий.

Эрин смотрела на камень, зачарованная его красотой. Ограненный кристалл раскидывал блики по всему столу. Эти крошечные изумрудно-зеленые отблески напоминали ей крошечные листья, колышущиеся под ветром.

Джордан сложил два куска алмаза вместе.

— Мы нашли его уже разбитым пополам, но когда-то это был цельный самоцвет. И взгляните на это...

Он перевернул камень, чтобы показать символ, виднеющийся на кристалле:

Эрин склонилась ниже, обводя линии символа указательным пальцем. Они выглядели так, словно рисунок был вплавлен в алмаз.

— Странно, да? — сказал Джордан, заметив ее внимание к символу. — Такое ощущение, что он всегда был частью камня, а не был вырезан впоследствии.

Грейнджер нахмурилась.

— Я слышала об изъянах и различных включениях в драгоценных камнях, но трудно поверить, что такой четкий и симметричный рисунок образовался естественным путем.

— Согласен, — кивнул Христиан.

Она выпрямилась.

— К тому же я видела такой символ раньше.

Потрясенное выражение их лиц отчасти даже позабавило ее.

— Где? — спросил Бернард.

Эрин указала на книжный шкаф кардинала:

— Вот здесь.

В доказательство своих слов Эрин подошла к шкафу и извлекла маленький томик в кожаном переплете. Она сама передала эту ужасную книгу кардиналу, найдя ее в снегу в Стокгольме после того, как ее обронила Элисабета Батори. Это был личный дневник Кровавой Графини, перечень ее злодейств и жутких экспериментов.

Эрин отошла обратно к столу и открыла ломкую обложку дневника. Ему уже исполнилось несколько столетий, но женщина могла поклясться, что чувствует запах крови, все еще исходящий от его страниц. Она пролиستала страницы с изображениями лекарственных трав, прежде чем добралась до описания поздних опытов Батори, где содержались подробные рисунки человеческой и стригойской анатомии. Глаза Эрин скользили по аккуратным строкам, где рассказывалось о страшных экспериментах над смертными женщинами и стригоями, о кошмарных способах воздействия, причиняющих подопытным невероятные страдания и заканчивающихся смертью.

Она поспешно пролистала и их.

В самом конце дневника Грейнджер нашла то, что искала. На последней странице был грубо, словно в большой спешке, нацарапан символ:

Он в точности совпадал с тем, что был виден на камне.

— Что это значит? — спросил Бернارد.

— Поинтересуйтесь у той женщины, которая его нарисовала, — ответила Эрин.

Джордан застонал.

— Что-то мне подсказывает, что она не захочет нам содействовать, особенно после того, что сделал с нею Рун. Она не из тех, кто легко прощает что бы то ни было.

— И все же, — не сдавалась Эрин, — возможно, только Рун и сможет убедить ее.

Джордан вздохнул.

— Другими словами, пора снова собирать всех воедино.

Вид у него был недовольный, но Эрин почувствовала некоторое облегчение при мысли о том, что все они снова будут вместе, что *предреченное трио* воссоединится.

Она представила бледное лицо Руна, его мрачные темные глаза и повернулась к Бернарду:

— И где именно сейчас находится наш Рыцарь Христов?

Глава 8

*17 марта, 20 часов 37 минут
по центральноевропейскому времени
Кастель-Гандольфо, Италия*

«Еще одно, последнее дело, и я волен буду вернуться в Рим».

Хотя на самом деле Рун не особо спешил с этим. После возвращения из Египта он остановился отдохнуть в летней резиденции папы, в одном из сельских пригородов Кастель-Гандольфо. Понтифик редко навещал эту резиденцию, и она напоминала скорее деревенское поместье. Жизнь здесь шла неспешно и размеренно, определяясь лишь сменой времен года.

Рун стоял у окна и смотрел через весенние поля на залитые лунным светом воды озера Альбано. Он и сам не осознавал, как соскучился по виду воды после проведенных в пустыне месяцев. И сейчас он глубоко вдыхал воздух, наполненный ароматами влаги, зелени и рыбы.

Потом его пятку пронзила острая боль, и он перевел взгляд на каменный пол — и на озорного звереныша, жующего задник ботинка Руна. Белый львенок распростерся на полу, вытянув перед собой передние лапы, точно сфинкс. Разве что сфинксы не имеют обыкновения склонять голову набок и запускать клыки в кожаную обувь.

— Довольно, друг мой. — Рун стряхнул с ноги решительно настроенного львенка.

Детеныш отлично перенес перелет из Египта в Италию. Перед полетом он плотно позавтракал молоком и мясом и всю дорогу крепко спал, свернувшись в ящике.

«Очевидно, ты снова не прочь поест... обувной кожи».

Стук в дверь заставил обоих взглянуть в ту сторону. Рун поспешил открыть, надеясь, что это человек, которого он тайно просил встретиться с ним в этом удаленном уголке папской резиденции. Когда Корца отворил дверь, за нею обнаружился низкорослый священнослужитель, в седых волосах которого была выбрита монашеская тонзура. Макушка его едва достигала плеча Руна.

— Брат Патрик, спасибо, что пришел.

Собрат-сангвинист проигнорировал формальное приветствие Руна и, протиснувшись в комнату, взял того за обе руки.

— Когда мне сказали, что ты прибыл повидать меня, я даже не поверил в это. Так много лет прошло!

Рун улыбнулся его восторгу.

— Брат Патрик, ты меня пристыдил. Неужели миновало столько времени?

Монах задумчиво нахмурился.

— Кажется, мы беседовали последний раз в тот год, когда люди только совершили полет на Луну. Я знаю, что ты недавно побывал здесь, но ты приехал и уехал так быстро... — Он погрозил Руна пальцем. — Ты должен был задержаться.

Рун кивнул. Он был занят в тот раз, расследуя вероятность того, что в ордене завелся предатель, но объяснять это было бы слишком долго. К счастью, брат Патрик быстро переключил внимание на другого гостя резиденции.

— О боже! — Патрик опустил на колени и протянул руку к львенку, почесывая кончиками пальцев его мягкие уши. —

Это полностью искупает твое долгое отсутствие. Я много лет не видел столь великолепного зверя.

Монах долгое время присматривал за папским зверинцем — еще с тех пор, как в резиденции обитали лошади, крупный и мелкий скот, голуби и соколы. Несмотря на свой маленький рост и упитанность, он быстрее любого другого мог запрячь коней в карету. Более века назад Рун работал вместе с ним в конюшне. Никто так хорошо не понимал божьих тварей, как брат Патрик.

— Малыш выглядит голодным, — произнес монах, явив уже упомянутое понимание бессловесных созданий.

— Но я не так давно скормил ему добрую порцию мяса!

— Это юное, растущее существо, — хмыкнул Патрик, потом поднялся и двинулся к двери. — Пойдем со мной. Я уже подыскал для него уютное местечко. После того как ты сообщил о том, что с тобой приедет такой очаровательный спутник, я сделал все, чтобы подготовиться к его прибытию.

Львенок радостно затопал за ними. Патрик повел Руна вниз по ступеням и прочь из здания на открытый воздух. Они прошли через задний двор туда, где находились старые конюшни.

Как только Рун вошел туда, запах конского пота, седельной кожи и сена словно перенес его на сотню лет назад. Медленное, мощное сердцебиение лошадей звучало вокруг него, точно музыка. Сейчас в конюшне обитало лишь несколько животных, гораздо меньше, чем в давние времена, когда для путешествий обязательно требовался одр о четырех ногах.

Лошади зафыркали, едва завидев Патрика, а тот извлек из своих карманов по куску сахара для каждой из них и обошел стойла, ласково поглаживая по носу их обитателей.

Рун подхватил преисполненного любопытства львенка, чтобы помешать ему кинуться напрямик в какое-нибудь стойло.

Наконец Патрик дошел до дверей своего кабинета и пригласил гостей внутрь. Стены были увешаны изображениями лошадей — и фотографиями, и карандашными рисунками. Рун узнал коня, которого в свое время видел вживую, чемпиона, возвращенного Патриком.

Монах проследил за его взглядом.

— Помнишь Благодатного, а? Что за чемпион это был! Клянусь, появившись из чрева матери, он сразу же уверенно встал на ноги.

Обойдя свой захламленный рабочий стол, Патрик просеменил к маленькому холодильнику в углу. Оттуда он извлек металлический кувшин с молоком, с полки снял большую керамическую миску, а потом до края наполнил ее из кувшина.

Едва он поставил миску на стол, как львенок метнулся прямоком к ней, погрузил морду в белую жидкость и начал лакать. Комнату наполнило громкое мурлыканье.

На краткий миг Руну показалось, что он находится вне своего тела. Он обнаружил, что смотрит в белое озерцо прямо под носом и чувствует, как холодное молоко течет в горло. Потом он вдруг вновь оказался в собственном теле и в изумлении сделал шаг назад, слегка покачнувшись.

Патрик пристально и озабоченно посмотрел на него.

— Рун, ты что?

Тот лишь покачал головой, приходя в себя и все еще не совсем понимая, что случилось. Он посмотрел на львенка, потом снова на Патрика и решил списать странную иллюзию на последствия усталости. Сейчас у него были куда более приземленные дела.

— Спасибо, что согласился присмотреть за ним. Я знаю, что львенок будет обузой, но прошу тебя держать его здесь так долго, как сможешь.

— С радостью это сделаю, но я не смогу вечно держать здесь льва — лошади, сам понимаешь. В конце концов его придется передать в зоопарк, куда-нибудь, где у него будет достаточно места и надлежащий присмотр. — Патрик взглянул на Руна и погладил львенка по боку. — Не могу не признать, что он очарователен, но это совсем не похоже на тебя — подбирать потерявшихся зверушек. Что такого необычного в этом малыше?

Рун не был готов рассказывать о рождении львенка от *бласфемаре*, поэтому предпочел аккуратно обойти эту тему.

— Он сирота. Я нашел его рядом с телом его убитой матери.

— Многие детеныши остаются сиротами, но ты не прита-скиваешь их ко мне на конюшню.

— Он... совсем другой, возможно, особенный.

Патрик подождал дальнейших объяснений, но когда их не последовало, просто хлопнул себя руками по бокам и встал.

— Я могу взять его на несколько недель. Но на всякий случай начну подыскивать ему место для постоянного проживания.

— Спасибо, Патрик.

На столе зазвонил телефон. Монах хмуро взглянул на него:

— Похоже, я кому-то срочно нужен.

Патрик снял трубку. Рун наклонился, чтобы слегка потрепать львенка по гриве, а потом направился к двери. Он уже шагнул за порог кабинета, но тут Патрик окликнул его:

— Похоже, я ошибся, Рун. Кое-кому срочно нужен *ты*.

Корца сделал шаг назад. Положив трубку, Патрик пояснил:

— Звонили из канцелярии кардинала. Похоже, его преосвященство желает, чтобы ты срочно вылетел в Венецию.

— В Венецию?

— Кардинал Бернард лично встретит тебя там.

Рун ощутил холодок беспокойства, догадываясь о причинах этого вызова. После событий в Египте Элисабету отослали в Венецию. Там ее поместили под присмотр и охрану в стены монастыря, точно узницу.

«И что же натворила Элисабета?»

Рун мысленно сверил свои планы. Оставив здесь льва, он намеревался направиться прямоком в Рим, чтобы отдать мешочек с черными камнями — каплями крови Люцифера, добытыми им в песках Египта. Но этот неожиданный вызов требовал, чтобы камни сначала были помещены в надежное место. Рун не хотел, чтобы рядом с Элисабетой оказалось такое средоточие зла.

Он подошел к столу. Патрик, должно быть, что-то угадал по выражению его лица.

— Что еще я должен сделать для тебя, сын мой?

Рун достал из кармана кожаный мешочек и положил на стол. Монах отпрянул, почувствовав зло, исходящее от камней.

— Ты можешь спрятать это здесь, в замке, в кардинальском сейфе? Никто не должен прикасаться к тому, что лежит внутри.

Патрик с отвращением посмотрел на мешочек, но затем кивнул.

— Ты привез с собой немало любопытного, Рун.

Тот пожал руку монаха.

— Сегодня ты освободил меня сразу от двух тяжких грузов, старый приятель. Я ценю это.

Уладив вопрос с камнями, он направился прочь из кабинета, однако на душе было беспокойно. Рун не знал, что ждет его в Венеции. Но одно он знал точно.

Элисабета не обрадуется его визиту.

ЧАСТЬ II

Тогда Иудеи стали спорить между собою, говоря: как Он может дать нам есть Плоть Свою? Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день.

Ин. 6:52–54

Глава 9

*17 марта, 20 часов 40 минут
по центральноевропейскому времени
В воздухе над Венецией, Италия*

Когда вертолет перемахнул через Адриатическое море, Джордан взглянул на часы. Путь из Рима оказался довольно коротким. Впереди сверкала на фоне черной лагуны Венеция, точно драгоценная корона, брошенная кем-то у итальянских вод.

В вертолете, помимо них с Эрин, находились трое сангвинистов. Впереди над пультом управления склонился Христиан, а София и Бернард сидели в задней части кабины. То, что кардинал тоже отправился в эту поездку, удивило Джордана.

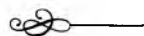
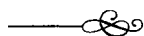
«Полагаю, Бернард просто устал сидеть в Риме».

И все же кардинал и остальные сангвинисты были искусными воинами. Джордан уж точно не был против дополнительной военной силы, особенно после нападения в подземном святилище. Даже сейчас его живот пылал огнем, который был порожден неким чудом, дарующим исцеление. Тот же самый жар тек по давнему шраму, ветвящемуся через все плечо и верхнюю часть груди Стоуна: то был след от молнии, которая ударила его в его юные годы.

И сейчас к этому плечу привалилась головой Эрин. Джордан мягко сжимал ее руку в своей ладони. Не раз и не два за время этого полета она бросала на него встревоженный взгляд. Он не мог винить ее за это, ведь даже София и Баако были потрясены тем, что он едва не погиб.

Вертолет сильно тряхнуло, и внимание Джордана вновь обратилось к окну, за которым проплывали огни Венеции. Христиан заложил вираж, наклонив воздушную машину ради лучшего обзора.

— Прямо под нами — площадь Святого Марка, — сообщил Христиан по связи — перед полетом все путешественники

надели гарнитуры с микрофонами. — Эта красно-белая башня — Кампанила, а здание, похожее на готический свадебный торт, — Дворец дождей. Рядом с ним — базилика Святого Марка. У ордена есть свои владения под этим святым зданием, как и под базиликой Святого Петра. Там мы заночуем после того, как расспросим графиню Батори об этом странном символе.

Эрин стиснула руку Джордана и перегнулась через его плечо, стараясь рассмотреть все то, о чем говорил Христиан.

— Венеция остается неизменной почти тысячу лет, — произнесла она. — Подумать только...

Стоун улыбнулся ее восторгу, однако его улыбка была слегка вымученной. Он по-прежнему чувствовал себя как-то отстраненно. И это выражалось не только в приглушенных эмоциях по отношению к женщине, которую он любил. Сегодня Джордан пропустил и обед, и ужин, но все еще не чувствовал голода. И даже когда он заставлял себя поесть, еда была для него совершенно безвкусной. Он ел скорее из чувства долга, чем из подлинного желания насытиться.

Сержант потер пальцем шрам на животе.

Что-то определенно изменилось.

Это должно было тревожить его и даже пугать, но вместо этого он ощущал глубокое спокойствие, как будто все шло так, как и должно идти. Он не мог облечь это в слова, и потому по большей части избегал говорить об этом даже с Эрин, но в этом почему-то тоже не было ничего неправильного.

У него было чувство, что он становится сильнее и чище.

Пока Джордан размышлял над этой загадкой, Христиан повел вертолет прочь от площади Святого Марка и посадил на крыше роскошного отеля поблизости. Когда винты замедлили вращение, Стоун быстро проверил свое оружие: пистолет, пистолет-пулемет и кинжал. Потом оглянулся на остальных, ожидая, пока Христиан даст им сигнал, что можно выходить наружу.

Эрин выглядела бодро, но Джордан заметил тени у нее под глазами. Для обычной женщины гражданской профессии она слишком многое испытала за такое короткое время. У нее не было времени отдохнуть и прийти в себя по-настоящему, осознать все, что она узнала за прошедший год.

Христиан, сидящий в пилотском кресле, махнул рукой — мол, можно выходить. Но София задержала их, явно желая

идти первой. Во время полета невысокая индианка сидела, полуприкрыв глаза, и от нее исходило ощущение покоя. Было ли это чувство порождением ее веры или неестественной способности сохранять неподвижность, Джордан не знал. Теперь же она открыла дверцу вертолета и спрыгнула на посадочную площадку с удивительным изяществом.

Бернард последовал за ней, явив не меньшую ловкость. Когда кардинал оказался на открытом воздухе, порыв ветра взметнул полы его темного плаща, явив миру алое облачение, — знак сана. Хотя всю дорогу Бернард провел в молитвах, набожно сложив перед собой обтянутые перчатками руки, похоже, это не помогло ему обрести спокойствие.

Та, ради которой они предприняли это путешествие через всю страну, Элисабета Батори, скорее всего бросит им всем нелегкий вызов. Особенно кардиналу — между ним и этой женщиной лежала долгая и кровавая история. Они враждовали между собой не одно столетие.

Христиан, поднырнув под все еще медленно крутящиеся лопасти вертолета, подошел к дверце и предложил руку Эрин, чтобы помочь ей выйти из машины. Поднятый винтами ветер разметал светлые волосы Грейнджер, образовав вокруг ее головы призрачный нимб — как раз в тот момент, когда она оглянулась на Джордана. Ее янтарные глаза мерцали в звездном свете, щеки горели, а губы были чуть приоткрыты, словно в ожидании поцелуя.

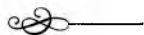
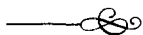
На миг ее красота, словно стрела, пробилась сквозь горячий туман, наполнявший душу Джордана.

«Эрин, я люблю тебя».

Он мысленно поклялся, что это чувство не исчезнет никогда, — но втайне гадал, сможет ли сдержать этот обет.

20 часов 54 минуты

Элизабет, полностью одетая, лежала на жесткой кровати в своей монастырской келье и следила за игрой бликов — городские огни отражались от вод канала и бросали причудливые отсветы на потолок. Ее мысли были за полмира отсюда, там, где находился сейчас Томми.

Графиня дотронулась до телефона, спрятанного в кармане ее юбки. Как только окажется на свободе, она придумает, как помочь мальчику. Ее дети были отняты у нее. Она не позволит, чтобы такое случилось с Томми. Никто не отнимет то, что принадлежит ей.

Элизабет повернула голову к окну, туда, где в маленьком отверстии под куском отбитой штукатурки она спрятала украденный ключ от лодки Берндта. Сейчас ей оставалось только ждать, пытаться дышать спокойно, заставляя сердце биться ровно. Она не могла позволить, чтобы немногочисленные сангвинистки, живущие здесь, в монастыре, наравне со смертными монахинями, ощутили ее тревогу и раскрыли ее план: ведь в эту самую ночь она намеревалась тайно покинуть эти стены.

Гостям было положено возвращаться в монастырь вплоть до полуночи, и как обычно, Эбигейл будет дежурить в приемной до тех пор, пока двери монастыря не запрут на ночь. После этого монахиня уйдет в свою келью в дальней части здания. Но Элизабет не могла рассчитывать на крепкий сон Эбигейл. Графиня помнила, как в бытность ее стригоем ночь всегда наполняла силами ее тело, требуя выйти под открытое небо и наслаждаться прикосновением лунного и звездного света к коже. Сангвинисты, должно быть, подвержены тем же соблазнам, пусть и пытаются усмирить их при помощи молитвы.

Немного дальше по коридору захлопнулась дверь.

Еще один турист вернулся и намеревается лечь спать.

Как обычно весной, гостевые покои монастыря были полны, и это было хорошо. Когда в здании так много живых, бьющихся сердец, Эбигейл будет сложно вычленить из этого множества пульс Элизабет. Этого нестройного ритма чужих сердец может оказаться достаточно, чтобы обеспечить графине условия для побега.

«А я должна сбежать».

Она мысленно пробежала по пунктам своего плана: забрать ключ от лодки из тайника у окна, прокрасться по застланному ковром коридору, держа в руках туфли, открыть засов на железной калитке в боковой стене монастыря и обогнуть здание, дойдя до лодки Берндта. Сев в лодку, она должна будет отвязать причальные канаты, позволить течению отнести ее на

некоторое расстояние, потом заведет мотор лодки и отправится навстречу свободе.

Дальнейшие ее планы были тревожаще неопределенными.

Прежде чем оказаться среди сангвинистов минувшей зимой, Элизабет закопала изрядное количество денег и золота вблизи от Рима. Эти сокровища она похитила с тел и из домов тех, кого убила после того, как пробудилась в эту эпоху, проспав столетия в саркофаге, заполненном освященным вином.

Рун запер ее в том каменном гробу так же надежно, как заключил здесь, в монастыре.

Элизабет подняла руку и коснулась стены кельи. Женщина была полна решимости никому и ничему не позволить преградить ей путь к Томми — пока еще для мальчика не стало слишком поздно. Оказавшись на свободе, она найдет стригоя и убедит его *обратить* ее — а потом принесет этот дар к больничной койке Томми.

«Тогда ты будешь жить... и навсегда останешься со мной».

До слуха ее донесся шум шагов по коридору. Приближалась большая группа — слишком большая, чтобы это могло оказаться семейство туристов.

Неужели монахини каким-то образом проникли в ее замыслы?

Она села в кровати, когда чья-то сильная рука уверенно постучала в дверь ее кельи.

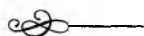
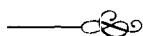
— Графиня! — позвал мужской голос с итальянским акцентом.

Элизабет сразу же опознала почти неприкрытую властность в этом голосе и стиснула зубы так, что заныли челюсти. «Кардинал Бернارد».

— Вы не спите? — спросил он через плотную дверь.

Элизабет поразмыслила, не притвориться ли ей и впрямь спящей, но не увидела в этом смысла — к тому же неожиданный визит дразнил ее любопытство.

— Не сплю, — прошептала она, зная, что его острый слух уловит эти слова. Потом встала, чтобы впустить посетителей. Ее юбка шелестела по холодному полу, когда она шла к двери, чтобы отпереть ее. Как обычно, кардинал был в своем алом облачении — его тщеславие всегда забавляло Элизабет. Бер-

нард не мог допустить, чтобы кто-то хоть на миг оставался в неведении касательно его высокого сана.

Из-за его плеча на графиню хмуро смотрела Эбигейл. Элизабет проигнорировала монахиню и кивком поприветствовала других спутников Бернарда, большинство из которых она хорошо знала: то были Эрин Грейнджер, Джордан Стоун и молодой сангвинист по имени Христиан. Однако она отметила, что в этой группе, как ни странно, кое-кто отсутствует.

Руна среди гостей не было.

Неужто он так пристыжен, что не смеет показаться ей на глаза?

Гнев вспыхнул в ее душе, но она лишь крепче сжала губы, не смея открыто проявлять раздражение.

— Весьма позднее время для визитов.

— Прошу прощения за то, что побеспокоили вас в столь неурочный час, графиня. — Кардинал вещал с вкрадчивой дипломатической вежливостью. — Но у нас возник вопрос, который мы желали бы обсудить с вами.

Элизабет сохраняла невозмутимый вид, понимая, что дело, которое привело эту компанию к ее дверям, должно быть чрезвычайно срочным. К тому же она чувствовала, что ее шансы сбежать из монастыря в эту ночь стремительно исчезают.

— Я с радостью побеседую с вами утром, — ответила она. — Я уже готовилась отойти ко сну.

Сестра Эбигейл протянула руку и грубо вытащила Элизабет в коридор, даже не пытаясь скрыть свою сверхъестественную силу.

— Если они говорят «сейчас», значит, сейчас.

Джордан предостерегающе положил ладонь на плечо монахини.

— Думаю, мы можем обойтись без насилия.

— И это вопрос свободы выбора, — подтвердил Бернард, взмахом руки приказывая Эбигейл отойти.

Под глазом у монахини задергалась жилка.

— Как пожелаете. У меня есть другие дела, требующие моего внимания, так что оставляю леди Элизабет на ваше попечение.

Эбигейл выпустила руку Батори, развернулась на пятках и зашагала прочь. Та смотрела ей вслед, пряча довольную улыбку.

— Не желаете ли побеседовать в моей скромной обители? — Графиня указала на свою келью, позволив себе провявить намек на недовольство. — Хотя здесь довольно тесно.

Бернард шагнул ближе, окидывая взглядом коридор.

— Мы отведем вас в нашу часовню под базиликой Святого Марка, там никто не помешает нашей беседе.

— Понимаю, — ответила Элизабет.

Кардинал протянул ей руку, словно намереваясь предложить графине опереться на нее, но вместо этого замкнул на запястье Элизабет холодный металлический браслет — а второй защелкнул на собственном предплечье.

— Наручники? — спросила графиня. — Неужели кто-то, наделенный вашей силой, не сможет иным способом удержать слабую, беспомощную смертную женщину, каковой я сейчас являюсь?

Джордан усмехнулся.

— Смертны вы или нет, но я полагаю, вы ни в коей мере не *беспомощны*.

— Возможно, вы правы. — Она чуть склонила голову набок и улыбнулась ему.

Стоун был красивым мужчиной — с крепким подбородком, широким лицом, на котором уже пробивалась чуть заметная щетина пшеничного цвета. От него исходил жар — полыхание внутреннего огня, возле которого она с наслаждением погрелась бы.

Эрин взяла Джордана за руку, словно утверждая свои права на этого мужчину. Некоторые вещи не меняются, сколько бы столетий ни прошло.

— Ведите меня навстречу моей участи, сержант Стоун, — произнесла Элизабет.

Тесной группой они прошли через территорию монастыря и вышли за главные ворота. Краем глаза Батори заметила у причала лодку Берндта и ощутила укол негодования, однако он быстро угас.

Быть может, ей не придется сегодня ночью отплыть на этой лодке навстречу свободе, однако не исключено, что ей представится куда более интересная возможность.

21 час 02 минуты

Эрин шла следом за сангвинистами через переулки и горбатые мостики Венеции. Она держала за руку Джордана, чувствуя, какая горячая у него ладонь. Женщина пыталась унять в своей душе страх за него. Пусть даже извне создается впечатление, что у него высокая температура, но выглядит он здоровым и готовым сразиться с целой армией.

Когда они останутся наедине, она расспросит его о подробностях того, что произошло в той пещере, и о том, почему в последнее время он словно бы отдаляется от нее. Эрин подозревала, что эти перемены берут начало в той ангельской сущности, которую Томми вложил в Джордана, спасая его жизнь. Но хотя ее разум взвешивал эту возможность, сердце Эрин неизменно тревожили куда более приземленные варианты.

«Что, если он просто больше не любит меня?»

Как будто подслушав, о чем она думает, Джордан сжал ее руку.

— Ты когда-нибудь прежде бывала в Венеции? — тихо спросил он.

— Я только читала о ней. Но она именно такая, какой я ее себе представляла.

Радуюсь, что может отвлечься от беспокойных дум, Эрин огляделась по сторонам. Переулки островного города были такими узкими, что кое-где идти по ним бок о бок можно было лишь по двое. В маленьких витринах были выставлены старинные книги, искусно сделанные из стекла перья, кожаные маски, шелковые и бархатные шарфы. Венеция всегда была крупным центром торговли. Сотни лет назад те же самые витрины манили небывалыми товарами других прохожих. И хотелось надеяться, что сто лет спустя все будет обстоять так же.

Эрин сделала глубокий вдох, чувствуя запах моря от каналов, запах чеснока и томатов от расположенного поблизости ресторана. Фасады окружающих домов были окрашены в различные оттенки охристого цвета, а также в желтый и светло-голубой, стекла в их окнах были настолько старыми, что уже пошли рябью от возраста.

Было нетрудно представить, что она на машине времени перенеслась на сто лет в прошлое — или даже на тысячу. Эрин

росла в сельской местности, в замкнутой общине, и повседневная жизнь ее родителей была даже более примитивной, чем у людей, которые жили в этом городе столетия назад. Вера ее отца заставила его отвергнуть весь современный мир, и Эрин иногда с тревогой думала, что ее выбор профессии, ее любопытство к древней истории по-прежнему мешают ей идти в ногу со временем.

«Неужели я все-таки истинная дочь своего отца?»

Наконец их группа прошла темный тоннель, проложенный сквозь древнюю стену. Перед ними открылась площадь Святого Марка, и Эрин воочию узрела знаменитую базилику.

Золотистый свет озарял это здание, выстроенное в византийском стиле, его причудливый фасад с арочными проемами, мраморными колоннами и изящными мозаиками. Эрин вытянула шею, чтобы получше рассмотреть это великолепие. По центру фасада, на самом верху, стояло изваяние самого святого Марка, а под ним — его символ, золотой крылатый лев. По сторонам от святого-воителя размещались шесть ангелов.

Все здание было подлинным воплощением роскоши и величия.

У Джордана, как всегда, было свое мнение.

— Выглядит малость аляповато.

Эрин рассмеялась, не в силах удержаться. Он говорил сейчас совсем как тот Джордан, которого она когда-то встретила в Израиле.

— Подожди, пока не увидишь базилику изнутри, — предупредила Грейнджер. — Ее не зря называют Золотой Церковью. Джордан пожал плечами.

— Во всем хорошем можно и переусердствовать, как мне кажется.

Эрин улыбнулась ему. Они шли через площадь Святого Марка, которая в дневные часы была полна голубей и туристов, но сейчас, поздним вечером, практически опустела.

Впереди рядом с кардиналом Бернардом гордо шествовала графиня, высоко держа голову и неотрывно глядя куда-то в одну точку, далеко перед собой. Даже в современном платье она выглядела словно принцесса, сошедшая со страниц какой-нибудь древней книги. Хотя в ее случае это должен был быть сборник страшных средневековых сказок.

Когда они подходили к базилике, Эрин указала на мозаику над входом:

— Она была выполнена в тринадцатом веке. Здесь изображены сцены из Книги Бытия.

Ей вспомнилась история, записанная на глиняной табличке из библиотеки сангвинистов — и как эта история была изменена. Эрин искала глазами мозаику с изображением змея в райском саду. В древнем тексте на табличке говорилось о договоре, который Ева заключила со змеем: разделить с ним плод с Древа Познания.

Прежде чем Эрин успела присмотреться к мозаике, из темного арочного проема вышел на свет пожилой священник. Его седые волосы были непричесаны, а сутана криво застегнута. На поясе у него висела связка ключей.

Священник встретил Бернарда на самом пороге базилики.

— Это нечто из ряда вон выходящее. За все свои годы я никогда...

Кардинал оборвал его, подняв руку.

— Да, это весьма необычное требование. Я признателен, что вы смогли удовлетворить его за столь короткое время. Если бы наше дело не было столь срочным, мы ни за что не решились бы побеспокоить вас.

— Я всегда счастлив оказать услугу. — Тон старого священника несколько смягчился.

— Как и все мы, — дополнил кардинал.

Священник-итальянец повернулся, подвел их к главному входу и отпер его. Отойдя в сторону, он предупредил Бернарда:

— Я отключил сигнализацию. Поэтому вы должны уведомить меня после того, как закончите.

Кардинал поблагодарил его и поспешил внутрь, увлекая всю группу за собой.

Эрин шла за ним, дивясь на золотую мозаику, которая, казалось, покрывала все поверхности: стены, арки проемов, сводчатые потолки.

Джордан, в свою очередь, при виде этого коротко присвистнул.

— Со мной играет шутки зрение, или оно все действительно так светится?

— Так сделаны плитки мозаики, — объяснила Эрин, ус-

мехнувшись его изумлению. — Под стеклянные пластины подкладывали золотую фольгу. Так они лучше отражали свет, чем обычное золото.

Элизабет, вероятно, привлеченная восторгами Джордана, обратила на него взор своих серебристых глаз.

— Они прекрасны, не так ли, сержант Стоун? Некоторые из этих мозаик сделаны по заказу моих предков из богемской ветви.

— Правда? — отозвался Джордан. — Работа впечатляющая.

От его внимания улыбка Элизабет стала шире, и это не понравилось Эрин. Возможно, ощутив ее раздражение, графиня повернулась к кардиналу Бернарду.

— Полагаю, вы привели меня сюда не для того, чтобы полюбоваться на труд, оплаченный моими предками. Что случилось, если вам столь срочно потребовалось поговорить со мной на ночь глядя? Что вам нужно?

— Знание, — коротко ответил тот.

Они уже дошли до середины церкви. Бернард явно не хотел, чтобы кто-то подслушал их беседу. Христиан и София держались по бокам, медленно обходя группу по кругу, как будто охраняя остальных и не давая подойти слишком близко никому постороннему — скажем, священнику, который в столь поздний час мог случайно оказаться в базилике.

— Что вы желаете знать? — спросила Элизабет.

— Это касается символа, который мы обнаружили в вашем дневнике.

Бернард сунул руку в карман плаща и достал книжицу в потертом кожаном переплете.

Элизабет протянула свободную руку ладонью вверх.

— Можно взглянуть?

Эрин подошла и взяла у кардинала дневник. Открыв записки графини на последней странице, она указала на символ, напоминающий изображение чаши.

— Что вы можете рассказать нам об этом?

На губах графини заиграла улыбка неподдельного удовольствия.

— Если вы решили расспросить меня об этом, значит, как я полагаю, вы обнаружили тот же символ где-то еще.

— Может быть, — скупой отозвалась Эрин. — Почему вы так считаете?

Графиня потянулась за книжицей, но Эрин быстро убрала дневник подальше. На краткий миг раздражение исказило черты лица Элизабет.

— Позвольте догадаться, — промолвила женщина. — Вы нашли этот символ на камне.

— О чем вы говорите? — спросил кардинал.

— Вы талантливый лжец, ваше высокопреосвященство. Но ответ на мой вопрос написан на лице этой женщины.

Эрин покраснела. Она ненавидела свое неумение скрывать что-либо, особенно сейчас, когда она понятия не имела, что замыслила графиня.

Элизабет объяснила:

— Я имею в виду зеленый алмаз, размером приблизительно с мой кулак. На этом алмазе была такая же отметина.

— Что вы об этом знаете? — спросил Джордан.

Графиня вскинула голову и рассмеялась. Ее смех эхом раскатился под сводами базилики.

— Я не отдам вам то знание, которого вы взыскуете.

Кардинал угрожающе навис над нею.

— Мы можем заставить вас рассказать.

— Успокойтесь, Бернард. — То, что она назвала его по имени, казалось, лишь сильнее разгневало кардинала. Похоже, графиня забавлялась, тыкая в его уязвимые точки. — Я сказала, что не *отдам* вам это знание, но это не значит, что я не поделюсь им с вами.

Эрин нахмурилась.

— Что вы имеете в виду?

— Все просто, — объяснила та. — Я *продам* вам это знание.

— Вы не в том положении, чтобы торговаться, — прорычал кардинал.

— А я считаю, что я в весьма выгодном положении, — возразила графиня, с незыблемым спокойствием глядя, как, подобно буре, нарастает гнев Бернарда. — Вас пугает этот символ, этот камень и те события, которые даже сию секунду воздвигаются против вас и вашего драгоценного ордена. Вы заплатите мне ту цену, которую я назову.

— Вы пленница, — начал было кардинал. — И вы...

— Бернард, это совсем невысокая цена. Я уверена, что вы сможете заплатить ее.

Эрин еще крепче стиснула дневник, не отрывая взгляда от лица графини, исполненного торжества, и боясь того, что произойдет дальше.

Кардинал ровным тоном поинтересовался:

— И чего же вы хотите?

— Кое-чего, стоящего весьма недорого, — ответила она. — Всего лишь вашу бессмертную душу.

Джордан, стоящий рядом с Эрин, замер, словно в ожидании нападения.

— Что это значит, можно уточнить?

Графиня склонилась поближе к кардиналу, локоны ее черных волос скользнули по его алой сутане. Бернард сделал шаг назад, но она последовала за ним.

— Верни мне мое бывшее величие, — прошептала она голосом скорее соблазнительным, нежели требовательным.

Кардинал покачал головой.

— Если вы говорите о своем бывшем замке и землях, то это не в моей власти.

— Не о землях. — Она лучезарно улыбнулась. — Если б они мне понадобились, я сама могла бы заполучить их обратно. То, чего я спрашиваю у тебя, намного проще.

Кардинал смотрел на нее, и лицо его выражало отвращение. Он знал, о чем она намерена просить.

Даже Эрин уже поняла это.

Элизабет протянула руку к губам кардинала, к его сокрытым клыкам.

— Сделай меня стригоем снова.

Глава 10

17 марта, 21 час 16 минут

по центральноевропейскому времени

Венеция, Италия

Элизабет наслаждалась, видя, как потрясение смыло прочь обычное спокойствие кардинала Бернарда. На долю мгновения он оскалил зубы, не удержав маску и показав свою истинную природу. После столетий вражды она нако-

нец сумела пробить брешь в стене его дипломатической непроницаемости, явив свету скрывающегося за этой стеной зверя.

Мне нужен этот зверь.

Она подверглась бы даже смертельному риску, чтобы освободить эту тварь.

Археологиня и солдат, стоящие чуть поодаль, были потрясены в равной мере, но наилучшая реакция исходила от сангвинистов. Молодой Христиан застыл недвижно, невысокая сангвинистка со смуглой кожей и восточными чертами лица скривила губы от омерзения. Для их благочестивых воззрений подобное требование было непредставимо.

Но, если припомнить, отсутствие воображения всегда было главным грехом сангвинистов.

— Никогда. — Первое слово сорвалось с уст кардинала тихим рыком, затем его голос возвысился, наполняя пространство базилики, словно органная нота. — Ты... ты мерзость пред ликом Господа!

Она, не дрогнув, встретила его гнев, еще больше подогревая его своим спокойствием.

— Твое священническое ханжество меня нимало не интересует. И не пытайся обмануть себя, я не больше мерзость, чем ты сам.

Бернард пытался обуздать свой гнев, загнать его обратно в глубины своей души, но брешь продолжала расширяться. Кардинал сжимал кулаки так сильно, что они, казалось, обратились в камень.

— Мы не будем обсуждать сей смертный грех в этом святом месте, предназначенном для поклонения Богу!

Он рванул наручники так сильно, что край браслета порезал кожу на запястье графини. Потом быстрой походкой направился к дальней стене церкви, и остальные потянулись за ним, как будто тоже были прикованы к нему.

Возможно, так оно и было на свой лад.

Элизабет приходилось бежать, чтобы угнаться за ним, однако она не могла двигаться достаточно быстро. Ее ноги запутались в длинных юбках, и она рухнула на холодный мрамор. Браслет наручника еще сильнее вгрызся в ее плоть.

Она не издала ни звука, наслаждаясь болью.

Если Бернард причиняет ей вред, значит, он теряет власть над собой.

Я этого добилась.

Она попыталась подняться на ноги, одна из туфель свалилась с ее ноги. В своих попытках встать Элизабет порвала платье на плече и вынуждена была подхватить его свободной рукой, чтобы ткань не сползала.

Христиан заступил дорогу Бернарду и коснулся плеча кардинала.

— Она не может идти так быстро, ваше высокопреосвященство. Помните, она теперь смертная, хотя и не желала быть таковой.

Джордан помог Элизабет подняться на ноги — графиня ощутила тепло его сильных рук, подхвативших ее тело.

— Спасибо, — прошептала она сержанту.

Даже Эрин пришла ей на помощь, поправив платье Элизабет так, чтобы оно не сползло. Несмотря на низкое происхождение этой женщины, в сердце ее бил родник доброты, достаточно обильный, чтобы помочь даже врагу, находящемуся в беде. Возможно, отчасти именно это и привлекло Руна к ней — ее бесхитростная доброта.

Элизабет сделала шаг прочь от Эрин, даже не попытавшись ее поблагодарить. Потом сбросила вторую туфлю, чтобы не ковылять неуклюже в одной. Мрамор пола леденил подошвы ее босых ног.

Бернард извинился сквозь сжатые зубы:

— Прошу вашего прощения, графиня Батори.

Он повернулся и продолжил свой путь, уже более сдержанной походкой. И все-таки каждый его размашистый шаг выражал ярость. Кардинал явно не мог оценить то, чего она хотела, то, чего она требовала от него. Он был бессмертным так долго, что забыл о желаниях и слабостях смертных. Но тем самым он создал в себе самую величайшую слабость.

«И я воспользуюсь этим в полной мере».

Кардинал дошел до дальней стены базилики и повел группу вниз по лестнице — похоже, ступени вели в подземную часовню сангвинистов.

Темное место для темных секретов.

У подножия лестницы открылась озаренная свечами крипта. Пол был гладким и чистым, по нему было легко идти даже

босиком. Пройдя через помещение, Бернард остановился у каменной стены, украшенной барельефом, — он изображал фигуру Лазаря.

Элизабет предположила, что это одни из сокрытых врат в святилище ордена.

Как же они любят свои тайны!

Остановившись перед барельефом, кардинал стащил со своей левой руки перчатку и снял с пояса нож. Пронзив тонким коротким лезвием свою ладонь, он уронил несколько капель крови в чашу, которую держал в руках Лазарь. Потом тихо произнес что-то по-латыни, слишком быстро, чтобы Элизабет смогла разобрать.

Мгновение спустя маленькая дверца отъехала в сторону, заскрежетав по камню.

Кардинал повернулся к остальным.

— Я поговорю с графиней наедине.

Все неуверенно переглянулись, перебросившись несколькими негромкими словами.

Самым смелым оказался Христиан — возможно, потому, что он был новичком в ордена и не боялся открыто возражать его главе.

— Ваше высокопреосвященство, это против наших правил.

— Мы уже далеко преступили все наши правила, — парировал Бернард. — Без присутствия посторонних я смогу добиться более удовлетворительных условий сделки.

Эрин шагнула вперед.

— Что вы собираетесь сделать с нею? Попытками выжать из нее сведения?

Джордан поддержал археологиню:

— Я был против жестких методик допроса даже в Афганистане и не собираюсь допускать это теперь!

Не обращая на них ни малейшего внимания, кардинал шагнул в дверь, потянув за собой Элизабет. На пороге он выкрикнул приказ, эхом раскатившийся по крипте:

— *Pro me.* Только для меня.

Прежде чем кто-либо успел отреагировать, дверь за ним захлопнулась.

Тьма сомкнулась вокруг Элизабет.

— Теперь ты моя, — прошептал ей на ухо Бернард.

21 час 20 минут

Эрин ударила кулаком по запечатанной двери.

Ей следовало заподозрить, что Бернард предпримет такой неожиданный маневр. Там, где речь шла о раскрытии тайн, он был готов пойти на все, на любые крайние меры, лишь бы управлять потоком информации единолично, и в прошлом уже доказал это. Эрин не была уверена, что кардинал не попытается скрыть любые знания, которые получит от Элизабет, и, может быть, даже убьет графиню, чтобы заставить ее умолкнуть навеки.

Она повернулась к Христиану и указала на чашу в руках изваяния:

— Открой эту дверь.

Но прежде чем он успел повиноваться, София положила руку на плечо молодому сангвинисту, удерживая его от поспешных действий. Однако ее слова были обращены ко всем:

— Кардинал сам допросит графиню. У него есть опыт в подобных вопросах.

— Я — Женщина Знания, — возразила Эрин. — То, что знает Элизабет, касается наших поисков.

Джордан кивнул:

— И я, как Воитель Человеческий, согласен с этим.

София была непреклонна.

— Вы не можете точно знать, связано ли то, что она может сказать, напрямую с вашими поисками.

Эрин фыркнула — она терпеть не могла, когда ее так бесцеремонно отодвигали от дел. Но ее тревожило и еще кое-что, более важное. Она не верила графине, даже когда та имела дело с кардиналом. Грейнджер боялась, что Элизабет в конце концов возьмет верх над Бернардом. Было очевидно, что эта женщина знала, на какие болевые точки Бернарда можно надавить, — но была ли это с ее стороны лишь жестокая игра, или же Элизабет манипулировала кардиналом ради собственных целей?

Эрин попробовала зайти с другого конца.

— Если там что-то пойдет не так, сможете ли вы быстро попасть внутрь?

— Что значит — «не так»? — переспросил Христиан.

— Бернард заперся там наедине с Кровавой Графиней. Она — невероятно умная женщина, которая знает о стригоях и их природе больше, чем кто-либо другой.

София подняла брови, вид у нее был несколько удивленный. Эрин усилила нажим:

— Графиня проводила опыты на стригоях, пытаясь выведать их суть. Это все есть в ее дневнике, вот в этом самом.

Джордан смотрел на запертый вход.

— И это значит, что графиня скорее всего знает слабости Бернарда куда лучше, чем он сам.

Эрин взглянула в глаза Христиану. Тот явно хотел помочь ей, но долг повелевал ему подчиняться приказам Бернарда.

— Как бы то ни было, это не имеет значения, — промолвила София. — Кардинал запер дверь приказом *pro te*, и это означает, что она откроется только перед ним.

«Что?!»

Эрин встревоженно обернулась к двери.

— Значит, он заперт там, как в ловушке, вместе с нею, — пробормотал Джордан.

Христиан пояснил:

— Мы можем войти внутрь, но крови лишь двоих из нас недостаточно. — Он сделал шаг к Софии. — Чтобы отменить приказ кардинала, нужна полная тройка сангвинистов. Сила троих может открыть дверь в любой момент.

София обеспокоенно нахмурилась.

— Возможно, будет лучше, если я приведу третьего. Просто на всякий случай.

— Сделайте это, — сказала Эрин.

И поскорее.

София почти бегом пронеслась через крипту и скрылась во тьме лестничного пролета.

Эрин поймала взгляд Джордана и увидела, что в его глазах отражается та же тревога, которая снедала ее.

Это добром не кончится.

21 час 27 минут

Элизабет боролась с нарастающей паникой. Когда дверь захлопнулась, вокруг наступила тьма, такая густая, что ощу-

щалась почти как некое вещество. Казалось, эта тьма способна заползти в горло и удушить. Но графиня заставляла себя сохранять спокойствие, зная, что Бернард, должно быть, слышит стук ее сердца. Она выпрямилась, не желая доставлять ему хотя бы такое мелкое удовлетворение.

Вместо этого Элизабет сосредоточилась на рвущей боли, которую причинял ее запястью браслет наручников. Теплая кровь сочилась из рассеченной плоти и струйкой стекала в ладонь. Кардинал должен был чувствовать и это тоже.

Отлично.

Она потеряла ладони одна о другую, испачкав обе в крови.

— Идем, — хрипло приказал Бернард.

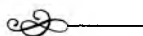
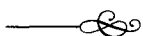
Он потянул за цепь наручников и увлек графиню дальше в холодное логово сангвинистов. Этот холод заставил ее задрожать. Кардинал тащил ее через мрак, казалось, целую вечность, хотя прошло всего несколько минут.

Затем они остановились. Вспыхнула спичка, наполнив воздух запахом серы. Огонек озарил бледное, угрюмое лицо Бернарда. Он поднес спичку к золотистой восковой свече, укрепленной в настенном канделябре. Потом перешел к другой и зажег ее тоже.

Вскоре комнату наполнил теплый мерцающий свет.

Элизабет посмотрела на свод потолка, где сияла серебристая мозаика. Плитки ее были сделаны так же, как те, в базилике, только вместо золотой фольги под стекло была подложена серебряная. Мозаика покрывала всю поверхность потолка и стен, и комната сияла, озаренная этим великолепием.

Выложенная плитками картина изображала знакомый сангвинистский сюжет: воскрешение Лазаря. Он сидел в буром гробу, бледный, точно смерть, и алая струйка тянулась вниз от уголка его губ. Напротив него стоял выложенный золотом Христос, единственная золотая фигура в этой мозаике. Искусно подобранные плитки обрисовывали черты Христа: лучезарные карие глаза, волнистые черные волосы и печальную улыбку. Величие исходило от его безыскусной фигуры, приводя в трепет тех, кто собрался, дабы узреть это чудо. И не только людей. Светлые ангелы наблюдали за происходящим сверху, в то время как темные ангелы ожидали внизу,

и сидящий Лазарь был навеки заключен между этими двумя сонмами.

Воскрешенный, основатель Ордена сангвинистов.

Насколько проще была бы ее жизнь, если бы Лазарь так и не принял то, что предложил ему Христос...

Элизабет отвернулась от потолка, и ее взгляд остановился на единственном предмете обстановки, налицествовавшем в этой комнате. Посередине часовни возвышался алтарь под белым покровом. На нем стояла серебряная причастная чаша. Прикосновение серебра обжигало и стригоев, и сангвинистов в равной мере. И когда последние пили из серебряной чаши, это усиливало ту боль, которую причиняло им поглощение освященного вина.

Элизабет не удержалась от усмешки.

«Как могут эти глупцы следовать за богом, который требует столь безграничного страдания?»

Бернард встал лицом к лицу с нею.

— Ты скажешь мне то, что мне нужно знать. Здесь, в этой комнате.

Она ответила холодным тоном, несколькими простыми словами:

— Сначала заплати мою цену.

— Ты знаешь, что я не смогу этого сделать. Это было бы непростительным грехом.

— Но это уже было сделано прежде. — Она коснулась своего горла, вспоминая зубы, терзавшие эту нежную плоть. — Сделано вашим Избранным, Руном Корцей.

Бернард отвел взгляд, голос его стал тише.

— Он был молод и обращен не так давно. Похоть и гордыня на краткий миг взяли над ним верх. Я не столь глуп. Правила ясно гласят: мы не должны никогда...

Она прервала его:

— Никогда? С каких пор это слово вообще появилось в твоей речи, кардинал? Ты нарушал множество правил своего ордена. Припомни, что было за эти столетия... Думаешь, я не знаю этого?

— Не тебе судить, — ответил он дрогнувшим от гнева голосом. — Только Господь может это сделать.

— Тогда Он, несомненно, будет судить и меня. — Ее босые

ноги уже сводило от холода, но она продолжала настаивать на своем. — И я уверена, что это Его воля: то, что я оказалась здесь и сейчас, единственная, кто владеет этим знанием. И истина в том, что ты можешь его получить, только заплатив такую цену.

На миг на лице Бернарда промелькнула неуверенность.

Элизабет воспользовалась этим и надавила на него сильнее:

— Если твой Бог всеведущ и всемогущ, то почему Он привел меня пред лицо твое, как единственное вместилище знания, коего ты взыскуешь? Быть может, то, что я спрашиваю у тебя, есть воля Его?

Она мгновенно поняла, что зашла слишком далеко — прочла это по чертам его лица, внезапно ставших каменно-жесткими.

— Ты, падшая женщина, смеешь истолковывать Его волю? — Берnard смотрел на нее свысока, и его слова низводили Элизабет до уровня женщины, продающей свое тело за деньги.

«Да как ты смеешь!»

Она ударила его по надменному лицу, оставив на его щеке пятно своей крови.

— Я не падшая женщина, я графиня Батори из Эчеда! Я происхожу из королевского рода, насчитывающего столетия! И не потерплю, чтобы кто-либо возводил на меня подобную хулу. Особенно ты.

Его реакция была молниеносной — удар кулаком был нанесен с огромной силой. Элизабет отлетела назад, чувствуя, как пульсирует боль в щеке, но быстро собралась с силами и гордо выпрямилась. Во рту она чувствовала привкус крови.

Превосходно.

— Здесь я могу сделать с тобой все, что угодно, — сурово и угрожающе произнес Берnard.

Элизабет облизнула губы, увлажнив их собственной кровью. Она знала, что он, должно быть, уже чувствует запах алого жизненного сока, сохнувшего у него на лице. Графиня отметила, как раздуваются ноздри кардинала, выдавая, что внутри его, под этой строгой маской, таится зверь, чудовище, жаждущее крови.

И ей нужно, чтобы этот зверь порвал свои оковы.

— И что ты можешь со мной сделать? — с вызовом спросила она. — Ты слишком слаб даже для того, чтобы убедить меня помочь тебе.

— Не принимай мою сдержанность за слабость, — предупредил кардинал. — Я помню времена Инквизиции, когда мастерство боли на службе у Церкви было доведено до уровня искусства. Я могу причинить тебе такие мучения, каких ты не испытывала никогда.

Она улыбнулась его гневу.

— В том, что касается боли, тебе нечему учить меня, священник. В течение сотни лет в моей родной стране было запрещено произносить мое имя — из-за того, что я совершила. Я дарила и принимала в дар больше боли, чем ты способен вообразить... и получала больше удовольствия. Эти ощущения переплетены между собою, но ты не в силах постигнуть этого.

Она шагнула ближе, вынуждая его отступить, но наручники не давали ему отойти слишком далеко.

— Боль не пугает меня, — продолжала она, выдыхая прямо в лицо ему горячий запах крови.

— Ты... еще можешь испытать страх перед нею.

Элизабет хотела, чтобы он не умолкал — ведь для этого ему требовалось дышать, а с каждым вдохом он все сильнее ощущал этот дразнящий запах.

— Причины мне боль, — предложила графиня, — и посмотрим, кто из нас получит больше наслаждения.

Бернард отступал от нее, пока не уперся спиной в серебряную мозаику, украшавшую стену. Но наручники тащили ее следом за ним на расстоянии менее шага.

Элизабет с силой прикусила изнутри свою ударенную щеку, низко склонив голову. Потом приоткрыла губы, выпустив на подбородок струйку крови. И откинула голову назад, открывая незащитное горло — пусть свет свечей мерцает на красной полоске, которая ползет все ниже и собирается в ямке между ключицами.

Она чувствовала, как глаза Бернарда следят за этой теплой струйкой, сулящей утоление жажды. Это тепло и этот алый цвет звали к зверю, таящемуся в каждой капле собственной проклятой крови Бернарда.

Она знала, как запах крови наполняет комнату, хотя сама и не могла больше ощутить это. Запах забивает ноздри, спускается по гортани... Когда-то она чувствовала то, что чувствует сейчас он. Она знала огромную силу этого соблазна. Она научилась принимать этот соблазн и стала сильнее. Он отвергал его — и это ослабляло его.

— Как ты будешь пытаться меня теперь, *Бернард*? — Она прохрипела эти слова полным крови ртом, особенно выделив его имя.

Он вскинул свободную руку к наперсному кресту, но Элизабет помешала ему, закрыв серебро собственной ладонью, не давая ему коснуться его, лишая его умиротворения, которое даровала святая боль. Его пальцы сомкнулись на ее руке и сжались, как будто ему казалось, что ладонь Элизабет сейчас — это его крест, его спасение.

— Я скажу все, что тебе нужно знать, — прошептала она, проговаривая вслух его самое заветное желание. — Я помогу тебе спасти твою церковь.

Пальцы Бернарда закаменели, едва не ломая в своей хватке хрупкие косточки ее кисти.

— Для тебя это будет просто, — продолжала убеждать Элизабет. — Ты совершал смертные грехи и прежде, и я знаю, что грехи твои куда тяжелее, чем кто-либо подозревает. Ты совершил множество грехов во имя Его, разве не так?

Его лицо сказала ей, что это действительно так.

— Тогда сделай это сейчас, — промолвила графиня. — И это деяние даст тебе силу, дабы защитить твою церковь, твой орден. Допустишь ли ты, чтобы мир погиб, позволишь ли себе потерять все — лишь потому, что ты слишком испуган, чтобы действовать? Лишь потому, что ты поставил свой страх перед людскими законами превыше своей священной миссии?

Она вновь провела кончиком языка по губам, смачивая их свежей кровью и понимая, какой яркой должна казаться эта кровь по сравнению с ее бледной кожей, с какой силой должны вызывать к Бернарду вид и запах этой крови.

Не отдавая себе отчета, он тоже облизнулся.

— Как спасение созданного Им мира посредством тех орудий, что Он дал тебе, может быть грехом? — спросила его

Элизабет. — Ты сильнее этих законов, Бернард. Я знаю это... и в глубине души ты тоже это знаешь.

Она сделала медленный вдох, неотрывно глядя ему в глаза. Ее слова проникали в самую его суть, играли на его сомнениях, льстили его гордости.

Кардинал трепетал, желая ответов, которые она может дать ему, желая ее крови, желая ее саму.

Быть может, сейчас он и был сангвинистом, но прежде того он был стригоем, а еще ранее — мужчиной. Он поглощал плоть и испытывал наслаждение. Эти желания навсегда были впечатаны в каждую частицу его существа.

Сердце Элизабет учащенно билось, в щеке пульсировал жар от нанесенного Бернардом удара. Она всегда любила боль, нуждалась в ней, как впоследствии нуждалась в крови. Закрыв глаза, графиня Батори пропускала через себя биение этой боли, исходящее от горящей щеки, от рассеченного запястья.

Это было блаженство.

Когда она открыла глаза, Бернард все еще держал ее руку прижатой к серебряному кресту напротив его сердца. Его взор перебегал с ее окровавленных губ на жилку, бьющуюся на шее, на плечи графини, столь белые по сравнению с темным шелком платья. Женщина пошевелилась, и порванное платье сползло с ее плеч. Теперь свет свечей озарял ее груди, столь явственно различимые сквозь прозрачный шелк сорочки.

В течение нескольких долгих ударов сердца Бернард смотрел на нее.

С томительной неспешностью Элизабет подалась вперед, потом приподнялась на цыпочки и легко, едва касаясь, дотронулась губами до его губ. На протяжении одного длительного вдоха она стояла так, позволяя ему ощутить ее тепло, почувствовать запах ее свежей крови.

— Если на то нет Его воли, то почему я здесь? — прошептала она. — Только ты можешь быть достаточно силен, дабы получить от меня ответ. Только ты наделен силой, потребной для спасения мира.

Она сильнее прижалась к его холодным губам и просунула между ними свой язычок, неся вместе с ним привкус крови.

Бернард застонал, приоткрыв губы, поддаваясь этому вторжению.

Элизабет чувствовала, как по мере углубления поцелуя его клыки становятся длиннее.

Не отрываясь от ее губ, Бернард развернулся и впечатал ее в стену, с размаха прижав собственным телом. Несколько старых плиток под ее спиной раскололись, острые края стекла прорезали шелк платья и кожу Элизабет. Теплая кровь закапала с ее спины, пятная каменный пол.

Женщина прервала поцелуй, подставляя взамен шею.

Не колеблясь больше ни мгновения, он укусил ее.

Она задохнулась от боли.

Он сразу же сделал огромный глоток ее крови, вбирая ее тепло. Элизабет задрожала, чувствуя, как холодеет ее тело. Ледяная игла пронзила ее сердце. Это было совсем не то экзотическое единение, которое она испытала с Руном.

Это была звериная жажда.

Болезненный голод, не оставляющий места для любви или нежности.

Он может убить ее и не дать ей ничего, но она должна была воспользоваться этим шансом, веря, что для мужчины, впившегося зубами в ее шею, знание не менее важно, чем кровь.

«Он не позволит мне умереть и унести в могилу мои тайны».

Но истинно ли можно было на это полагаться теперь, когда она разбудила в мужчине зверя?

Ее тело поникло наземь. По мере того как затихало биение сердца, пустоту в душе наполняло сомнение — и страх.

Потом непроглядная тьма укрыла мир.

Глава 11

*17 марта, 21 час 38 минут
по центральноевропейскому времени
Венеция, Италия*

Рун быстро шел по полированным мраморным полам базилики Святого Марка. Он прилетел в Венецию четверть часа назад. Оставленное для него сообщение гласило, что Бернард и остальные привели Элисабету сюда. Дойдя до цер-

кви, он обнаружил, что двери отперты, но внутри, похоже, никого нет.

«Быть может, они уже спустились под землю, в часовню сангвинистов?»

Корца бросил взгляд через весь неф на северный придел базилики. Насколько он помнил, лестница с той стороны вела в подземную крипту, служившую тайным проходом в святыню сангвинистов. Рун направился туда, но его внимание привлекло движение в южном приделе. Из темноты к нему метнулись несколько теней, двигавшихся со сверхъестественной скоростью.

Рун замер, пригнувшись: он не знал, кто это мог быть, особенно если вспомнить о недавних нападениях.

«Но конечно же, ни один стригой не осмелится напасть на этих святых землях».

Чей-то голос позвал его, темные фигуры наконец вышли на свет, и оказалось, что это трио сангвинистов: двое мужчин и женщина.

— Рун!

Он узнал смуглое лицо Софии. Невысокая женщина метнулась к нему, позвав за собой остальных.

— Ты как раз вовремя!

Он прочел в ее глазах глубокую тревогу.

— Что случилось?

— Идем с нами. — Она направилась к северному приделу. — Возле сангвинистских врат произошло нечто неприятное.

— Расскажи, — потребовал он, проверяя, легко ли вынимается карамбит из ножен, пристегнутых к его запястью. Одновременно Рун догнал Софию и шел сейчас рядом с нею такой же быстрой походкой.

Она поведала ему о том, что случилось внизу: как Бернард провел Элисабету в дверь и запер за собой вход.

— Христиан уже там, внизу, но чтобы отворить дверь снова, нужны трое из ордена. — Она махнула рукой назад, где шли два священнослужителя. — Я побежала позвать кого-нибудь на помощь, но мне понадобилось немало времени, чтобы найти их. А Эрин опасается худшего.

Когда они добрались до лестницы, Рун шагнул на ступени первым. Он доверял суждению Эрин. Если она тревожится,

значит, на то есть существенный повод. На половине пролета Корца услышал биение двух сердец, эхом доносящееся из подземной крипты.

Эрин и Джордан.

Он легко мог различить их по этому сердцебиению, точно так же как по голосам. Учащенный пульс Эрин подтверждал — да, она чего-то боится. Оказавшись в крипте, Рун увидел, что Христиан ударяет кулаком по дальней стене, выкрикивая имя Бернарда. Корца знал, что так тревожит молодого сангвиниста.

За дверью он слышал стук еще одного сердца, приглушенный каменной толщей, но все же различимый для его острого слуха, а эхо в длинной крипте дополнительно усиливало этот звук.

Элисабета.

Ее сердце сбивалось с ритма, слабея с каждым ударом.

Она умирала.

Заслышав их приближение, Христиан обернулся.

— Быстрее!

Рун не нуждался в том, чтобы его торопили. Он и так буквально пролетел через крипту. Эрин шагнула ему навстречу, но он проскользнул мимо нее, не сказав ни слова. На это не было времени.

Вытащив нож из рукава, Рун пронзил свою ладонь и уронил несколько капель крови в каменную чашу, которую держал изображенный на барельефе Лазарь. София и Христиан встали рядом с ним, без промедления добавив к его крови свою. Вместе они произнесли:

— Ибо это есть Чаша крови нашей, Чаша Нового и вечного Завета.

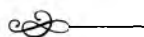
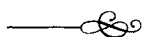
На камне проявились контуры двери.

— *Mysterium fidei!* — в один голос воскликнули все трое.

Медленно — слишком медленно — дверь отворилась. Навстречу им буквально хлынул резкий запах крови, густой и горячий запах, пьянящий и опасный.

Как только проход чуть приоткрылся, Рун скользнул в него и помчался за этим запахом к его источнику.

Он достиг порога часовни — и в тот же миг услышал, как остановилось сердце Элисабеты. Глазам его открылось непо-

стижимое зрелище. В священном месте, под сиянием серебряной мозаики, лежала на спине Элисабета, и тело ее было бледным и безжизненным.

Но она была не одна.

Рядом с ней на коленях стоял Бернард, и руки их — жертвы и убийцы — соединяла цепь наручников. Губы кардинала были окровавлены. Он повернулся к Руну, и тот увидел на лице Бернарда выражение глубокого страдания. По щекам бежали слезы, размывая алое пятно — свидетельство его греха.

Не обращая внимания на эту боль, Рун бросился к Элисабете, рухнул на колени и схватил ее в объятия, словно пытаясь спрятать. Он держал ее тело так далеко от Бернарда, как только позволяла длина цепи наручников.

Рун желал бы испытать гнев при виде этого злодеяния, позволить ярости испепелить ту скорбь, что переполняла его. Когда-нибудь он заставит Бернарда заплатить за содеянное — но не сегодня.

Этот день он отдаст ей одной.

Первым рядом с ним оказался Христиан. Он коснулся плеча Руна в знак сочувствия, затем припал на колено и что-то сделал с наручниками. Металлический браслет упал с тонкого запястья Элисабеты и лязгнул о каменный пол.

Теперь, когда она больше не была прикована к своему убийце, Рун крепче прижал к груди ее холодное тело и встал, желая унести ее как можно дальше от Бернарда.

София вместе со своими двумя спутниками решительно подошла к отрешенно стоящему на коленях кардиналу. Они грубо вздернули его на ноги. Судя по их приглушенным репликам, сангвинисты поверить не могли, что кардинал оказался способен на такое злодеяние.

Но он сделал это — убил Элисабету.

— Рун... — Эрин стояла рядом с Джорданом, опираясь на его руку, цепляясь за него, за ту жизнь, что так ярко горела в нем.

Корца, не в силах смотреть на это, отвернулся и понес Элисабету к алтарю. Он хотел, чтобы ее окружала святость. Он пообещал, что отныне она навсегда будет пребывать в этой благодати. Он дал обет, что отыщет место, где похоронены ее дети, и там положит ее тело на вечный покой.

Она заслужила это.

Когда-то давно Корца лишил ее того места в мире, которое принадлежало ей по праву, но теперь положит все силы, дабы исправить хотя бы то, что сумеет. Это все, что он может сделать для нее.

Нежный серебристый свет омывал ее бледную кожу, ее длинные ресницы, ее черные кудри. Даже в смерти она была самой прекрасной женщиной из всех, каких Рун когда-либо видел. Он старался не смотреть на жестокую рану на ее горле, на кровь, растекшуюся по плечам и пропитавшую тонкую шелковую сорочку.

Но, оказавшись у алтаря, Корца не смог положить ее на это холодное ложе. Если он выпустит ее из рук, она воистину уйдет от него навечно. И вместо этого он опустился на пол возле алтаря и сдернул белый алтарный покров, дабы укутать ее полуобнаженное тело.

Краем освященной ткани Рун стер кровь с подбородка Элисабеты, ее полных губ, ее щек. На одной половине ее лица темнел кровоподтек. Должно быть, Бернард ударил ее.

«Ты заплатишь и за это тоже».

Рун склонился ближе к Элисабете и прошептал:

— Прости меня..

Он говорил ей эти слова много раз — слишком много раз.

«Как же часто я причинял тебе боль...»

Его слезы падали на ее холодное белое лицо.

Корца погладил ее по щеке, осторожно, стараясь не задеть кровоподтек, как будто она все еще могла ощутить эту боль. Коснулся ее нежных век, желая, чтобы она могла просто сделать шаг от смерти к жизни, чтобы снова могла открыть глаза...

И она их открыла.

Зашевелилась в его объятиях, пробуждаясь, словно цветок, медленно разворачивающий лепестки навстречу новому дню. В первый миг отшатнулась было прочь, но потом узнала его и затихла.

— Рун... — слабым голосом пролепетала она.

Он смотрел на нее, не в силах вымолвить ни слова, не слыша биения ее сердца и уже осознавая правду.

«Боже, нет...»

Корца оглянулся через плечо. В душе его нарастал гнев, вытесняя горе. Бернард не только испил ее крови — он влил в ее уста собственную кровь. Он обрек ее на проклятие с той же готовностью, что и Рун столетия назад, осквернив ее. Она снова стала лишенной души мерзостью.

Лишь несколько месяцев назад Рун пожертвовал спасением своей души, дабы спасти ее душу — и Бернард обратил этот дар в прах и пепел.

Кардинал стоял, окруженный четырьмя сангвинистами, если считать Христиана. Бернард совершил величайший грех и должен быть наказан за него, возможно, даже смертью.

Рун не испытывал жалости к нему.

Элисабета уронила голову ему на грудь, слишком слабая, чтобы держать ее прямо. Она прошептала ему — скорее одним лишь дыханием, чем внятными словами:

— Я устала, Рун... устала до смерти.

Он обнял ее и так же тихо сказал:

— Тебе нужно поесть. Мы найдем кого-нибудь, кто пожертвует свою кровь, чтобы восстановить твои силы.

София, подойдя к нему сзади, нависла над ним и сурово произнесла:

— Это невозможно. Нельзя позволить ей существовать. Она теперь стригой и должна быть уничтожена.

Рун оглянулся на остальных, но ни в ком не нашел сочувствия. Они намеревались убить ее, как дикого зверя. Однако помощь пришла из самого неожиданного источника.

Бернард сказал твердо, как будто по-прежнему был наделен правом голоса в подобных вопросах:

— Она должна испытать вина и стать одной из нас. Я беру на себя грех ее обращения... потому что графиня поклялась, что готова пройти это испытание. Испыть освященного вина и вступить в наш орден.

Или умереть, пытаясь это сделать.

Рун потрясенно взглянул на Элисабету. Она ни за что не согласилась бы на подобное. Но Элисабета лежала у него на руках, вновь закрыв глаза и впад в забытие от слабости.

София коснулась серебряного креста, висящего у нее на груди.

— Даже если она пройдет это испытание, это не изничтожит ваш грех, кардинал.

— Я приму положенное мне наказание, — ответил тот. — Но она должна испить освященного вина — и довериться Господнему суду.

— Это не ее грех, — возразил Рун.

Христиан подошел и встал рядом с Софией.

— Рун, прости, но не имеет значения то, каким образом она была обращена, — только то, что теперь она стригой. Подобным созданиям не позволено оставаться в живых. Они должны либо пройти испытание и испить вина — либо быть убитыми.

Рун подумал было о том, чтобы сбежать вместе с нею. Но даже если ему удастся одолеть собравшихся здесь и ускользнуть от них, что будет потом? Влачить проклятое существование, скитаясь по земле и пытаясь удержать Элисабету от проявления ее истинной природы? Обоим лишить себя Господнего милосердия?

— Это следует сделать, и сделать сейчас, — постановила София.

— Подождите. — Джордан вскинул руку. — Быть может, нам сейчас лучше остановиться и обсудить это.

— Согласна, — поддержала его Эрин. — Это чрезвычайные обстоятельства. Вспомните, у нее есть сведения, в которых мы нуждаемся. Вероятно, надо хотя бы попробовать узнать их у нее, прежде чем рисковать тем, что мы снова можем ее потерять?

— Эрин права, — сказал Джордан. — Похоже, графине уплачено по полной. Она получила то, чего требовала, и теперь должна поведать нам то, что знает.

Христиан нахмурился, но было похоже, что он склонен принять их сторону. Увы, София оставалась непреклонна, и на ее стороне были два сангвиниста.

Поддержка пришла оттуда, откуда не ждали.

— Я скажу вам то, что мне известно, — прохрипела Элисабета, повернув голову. Это явно потребовало от нее огромных усилий. — Но только в том случае, если это не будет означать мою смерть.

София выхватила два изогнутых ножа, их лезвия сверкнули в свете свечей.

— Мы не можем оставить стригоя в живых. Закон однозначен. Стригой может выбирать лишь из двух исходов: присоединиться к нашему ордену или быть немедленно преданным смерти.

Рун сильнее сжал Элисабету в объятиях. Он не мог потерять ее дважды за одну ночь. Если понадобится, он будет сражаться.

Вероятно, почувствовав напряжение, достигшее предела, Эрин встала между Руном и остальными.

— Не можем ли мы сделать для нее исключение? Позвольте ей сохранить ее нынешнее состояние. Церковь охотно сотрудничала с ней как со стригоем прежде, когда мы искали Первого Ангела. Тогда за ее помощь ей было позволено вести жизнь стригоя. Разве нынешние обстоятельства так сильно отличаются?

В часовне повисло молчание.

Наконец Бернард разбил тишину горькими словами правды:

— Мы солгали ей тогда. Если бы она осталась стригоем после того, как Первый Ангел обрел цельность, мы убили бы ее.

Эрин задохнулась от возмущения:

— Это правда?

— Я намерен был своими руками оборвать ее проклятую жизнь, — подтвердил кардинал.

Рун устался на своего наставника, на человека, который ввел его в эту новую жизнь. Он сотни лет питал доверие к Бернарду. И теперь ощущал, как мир уходит у него из-под ног. Все было иным, нежели казалось прежде. Все были не теми, кем называли себя.

Кроме Элисабеты.

Она никогда не притворялась никем иным, помимо того, кем являлась, — даже когда была чудовищем.

— Значит, все ваши обещания ничего не значат, кардинал, — произнесла Элисабета. — Тогда я не вижу причины соблюдать свое обещание. Я ничего вам не скажу.

— Значит, ты умрешь немедля, — обронил Бернард.

Графиня смотрела на кардинала, на своего извечного врага.

— Тогда спросите меня, — сказала она. — Предложите мне то, что вы, сангвинисты, должны предлагать любому стригую, оказавшемуся у вас в руках.

Никто не произнес ни слова.

Она снова уронила голову, глядя на Корцу сверху вниз, и в ее глазах мерцала грусть — но и решимость тоже.

— Спроси меня, Рун.

— Нет. Тебе нечего ответить.

— О нет, мне есть что ответить, любовь моя. В конце концов, у всех нас есть ответ. — Она протянула дрожащую руку и коснулась его щеки. Призрачная улыбка заиграла на ее бледных губах. — Я готова.

Бернард вмешался:

— Ты обратишься в прах, едва коснувшись этого вина. Сначала скажи нам то, что ты знаешь, и, возможно, Бог помилует тебя.

Она не обратила на него ни малейшего внимания, продолжая взирать на Руна.

Он понял ее решимость и, едва шевеля холодными губами, спросил:

— Готова ли ты, Батори из Эчеда, отречься от своего проклятого существования и принять то, что предлагает тебе Христос: пить лишь Его Кровь, Его освященное вино... отныне и вечно?

Взгляд ее оставался твердым, даже когда слезы Руна упали ей на лицо.

— Я готова.

Глава 12

*17 марта, 23 часа 29 минут
по центральноевропейскому времени
Венеция, Италия*

Эрин смотрела на огромный центральный свод базилики Святого Марка, запрокинув лицо к золотому сиянию мозаики, подобному свету восходящего солнца. Близилась полночь, но ночная тьма не имела здесь власти.

Немного раньше, в маленькой подземной часовне, озаренной серебристым светом, она смотрела, как остальные уведут графиню куда-то в темные коридоры сангвинистского оплота.

Эрин тревожилась о том, что они могут сделать с Элизабет, но София непреклонно настаивала на том, что это священный ритуал их ордена, и Эрин не может его узреть. Она знала лишь, что Элизабет омоют и облачат в одеяние монахини, прежде чем она сможет приступить к обряду преобразования, в который скорее всего входят молитвы, покаяние и причащение освященным вином.

Грейнджер было бы интересно увидеть, как это происходит, но ее не допустили. И не только ее.

Одному из сангвинистов не было позволено пойти вместе с остальными.

По крайней мере пока.

Она обернулась и обнаружила, что Рун рассказывает вздвигаясь по обширной базилике, переходя из одной тени в другую и колебля пламя свечей своими резкими движениями. Он сжимал в одной руке четки, а губы его непрерывно шевелились, шепча молитвы. Эрин никогда не видела его таким встревоженным.

Джордан, напротив, сидел, развалившись, на скамье близости. Его пистолет-пулемет лежал так, чтобы его можно было сразу схватить. Эрин подошла и присела рядом с ним, устроив на той же скамье свой рюкзак.

— Кажется, Рун намерен протоптать в мраморе колею, — заметил Джордан.

— Женщина, которую он любит, может умереть этой ночью, — отозвалась Эрин. — Он имеет право беспокоиться.

Стоун вздохнул.

— Ну, по-моему, он совершенно зря в нее втрескался. Я уже со счета сбился, сколько раз она его накалывала.

— Это не значит, что он хотел бы видеть ее смерть. — Она взяла Джордана за руку и понизила голос, понимая, что Рун скорее всего все равно услышит их, даже через весь неф. — Жаль, что мы ничего не можем сделать.

— Для кого? Для Руна или для Элизабет? Вспомни, она сама просила о том, чтобы ее сделали стригоем. Что-то мне подсказывает, что она все просчитала, прежде чем согласилась на обращение. Я бы сказал, что надо все оставить как есть и посмотреть, как ляжет карта.

Эрин прижалась к боку Джордана, в очередной раз отметив исходящий от него жар. Он отодвинулся от нее. Движение было едва уловимым, но все же ошибиться было невозможно.

— Джордан... — начала Эрин, готовая взглянуть в глаза своим худшим опасениям. — Что случилось с тобою в Кумах?

— Я уже рассказывал тебе.

— Не о нападении. Ты по-прежнему весь горишь... и... и ты изменился.

Эти слова почти не передавали того, что она чувствовала.

Отстраненным тоном Джордан ответил:

— Я не знаю, что происходит. Всё, что я знаю... это прозвучит странно, но я чувствую, что все эти перемены во мне ведут к добру — ведут по той дороге, по которой я должен следовать.

— По какой дороге? — Эрин судорожно сглотнула.

«И смогу ли я пойти по ней с тобой?»

Прежде чем он успел ответить, рядом с их скамьей возник Рун.

— Джордан, извини, что беспокою, но который сейчас час?

Стоун высвободил руку из пальцев Эрин, чтобы взглянуть на часы.

— Половина двенадцатого.

Рун сжимал свой наперсный крест и смотрел на ведущий лестничный проем в северный приделе явно в смятении. Церемония должна была начаться в полночь.

Эрин встала, движимая состраданием к его тревоге. Больше ничего конкретного она от Джордана не добьется. Может быть, он знает не больше, чем уже сказал ей, а может быть, просто не желает ей говорить. Как бы то ни было, сидеть с ним рядом нет толку.

Она подошла к Руну.

— Ты ведь понимаешь, что Джордан прав.

Корца повернул к ней голову.

— В каком смысле?

— Элизабет — очень умная женщина. Она не согласилась бы на обращение, если б не полагала, что у нее есть хороший шанс пережить это преображение.

Рун вздохнул.

— Она полагает, что это сложный процесс, который оставляет место для сомнений и ошибок, но это не так. В прошлом

я наблюдал множество подобных церемоний. Я видел, как многие... погибали, испив вина. Любая ее хитрость тут бесполезна.

Он снова начал беспокойно расхаживать по базилике, но Эрин шла рядом с ним.

— Быть может, она изменилась, — предположила женщина, не особо в это веря, но зная, что Руну хотелось бы так считать.

— В этом ее единственная надежда.

— Она сильнее, чем ты полагаешь.

— Я молюсь, чтобы ты оказалась права, потому что я... — Голос Руна прервался, и он сглотнул, прежде чем продолжил: — Я не выдержу, если снова увижу, как она умирает.

Эрин протянула руку и взяла его холодную ладонь. Кончики его пальцев были красными, обожженные прикосновением к серебряным бусинам четок. Он остановился и поймал ее взгляд. В его темных глазах читалось почти непереносимое страдание, но Эрин не отвела взора.

Корца подался к ней, и она инстинктивно обняла его. В течение одного долгого вдоха он прижимался к ней, позволяя ей держать в объятиях его холодное напряженное тело. Глядя поверх его плеча, Эрин заметила, что Джордан смотрит на них. Зная, какие чувства он испытывает по отношению к Руну, она ожидала проявления ревности, но Стоун смотрел мимо нее, явно пребывая в каком-то своем мире, мире, где ей, похоже, больше не было места.

Рун высвободился из ее объятий и мягко коснулся ее плеча, выразив этим простым жестом всю свою признательность ей. Даже будучи погружен в свою горе, он был куда внимательнее по отношению к ней, чем Джордан.

Они молча прошли обратно через неф, пока не поравнялись с Джорданом. Тот оглянулся на них, и вид у него был невозмутимо-спокойный.

— Почти время, — произнес он, прежде чем Рун успел задать вопрос. — Ты будешь с Элизабет, когда она примет вино?

— Я не могу, — ответил Рун еще более тихо. — Я не могу.

— Тебе не позволено быть там? — спросил Джордан.

Виноватое молчание само по себе было достаточным ответом.

Эрин тронула Руна за локоть.

— Ты должен быть там.

— Она будет жить или умрет вне зависимости от моего присутствия, а я могу не выдержать, если... если...

Он осел на скамью.

— Ей страшно, Рун, — напомнила Эрин, — как бы она ни старалась это скрыть. Возможно, это ее последние мгновения на земле, и ты единственный остался в этом мире из тех, кто истинно любил ее. Ты не можешь оставить ее одну.

— Может быть, ты и права. Если б я позволил ей прожить жизнь так, как было предназначено Богом, ее не постигла бы сейчас такая участь. Возможно, это мой долг...

Эрин стиснула его руку. Это было все равно что сжимать руку мраморной статуи, но где-то в глубине этой статуи таилась страдающая душа.

— Не надо делать это из чувства долга, — возразила Грейнджер. — Сделай это потому, что любишь ее.

Рун склонил голову, но вид у него по-прежнему был нерешительный. Он встал, повернулся и снова побрел по нефу. На этот раз Эрин отпустила его одного, понимая, что ему нужно взвесить ее слова и принять решение.

Она вздохнула и снова села рядом с Джорданом.

— Если бы мы оказались в такой ситуации, ты оставил бы меня пить это вино без тебя?

Он пальцем поднял ее подбородок и посмотрел ей в лицо.

— Я вытащил бы твою задницу из этого дерьма раньше, чем дошло бы до такого.

Она улыбнулась ему, радуясь этому мгновению, которое, однако, оказалось недолгим.

У входа в базилику показался Христиан и пошел к ним через длинный придел. Он нес плоскую картонную коробку, от которой пахло мясом, сыром и томатами. В другой его руке были две коричневые бутылки.

— Пицца и пиво, — определил Джордан. — Прямо сбывшаяся мечта.

— Помни это, когда будешь подсчитывать, сколько чаевых мне оставить. — Христиан протянул ему коробку.

Рун вернулся к ним, заподозрив, что Христиан принес не только поздний ужин для смертных.

Молодой сангвинист кивнул Корце.

— Пора. Но тебе не обязательно присутствовать. Я понимаю, какую боль это может причинить тебе.

— Я пойду туда. — Рун бросил на Эрин долгий взгляд. — Спасибо, Эрин, что напомнила мне, ради чего сто́ит это сделать.

Она наклонила голову, подтверждая, что поняла его слова, и жалея, что ей нельзя пойти с ним, нельзя быть там и поддерживать его, если графиня не переживет испытание.

Корца повернулся прочь и пошел навстречу тому, чему суждено было свершиться, — дабы разделить эту участь с Элизабет.

Их судьбы были навеки переплетены одна с другой.

23 часа 57 минут

Элизабет вновь стояла в серебряной часовне, где недавно умерла и родилась заново. Кто-то смыл ее кровь с пола и стен. В комнате пахло ладаном, камнем и лимоном. На алтаре горели новые восковые свечи.

Как будто ничего и не произошло.

Она смотрела вверх, на выложенное сверкающими мозаичными плитками изображение Лазаря над головой. Он сделал то, что она только намеревалась попытаться сделать, — и остался в живых. Но он любил Христа.

А она — нет.

Элизабет провела рукой по своему черному одеянию монастырской послушницы. На поясе у нее висели серебряные четки, а на груди покоилось серебряное распятие. Оба предмета обжигали даже сквозь плотную ткань. Она чувствовала себя так, словно облачилась в странный наряд, собираясь на костюмированный бал.

Но не только в этом выражался ее маскарад.

Стоя смиренно, так, чтобы никто не заподозрил ее истинных чувств, Элизабет радовалась и дивилась ощущению силы внутри. Кардинал испил так много ее крови и так мало дал взамен своей — этого было недостаточно, чтобы поддержать ее. Хуже того, ее чувствительные ступни касались святой земли, и это место должно было ослабить ее еще больше.

Но она чувствовала себя сильной — сильнее, пожалуй, чем когда-либо прежде.

Что-то в мире изменилось.

Восемь сангвинистов находились в часовне вместе с ней, надзирая за ней, верша над ней свой суд. Но она видела только одного. Рун пришел, чтобы принять участие в этом обряде, и стоял сейчас рядом с нею. Графиня сама была удивлена тем, как глубоко тронул ее этот жест.

Он подошел ближе и заговорил, понизив голос до едва слышного шепота:

— Есть ли в тебе вера, Элисабета? Достаточно ли ее, чтобы пережить это?

Батори посмотрела в полные тревоги глаза Руна. Все эти столетия он только и желал, чтобы она вступила в битву со злом внутри себя, чтобы посвятила себя безрадостному существованию в служении Церкви, веру которой никогда не разделяла на самом деле. Элизабет хотела успокоить его, подбодрить, но она не могла лгать ему сейчас, когда они, возможно, последние мгновения пребывали вместе.

Сангвинисты, стоящие позади Руна, читали молитвы. Если она попытается убежать, они убьют ее, — а если она умрет, то вскоре умрет и Томми. Единственный ее шанс спасти жизнь мальчика и свою собственную лежал на этом огненном пути.

— У меня достаточно веры, — сказала она Руну, и это была правда. Только это была не та вера, которой он ждал от нее. Элизабет верила в себя, в свою способность пережить это и спасти Томми.

— Если ты не веришь... — предупредил Рун, — если ты не веришь в то, что Христос может спасти твою проклятую душу, то первый же глоток Его Крови умертвит тебя. Так было всегда.

Так ли?

Распутин был отлучен от Церкви, и все же Элизабет своими глазами видела, что он остался жив вне церковной благодати. Равным образом тот немецкий монах, брат Леопольд, в течение пятидесяти лет предавал Церковь, однако он бесчисленное число раз пил освященное вино, и оно не сожгло его.

Быть может, вера монаха в свою цель, в то, чему он служил, поддерживала его?

Элизабет надеялась, что это так. Ради себя самой и ради Томми. Она должна верить, что есть другие пути к спасению через эту святую Кровь. Хотя ее сердце и далеко от чистоты, но стремление помочь Томми было достаточно благородной целью.

«Но если я ошибаюсь...»

Она дотронулась кончиком пальца до обнаженного запястья Руна.

— Я хочу, чтобы именно ты дал мне это вино. И никто другой.

«Если я умру, то пусть я умру от руки того, кто любит меня».

Рун сглотнул, лицо его потемнело от страха, но он не отверг ее просьбу.

— Твое сердце должно быть чисто, — продолжал наставлять Корца. — Ты должна прийти к Нему с любовью и открытой душой. Сможешь ли ты сделать это?

— Увидим, — сказала она, уклоняясь от прямого ответа на его вопрос.

Руну пришлось удовлетвориться этим, но он по-прежнему колебался. Он указал на серебряную причастную чашу, покоящуюся на алтаре. От чаши исходил резкий запах вина, пробивавшийся сквозь аромат ладана. Было трудно постичь, что такое простое вещество, продукт брожения виноградного сока, может таить в себе секрет жизни. Или в то, что оно может уничтожить ее заново обретенную бессмертную мощь — и само ее существование.

Рун встал у алтаря лицом к Элизабет.

— Сначала ты должна публично покаяться в своих грехах — во всех своих грехах. После этого ты сможешь причаститься Его Святой Крови.

Не имея иного выбора, графиня перечисляла один грех за другим, видя, как каждый из них тяжким бременем ложится на плечи Руна, как он принимает на себя вину за ее деяния. Сангвинист выслушивал ее признания, и она видела боль и сожаление в его глазах. И если бы могла, то, несмотря ни на что, избавила бы его от этой муки.

К тому времени как Элизабет завершила свою исповедь, у нее пересохло в горле. Это заняло не один час. Чувства строго подсказывали ей, что рассвет уже близится.

— Это всё? — спросил Рун.

— Разве этого не достаточно?

Он повернулся, взял с алтаря серебряный потир и воздел его над головой, читая молитвы, необходимые для преображения вина в Кровь Христову.

И все это время Элизабет вопрошала себя: действительно ли она боялась того, что это ее последние мгновения? Того, что она вот-вот может сгореть и рассыпаться пеплом по чистому каменному полу? И нашла лишь один ответ.

Будь что будет.

Она опустилась на колени перед Руном.

Тот склонился и поднес к ее губам серебряную чашу.

Глава 13

*18 марта, 05 часов 41 минута
по центральноевропейскому времени
Венеция, Италия*

Джордан размял затекшую спину. Он так и уснул, развалившись на одной из деревянных скамей в базилике. Теперь, поднявшись на ноги, сержант энергично наклонился сперва в одну сторону, потом в другую, чтобы вернуть нормальную циркуляцию крови. Затем наклонился и стал массировать сведенную лодыжку.

«Я могу чудесным образом исцелиться от смертельной раны, но не могу избавиться от судороги».

Он направился к Эрин, которая поодаль рассматривала какое-то произведение искусства, украшавшее базилику. Рядом с ней стоял Христиан — он составлял им компанию во время этого долгого ночного бдения, когда все они ждали каких-либо известий об Элизабет. Видя, как устало поникли плечи Эрин, как припухли и покраснели ее глаза, Джордан усомнился, что она улучила хотя бы несколько минут сна.

Христиан мог бы присоединиться к своим братьям-сангвинистам и принять участие в обряде, но он остался здесь: то ли для того, чтобы оберегать их от какой-либо опасности, то ли чтобы не дать им вмешаться в то, что происходит внутри. А может быть, он так же, как Рун, не желал видеть, как графиня сгорит дотла от глотка освященного вина.

Всю ночь напролет Христиан с полной откровенностью отвечал на вопросы Эрин о том, что должно было происходить в подземной часовне. И что еще важнее, он принес Джордану еще пива.

— На что это мы смотрим? — поинтересовался Стоун, подходя к ним.

Эрин указала на мозаику у них над головами.

Стоун запрокинул голову.

— Это Иисус, сидящий на радуге?

Она улыбнулась.

— На самом деле так и есть. Он возносится на небеса. Отсюда и название этой части базилики: купол Вознесения.

Они втроем продолжили путь по нефу. Эрин расспрашивала Христиана о том или ином изображении, но было понятно, что всех троих терзает один, куда более важный вопрос.

Джордан наконец задал этот вопрос вслух:

— Ты думаешь, она выжила после этого вина?

Христиан остановился, вздохнул и лишь потом ответил:

— Она выживет, если искренне отвергнет свои грехи и примет Его всем сердцем.

— Вряд ли такое случится, — промолвила Эрин.

Джордан согласился с ней.

У Христиана было свое, более мягкое мнение:

— Никто из нас не знает, что у другого в сердце. Как бы сильно нам ни казалось, что мы это знаем. — Он повернулся к Джордану. — Леопольд провел нас всех, он много десятков лет был агентом и слугой Велиала в наших рядах.

Эрин кивнула.

— И он оказался способен испить освященное вино и не сгореть при этом в пепел.

Джордан нахмурился, вспомнив о том, о чем у него до сих пор не было времени подумать. Он рассказал всем о том, что тело Леопольда пропало из подземного святилища, но не оста-

навливался на другой, еще более странной подробности этой истории.

— Эрин, — начал он, — я не упомянул кое о чем в связи с тем нападением в Кумах. Тот стригой, который... который ранил меня... перед тем, как умереть, он просил у меня прощения. Он знал мое имя.

— Что?

Христиан резко обернулся к нему. Похоже, Баако и София тоже не стали делиться этой подробностью с сангвинистами. Возможно, все они готовы были просто отместить это как совпадение. Может быть, погибший стригой был немцем, отсюда и акцент. Не исключено, что он знал имя Джордана, потому что тот, кто послал этого монстра, знал, что в подземном святилище находится Воитель Человеческий.

И все же сам Джордан в это не верил.

«Джордан, *mein Freund*...»

— Я клянусь, что тот стригой говорил голосом Леопольда, — заявил он.

— Это невозможно, — пробормотала Эрин. Однако она видела достаточно невозможного, чтобы сейчас усомниться в собственных словах.

— Я знаю, как странно это звучит, — продолжал Джордан. — Но мне кажется, что Леопольд воспользовался его телом как передатчиком.

Эрин молчала, взгляд ее был рассеянным — она обдумывала эти сведения.

— И какая же связь может существовать между ними, чтобы подобное могло случиться?

Христиан выдвинул теорию:

— Может быть, когда Леопольд умер, его дух перешел в другого стригоя?

Эрин повернулась к нему.

— Такое когда-нибудь случалось прежде?

Сангвинист пожал плечами.

— Я не слышал ни о чем подобном, но с тех пор как я встречал вас двоих, я наблюдал множество вещей, которые раньше считал бы невероятными.

Эрин кивнула, соглашаясь с его словами, и пристально посмотрела на Джордана.

— Было ли что-то еще необычного в этом стригое — что-то, способное объяснить подобную связь духа?

— Помимо его необычайной силы и быстроты? — спросил он.

— Помимо этого.

Стоун припомнил еще одну, последнюю подробность.

— На самом деле была и еще одна странность. У него на груди была черная отметина. — Он изобразил это, приложив руку к собственной груди. — Совсем как отпечаток ладони.

Эрин расправила поникшие плечи.

— Такая, как была у Батори Дарабонт?

— Именно так, как я и подумал. Некий знак принадлежности.

— Или одержимости, — добавила Эрин.

Христиан выглядел встревоженным.

— В Ватикане, должно быть, уже завершили вскрытие этого тела. Быть может, к тому времени как мы вернемся туда, у них будет какое-нибудь более приемлемое объяснение. Кардинал Бернард скорее всего поймет, что...

Христиан умолк, не договорив. Он явно на мгновение забыл о том, что кардинал больше не возглавляет Орден сангвинистов. Теперь Бернард был лишенным прав узником.

Джордан покачал головой. Худшего времени для смены главы ордена и придумать было нельзя.

— Что будет с Бернардом? — спросил он.

Христиан вздохнул.

— Его привезут обратно в Кастель-Гандольфо и поместят под домашний арест до тех пор, пока он не будет готов предстать перед судом. Поскольку он кардинал, то для вынесения приговора необходимо собрать конклав из двенадцати других кардиналов. Это может занять пару недель, особенно в свете участвовавших нападений стригоев.

— И что они скорее всего решат? — поинтересовалась Эрин.

— Кардинал Бернард могуществен, — ответил Христиан. — Немногие захотят поднять голос против него. Поэтому — и еще потому, что обстоятельства были чрезвычайными, — скорее всего ему назначат искупление.

— Какого рода искупление? — уточнил Джордан.

— Он совершил тяжкий грех. Обычно за подобное приговаривают к смерти. Но орден может решить даровать ему прощение. София говорила мне, что в прошлом кардинал нарушал наши законы, вкушая кровь людей из числа врагов во времена крестовых походов.

— Крестовых походов? — изумленно воскликнула Эрин. — Это ведь было более тысячи лет назад!

— Долгая же у вас память, — заметил Джордан.

— Это тяжкий выбор. — Христиан начал перебирать свои четки. — И если у графини Батори действительно есть сведения, которые помогут вам в ваших поисках, помогут вновь сковать Люцифера, то суд может оказать кардиналу снисхождение.

Эрин бросила взгляд в дальнюю часть нефа.

— Так, значит, жизнь Бернарда может зависеть от того, переживет ли графиня это посвящение?

— Звучит годно, — отметил Джордан.

— Годно или нет, — отозвался Христиан, — но я уверен, что скоро мы узнаем о ее участи.

Джордану подумалось, что эту ночь Бернард вряд ли провел спокойно.

«Так ему и надо».

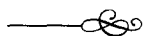
05 часов 58 минут

Руки Бернарда были скованы впереди, и когда катер качало на волнах, кардинал изо всех сил старался не упасть. Серебряные наручники обжигали его запястья при каждом движении, наполняя темный трюм запахом горелой плоти.

«Меня посадили сюда, как обычного вора!»

И он знал, кому обязан своим нынешним местопребыванием: кардиналу Марио. Кардинал Венеции всегда питал любовь к Бернарду в основном потому, что тот противостоял его вековому стремлению перенести штаб-квартиру Ордена сангвинистов в этот обветшалый Город Каналов. Неприятное путешествие в темном трюме было воздаянием за этот грех.

И все же это было лишь досадной неприятностью. Бернард не питал иллюзий относительно грядущего. Хотя он не знал, к какому наказанию будет приговорен за свой куда более тяж-

кий грех, он уж точно будет низвергнут со своего высокого поста, и падение его будет столь впечатляющим, что трудно даже предположить, до каких глубин оно дойдет. Но сана его наверняка лишат.

Смерть была бы более простым выходом.

Бернард склонил голову. Он служил Ордену сангвинистов почти тысячу лет. Среди них осталось немного тех, кто мог бы сравниться с ним возрастом. И за все это время он никогда не испытывал желания уйти в Святилище, стать одним из Затворников. Этот путь не соответствовал его натуре, его устремлениям.

«Я завоевал свое место среди иерархов Церкви, служа ордену всем, чем мог».

Он поднял скованные руки так, чтобы коснуться большими пальцами наперсного креста. Эта боль была знакомой, успокаивающей. Она напоминала о том, что его служение еще не окончено.

Он должен был сосредоточиться на этом — а не на том, как низко пал, подчинившись желанию Элизабет Батори.

Гнев охватил Бернарда, но он усмирил это чувство, признавая свою вину. Графиня распознала всю глубину его гордыни и обратила против него пламя его собственного честолюбия. Ее слова все еще звучали в памяти Бернарда:

«Только ты наделен силой, потребной для спасения мира».

Она соблазняла его — не только своей кровью, но и своим драгоценным знанием. В ее голове хранились секреты, которых Бернард желал так же сильно, как алкал ее крови. Он слишком охотно заплатил назначенную ею цену. Она знала, на каких струнках нужно сыграть.

«И я был ее инструментом».

Но больше этого не будет.

Другие не понимают всех глубин зла, которое графиня несет в своем черном сердце, но это понимает Бернард. Он не сомневался, что вино погубит ее, но если этого не произойдет, он должен быть готов.

Кардинал знал один способ управлять ею, если она переживет обряд. Графиня слишком заботится об этом мальчике — Томми.

Поймай тигрят — и ты поймашь тигрицу.

Он сумел достать из кармана свой сотовый телефон. Тюремщики отняли у него оружие, но оставили ему этот предмет. Впотьмах Бернард набрал номер. Даже в такие времена оставались те, кто сохранял верность ему.

— *Ciao*¹? — произнес голос в трубке.

Бернард вкратце объяснил, что ему нужно.

— Будет сделано, — пообещал собеседник, обрывая связь.

Кардинал испытал холодное удовлетворение от того, что его план относительно графини приведен в действие.

«На этот раз я превращу ее в инструмент для достижения своей цели».

И цена уже не важна.

06 часов 10 минут

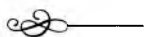
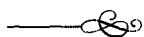
Элизабет стояла на коленях — на грани спасения и гибели. И то и другое заключала в себе чаша, поднесенная к ее губам. Сверху смотрели на нее выложенные мозаикой Лазарь и Христос, но сама герцогиня взирала на изображения тех, кто наблюдал за происходящим на картине. То были родные Лазаря, его сестры Марфа и Мария. Крошечные стеклянные плитки запечатлели выражение их лиц — и это был ужас, а не радость.

«Боялись ли они, что их брат не переживет причастия Кровью Христовой?»

Взгляд ее сместился на того, кто разделял их страх, того, кто держал причастную чашу у ее губ. Отраженный мозаикой свет свечей играл на закаменевшем лице Руна, придавая его бледной коже серебристый оттенок. Элизабет никогда не видела его столь испуганным, не считая того момента, когда она впервые поцеловала его у камина в ее замке, — момента, когда она дала ход событиям, приведшим их обоих сюда.

Темные глаза Руна неотрывно смотрели на нее. Было самое время для романтического прощания, но Элизабет не могла придумать ничего, что бы сказать ему, особенно в присутствии других сангвинистов.

¹ Зд.: Алло (*ит.*).

Графиня сосредоточила внимание на Руне, выбросив из головы все остальное.

— *Эге шеге дре*, — прошептала она поверх края чаши. Это был обычный венгерский тост: «За ваше здоровье».

Глаза Руна чуть потеплели, в них появился намек на улыбку.

— *Эге шеге дре*, — повторил он с легким кивком.

Она приподняла голову, и он наклонил чашу.

Струйка вина скользнула по ее языку.

«Свершилось...»

Она сглотнула, и жидкость огненным потоком устремилась в ее горло. Это было все равно, что пить расплавленный камень. Слезы навернулись на глаза Элизабет. Она выгнулась назад от боли, так, что ее груди натянули грубую ткань монашеского облачения, и широко раскинула руки. Пламя текло по ее телу, достигая самых кончиков пальцев, каждая жилка была охвачена огнем. Такого страдания Элизабет не испытывала никогда.

И с этой болью внутри ее растекалась святость вина, отнимая у нее силу стригоя, борясь с тьмою, текущей в крови графини. Но эта святость не одержала победу, зло не было выжжено до конца. Оно по-прежнему пульсировало внутри ее, словно огненный ком.

Она наконец сумела сделать выдох, немного умерив жгучую боль.

Элизабет подозревала, что будет дальше, и собралась, чтобы встретить это. По словам Руна, всякий раз, испив освященного вина, она будет вынуждена переживать тягчайшие свои грехи. Он называл эти переживания искуплением. Их целью было напомнить каждому сангвинисту, что они склонны ошибаться и что лишь Его безмерное милосердие способно провести их через болото грехов.

«А я должна заплатить за многое».

Когда огонь внутри ее начал угасать, Элизабет наклонилась вперед и спрятала в ладонях залитое слезами лицо. Но она сделала это не для того, чтобы изгнать ужасные воспоминания.

Тем самым она скрывала облегчение.

Она прошла их испытание — и не видела никаких сцен своих прошлых злодеяний. Ее разум оставался таким же ясным, как обычно. Похоже, она не нуждалась в искуплении.

«Возможно, потому, что я ни о чем не жалею».

Она улыбнулась, все еще не отнимая ладоней от лица.

Быть может, сангвинисты сам были творцами своего искупления и своей боли?

Рука Руна опустилась ей на плечо — наверное, тем самым он пытался успокоить ее. Элизабет не пошевелилась, не зная, как долго обычно длится искупление. Она прятала лицо в ладонях и ждала.

Наконец пальцы Корцы на ее плече сжались сильнее.

Восприняв это как знак, Элизабет подняла голову, поставившись придать своему лицу печальное выражение.

Рун улыбнулся ей и помог подняться на ноги.

— Добро восторжествовало в тебе, Элисабета. Хвала Господу за Его безграничную милость.

Она оперлась на него — святость заметно ослабила ее, отняв необычно возросшие силы стригоя. Элизабет сжала руку Руна, обводя взглядом лица собравшихся. Большинство сохраняли спокойствие, но некоторые не сумели скрыть изумления.

Графиня продолжала играть роль, которой от нее ожидали. Посмотрев Руну в глаза, она произнесла:

— Теперь, когда я возродилась, я не могу нарушить то обещание, которое дала тебе и остальным. Я расскажу вам то, что знаю, то, что может помочь вашим поискам. Пусть это будет моим первым жестом раскаяния.

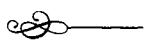
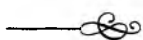
Рун крепко обнял ее, благодаря за эти слова и, вероятно, желая увериться, что она действительно осталась в живых.

— Тогда пойдем, — сказал он и повел ее мимо остальных.

Когда графиня проходила мимо них, они прикасались к ее плечам, приветствуя ее как свою среди своих. И все же одна из свидетелей не смогла скрыть потрясения. Она последней признала, что Элизабет прошла испытание.

Сестра Эбигейл лишь слегка склонила голову, когда графиня поравнялась с ней.

— Я смиренно прошу принять меня в ваши ряды, сестра, — промолвила Элизабет.

Старая монахиня с трудом придала своим чертам некое подобие радушия.

— Вы ступили на трудный путь, сестра Элизабет. Я молюсь, чтобы вы нашли в себе силы не сойти с него.

Элизабет старательно сохраняла на лице торжественное выражение.

— Я тоже молюсь об этом, сестра.

Она направилась к выходу из часовни, подавляя бурлящий в груди смех.

Кто знал, что побег окажется таким легким делом?

Глава 14

*18 марта, 09 часов 45 минут
по центральноевропейскому времени
Венеция, Италия*

«Кровавая Графиня выжила...»

Все еще пытаясь осознать это, Эрин пристально смотрела в спину Элизабет. Бывшая графиня вела их куда-то в глубь базилики Святого Марка. Она была одета в облачение простой монахини и считалась теперь одной из сангвинистов. По-прежнему не веря в эти неожиданные перемены, Эрин изучала ее. Несмотря на скромное одеяние, Элизабет по-прежнему выступала с королевской величием, расправив плечи и высоко держа голову.

Но она действительно прошла испытание сангвинистов.

Эрин чуть встряхнула головой, принимая эту истину.

По крайней мере на данный момент.

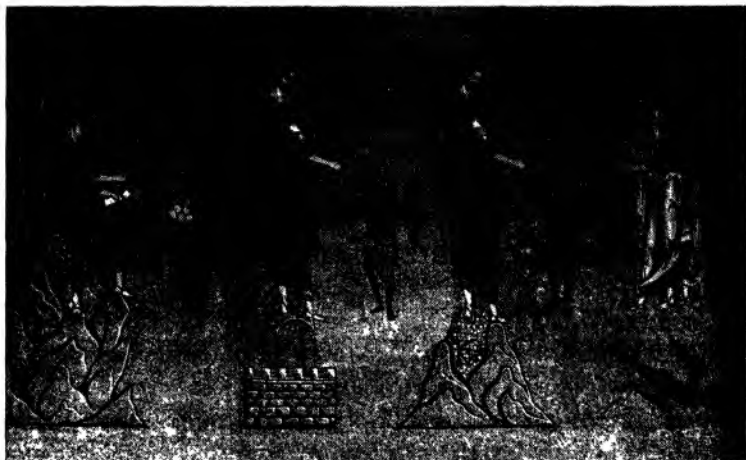
«И сейчас эта женщина хотя бы согласна сотрудничать с нами».

— Вот что я хотела показать вам, — произнесла Элизабет, остановившись под великолепной мозаикой, украшающей крышу. — Здесь изображено Искушение Христа, это одна из самых впечатляющих картин в базилике.

Рун держался рядом с Элизабет, следуя за ней буквально по пятам, его взгляд был неотрывно устремлен на нее, а его

лицо выражало облегчение и благоговение... и радость. После всего, что Корца претерпел по вине графини, он все еще любил ее.

Джордан стоял чуть поодаль от Эрин. Она хотела бы, чтобы он взглянул на нее с таким же выражением неоспоримой, неиссякаемой любви. Вместо этого Стоун изучал картину.

— Здесь изображается, как Сатана трижды бросал Вызов Христу, — произнес Джордан, — когда Христос сорок дней постился в пустыне.

— Совершенно верно, — подтвердила Эрин. — В левой части дьявол — тот черный ангел, стоящий перед Христом, — подносит ему корзину с камнями и искушает превратить их в хлеба.

Христиан кивнул.

— Но Христос отказался, сказав, что не хлебом единым жив человек, но всяким словом Божиим.

Эрин указала на следующую часть:

— Второе искушение — здесь дьявол побуждает Иисуса броситься вниз с крыши храма, и чтобы ангелы подхватили его и не дали упасть, но Иисус отказался, молвив: «Написано также: не искушай Господа Бога твоего». И последнее — там, где Христос стоит на высокой горе, а дьявол предлагает ему все царства мира и славу их.

— Но Иисус отверг его, — сказал Джордан.

— И дьявол, посрамленный, удалился, — добавила Эрин. — Тогда те три ангела, что изображены справа, пришли, чтобы служить Иисусу.

— И это число имеет значение, — вмешался новый голос.

Эрин повернулась к Элизабет, которая держала руки приворно-благочестиво сложенными перед собой.

— Что вы имеете в виду? — спросила Эрин.

— Три искушения, три ангела, — объяснила Элизабет. — Заметьте также, что во время третьего испытания Христос стоит на тройной горе. Число «три» всегда было важным для Церкви.

— Как Отец, Сын и Дух Святой, — кивнула Эрин.

Святая Троица.

Элизабет разжала руки и указала на Руна, Христиана и себя.

— И поэтому сангвинисты всегда ходят группами по трое.

Графиня сразу же вспомнила, что понадобилась кровь трех сангвинистов, дабы открыть дверь, запечатанную приказом Бернарда. Даже пророчество Кровавого Евангелия основывалось на трех персоналиях: Женщине Знания, Воителе Человеческом и Рыцаре Христовом.

— Но это не самое значимое трио, сокрытое в этой мозаике, — сказала Элизабет и указала вверх. — Взгляните внимательнее на эту гору под ногами Христа.

Джордан моргнул.

— Он как будто стоит на каком-то водяном пузыре.

— А что внутри этого пузыря? — спросила Элизабет.

Мозаика была так высоко вверху, что Эрин пожалела об отсутствии у нее бинокля, но все же она видела изображение достаточно ясно, чтобы понять. Крошечные белые блестящие плитки очерчивали три предмета, скрытых там и словно бы плавающих среди водяного блеска.

— Три чаши, — произнесла Эрин, не в силах скрыть благоговение в голосе.

Сквозь вопросы, теснящиеся у нее в голове, пробился один, несущий надежду: быть может, одна из них — это Чаша Люцифера, чаша, которую они должны найти?

Она повернулась к Элизабет:

— Но ради чего вы показываете это нам?

— Потому что это может быть связано с вашими поисками. Давным-давно создание этого изображения было заказано человеком, который впоследствии основал при дворе императора Рудольфа Второго в Праге некую коллегия. Коллегию алхимиков.

Эрин нахмурилась. Она читала об этой коллегии в детских сказках, повествовавших о библейском големе. Это была группа знаменитых алхимиков, собравшихся в Праге и изучавших там оккультизм, а попутно искавших способ трансформировать свинец в золото. В своих многочисленных лабораториях они пытались раскрыть секрет бессмертия.

Насколько ей было известно, все они потерпели неудачу.

— Каково значение этих чаш? — спросила Эрин.

— Я не знаю точно. Но я знаю, что они как-то связаны с тем зеленым камнем, который вы нашли. С зеленым алмазом.

— Каким образом связаны? — поинтересовался Джордан.

— У этого камня тоже есть история, восходящая к Коллегии алхимиков. К человеку, которого я некогда знала — в те давние времена, когда я проводила собственные изыскания касательно природы стригоев.

Эрин помрачнела, услышав, какое слово употребила Элизабет. *Изыскания*. Весьма циничный термин для описания пыток и убийств сотен юных девушек.

— Он был одним из придворных алхимиков, — продолжала графиня. — Он показал мне тот символ, который вы нашли на камне, и я скопировала его в свой дневник.

— Кто он был? — потребовала ответа Эрин.

— Его звали Джон Ди.

Эрин устремила на Элизабет пристальный взгляд. Джон Ди был знаменитым английским ученым, жившим в XVI веке. Благодаря своим познаниям в навигации он помог королеве Елизавете основать Британскую империю. Но в более поздние годы своей жизни Ди стал известен во всем мире как астролог и алхимик. Он жил во времена, когда религия, магия и наука стояли на распутье, но еще не разошлись разными путями.

— Зеленый алмаз был как-то замешан в то, над чем он работал? — уточнила Эрин.

— Одной из главных целей Ди — той, что скомпрометировала его в самом конце жизни, — был поиск возможности поговорить с ангелами.

С ангелами?

Год назад Эрин посмеялась бы над этой идеей, но теперь — она оглянулась на Джордана — теперь она знала, *насколько* реальны ангелы.

Элизабет продолжила:

— Ди работал с молодым человеком по имени Эдвард Келли, который считался кристалломантом.

— Кто это? — удивился Джордан.

— Гадатель по кристаллам, — объяснила Эрин. — При помощи хрустальных шаров, чайных листьев и других средств они пытаются предсказывать будущее.

— Что касается Келли, то у него было черное полированное зеркало, якобы сделанное из обсидиана, добытого в Новом Свете. Он утверждал, что в этом зеркале ему являются ангелы, и убедил в этом Джона Ди. Тот записывал слова этих ангелов на особом языке, который он изобрел.

— На енохианском, — уточнила Эрин.

Элизабет кивнула.

— Со временем Ди перестал верить Эдварду Келли и пожелал беседовать с ангелами сам. Для этой цели он стремился открыть портал в ангельский мир, дабы сквозь сей портал

говорить с высшими созданиями и поделиться их мудростью с человечеством.

— Но какое отношение все это имеет к зеленому камню? — спросил Джордан.

— Вот именно, — пробормотала Эрин.

— Этот камень был наделен силой, способной открыть портал. Он был наполнен темной энергией, достаточно мощной, чтобы пронзить завесу между мирами. Но в день, когда Ди должен был открыть портал, случилось несчастье, и алхимик и его подмастерье были найдены в лаборатории мертвыми. Император Рудольф сокрыл камень, дабы никто больше не мог высвободить эту силу.

— Откуда вы это узнали? — осведомилась Эрин.

Графиня разгладила складки своей юбки.

— Император Рудольф Второй сказал мне.

Христиан скептически нахмурился.

— Вы были знакомы с императором?

— Конечно, я была с ним знакома, — не скрывая гнева, отрезала графиня. — Я происхожу из одного из самых высококородных королевских домов Европы!

— Я не хотел оскорбить вас, сестра, — промолвил Христиан.

Элизабет быстро пришла в себя и снова сложила руки на талии, словно изо всех сил пытаясь опять предстать перед ними в образе скромной монахини. Но удавалось ей это плохо.

— Император написал мне письмо, — объяснила она. — Он знал, что я и мастер Ди были единственными в мире, кто проводил одни и те же исследования — постигая природу добра и зла.

— И как же это поможет нам продвинуться в наших поисках? — не выдержал Джордан.

— Ди знал об этом алмазе куда больше, чем пожелал доверить письму, — сказала Элизабет. — Взять хотя бы этот символ. Я подозреваю, что Джону было ведомо его значение. Если мы сможем отыскать его старые бумаги, его личные записи, то, возможно, нам откроется истина.

Эрин кивнула. «По крайней мере понятно, с чего начать».

Руна смотрел на Элизабет. Точнее, его взгляд был устремлен на нее почти неотрывно.

— Почему ты выглядишь такой обеспокоенной?

Эрин попыталась рассмотреть в чертах бесстрастного лица графини хоть какие-то признаки тревоги, но это ей не удалось. Впрочем, Рун знал Элизабет куда лучше, чем кто-либо еще.

— Если вспомнить в мельчайших подробностях рассказ императора о том, в каком состоянии он нашел тела Ди и его юного подмастерья, то я боюсь, что портал Джона вел не в мир светлых ангелов, а к самому темному ангелу из всех — к самому Люциферу.

Элизабет смотрела вверх, на темную фигуру, искушающую Христа. В обширном помещении церкви воцарилось молчание, по мере того как до всех постепенно доходило значение ее слов. Наконец графиня вновь повернулась к остальным.

— Что бы ни было, — предостерегла Элизабет, — мы должны сохранить камень целым.

Джордан переглянулся с Эрин.

— Покажи ей, — произнесла та.

Стоун медленно достал из кармана два куска разбитого камня. Элизабет отпрянула прочь от сверкающих зеленых осколков. Даже Эрин теперь могла прочесть на ее лице неприкрытый страх, который ни с чем нельзя было спутать.

— Оно на свободе, — прошептала графиня.

— Что на свободе? — спросила Эрин.

— Мы уже ничего не сможем сделать, — сказала Элизабет, проигнорировав вопрос. Голос ее был тих и полон ужаса. — Разве что подготовиться к возвращению Люцифера.

10 часов 38 минут

Рун, не веря, смотрел на Элисабету, ища в выражении ее лица малейшие признаки обмана, но находя лишь неподдельный страх.

— Люцифер? — спросил он. — Ты полагаешь, что его возвращение воистину близится?

— Стригой изменились, верно? — Элисабета впилась в него глазами. — Ныне они наделены большей силой и большей быстротой?

Джордан кивнул, неосознанно проведя рукой по своему животу.

— Но что это значит? — спросила Эрин.

— Это значит, что грозящая вам опасность куда больше, чем вы полагаете. — Элисабета коснулась пальцем разбитого камня. — Оно бежало из своей темницы.

— Что бежало? — спросил Рун, отведя ее руки прочь. Если в этом самоцвете осталось какое-то зло, он не желал, чтобы оно находилось рядом с Элисабетой.

— Этот алмаз был наполнен ужасными силами, которые накапливались и сосредоточивались в течение многих лет, по мере того как Джон Ди пожинал их.

— Пожинал что? — продолжала расспросы Эрин. — О каких силах вы говорите?

— О сущностях более чем шести сотен стригоев. Ди улавливал их гибнущую силу в момент их смерти и направлял в сердце этого алмаза. — Она повернулась к Руну и сжала его локоть. — Ты убил достаточно стригоев, чтобы заметить: по их смерти высвобождается некий черный дым.

Рун медленно кивнул и оглянулся на Эрин и остальных, видя понимание на их лицах. Все они наблюдали это явление в тот или иной момент.

Грейнджер напомнила:

— В ваших записях есть иллюстрации того, как вы убивали стригоев в стеклянном гробу. Вы нарисовали этот дым, исходящий из их тел.

— Я довела свои опыты лишь до этой стадии. Но Ди научился улавливать их сущности при помощи изобретенного им самим стеклянного аппарата — и накапливать эти сущности. Каким-то образом он обнаружил, что сей зеленый камень сможет удержать в себе столь концентрированное зло.

Джордан опустил взгляд на два тяжелых осколка, лежащие у него на ладони.

— А теперь эти силы были освобождены.

— То, что камень оказался разбит... — произнесла Эрин. — Возможно ли, что именно об этом говорит Кровавое Евангелие — о том, что кандалы Люцифера разомкнуты?

— Возможно, — сказала Элизабет. — Но несомненно, именно в этом причина того, что стригои в последнее время стали сильнее.

— Почему? — спросил Рун.

Она повернулась к нему.

— Ты действительно не понимаешь?

Рун лишь нахмурился.

— Ты никогда не задумывался о том, что дает тебе столь долгую жизнь и столь необычную силу? — поинтересовалась Элизабет.

— Проклятье, — коротко ответил он.

— Это простой ответ, — промолвила она. — Несомненно, у Церкви есть ученые, которые куда глубже проникли в эти тайны.

— Если и так, — отозвался Христиан, — мы ничего об этом не знаем. Поведайте нам.

Элисабета покачала головой, точно не в силах поверить в подобную глупость.

— Я проводила свои опыты, Ди исследовал суть ангелов, и мы пришли к выводу, что все стригои подпитываются силой одного-единственного ангела — темного.

Рун уставился на изображения Люцифера на потолке.

Элисабета проследила за его взглядом.

— Неужто ты не видел, как дым от умирающего стригоя не возносится вверх, но нисходит вниз?

Он коротко кивнул:

— Возвращается в Преисподнюю.

— Возвращается к своему истоку. К самому Люциферу.

Корца поднял руки и устремил на них взор, думая о сатанинской силе, пронизывающей его плоть и сдерживаемой лишь благодатью святой Крови Христа. Стоявший рядом с ним Христиан выглядел столь же испуганным — возможно, впервые они оба постигли свою истинную природу.

К счастью, Эрин направила разговор в куда более практическое русло:

— Элизабет, вы сказали, что оно освободилось, сбежало из своей темницы. Как вы думаете, что было выпущено из этого алмаза?

— Я не могу сказать точно, но Ди собрал особое число духов стригоев. Шестьсот шестьдесят шесть, если говорить точно.

— Библейское Число Зверя, — припомнила Эрин.

— Ди полагал, что когда он достигнет этого числа, эти сущности сконденсируются, сплетутся воедино, дабы породить или, быть может, призвать демона.

— Библейского зверя, — промолвил Рун, начиная постигать ужас, охвативший Элисабету при виде разбитого камня.

— Ди решил, что может заставить этого демона открыть ангельские врата, но потерпел поражение.

— А теперь он выпущен в этот мир, — сказал Ди.

Элисабета сложила руки на талии.

— Дабы у нас была хоть какая-то надежда остановить его, мы должны отыскать старые бумаги Ди. Лишь он мог понимать, что же создал.

— И откуда нам начинать поиски? — уточнила Эрин.

— С его старых лабораторий в Праге. Если там, конечно, хоть что-то осталось... Ди знал, как хранить секреты. В его покоях повсюду были потайные ниши. В каминной доске, в фальшивых стенах, даже в пещерах под полом лаборатории. Мы должны отправиться в его мастерскую в Праге и поискать ответы.

Рун оглянулся на Эрин и Джордана. Это был весьма слабый след, но все же более верный, нежели что-либо иное.

— Что скажете вы двое?

Джордан посмотрел на Эрин. Та кивнула.

— Думаю, следует попробовать. А учитывая все, что происходит вокруг, мы должны отправляться немедленно.

— Тогда пойду разогрею нашу «стрекозу», — сказал Христиан. — Кто именно летит?

Эрин обвела рукой себя, Руна и Джордана.

— Конечно же, трио.

Элисабета выпрямилась и расправила плечи.

— Я тоже должна сопровождать вас. Я навещала Ди в его мастерской и знаю многие его секреты.

Христиан приподнял брови.

— Вы только что вступили в наш орден, сестра Элизабет. Обычно те, кто принял посвящение, проводят первые месяцы в заточении, дабы научиться обуздывать зверя внутри себя. Это опасное время.

Элисабета склонила голову, но Рун заметил знакомую вспышку гнева в ее серебристых глазах.

— Если такова воля Церкви, я должна повиноваться ей. И все же я не знаю, насколько вы сможете преуспеть в этих поисках без моей помощи.

Позади них раздался еще один голос, свидетельствовавший о том, что кое-кто скрытно подслушивал их беседу.

— Сестра Элизабет должна помогать трио в этой миссии, — произнесла София, выступая из темноты. — Никто другой в наших рядах не владеет теми знаниями, которые хранит она. Необходимо пойти на риск, если мы надеемся на успех.

Элисабета вновь наклонила голову.

— Благодарю вас, сестра София.

— Вы испили вина, сестра. Если бог поверил в вас, то мы не можем оказаться слабее в вере. — София кивнула Христиану. — Но опасения, высказанные здесь только что, вполне обоснованы, поэтому я отправлюсь с вами, дабы помочь убеждать от соблазнов.

— Я с радостью воспользуюсь вашим опытом в этом вопросе, — заверила Элисабета.

Рун подозревал, что София присоединилась к ним не в качестве наставника, а в качестве охранника — чтобы присматривать за Элисабетой. И возможно, это мудрое решение. Так или иначе, вопрос улажен.

Христиан повернулся, чтобы уйти.

— Я подготовлю полетное расписание. Если не возникнет проблем, к обеду мы будем в Праге.

Все засобирались следом. Рун смотрел, как Джордан прячет в карман две половинки зеленого камня, и думал о том, что же все-таки оказалось выпущено в этот мир. Если страхи Элисабеты оправданны, то демон гуляет на свободе.

Но что это за тварь?

Глава 15

*18 марта, 11 часов 12 минут
по центральноевропейскому времени
Венеция, Италия*

«Как долго мне еще ждать?»

Легион стоял, спрятавшись в густой тени арки. Из этой темноты он рассматривал украшенный колоннами фасад огромной церкви на залитой солнцем площади. Яркое полуденное солнце отражалось от золотой поверхности и обжигало его глаза, но он оставался на месте.

«Я ждал долго и могу подождать еще дольше».

Продолжая бодрствовать внутри Леопольда, он искал другие глаза — глаза тех, кого поработил касанием руки. Через эти дальние свои *отростки*, другие глаза, он мог видеть сотни иных сцен из мест, которые еще были окутаны темнотой:

...кровь из разорванного горла девушки алым потоком заливает черный асфальт улицы...

... полные слёз и ужаса глаза мужчины, сидящего в металлической коробке и ожидающего смерти от острых зубов ночной твари...

...стая охотится в темном лесу, сжимая кольцо вокруг пары, слившейся в объятиях и не замечающей ничего, кроме собственной похоти...

В любой момент он мог свершить большее, нежели просто наблюдение. Он мог полностью перелить свое сознание в одного из этих рабов, взяв власть над его телом. Но он оставался там, где был, прочно укрепившись в этом сосуде, служившем ему оплотом в этом мире. Он снова порывался в воспоминаниях, принадлежащих крошечному огоньку, что мерцал в его необъятной тьме.

Леопольд узнал цитадель святости, возвышающуюся по ту сторону площади.

«И теперь я тоже это знаю».

Базилика Святого Марка.

Легион прибыл сюда из Рима — ведомый тем, что узнал через дрожащего священника-сангвиниста, который подслуши-

вал под дверями кабинета кардинала Бернарда. Посредством этих ушей Легион проведал, что *предреченное трио* соберется здесь, в Венеции. Хотя он желал знать, что происходит в этих святых стенах, однако проникнуть за них не мог.

Ему препятствовала не только святость земли, но и жаркое дневное солнце, грозившее испепелить его. У него с собой не было ничего, во что можно было бы закутаться. Даже в тени солнечный свет обжигал его кожу. Скоро солнце вынудит его укрыться в ближайшем доме, а может быть, под поверхностью моря, которое питает эти каналы.

«Я смогу отдохнуть в толще холодной зеленой воды, пока не отгорит дневной жар».

Эта возможность искушала его, он хотел узреть эту красоту: искрящиеся стаи рыбок, колыхание зеленой завесы водорослей... Он хотел слиться со всем этим, стать его частью.

Но еще не время.

Вместо этого он должен оставаться в этом городе грязных каналов, где людская греховность и святость перемешаны, словно разные цвета в пестроте лоскутного одеяла. И несмотря на попытки Леопольда сокрыть знания, Легион постепенно узнавал все больше.

Двое из трио были, конечно же, смертными.

Воитель и Женщина.

Но третий — Рыцарь по имени Рун Корца — прибыл сюда позже, чем остальные. Он был сангвинистом, как и Леопольд, а значит, был подвержен скверне. Легион мог протянуть свою тень к тьме, сокрытой внутри Рыцаря.

«Пометить его, подчинить его моей воле».

Увы, ничего подобного он не мог сделать ни с Воителем, ни с Женщиной, которые не несли в себе этой тьмы, но Легиону был нужен только Рыцарь.

Корца станет его вратами к трио, откроет ему способ уничтожить пророчество изнутри.

По ту сторону площади хлопнула тяжелая дверь, и это привлекло его внимание.

Группа сангвинистов с безмолвными сердцами вышла из оплота святости на открытое пространство. Легион изучал их внешность, глубоко вдыхая дым, исходящий от пламени Леопольда. Тот знал многих из них по имени и в лицо.

Но взгляд Легиона был прикован к тому, кто шел в центре, рядом с Воителем и Женщиной.

Рун Корца.

«Когда он склонится предо мною, мы очистим этот мир, снова сделав его раем».

Но его жертва постоянно оставалась на свету, к вящей досаде Легиона. Не имея другого выбора, демон последовал за ними по узким улочкам Венеции, держась в тени. По пути он вслушивался в биение сердец тех, кто еще влачил бренное человеческое существование, — но один пульс особенно привлек его внимание.

Воитель уже должен был быть мертв. Легион помнит, как вошел в тело стригоя, напавшего на этого человека: удар мечом в живот смертного, горячая кровь, хлынувшая струей на холодные руки убийцы...

Но сердце Воителя продолжало биться.

Подобравшись ближе, Легион уловил в этом ритме чуждую нотку — как будто ровным сильным ударам сердца отвечал эхом огромный рог.

Это была загадка, но она могла подождать своего часа.

Те, кого он преследовал, добрались до цели, спеша преодолеть последний отрезок пути под беспощадным солнцем.

«У меня больше нет времени».

Они направлялись в здание, от которого исходил маслянистый запах, как от многих вещей в нынешнем мире. На крыше здания отдыхала машина с винтами. Леопольд знал, что это за устройство.

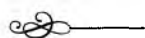
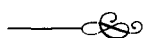
...вертолет, чтобы летать, подобно шмелю...

Легион ощутил слабый трепет восхищения перед искусностью смертных, ограниченных законами и рамками этого мира. Человек многого добился за те века, что демон провел в заточении.

Даже покорил небеса.

Зная это, Легион пытался сообразить, как ему продолжить свою охоту. Скоро вертолет взлетит навстречу солнцу нового дня, унося трио прочь. Он должен узнать, куда они направляются.

Лопасты винта уже шевельнулись, описывая круг.

Из здания, на котором стояла машина, появилась маленькая группа сангвинистов. Это был эскорт, который охранял трио в пути по городским улицам, а ныне намеревался вернуться в свои святые убежища. Большинство направилось туда, откуда пришло, — в базилику Святого Марка, но одна фигура отделилась от группы и зашагала в другом направлении.

Ее путь пролегал вдоль канала, ближний берег которого все еще скрывала густая тень.

Легион, прячась от солнца, быстро помчался за нею.

На бегу он прислушивался к городу, к выкрикам и смеху, к реву двигателей, к лязганью металла. Он почти не слышал звуков изначального мира. Ни птичьего пения, ни шороха ветра в листве. Человечество захватило этот остров — как и большинство земель в современном мире — и приспособило для своих нужд, уничтожив первозданные сады и убив существа, некогда жившие здесь в гармонии друг с другом.

«Быть может, Бог и согласен терпеть подобное поношение Его творения, но я — нет».

И ради этой цели он мчался, подобно ветру, вдоль канала за своей целью, которая и не ведала, что за ней идет охота.

Легион вытянул из памяти Леопольда ее имя и произнес его вслух:

— Сестра Эбигейл...

Сангвинистка повернулась к нему. Ее серые, точно камень, волосы были заправлены под апостольник, открывая исполненное раздражения лицо. Она явно была не в духе, и гнев замедлил ее реакцию. Глаза ее расширились от ужаса, отражая его темное лицо, но он был уже рядом.

Протянув руку, Легион коснулся ее щеки, выжигая на ее плоти свое клеймо.

Она сразу же обмякла, повалившись на него. Он подхватил ее, крепко держа и одновременно перелистывая ее память, точно книгу.

...идет по мокрым улицам Лондона, держа за руку кого-то высокого. Мать...

...стоит перед простым белым надгробием. Отец...

...радостные люди пляшут на улицах. Великая война закончилась, но многие погибли. Так много зеленых полей превращено бомбами в поля смерти...

...огромные камни падают с небес. Бомбы. Еще одна война, куда более страшная, чем прошлая. Оружие, которое может уничтожить всё, что дано человеку...

...мужчина с глазами цвета грозowych туч и холодной кожей. Он забирает ее кровь и предлагает взамен свою...

...болотистое поле битвы. Карие глаза со скошенными уголками. Падают бомбы, равно уничтожая добро и зло. Еще одна война, в Корее, и она охотится здесь вместе с мужчиной с грозowymi глазами...

...женщина с серебряным крестом на шее предлагает выбор: раскайся или умри. Вино обжигает губы...

Легион вобрал жизнь монахини, словно вдохнул ее целиком, но ее прошлое мало интересовало его. Он отбросил эти воспоминания и стал искать более свежие.

...лицо женщины с черными кудрями и серебристо-серыми глазами. Она прекрасна, и Эбигейл ненавидит ее всей своей холодной душой...

Легион вычленил имя этой женщины.

Графиня Элисабета Батори.

Для Легиона она была бесполезна. Потеряв терпение, он сосредоточился на одной-единственной цели, внедрив ее в сознание женщины, которую держал сейчас в объятиях.

«Куда они направляются?»

Губы Эбигейл, почти прижатые к его уху, шевельнулись:

— Они направляются в Прагу.

Услышав это название, Легион задрожал: это место было тесно связано с его историей, и именно там он изначально пребывал в заточении. Похоже, в то время как он охотился на трио, оно подобралось вплотную к его истории.

Всю свою решимость он вложил в одно-единственное слово:

«Зачем?»

Тихий ответ коснулся его слуха:

— Они ищут записки Джона Ди.

На этот раз собственные воспоминания захлестнули его сознание:

...старик с белой, точно молоко, бородой и мудрыми темными глазами...

...эти глаза улыбаются мне через стену зеленого пламени. Он мой тюремщик...

...во мне пылают боль и ненависть...

Демон оттолкнул от себя Эбигейл, держа ее на расстоянии вытянутой руки. Его клеймо чернело на ее щеке. Теперь Легион знал, куда должен направиться.

В Прагу.

У него уже были рабы поблизости от этого древнего города, и он мог бы призвать их туда, но Легион намеревался сам явиться на место событий. Эбигейл может перемещаться при свете дня, она поможет ему сделать то же самое.

Там, в Праге, он отомстит за свое прошлое, защитит свое будущее... и уничтожит надежды человечества.

ЧАСТЬ III

Ибо беззаконие, как огонь, разгорелось, пожирает терновник и колючий кустарник и пылает в чащах леса, и поднимаются столбы дыма.

Ис. 9:18

Глава 16

*18 марта, 14 часов 40 минут
по центральноевропейскому времени
В воздухе над Чешской Республикой*

Элизабет, сидящая в задней части вертолета, обеими руками вцепилась в ремни безопасности. Реки, деревья и поселки проносились под их крохотной летучей машиной с головокружительной скоростью. В окно она видела игрушечный мир, и сама себе казалась ребенком, который смотрит на этот мир сверху вниз, собираясь поиграть.

В ее крови пылающее вино все еще боролось с темной силой. И все же Элизабет вновь чувствовала себя цельной, впервые за несколько месяцев.

«Это то, что я есть, то, чем должна быть».

Быть может, она даже сумеет простить Руна за все, чему он подверг ее, потому что он указал ей дорогу сюда, даровал ей эти мгновения.

В течение всего полета из Венеции Рун бросал на нее долгие взгляды, словно боясь, что она исчезнет. Эрин и Джордан, сидевшие у другой стенки кабины, быстро уснули, в то время как София и Христиан занимали пилотские кресла, управляя воздушным судном, плывущим по бескрайним воздушным рекам.

Это было восхитительное время для того, чтобы быть живой.

«И я выпью это время до капли».

Она взглядела в расстилающийся впереди пейзаж, зная, что скоро они окажутся в Праге. Элизабет гадала, узнает ли она город, или он окажется таким же чужим для нее, каким оказался Рим? По правде сказать, ей было все равно. Она научится и приспособится, проплывет сквозь все перемены, чтобы достичь вечности.

«Но не в одиночестве».

Она представила себе юное лицо Томми. В прошлом он многому научил ее относительно современного мира. В ответ она научит его чудесам ночи, наслаждению кровью и течением лет, которое больше не затронет их никогда.

Графиня улыбнулась.

«Кому нужно солнце, если будущее — такое яркое?»

В наушниках, которые она надела перед полетом, раздался голос Христиана. Этот голос пробудил людей и заставил Руна сесть прямо.

— Мы прибываем в Прагу.

Корца заметил улыбку, все еще не сошедшую с лица Элизабет, и улыбнулся ей в ответ.

— Ты хорошо выглядишь.

— И мне хорошо... очень хорошо.

Взгляд темных глаз Руна был счастливым и теплым. Когда она покинет орден, это причинит ему боль. Элизабет была удивлена, обнаружив, насколько сильно эта мысль обеспокоила ее.

Графиня вновь повернулась к окну. Вертолет скользил над современными конструкциями из стекла и серыми уродливыми зданиями. Но далеко впереди Элизабет увидела старую часть города с красными черепичными крышами и узкими извилистыми улочками.

Вертолет летел над Влтавой, и Батори узнала перекинутый через реку широкий каменный мост, разрезавший серую воду рядом величественных арок. Она была рада узреть, что не все изменилось. Похоже, Прага сохранила многие из своих высоких башен, да и другие детали ландшафта.

— Это Карлов мост, — сказала Эрин, заметив, на что смотрит Элизабет.

Графиня подавила кривую усмешку. Когда-то он назывался просто Каменным мостом. Она смотрела, как по широкому полотну моста шагают пешеходы. В ее время он был запружен лошадьми и каретами.

«Кое-что все-таки изменилось».

Когда вертолет направился к центру города, Элизабет буквально впиалась глазами в проплывающую внизу панораму, выискивая улицы и здания, знакомые ей по прошлому. Она

опознала два шпиля Тынского храма близ Староместской площади. Башню ратуши по-прежнему украшали величественные куранты-Орлбй, знаменитые астрономические часы.

Эрин проследила за ее взглядом.

— Эти средневековые часы — просто чудо. Легенда гласит, что часовых дел мастер, создавший их, был ослеплен по приказу властей города, дабы больше нигде и никогда не повторить ему такой шедевр.

Элизабет кивнула.

— Раскаленной железной кочергой.

— Жестоко, — отозвался Джордан. — Не слишком-то щедрая награда за такую работу.

— Это были жестокие времена, — промолвила графиня. — Но говорят также, что мастер отомстил, забравшись в башню и уничтожив тонкий механизм одним прикосновением, — а потом там же покончил с собой. Куранты не могли починить еще сотню лет¹.

Элизабет смотрела на причудливый циферблат часов. Хорошо, что некоторые вещи из прошлого сохранились и по-прежнему окружены почетом. Хотя часовой мастер умер, его работа пережила века.

«Как переживу и я».

— Через несколько минут мы приземлимся, — сообщил им по радиосвязи Христиан.

В глубине кармана Элизабет завибрировал мобильный телефон. Она прижала его ладонью, надеясь, что Рун не расслышит его жужжания за ревом двигателя, через плотно сидящие наушники. Должно быть, это Томми. Но почему он звонит? Боясь худшего, она нетерпеливо поерзала на сиденье, жалея, что не может сейчас поговорить с мальчиком. Но для этого ей нужно было остаться одной.

Когда вибрация телефона прекратилась, графиня сжала руки и крепко стиснула их, страстно желая, чтобы вертолет

¹ На самом деле это лишь легенда. Пражский Орлой был создан в XV веке Микулашем Каданом и Яном Шинделем, а впоследствии доработан мастером Яном Ружем по прозвищу Гануш; с именем последнего и связывают легенду об ослеплении и самоубийстве, которых на самом деле не было.

поскорее сел. К счастью, этого не пришлось ждать долго. Как и обещал Христиан, вскоре они приземлились. Пилот некоторое время переговаривался с кем-то по радио, а затем Элизабет следом за остальными вышла наружу и направилась через обширную бетонную площадку к длинному низкому зданию.

Воздух здесь был холоднее, чем в Венеции, но Элизабет по-прежнему чувствовала жар. Она подставила открытую ладонь лучам послеполуденного солнца. Останься Батори просто стригоем, ее кожа сейчас пошла бы волдырями, а потом сгорела бы в пепел, но, похоже, святое причастие защищало ее. Однако не до конца. В ее крови оставалось достаточно тьмы, чтобы солнечный свет был для нее жгучим. Она отдернула руку и склонила голову, пряча лицо в тени своего апостольника.

Рун заметил ее реакцию.

— Со временем ты привыкнешь.

Элизабет нахмурилась. Даже дневной свет был не до конца дарован сангвинистам. Их жизнь — сплошная боль и попытки привыкнуть к этой боли. Графиня желала сбросить эти ограничения и запреты... снова стать истинно свободной.

Но пока рано.

Вместе с другими она прошла в здание аэропорта. Ее раздражала неприглядная утилитарная обстановка таких мест, безликая, бело-серая. Казалось, что люди в эту эпоху боятся яркого цвета.

— Можно мне ненадолго отлучиться, чтобы умыться? — спросила она у Руна, стремясь ненадолго остаться в одиночестве, чтобы перезвонить Томми. — Это путешествие совершенно выбило меня из колеи.

— Я провожу ее, — вызвалась София. Эти слова невысокая индианка произнесла слишком поспешно, выдавая свое недоверие.

— Спасибо, сестра, — отозвалась Элизабет.

София провела ее в боковой холл, где располагался туалет на множество кабинок, и проследовала за ней к умывальникам. Встав перед раковиной, графиня омыла руки теплой водой. София у соседнего умывальника набрала воду в горсти и плеснула себе в лицо.

Элизабет воспользовалась этим мгновением, чтобы пристально изучить темнокожую женщину, гадая, какой она

была, прежде чем стать сангвинисткой. Была ли у нее семья, которая осталась в прошлом, за далью лет? Какие жестокости она совершала, будучи стригоем, прежде чем испытать освященного вина?

Но лицо женщины оставалось непроницаемой маской, и по нему невозможно было прочесть, какая боль таилась в ее прошлом. Однако Элизабет знала, что боль там была.

«Каждый из нас на свой лад испытывал эту боль».

Она вспомнила своего сына Пала, его звонкий смех.

«Похоже, путешествуя по жизни, ты всего лишь собираешь вокруг себя призраков. Чем дольше ты живешь, тем больше теней тебя преследует».

Она посмотрела в зеркало и с изумлением заметила, что по ее щеке катится одинокая слеза. Графиня не стала стирать ее, решив взамен воспользоваться ею.

— Можно мне на минуту остаться одной? — спросила она, повернувшись к Софии.

Та, похоже, готова была возразить, но когда она увидела слезу, выражение ее лица смягчилось. И тем не менее сангвинистка оглянулась по сторонам, явно высматривая, нет ли здесь окон или другого выхода. Не найдя ничего, она коснулась плеча Элизабет и пошла прочь.

— Я подожду снаружи.

Как только София скрылась, Элизабет достала телефон. Она включила воду по сильнее, чтобы шум заглушал ее голос, и быстро набрала номер Томми.

Тот ответил сразу же.

— Элизабет, спасибо, что перезвонила. Ты застала меня как раз вовремя.

Она почувствовала облегчение, услышав его спокойный тон.

— Всё в порядке?

— Ну, неплохо, как мне кажется, — отозвался он. — Я так рад, что скоро увижу тебя!

Она непонимающе нахмурилась. Мальчик не мог знать, что она собиралась приехать к нему, как только сможет сбежать из-под надзора.

— О чем ты говоришь?

— Приехал священник, он заберет меня в Рим.

Она застыла, голос ее внезапно сел.

— Какой священник?

Разум ее лихорадочно пытался как-то осознать эту новость. Она была неожиданной и казалась чем-то неправильным, пахивала ловушкой.

— Томми, только не...

— погоди, — оборвал ее мальчик. Элизабет услышала, что он разговаривает с кем-то на заднем плане, потом в трубке снова раздался его отчетливый голос: — Тетя говорит, чтобы я заканчивал болтать по телефону. За мной приехала машина. Но мы увидимся уже завтра.

Он произнес это с оживлением, но душу Элизабет наполнил страх.

— Не надо ехать с этим священником! — воскликнула она в тревоге.

Однако он уже отключил связь. Графиня снова набрала его номер, рассказывая туда-сюда по туалету. В трубке звучали длинные гудки, но Томми не отвечал. Элизабет стиснула телефон в кулаке, пытаясь постигнуть причину, по которой кому-то понадобилось забрать его.

«Может быть, они хотят забрать Томми в безопасное место из-за всех этих нападений стригоев?»

Она отмела эту надежду, зная, что мальчик больше не представляет интереса для Церкви.

«Тогда почему они забирают его? Почему Томми неожиданно снова стал для них важен?»

И тут Элизабет поняла.

«Из-за меня».

Церковь знала, что Томми важен для нее. Кто-то хочет заполучить мальчика, использовать его как пешку, как способ набросить на нее ошейник. И лишь один священник в мире стал бы вовлекать в такие игры ни в чем не повинного мальчика, дабы оказывать на кого-то давление. Даже будучи в заключении, этот мерзавец продолжает пользоваться некой властью.

Кардинал Бернард!

Графиня ударила кулаком в зеркало, и от точки соударения разбежались трещины.

Элизабет оглянулась на дверь, зная, что София ждет там. Это был неразумный поступок, продиктованный гневом. Если

она хочет спасти Томми, следует быть умнее. Не дожидаясь, пока София придет узнать, в чем дело, графиня выключила воду и поспешила к выходу.

Как она и ожидала, сангвинистка посмотрела на нее с подозрением.

Элизабет поправила свой апостольник и провела рукой по четкам. От прикосновения к серебру по кончикам пальцев пробежали иглы боли. Она использовала эту боль, чтобы прийти в себя.

— Я... я, кажется, готова идти дальше, — произнесла графиня.

Они вернулись к остальным.

Эрин вывела на экран своего телефона карту — еще одно чудо современного мира.

— Мы не так уж далеко от старого дворца. Большинство алхимических лабораторий находятся там.

— Лаборатория, которую мы ищем, вовсе не там. Нам нужно идти в центр города, к Орлою, — возразила Элизабет, намереваясь выгадать время.

«Я буду ждать и наблюдать».

Ее время еще настанет.

«Как и время Бернарда».

15 часов 10 минут

Когда они направлялись к выходу из аэропорта, Эрин потуже подтянула лямки рюкзака, четко осознавая, что несет за плечами Кровавое Евангелие. Она с тревогой думала, что, возможно, следовало оставить книгу в Риме, в надежно запертом хранилище. Но Кровавое Евангелие было теперь нерасторжимо связано с ней, и Эрин отказывалась выпускать его из поля зрения.

Оно ощущалось сейчас как часть ее самой.

Впереди нее рядом с графиней шел Рун, грациозный, точно пантера, в черных джинсах и длинной черной куртке. Элизабет, в свою очередь, выступала плавно и с величественной грацией. Эти двое составляли прекрасную пару, и неожиданно болезненный укол зависти пронзил Эрин. Это удивило ее. Неужели она хотела бы оказаться рядом с Руном на месте этой женщины, будь даже такое вообще возможно?

Грейнджер взглянула на Джордана. Его синие глаза изучали зал, зорко выискивая опасность, но плечи были расслаблены. Квадратный подбородок покрывала золотистая щетина. Она помнила, как эти жесткие волоски царапали ее живот, ее груди...

Стоун поймал ее взгляд, и Эрин уставилась в пол, покраснев.

Когда они вышли наружу, в свет холодного дня, Элизабет сдвинула свой апостольник, чтобы затенить лицо. Куртка Руна была с капюшоном, но он не озаботился натянуть его на голову.

Эрин склонилась к Христиану.

— Почему солнечный свет, похоже, досаждаёт Элизабет больше, чем остальным?

— Она — новичок в ордене, — объяснил Христиан. — Не знаю, происходит это просто из-за хода времени или благодаря многим годам покаяния, но мне точно известно: с возрастом сангвинисты становятся более иммунными к свету.

— Отчего же вам неизвестно точно, как это работает? — спросила Эрин, удивившись нелюбопытству сангвинистов относительно их собственной природы. — Нельзя же совсем не интересоваться такими вещами! Неужели так трудно узнать, что именно с вами происходит?

Ей ответила София, шедшая по другую руку от Христиана.

— «Надейся на Господа всем сердцем твоим и не полагайся на разум твой», — процитировала она строгим тоном. — Это не то, что следует подвергать сомнению.

— Жизнь сангвиниста — не процесс научных открытий, — добавил Христиан. — Мы идем по пути веры. Вера — это сущность вещей, на которые надеешься, свидетельство того, чего не видишь, а не доказательство их существования.

Джордан закатил глаза.

— Может быть, если бы вы раньше почаще задавались такими вопросами, мы бы сейчас не сели в такую лужу.

Никто ему не возразил. Христиан указал вперед, на маленькую кофейню со столиками под открытым небом.

— Как насчет того, чтобы немного перекусить? Нам предстоит долгий и трудный день.

Перекусить было нужно только Эрин и Джордану, но Христиан был прав. Немного кофеина будет кстати... а еще лучше — *много* кофеина.

Христиан вошел в кофейню, чтобы сделать заказ, а Джордан сдвинул вместе два маленьких круглых столика под огромным зонтом. Вскоре вернулся Христиан, неся поднос с двумя порциями кофе в широкогорлых кружках и горкой выпечки. Прежде чем поставить поднос на столик, он наклонился и вдохнул ароматный пар, поднимающийся над кружками. Потом выдохнул, явно давая понять, что высоко оценил запах.

Эрин улыбнулась, но уголком глаза заметила, что София неодобрительно поджала губы. Любой намек на что-то человеческое сангвинисты воспринимали как слабость. Но Эрин считала сохранившиеся в Христиане человеческие черты привлекательными; благодаря этим чертам она доверяла ему больше, а не меньше.

Грейнджер взяла кружку обеими руками, согревая ладони и ища в этом тепле ободрения. Потом окинула взглядом остальных.

— Каковы наши дальнейшие планы? Такое ощущение, что мы блуждаем впотьмах, словно слепцы. Пора как-то изменить это. Самое время начать задаваться трудными вопросами. Например, о понимании природы сангвинистов и стригоев. Кажется, это чрезвычайно важно для наших поисков.

Джордан кивнул, многозначительно поглядывая на Христиана и Софию.

— Чем меньше мы понимаем, тем больше шансов, что мы не справимся.

— Согласна, — произнесла Элизабет. — Неведение не принесло нам ничего хорошего в прошлом и не принесет теперь. Церкви следовало бы знать кое-что. У нее были две тысячи лет на изучение подобных вещей, однако вы не можете ответить на простейшие вопросы. Например, что дает подобие жизни стригоям?

— Или другой вопрос: как вы меняетесь, когда принимаете обеты сангвинистов? — добавила Эрин. — Каким образом вино питает вас?

Ее вопросы вызвали краткий, но оживленный спор. Рун и София стояли на стороне веры и Бога. Эрин, Джордан и Эли-

забет приводили аргументы в пользу научных методов и здравого смысла. Христиан невольно играл роль судьи, пытаясь найти точки соприкосновения.

В итоге мнения разошлись еще дальше.

Грейнджер отодвинула свою опустевшую кружку. На ее тарелке остались только крошки от выпечки. Джордан отведал лишь кусочек своей порции слойки с яблоками, но, похоже, с него и этого было довольно — если не кофе и сладостей, то по крайней мере разговоров.

— Нам нужно идти, — заявил он, поднимаясь из-за стола.

София взглянула на часы.

— Джордан прав. Мы уже и так потеряли немало времени.

Эрин проглотила резкую отповедь, понимая, что это ни к чему хорошему не приведет.

Как ни странно, Элизабет предложила более примирительное решение:

— Возможно, мы найдем ответы на эти вопросы в лаборатории Джона Ди.

Грейнджер встала.

«Лучше бы нам их найти... иначе мир обречен».

Глава 17

*18 марта, 15 часов 40 минут
по центральноевропейскому времени
Прага, Чешская Республика*

Рун стоял рядом с Элизабет в центре Староместской площади. На небо напоззли тучи, начинался слабый дождь, усеивавший мокрыми крапинками брусчатку. Элизабет смотрела на золотистый циферблат астрономических часов, знаменитого Орлоя. Потом перевела взгляд на окружающие здания.

— Так где именно была лаборатория того типа? — спросил Джордан.

— Мне нужно немного сориентироваться, — ответила она. — Многое изменилось, но, к счастью для нас, многое осталось прежним.

Рун изучал многочисленные переплетающиеся циферблаты и символы курантов. Было почти четыре часа пополудни, а значит, до заката оставалось часа два с половиной.

Эрин поплотнее запахнулась в легкую синюю куртку.

— Я бы решила, что лаборатория Джона Ди находится где-то в переулке Алхимиков, возле Пражского Града.

— И ошиблись бы, — отозвалась Элизабет неприятно высокомерным тоном. — Мастерские многих алхимиков располагались в том переулке, но большинство тайных работ производилось неподалеку отсюда.

— Так где именно была лаборатория Джона Ди? — настойчиво спросила София.

Элизабет медленно пошла прочь от часовой башни к противоположной стороне площади. Следуя неспешной походкой, она прошла по кругу, словно стрелка компаса, пытающаяся обнаружить направление на север. И наконец указала на узкую улочку, ведущую от площади. По обеим сторонам улицы высились жилые здания.

— Если его лаборатория не была уничтожена, она находится в той стороне.

Эрин нахмурилась, не в силах скрыть тревогу. Рун понимал ее беспокойство. Если лаборатории больше нет, значит, мало того что они предприняли это путешествие напрасно — они просто не будут знать, куда двигаться дальше в своих поисках.

Элизабет решительно шла вперед, вынуждая всех остальных следовать за ней. София спешила изо всех сил, чтобы держаться вровень с графиней, Рун вместе с остальными немного приотстал.

Эрин смотрела по сторонам, любуясь старинными зданиями, но мысли ее были устремлены к более свежим событиям.

— В две тысячи втором году, — произнесла она, взмахнув рукой, — в Праге было сильное наводнение. Влтава вышла из берегов и затопила город. Когда вода отступила, многие участки городских улиц — включая и эту, если я не ошибаюсь, — провалились в средневековые тоннели, открывая давно затерянные помещения, мастерские... даже алхимические лаборатории. — Эрин посмотрела на собеседников, затем на

мокрую брусчатку под ногами. — За столько лет миллионы людей ходили над этими тоннелями и даже не знали, что они там есть. В то время это вызвало огромный ажиотаж среди археологов.

Шедшая впереди всех Элизабет издала односложное восклицание, в котором Рун опознал венгерское ругательство. Все подбежали к ней. Графиня стояла перед деревянной вывеской на металлическом кронштейне. Двустворчатая деревянная дверь под вывеской, покрашенная в темно-синий цвет, была гостеприимно распахнута. Элизабет мрачно сдвинула брови, глядя на вывеску так, словно готова была сорвать ее с кронштейна.

На одной из створок двери красовался яркий серебряный круг, украшенный изображением — две реторты, соединенные трубками. По кругу шла надпись: «*Speculum Alchemiae Muzeum Prague*»¹.

— Это музей! — резко бросила Элизабет. — Так-то в вашу эпоху охраняют тайны?

— Очевидно, да, — отозвался Джордан.

Рун шагнул ближе. В кованой железной стойке, прикрепленной к двери, стояли сосуды грушевидной формы. Золотистый ярлык, прилепленный к каждому из них, гласил о его содержимом: «Эликсир памяти», «Эликсир здоровья», «Эликсир вечной молодости».

Подобные причудливые бутылки Рун помнил по своим детским годам.

Христиан подбоченился, с сомнением глядя на музей.

— Бумаги Джона Ди находятся здесь?

— Они были здесь, — поправила Элизабет. — Когда-то это был совершенно обычный, неприметный дом. В передней его части была большая зала, а в дальней — гостиная, где алхимики принимали гостей и разговаривали о своей работе. Среди них были такие ученые, как Тихо Браге и рабби Лёв². Старики с белыми бородами склонялись над тиглями и перегонными кубами. Конечно же, попадались и шарлатаны, такие как клытый Эдвард Келли.

¹ «Музей «Зеркало алхимии», Прага» (лат.).

² Имеется в виду Йехуда Лива (Лёв) бен Бецалель.

Дождевые капли затекали Руну в глаза, и он стер их тыльной стороной руки.

— Над чем они работали?

Элизабет стряхнула морось со своего апостольника.

— Над всем. Они искали множество вещей, которые оказались глупыми и недостижимыми, как философский камень, способный превращать простые металлы в золото, но помимо того, им удалось открыть немало значимых вещей. — Она топнула изящной ножкой по брусчатке. — И эти открытия впоследствии были утрачены. Там было такое, чего ваше современное сознание не в состоянии даже вместить. А теперь вы превратили это в развлечение для скушающих детишек.

— Ну что ж, раз уж мы проделали весь этот путь, — сказал Христиан, проскальзывая мимо нее, — нам ничто не мешает взглянуть.

Все последовали за ним, увлекая за собой графиню, как она ни протестовала.

Из-за стойки их поприветствовали две женщины. Старшая, в темных волосах которой виднелась густая проседь, нанизывала на нитку бусы, а младшая — вероятнее всего, ее дочь — сметала со стеклянной витрины пыль при помощи длинной метелки из перьев.

Рун окинул взглядом комнату. Со сводчатого потолка свисали пучки сухих трав, вынуждая пригибаться. Вдоль всех стен тянулись деревянные полки, заставленные разного рода старинными книгами и стеклянными и глиняными сосудами. Корца заметил справа от стойки высокую деревянную дверь. Она была заперта. Элизабет протиснулась мимо него и направилась прямо к стойке, обратившись прямо к старшей из женщин.

— Возможно ли осмотреть комнату для приемов? — требовательно спросила она. — И может быть, нижние помещения?

— Конечно, сестра. — Женщина посмотрела на Элизабет поверх своих очков с полукруглыми стеклами, с некоторым недоумением обводя глазами сборище монахинь и священников в колоратках. — Мы проводим экскурсии.

Элизабет, похоже, была потрясена, но Христиан не растерялся.

— Мы хотели бы приобрести шесть билетов, — быстро заявил он. — Когда начнется следующая экскурсия?

— Прямо сейчас, — ответила женщина.

Старшая из смотрительниц взяла евробанкноты, которые протянул ей Христиан, а взамен выдала каждому из посетителей большой прямоугольный билет.

Младшая улыбнулась Джордану. У нее были теплые карие глаза, на вид ей было лет двадцать пять. Ее длинные темные волосы были собраны на затылке в пучок и перевязаны фиолетовой лентой. Того же цвета была ее блузка и узкая юбка, заканчивающаяся значительно выше колен.

Элизабет встала между ней и Руном, с отвращением рассматривая облегающий наряд девушки.

— Меня зовут Тереза, — представилась младшая смотрительница, изо всех сил стараясь не обращать внимания на уничтожающие взгляды Элизабет. — Я проведу для вас экскурсию по алхимическим лабораториям. Следуйте за мной, пожалуйста.

Девушка отперла дверь тяжелым ключом и распахнула ее. Из проема вырвался воздух, пахнувший сыростью и плесенью. Рун учуял легкое дуновение чего-то иного и ощутил покалывание в затылке. Он вспомнил дни, проведенные в египетской пустыне, и распознал присутствие того же зла, за которым охотился в песках.

Корца оглянулся по сторонам, но не заметил никаких признаков опасности. Другие сангвинисты, похоже, ничего не почувствовали.

И все же Рун постарался держаться поближе к Эрин.

16 часов 24 минуты

Экскурсовод повела их вперед, и Грейнджер проследовала за Руном через дверь в темный коридор. Джордан пристроился сзади, приглушенно чихнув от пыли. А может быть, у него была аллергия на плесень. И все-таки, услышав этот чих, Рун вздрогнул и прижал Эрин к стене твердой, словно железо, рукой.

Джордан заметил этот оградительный жест.

— Будь готов к тому, что я рыгну, — предупредил он Руна. — Это куда более опасно.

Они продолжали идти вперед. Эрин изучала написанные маслом картины, висящие по обеим стенам, — скорее всего репродукции. Шедшая впереди Тереза махнула рукой, оглянувшись назад.

— Это портреты...

Элизабет прервала ее, по очереди указав на несколько картин:

— Император Рудольф Второй, Тихо Браге, рабби Лёв и придворный медик Рудольфа... что-то я забыла, как его звали. Не самые точные их изображения.

Затем она прошла мимо экскурсовода в одну из комнат дальше по коридору, словно знала, куда идти.

— Сестра, подождите! — Тереза бросилась за Элизабет, и все последовали за ними.

Элизабет остановилась в центре комнаты — не особо большой, но и не маленькой, — сложив руки перед собой, точно в молитве, но Эрин сомневалась, что это было так. Гордым взором графиня обвела помещение.

Над головой висел круглый канделябр, украшенный двумя рогатыми масками; он отбрасывал оранжевый свет на медвежью шкуру, лежащую перед мраморным камином. Внимание Эрин привлек старинный шкаф, полный старых книг, черепов и каких-то препаратов в стеклянных сосудах.

Заинтригованная, она подошла ближе.

«Должно быть, так все и выглядело четыре столетия назад».

Элизабет шагнула к стоящему у стены столу с гранитной столешницей, потом к занавешенному окну позади стола. Здесь она остановилась и еще раз внимательно осмотрела комнату.

— Где колокол?

— Колокол? — Терезу, похоже, нервировало происхождение.

— Когда-то напротив этого окна стоял огромный стеклянный колокол. Достаточно большой, чтобы под ним мог стоять человек. — Элизабет опустилась на одно колено и исследовала вымощенный плиткой пол. — От него в полу остались канавки. Джон Ди держал это устройство здесь, а не в своей главной лаборатории, потому что для экспериментов ему был нужен солнечный свет.

Эрин присоединилась к ней и провела пальцами по полу.

— Эти плитки положены недавно?

Тереза кивнула:

— Кажется, да.

Элизабет со вздохом выпрямилась и вытерла ладони о свое промокшее облачение.

— Куда унесли колокол?

— Я не знаю, о чем вы говорите, — ответила Тереза. — Насколько мне известно, здесь никогда не было никакого колокола.

Она отвернулась чуть в сторону, почти беззвучно что-то бормоча. Это звучало как чешская брань. Элизабет резко ответила ей на том же языке, заставив Терезу виновато умолкнуть.

Джордан подошел к Терезе и успокаивающим жестом коснулся ее плеча.

— Быть может, мы просто позволим этой милой девушке рассказать нам все, что она знает? В конце концов, мы заплатили за полную экскурсию.

Элизабет, казалось, готова была что-то возразить, но вместо этого выпрямилась, сложив руки за спиной. Она смотрела на то место, где ожидала найти колокол, и выражение ее лица было таким, словно она что-то подсчитывала.

Тереза сделала глубокий вдох, потом постаралась вернуть экскурсию в привычную колею:

— В этой комнате алхимики принимали визитеров, но это была не просто гостиная. Если вы заметили, в каждом из углов этой комнаты начертаны алхимические символы стихий: Земли, Воздуха, Огня и Воды.

Эрин медленно повернулась, изучая каждый символ. Чуть в стороне Элизабет подобралась к камину, держась спиной к экскурсоводу. Она оперлась о каминную доску, как будто ей было нехорошо. Тереза продолжала уже более бодро, очевидно, радуясь тому, что эта невоспитанная монахиня больше не встает в ее рассказ:

— Энергия этих стихий направлялась через канделябр в центре комнаты. Эта энергия применялась для различного рода оккультных и алхимических целей. Если вы подойдете к этому шкафу, я покажу вам...

Эрин отошла в сторону, приблизившись к Элизабет, которая уже отвернулась от камина.

— Что вы делали там? — тихонько спросила Грейнджер. Графиня тоже понизила голос:

— В этой мраморной каминной доске Ди соорудил потайную нишу. Когда-то в ней хранился тот зеленый алмаз — в те времена, когда еще был целым. Я просто проверила эту нишу.

— Вы что-нибудь нашли?

Элизабет разжала руку и показала полоску бумаги, которую прятала в ладони.

— Только это.

Эрин заметила на бумаге ряд необычных символов.

— Это имя, начертанное на енохианском языке, — пояснила Элизабет.

Грейнджер уставилась на странные буквы. Она знала, что Джон Ди создал собственный язык, но она так и не выучила его.

— И что это за имя?

— Белмагель.

Эрин нахмурилась, глядя на Элизабет: это имя было ей незнакомо.

— Белмагелем звали ангела, с которым Эдвард Келли якобы беседовал во время гадательных сеансов, совместных с Джоном Ди. В конце концов у последнего возникли сомнения, и он рассорился с кристалломантом, но император Рудольф был пылким и твердым почитателем Келли.

— И как вы думаете, кто оставил этот клочок бумаги?

— О существовании этой ниши знали только Рудольф, Ди и я. Рудольф тщательно охранял ее тайну. Он даже приказал убить того, кто ее создал, чтобы тот никому не выдал ее существование. Если бы Ди оставил что-то в этой нише, Рудольф забрал бы это после смерти алхимика, поэтому я предполагаю, что эта записка была оставлена самим императором.

— Что еще вы знаете о Белмагеле? — спросила Эрин, кивнув на бумагу.

— Келли предположительно призывал двух ангелов. Суд-самма был добрым ангелом, созданием света. Белмагель был темным ангелом, порождением зла.

Возможно, это был некий след. Ведь их группа искала самого злого ангела из всех — Люцифера.

— Если Рудольф оставил это здесь, возможно, это было посланием для меня, — объяснила Элизабет. — Что-то, что могу понять только я.

— Что он пытался вам сказать? — осведомилась Эрин.

Графиня чуть заметно покачала головой с явным разочарованием.

— Должно быть, это имело какое-то отношение к тому шарлатану Келли. Быть может, записку спрятали здесь, чтобы указать мне на этого человека, на его дом...

— Где он жил?

— У него было много жилищ. Кто знает, сохранилось ли доньше хоть одно из них?

Эрин перевела взгляд на человека, который мог это знать, и подняла руку:

— Тереза, можно задать вам вопрос?

Экскурсовод повернулась к ней.

— Что бы вы хотели узнать?

— Эдвард Келли работал вместе с Джоном Ди. Знаете ли вы, где жил Келли и существует ли этот дом сейчас?

Девушка широко раскрыла глаза, явно польщенная тем, что может ответить.

— Несомненно. Это весьма известное место. Оно именуется Домом Фауста и находится на Карловой площади, хотя публичных экскурсий там не проводится.

Эрин оглянулась на Элизабет. Графиня слегка кивнула в знак того, что слышала и поняла. Это место явно было ей известно, и, судя по тому, как омрачилось ее лицо, услышанное ее совсем не порадовало.

Когда Тереза вернулась к лекции, которую читала остальным, Эрин тихонько обратилась к Элизабет:

— Что вы знаете об этом Доме Фауста?

— Это место пользовалось дурной славой. Прежде чем в нем поселился Келли, там жил астролог императора Рудольфа, Якуб Кручинек, с двумя своими сыновьями. Впоследствии младший убил старшего, заподозрив, что где-то в доме спрятано сокровище. Сам же Келли оснастил это место множеством хитрых фокусов. Двери, которые открывались сами по себе, лестничные пролеты, которые могли вести то туда, то сюда, дверные ручки, которые при прикосновении ударяли электричеством...

Она сердито фыркнула, затем продолжила:

— Этот человек был обманщиком и жуликом. Но его дом... это подлинно зловещее место. Поэтому его и связывают с легендой о Фаусте.

— Об ученом, который заключил договор с дьяволом?

— Некоторые утверждают, что Фауст собственной персоной жил там и что из этого самого дома его забрали в Преисподнюю, утащив прямо через потолок.

Эрин с недоверием смотрела на графиню. Та пожала плечами.

— Легенда или нет, но с этим местом были связаны странные происшествия. Таинственные исчезновения, громкие звуки посреди ночи, непонятные огни...

Эрин указала на бумагу с енохианской надписью.

— Мог ли Рудольф оставить это тайное послание вам, чтобы направить вас в Дом Фауста? Зеленый алмаз связан с темным ангелом, как и это место.

— Возможно...

Тереза, подойдя к книжному шкафу, заговорила громче:

— А теперь следующий этап нашей экскурсии.

Она сдвинула шкаф в сторону, открыв ведущую вниз лестницу.

Джордан воскликнул вслух с мальчишеским восторгом:

— Круто! Тайный ход!

Тереза ступила на порог потайной лестницы.

— Этот ход ведет в тайную алхимическую лабораторию. Если посмотреть на стену близ пола, вы увидите большое металлическое кольцо. Говорят, что именно здесь рабби Лёв приковал своего знаменитого голема, когда тот вышел из повиновения.

Эрин улыбнулась над этим рассказом, но сангвинисты взирали на кольцо скептически. Очевидно, они были способны поверить в стригоев и ангелов, но не в гигантского глиняного человека, оживленного алхимиками. Эрин предположила, что им нужно было хоть где-то провести черту возможного.

Тереза повела их вниз по ступеням.

Эрин шла за Элизабет, которая, проходя мимо, тронула носком туфли железное кольцо.

— Какая нелепица, — прошептала графиня. — Ди прико- вывал к этому кольцу волка, зверя, который слушался только его, и никого больше. В день смерти Ди Рудольфу пришлось убить волка, чтобы войти в эту комнату.

Эрин спускалась по каменным ступеням последней. Лестница была настолько узкой, что по ней приходилось идти по одному. От подножия лестницы вдаль уходил тоннель, и Тереза повела их прямо туда. Но Эрин задержалась, чтобы осмотреть металлическую дверь слева. На уровне глаз в ней было квадратное окошечко, словно в двери тюремной камеры. Через это окошечко она видела другой тоннель.

— За этой дверью, — окликнула экскурсовод, привлекая внимание Эрин, — находится тоннель, ведущий к Староместской площади. Мы обнаружили его и несколько других ходов несколько лет назад, после большого наводнения. Понадобилось некоторое время, чтобы очистить их от грязи.

Джордан оглянулся на Эрин, явно припомнив, как она рассказывала об этом наводнении. Тереза продолжила:

— В расположенной впереди комнате с атанором¹ мы нашли тоннель, ведущий под дном реки и тянущийся до самого Пражского Града.

Элизабет кивнула.

— Рудольф использовал этот тоннель и другие ходы, чтобы перемещаться куда-нибудь под городом, так, чтобы никто не знал, где он находится.

Эрин поневоле была захвачена этими историями, пытаясь вообразить то время, когда наука, религия и политика смешивались воедино, окутываясь тайнами и легендами.

¹ Атанор — алхимическая печь или горн.

Они продолжали путь по тоннелю. Джордану приходилось пригибать голову, чтобы не задевать низкий потолок. Ход наконец вывел в маленькую комнату с круглой металлической печью посередине. На ступенчатой поверхности печи стояли металлические сосуды с длинными носиками, а перед дверцей ее виднелись обвисшие мехи. Все было покрыто копотью: потолок, стены и даже плитки на полу были черными.

Должно быть, это и был тот атанор, о котором упоминала Тереза. Еще один проем в дальней стене вел в соседнее темное помещение. Экскурсовод указала в ту сторону.

— В дальней комнате алхимики работали над трансмутацией — превращением простых металлов в золото.

Элизабет пробормотала:

— Что за глупость? Кто поверит, что возможно превратить обычный металл в золото?

Джордан с усмешкой оглянулся на нее, услышав ее слова.

— На самом деле это возможно — если бомбардировать нейтронами определенный вид ртути. К несчастью, этот процесс стоит больше, чем получаемое при этом золото. К тому же это золото выходит радиоактивным и через пару дней распадается.

Элизабет вздохнула подчеркнуто-выразительно.

— Похоже, современный человек так и не отказался от своей давней одержимости.

— Этот атанор и большие сосуды — оригинальные, — продолжила Тереза лекцию о попытках древних алхимиков создать эликсир вечной молодости. — Мы нашли флакон с этим эликсиром, спрятанный в потайном сейфе в стене этой комнаты. Вместе с рецептом его создания.

Теперь уже ухмыльнулась Эрин:

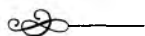
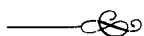
— Значит, вы можете его создать?

Тереза улыбнулась.

— Это сложный процесс — нужны семьдесят семь трав, собранных при лунном свете и настоянных на вине. Варить эликсир нужно целый год, но да, это можно сделать. На самом деле его варят монахи в монастыре в Брно.

Даже Элизабет была изумлена этой частью рассказа.

Эрин решила повнимательнее изучить это пятисотлетнее воплощение мира алхимиков. Она обходила комнату, изучая

атанор и стоящую на нем посуду. Позади печи обнаружилась маленькая дверца. Должно быть, тот самый тоннель до крепости.

Рун неожиданно возник рядом с нею и сжал ее руку. Эрин повернулась и только сейчас заметила, что сангвинисты недвижно застыли, глядя вверх. Даже Элизабет склонила голову, точно прислушиваясь.

— Что такое? — спросил Джордан. Его рука инстинктивно метнулась к поясу, где обычно висел в кобуре его пистолет-пулемет, но из-за чешских законов ему не было позволено пронести через таможенную огнестрельное оружие.

— Кровь, — прошептал Рун, глядя в сторону тоннеля, ведущего в верхние помещения. — Много крови.

Глава 18

*18 марта, 16 часов 39 минут
по центральноевропейскому времени
Прага, Чешская Республика*

«Горячая кровь на моем языке...»

Легион знал, что на самом деле это не его язык. Его тело — глубоко проросший им темный сосуд, именуемый Леопольдом — лежало, распростертое, в недрах грохочущей повозки. Окна были затенены, отсекая жар вечернего солнца. Он чувствовал, что закат близок, но до той поры вынужден был охотиться на расстоянии, смотреть через другие глаза, направлять свою волю в тех, кто был помечен его клеймом.

Находящаяся рядом женщина-сангвинистка — Эбигейл — управляла повозкой, этим огромным гремящим черным экипажем, который, будучи приведен в действие, выплевывал ядовитые клубы дыма. Она, похоже, не обращала ни малейшего внимания на солнце. Сангвинистское вино защищало ее от света, его святость действовала подобно щиту.

Легион намерен был заклеить побольше таких, как она, дабы создать воинство, которое сможет передвигаться на свету и во тьме, намерен был преумножить ряды своих рабов для грядущей войны.

Кровь вновь воззвала к нему, привлекая его внимание к рабу, который пировал над телом пожилой женщины в маленькой комнате, полной сухих трав, пыли и книг. Демон простер свои чувства еще дальше, видя тремя парами других глаз. Еще три раба, связанные его волей, крались по темным тоннелям, приближаясь к сокрытой внизу добыче.

Легион собрал этих и иных своих рабов в городе Праге, дабы уничтожить пророчество, воплощенное в трио: Воителе, Женщине и Рыцаре.

Отныне им нигде не будет покоя, не будет безопасного укрытия.

Смертных он намеревался просто убить, но тот, кого именovali Корцей...

«Ты будешь искуснейшим из моих рабов, орудием, обращенным против Небес».

Но сначала Легиону нужно было выгнать Рыцаря на открытое место.

Он поднял руку, глядя, как на ладони свиваются кольца тьмы. А потом послал приказ тем, кто нес его клеймо:

«Убейте их... но сохраните Рыцаря для меня».

16 часов 50 минут

В комнате с атанором повисло молчание. Джордан оттолкнул Эрин к себе за спину. Рун, София и Христиан вытащили клинки и устремили взгляды в дальний конец тоннеля, на подножие лестницы, ведущей в верхние помещения музея.

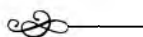
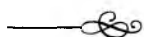
— Что вы делаете? — спросила Тереза, заметив оружие, и прикрыла горло ладонью. Эрин взяла девушку за другую руку.

— Держитесь ближе ко мне.

Джордан сделал шаг вперед и схватил единственное оказавшееся под рукой оружие: старую железную кочергу, которая стояла, прислоненная к дверце печи. Совсем не то, что пистолет-пулемет, который у него отобрали, но тоже сойдет.

Эрин заметила, что он вооружился, и сделала то же самое. Она схватила колбу за длинный носик и разбила округлое основание, получив тем самым стеклянный стилет.

Тереза ахнула, увидев такое варварство, но продолжала держаться рядом с Эрин.

— Дым, — произнес Рун, стоявший у двери.

Джордан сместился так, чтобы заглянуть ему через плечо. Из лестничного колодца в дальнем конце тоннеля текли клубы черного дыма; они словно скатывались по ступеням, заполняя собой ход. Должно быть, наверху все горело.

— Моя... моя мать! — воскликнула Тереза и сделала шаг вперед, но Эрин удержала ее.

И отнюдь не зря.

Из дымного облака появилась темная фигура; она словно рухнула сверху, припав к полу. Это оказался высокий бритоголовый мужчина мощного телосложения. В кулаке он сжимал нож. Его белая футболка была покрыта алыми пятнами свежей крови. Он обнажил клыки, втягивая воздух, вынюхивая жертву.

Джордан заметил на его горле пятипалое черное клеймо, отметину поработанного стригоя — такую же, как у того, кто напал на него в пещере в Кумах.

София зашипела — она тоже увидела эту метку.

Стригой опустил взгляд на этот шум — и метнулся вперед, двигаясь с невероятной скоростью. Рун прыгнул в тоннель, чтобы перехватить нападавшую тварь. В каждой руке священник держал серебряный карамбит; изогнутые клинки были похожи на длинные металлические когти. Оказавшись лицом к лицу со стригоем, он нанес удар — но лишь впустую полоснул по воздуху.

Стригой провел ложный выпад у самого пола, развернулся и ударил ножом изо всех сил. Но в последний момент развернул клинок и впечатал стальную рукоять в висок Руна. От удара тот отлетел к стене тоннеля и пошатнулся, явно оглушенный.

Стригой промчался мимо него, устремившись прямо к Софии и Христиану.

Элизабет подалась вперед, в голосе ее прозвучала тревога: — Рун!..

Джордан отпихнул Эрин и Терезу еще дальше назад. И с опозданием на миг осознал, насколько ошибочной была его тактика защиты. Позади него раздался скрип старых петель. Он развернулся как раз вовремя, чтобы узреть, как черный силуэт появляется из маленькой дверцы, ведущей в потайной ход императора Рудольфа.

Стригой вырвал Терезу из рук Эрин и перервал девушке горло, ее изумленный крик захлебнулся в крови. Еще один стригой следовал по пятам за первым; он направился к Эрин, держа в руке длинный клинок.

Но Джордан уже сорвался с места. Оказавшись рядом с Эрин, он рывком отбросил ее себе за спину и парировал удар клинка стригоя своей кочергой. Сталь зазвенела о железо, и в голове Джордана возникла неожиданная мысль:

«Откуда у меня способность двигаться так быстро? Ее не должно быть».

У него не было времени обдумать эту загадку, оставалось лишь благодарить неведомо кого за такую быстроту.

Стригой зарычал, отдергивая нож и пригибаясь. Позади него второй монстр покончил с Терезой и присоединился к своему напарнику, шипя на Стоуна сквозь окровавленные зубы. Похоже, на мгновение они даже испугались Джордана, не понимая, откуда у него такая скорость и сила.

Затем к нему присоединились Христиан и София, встав по обе стороны от него. Христиан воздел длинный меч, София держала в каждой руке по кинжалу.

«Трое против двух... такой расклад нравится мне больше».

Но затем из тоннеля показался третий стригой, настоящий великан, высокий и широкоплечий.

«Вот вам и весь расклад».

Эрин схватила металлические щипцы, готовая прийти на помощь.

— Мы должны выйти на солнечный свет!

Легче сказать, чем сделать.

А солнце уже близилось к закату.

Звон металла позади подсказал Джордану, что Рун и Элизабет все еще сражаются с первым противником в тоннеле. Значит, этот путь перекрыт. И к тому же ступени, ведущие вверх, уже охвачены огнем. Джордан сосредоточился на трех врагах, стоящих перед ним. Из тоннеля за их спинами в комнату просачивался через маленькую дверцу дым, несущий с собой запах горящего дерева и бензина. Похоже, те, кто устроил на них засаду, подожгли и тайный ход, дабы удостовериться, что никто не сбежит этим путем.

Огромный стригой, явно предводитель этой банды, выдвинулся вперед, отпихнув двух остальных. Лицо его было сплошь покрыто шрамами, клыки пожелтели. Он поднял широкий меч и начал вращать им в воздухе с такой скоростью, что лезвие размылось в серебристое пятно.

Христиан шагнул ему навстречу, чтобы отразить атаку, — но один из стригоев поменьше прыгнул вперед, двигаясь со сверхъестественной скоростью, и опрокинул сангвиниста на землю. Второй бросился на Софию, отшвырнув ее к атанору.

Джордан поднял кочергу, осознавая, что гигант просто играл с мечом для отвлечения внимания, и это позволило двум другим стригоям напасть на соратников Стоуна, нейтрализовав самую большую опасность.

В итоге остались лишь Джордан и Эрин.

«Ну, посмотрим, на что ты способен, громила».

Джордан кинулся на вооруженного стригоя и нанес мощный удар по вращающемуся клинку. Силу соударения он ощутил всем телом, от плеч до ступней.

Но похоже, и стригой почувствовал то же самое.

Гигант выронил звенящий меч и отступил назад на шаг. Его губы изогнулись в ухмылке — и он прыгнул на Джордана. Это было все равно, что получить удар бампером мчащегося грузовика. Стоун отлетел назад и ударился о стол, круша стеклянную посуду.

В его предплечье впились зубы, клыки достали до самой кости.

Но вместо парализующей боли Джордан ощутил, как по его руке струится огненная вспышка.

Стригой закричал и выпустил руку сержанта, потом отшатнулся назад, царапая ногтями собственное лицо. Джордан видел, как плоть стригоя идет пузырями и обугливается, из-под нее вытекает кипящая черная кровь. Монстр, корчась, упал на пол, а в это время незримый огонь с невероятной быстротой пожирал его тело.

Джордан посмотрел на свою раненую руку, потом вновь перевел взгляд на гиганта.

«Моя кровь — яд для них».

Но вместо страха его объяло спокойствие, становившееся с каждым мгновением все сильнее. Все вокруг двигалось не-

спешно, словно при замедленной перемотке кадра на экране. Звуки стали приглушенными, свет принял золотистый оттенок, окружающий мир подернулся дымкой.

Стригой, сражавшийся с Софией, испугался того, что случилось с гигантом, и в панике бросился к охваченному огнем тоннелю. Христиан воспользовался замешательством второго стригоя и одним ударом смахнул ему голову с плеч. Джордан взял со стола осколок битого стекла и, не думая о том, что делает, оказался рядом с бегущим врагом. Он схватил монстра за загривок и одним движением перерезал ему горло, потом уронил тело наземь.

Обернувшись, Стоун обнаружил, что Эрин дергает его за руку, кашляя от дыма и пытаясь привлечь его внимание.

— Над нами горит потолок! — крикнула она ему, и ее голос звучал так, словно они находились под водой. — Верхние комнаты скоро рухнут сюда, в подвал!

Он последовал за ней, по пути увлекая за собой Христиана и Софию.

В тоннеле Элизабет крепко держала стригоя, обхватив его сзади обеими руками, в то время как Рун орудовал ножом. Для нового зрения Джордана рука священника двигалась невероятно медленно, клинок рассыпал крошечные отблески света. Струя черной крови стригоя словно бы зависла в воздухе.

Когда тело последнего врага рухнуло на пол, Эрин потянула Джордана дальше. Она указала куда-то за плечо Руна, на дверь у подножия лестницы.

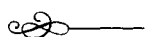
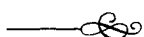
— Нам надо попасть в тот тоннель, ведущий к Староместской площади!

Но едва он глянул в ту сторону, как с потолка сорвалась дубовая балка и обрушилась на каменный пол, разбрасывая по сторонам пылающие угли. Новый поток дыма ворвался в тоннель.

— Мы опоздали! — воскликнула Эрин.

17 часов 02 минуты

Грейнджер задыхалась в дыму, ее легкие горели, глаза слезились. Потом рядом оказался Рун и набросил ей на голову куртку. К счастью, у сангвинистов не было необходимости дышать.

— Пригнись, — посоветовал ей Рун.

Она повиновалась и подтянула повыше край своего промокшего от дождя воротника, дыша через влажную ткань. Христиан и София, шедшие впереди, прокладывали путь, отбрасывая в стороны горящие балки и упавшие с потолка камни. Снова посыпались обломки — верхние комнаты рушились в тоннель.

Еще дальше впереди Элизабет вцепилась в дверь, преграждавшую им единственный выход, изо всех сил стараясь открыть путь к спасению. За спиной женщины пылал охваченный пламенем лестничный колодец, превратившийся в устье огромного камина.

Эрин оглянулась назад, хрипло кашляя. Джордан, словно во сне, шел за нею, явно не замечая ни дыма, ни жара. Она вспомнила, что случилось с тем огромным стригоем, как вскипела его плоть от крови Стоуна. Женщина наблюдала подобное и раньше, когда на стригоев попадала ангельская кровь.

Было ли это еще одним доказательством ангельской природы Джордана? И что это означало для человека, которого она любила?

Громкий лязг металла снова заставил Эрин взглянуть вперед.

Элизабет сорвала дверь с петель.

— Быстрее! — позвала она, смахивая горящие угли с плеч своего облачения, потом графиня нырнула в лежащую впереди тьму, скрывшись из глаз.

Эрин боялась, что женщина вполне может воспользоваться этой возможностью, чтобы сбежать.

«И я не смогу винить ее за это».

Все они кинулись в тоннель и помчались по нему, преследуемые дымом.

Христиан и София бежали впереди плечом к плечу вслед за Элизабет, явно ожидая новой опасности, нового нападения.

Рун продолжал прикрывать Эрин, следом двигался Джордан.

Когда свет позади них померк, Грейнджер сунула руку в карман и вытащила маленький металлический фонарик. Она нажала на кнопку, и узкий луч света пронзил тьму.

Легкие ее все еще болели, она надрывно кашляла, отчего световое пятно прыгало туда-сюда. Сзади раскатился громовой удар. Эрин представила, как обрушивается окончательно тоннель алхимиков.

Наконец впереди стукнула дверь, и в тоннель хлынул свет.
Солнечный свет... благословенный солнечный свет...

Она поспешила навстречу ему. С каждым шагом воздух становится все более свежим, чистым и холодным.

Подойдя достаточно близко, Эрин заметила Элизабет, держащую дверь открытой для них.

«Значит, она не сбежала».

Они с облегчением вывалились в залитый солнцем переулок — окровавленные, обожженные, но живые.

Эрин немедленно обернулась, чтобы взглянуть на Джордана, обеспокоенная тем, что он не сказал ни единого слова за все время их бегства по тоннелям. Она коснулась его щеки, но затуманенный взгляд его синих глаз был устремлен куда-то вдаль. В душе женщины поднялась паника, но она решительно подавила ее.

Не отнимая ладони от его пылающей щеки, она позвала:

— Джордан, ты меня слышишь?

Он моргнул.

— Джордан... вернись.

Стоун мигнул еще раз, вздрогнув всем телом. Постепенно глаза его сфокусировались, и он посмотрел прямо на нее.

— Эрин?..

Сержант говорил неуверенно, словно на самом деле не узнавал ее.

— Верно, — произнесла она тихо, потрясенная и напуганная. — Ты в порядке?

Он наконец встряхнулся, словно пес, затем обвел взглядом остальных.

— Я в порядке... мне кажется.

— Возможно, он был просто не в себе, наглотавшись дыма, — предположила Элизабет.

Но Эрин в это не поверила. Что бы ни творилось с Джорданом, дым не имел к этому никакого отношения. Она взяла его за руку и откинула его разорванный рукав, чтобы осмотреть отметину от укуса. Рана уже начала затягиваться, края пло-

ти сомкнулись, как будто нападение произошло не считанные минуты назад, а минимум за несколько дней до того. Еще более встревоженная, Грейнджер обнаружила красную полосу, которая шла от бицепса к ране, образуя причудливый узор по краям исцеляющейся плоти. Она потянула обрывки его рукава еще дальше вверх, чтобы найти источник.

Эта линия тянулась от старого шрама, оставшегося после удара молнии. Когда Джордан был подростком, он сделал поверх шрама татуировку, на память о том, как едва не погиб в грозу, и синий узор был похож на причудливый цветок.

Но этот алый отросток был чем-то новым.

Эрин провела вдоль него пальцем, ощутив жар, излучаемый этой полосой.

— Твоя татуировка растет...

Джордан отдернул руку и быстрым движением поправил рукав.

— Скажи мне, что происходит, — требовательно произнесла Эрин.

— Не знаю, — пробормотал он, слегка отвернувшись. — Это началось, когда Томми коснулся меня, исцеляя. Сначала это было просто ощущение жжения.

— Но тогда как давно...

— Оно стало сильнее, когда стригой ударил меня мечом в Кумах. И еще сильнее вот только что, когда этот гад меня тяпнул.

Джордан старательно отводил взгляд от Эрин.

Она взяла его за руку. По крайней мере он позволил ей это.

Как если бы ощутив душевную боль Эрин, Рун мягко погладил ее по плечу.

— Нам нужно идти, — сказала Элизабет, когда вдали завыли сирены. — Солнце скоро сядет.

Но куда им было идти?

17 часов 37 минут

Легион наблюдал за горящим зданием, за тем, как распространяется пожар, зажженный его рабами. Он смотрел, как алое пламя танцует в серых небесах, и перебирал воспоминания об этом месте. Именно в этом доме находилась

комната, где он был заточен внутри зеленого алмаза. Из сплетенных струек дыма шестисот шестидесяти шести сущностей, составлявших его, он извлекал обрывки памяти о тех временах.

...старик с белой бородой расхаживает по ту сторону зеленоватой стеклянной преграды...

...солнечный свет сжигает кожу, плоть и кости, оставляя только дым...

...этот дым, гонимый яркостью дня, отступает в темное чрево холодного камня...

За пределами повозки, где скрывался Легион, продолжало реветь пламя, поглощая все, превращая полную страдания историю в пепел и дым.

Вполне соответствует.

Он послал приказ Эбигейл. Повозка взревела и отъехала от тротуара, уносясь прочь от пожарища. Глазами своих рабов демон видел, как его враги одолели его слуг там, внизу. Он не знал, какая судьба постигла *предреченное трио*, но он оставил им лишь один путь, один открытый тоннель. Если они выжили, то пойдут напрямиком в его ловушку.

А Легион уже призвал в Прагу дополнительные силы, собирая бурю, чтобы потом выпустить ее на волю. Он дожидался лишь последнего элемента. Глядя сквозь затемненное окно на тускнеющий шар солнца, лежащий почти на самом горизонте, демон думал: «Возможно, этот день остался за ними, но ночь будет моею».

Глава 19

*18 марта, 18 часов 08 минут
по центральноевропейскому времени
Прага, Чешская Республика*

Рун пересек еще одну улицу следом за Эрин, которая ориентировалась по карте, выведенной на экран ее мобильного телефона. Стылый ветер дул по узкому проулку — над городом скоро должна была разразиться гроза. Корца чуял дальний дождь и потрескивание электрических разрядов.

Улица выводила на большую, засаженную травой площадь, на которой тут и там виднелись фонтаны. Позеленевшая медная табличка, написанная широким готическим шрифтом, извещала путешественников о том, где они находятся:

Karlovo náměstí

— Карлова площадь, — перевела Эрин, когда они вышли на открытое пространство.

С одной стороны виднелось обширное здание ратуши с высокой башней, но внимание Руна привлекла большая иезуитская церковь, вздымающая в небо барочные шпили. Это была церковь Святого Игнатия. Рун был бы не прочь провести там некоторое время и дать всем возможность прийти в себя. У Христиана была перевязана рука, София заполучила несколько кровоподтеков и длинных порезов. Даже Элизабет потеряла свой апостольник, а ее щеку «украшала» рваная царапина, которую графиня пыталась прикрыть своими черными локонами.

Но им нельзя было задерживаться.

Пока группа пересекала площадь, оранжевый цвет неба перешел в красный, потом в индигово-синий, солнце почти закатилось. Если по городу шастают и другие стригои, вскоре они будут здесь. Кто-то, несомненно, послал стригоев устроить засаду в тоннелях, и эта угроза не была устранена.

По пути сюда Рун высматривал, не идет ли кто-либо по их следу, но в весеннее время город был переполнен туристами. Даже сейчас Корца слышал сердцебиение всего этого множества людей: они бродили по городу, ели в ресторанах, совершали покупки в магазинах. Он пытался расслышать более слабые звуки, издаваемые теми, в ком не билось сердце: тихие шаги, холодное дыхание. Хотя свидетельства присутствия подобных существ его слух и не улавливал, это не значило, что их здесь не было, что они не крались в тени, выжидая, пока солнце полностью сядет и наступит их время.

Рун оглянулся на церковь Святого Игнатия. Как только их группа завершит обыск последней нужной им точки в этом городе, то сможет найти укрытие в ближайшем храме.

— Должно быть, вот это — Дом Фауста, — заявила Эрин. — Вон там, в юго-западном углу площади.

Здание было четырехэтажным: стены первого этажа были сложены из серого камня, выше фасад был окрашен в нежно-розовый цвет и украшен фальшколоннами в коринфском стиле. Вблизи оказались различимы золотые буквы над арочным входом, гласящие «FAUSTUS DUM», и это подтверждало — перед ними действительно знаменитый Дом Фауста.

Элизабет полагала, что Рудольф оставил найденную в лаборатории записку именно для нее — как зашифрованное послание, указывающее на этот самый дом. Если так, здесь тоже могло быть сокрыто нечто важное.

Но что?

Когда они подошли ближе, пошел дождь. Рун продолжал настороженно присматриваться и прислушиваться. Группа остановилась на противоположной стороне улицы от дома. Мимо проносились машины, водители спешили попасть домой, пока гроза не разразилась в полную силу.

Когда вдали загрохотал гром, Джордан поднял взгляд к верхним этажам здания. Сейчас сержант уже больше был похож на самого себя, хотя Рун отметил, что после нападения его сердцебиение слегка изменилось: теперь оно звучало скорее как тяжелые удары барабана, сопровождаемые слабым перезвоном. Может быть, эта странность присутствовала и прежде, а то, что произошло во время атаки стригоев, ускорило уже происходящие перемены и сделало их более явными.

— У этого типа, Келли, делишки шли явно неплохо, если он мог позволить себе такое жилище, — заметил Джордан.

Эрин кивнула.

— Он пользовался поддержкой и покровительством императора Рудольфа. К тому же земля здесь была дешевой — считалось, что она проклята.

— Что? — Стоун резко обернулся к ней.

— Пока мы шли сюда, я «погуглила» со своего телефона все, что известно об этом месте, — объяснила она. — В языческие времена на этой земле было капище для жертвоприноше-

ний Морене, богине смерти. Эта история, вероятно, объясняет, почему легенду о докторе Фаусте связали с этим домом. И скорее всего она получила дальнейшее подтверждение из-за того, что Эдвард Келли утверждал, будто беседует с Белмагелем, злым ангелом.

Джордан вытянул шею, вглядываясь.

— Как бы то ни было, я вижу лишь дорогой жилой дом с кучей громоотводов.

Элизабет стояла рядом с ним, изящно прикрывая глаза от дождевых струй тонкой рукой.

— Что такое громоотвод?

Джордан указал на красную черепичную крышу.

— Видите этот флюгер, а рядом с ним шпиль? Оба сделаны так, чтобы притягивать молнию, а затем направлять к земле, где она безопасно разрядится в почву.

Глаза Элизабет блеснули.

— Какая хитрая идея.

Словно в ответ на это, над крышами сверкнула молния и прокатился гром, напомнив всем, что времени у них мало.

— Как нам попасть внутрь? — спросила Эрин. — Похоже, все окна на первом этаже забраны решетками.

Рун указал выше.

— Я залезу туда, выбью одно из верхних окон, залезу внутрь, потом спущусь и впущу вас через парадный вход.

— А как быть с сигнализацией? — спросила София.

Христиан покачал головой.

— Этому дому несколько сотен лет, и его, похоже, не модернизировали. В лучшем случае они подвели проводную сигнализацию к окнам второго этажа, полагая, что решетки на первом обеспечат достаточно безопасности. — Он указал выше. — Вероятно, у вас не будет проблем, если вы сможете добраться до тех маленьких окошек на третьем этаже. Сомневаюсь, что они на сигнализации.

Рун кивнул, соглашаясь с его выводами, и быстро огляделся по сторонам. По крайней мере из-за дождя площадь и прилегающие улицы почти опустели. Он выждал момент, когда на проезжей части не было ни одной машины, и перебежал улицу, направляясь к водосточной трубе, тянущейся вдоль затененного угла фасада.

Обхватив ладонями трубу, Корца быстро вскарабкался по ней на третий этаж. Держась за капитель декоративной коринфской колонны, он сместил ногу вправо, скользнув, точно ящерица, по мокрому фасаду здания к ближайшему окну.

Оказавшись на месте, он подождал очередного раската грома и ударил локтем в нижнюю оконную панель. Осколки стекла зазвенели по полу внутри. Рун выждал: не поднимется ли шум. Но дом оставался безмолвным.

Тем не менее Корца двигался с осторожностью. Он протянул руку через разбитое стекло, открыл шпингалет и медленно раскрыл окно. В доме пахло плесенью и цементом — но отчего-то у него по коже побежали мурашки. Рун напомнил себе, где находится, прислушался и, не услышав звуков сирены, скользнул внутрь.

Еще прежде чем его ноги коснулись пола, он ощутил, как из его тела утекают силы. Присел, вспоминая рассказ Эрин о том, что этот дом якобы построен на проклятой земле.

Похоже, некоторые легенды таили в себе истину.

Чтобы сосредоточиться, Рун взялся за свой наперсный крест. Воздух в доме был холодным, словно лед, и буквально пропитан злом. Корца искал какую-либо открытую угрозу, но не нашел ничего. Свет уличных фонарей, проникающий снаружи, озарял пустую комнату с высокими белеными потолками и гладкими оштукатуренными стенами.

Рун прошептал молитву, прося защиты свыше, и направился вниз, чтобы впустить остальных, стараясь игнорировать растущее желание бежать прочь из этого места.

18 часов 19 минут

Когда Корца открыл высокую, окованную железом дверь, Элизабет прошла в проем, опередив остальных, замешкавшихся под аркой входа. Она ощутила скверну этого места сразу же, как дверь открылась. Эта скверна притягивала ее, словно пламя притягивает мотылька, — но вместо того чтобы сгореть, она ощутила, как сразу же за порогом на нее хлынул поток: нечестивая земля взывала к тьме в ее крови.

Она видела, что Рун едва стоит, держась за ручку двери, чтобы не упасть. Это оскверненное место явно выпило из него почти все силы.

Элизабет видела, что Христиан и София испытали то же самое воздействие, едва войдя в дом. Как будто им на плечи опустился тяжкий груз.

«Тогда почему это не затронуло меня?»

Графиня огляделась по сторонам, гадая, не связано ли это с тем, что она лишь недавно вступила в орден, однако подозревая, что это нечто совсем иное. Возможно, свидетельство ее подлинной натуры.

Чтобы скрыть это, Элизабет оперлась рукой на стену и чуть склонилась, будто чувствуя тот же самый недуг от скверны.

Рун подошел в ней и протянул руку.

— Это проклятая земля, — объяснил он. — Она борется против нашей силы, порожденной Кровью Христовой.

Батори кивнула.

— Это... это просто ужасно.

Когда Элизабет прошла мимо Джордана, он покосился на нее с подозрением, точно знал ее тайну.

София произнесла напряженным голосом:

— Тогда давайте поторопимся с нашими поисками.

— Откуда нам начинать? — спросила Эрин, глядя на Элизабет в ожидании каких-либо указаний и явно подозревая, что та бывала здесь прежде. — Есть какие-нибудь идеи?

Графиня отпустила руку Руна и направилась через холл.

— Чертов ангел Эдварда Келли, Белмагель, больше никому не показывался. — Она оглянулась на остальных. — Естественно, потому что это все был глупый фарс. Келли был шарлатан, которому лишь бы выманить у простаков денежки. Но я знаю, что Белмагель якобы являлся Келли только в комнатах наверху. Если Рудольф действительно оставил это послание мне, возможно, именно там нужно начинать искать.

Эрин держалась рядом с Руном, готовая прийти на помощь, тревога за него была прямо-таки написана на ее лице.

— Ты чувствуешь скверну? — спросила она. — Это исходит отовсюду или из какой-то определенной точки?

— Я сильнее ощущал ее наверху, — признал Рун.

— Хуже, чем здесь? — пробормотал Христиан едва слышно; вид у него был очень несчастный.

Корца кивнул.

Элизабет тоже почувствовала это, дойдя до огромной витой лестницы. Как будто свежее дуновение стекало сверху вниз по этим деревянным ступеням. Сангвинистов это дуновение словно бы отталкивало назад, а графиня с трудом сопротивлялась желанию радостно броситься вверх, навстречу этому потоку.

— Мы должны идти по этому нечестивому следу, — посоветовала Эрин. — То, что осквернило это место, может иметь значение для нашей цели.

— Или может привести нас прямоиком к неприятностям, — добавил Джордан.

Элизабет продолжала идти впереди, первой поднимаясь по ступеням. Она шла медленно, изображая слабость и цепляясь за резные перила, словно бы с усилием подтягивая себя вверх. Графиня изо всех сил старалась подстраивать свой шаг под сангвинистов, идущих позади. Но с каждым шагом она просто чувствовала, как темный поток несет ее вверх над дубовыми ступенями.

В нетерпении она попыталась отвлечься, рассматривая стены, мимо которых проходила. Они были окрашены в густо-охряный цвет и украшены картинами времен Ренессанса. При первом взгляде их можно было принять за обычные придворные портреты, но при ближайшем рассмотрении оказывалось, что с полотна смотрят демоны, облаченные в наряды лордов и леди. Один демон держал на коленях невинное дитя, другой пожирал голову единорога.

Наконец, они добрались до верхнего этажа. Здесь воздух просто гудел и потрескивал от злой силы. Элизабет хотелось запрокинуть голову и пить эту силу. Но вместо этого она держала ладонь на пылающем серебряном кресте, и лицо ее не выражало ничего.

— Сюда, — произнесла графиня. — У Келли была собственная алхимическая лаборатория вот там, впереди. Предполагалось, что именно там он призывал Белмагеля.

Она провела их через двойные двери в большую круглую комнату без окон, с голыми дощатыми полами. К одной из

скругленных стен был придвинут покрытый пятнами деревянный стол.

— Здесь пахнет серой, — произнес Рун, останавливаясь на пороге и держа руку за косяк.

— Сера была обычным алхимическим компонентом, — объяснила Элизабет, проходя дальше в комнату вместе с Эрин и Джорданом. — Очевидно, дом до самой сердцевины пропитался тем, над чем работал Келли.

Это было разумное объяснение, но даже сама Батори сомневалась в том, что оно правдиво.

Нет, дом пропитался скверной этого места.

Она задумалась о том, не ошиблась ли насчет Келли. Возможно, он действительно успешно призвал что-то темное в этот дом.

Пока Джордан изучал стол, выдвигая все ящики, Эрин, оглядя комнату вдоль стены, заметила три фрески, нарисованные на гладкой штукатурке, и изучила надписи по-латыни, сделанные под каждой. После этого женщина вернулась в центр комнаты и указала другим на фрески.

— Эти алхимические символы похожи на те, что мы видели в гостевой комнате Ди. — Она подошла к одной из фресок — на ней был изображен круг с синими волнистыми линиями внутри — и прочла вслух латинскую надпись под ней: — *Аква*. Вода.

Заинтригованная, Элизабет подошла ко второй фреске, где в такой же круг были заключены зеленые пятна, похожие на весенние листья.

— Здесь сказано «*Арбор*». По-латыни это «дерево» или «сад».

Джордан шагнул к третьему рисунку, расположенному неподалеку от стены. Здесь окружность содержала в себе вертикальные алые полосы.

— *Сангвис*. — Он мрачно посмотрел на остальных. — Кровь.

Эрин достала из рюкзака фотоаппарат и быстро засняла все три фрески. Не отрываясь от этого занятия, она рассуждала:

— В доме Джона Ди были четыре символа, символизовавшие землю, воду, воздух и огонь. Мало того что здесь мы видим другие изображения, не хватает еще четвертого символа.

Элизабет оглянулась по сторонам. Помимо уже упомянутых фресок, комната была украшена лишь изящной картиной, нарисованной на стене. Графиня подошла поближе и наклонилась, внимательно разглядывая — не притаился ли где-нибудь в этой сложной росписи четвертый символ.

На картине была изображена зеленая долина, окруженная тремя горами с заснеженными вершинами. Через долину бежала река, впадавшая в темное озеро. Любопытно, но на самом верху картины было нарисовано красное солнце. Под фреской виднелись два чешских слова: «*jarní rovnodennost*».

Элизабет провела пальцем по этой надписи, переведя вслух:
— Весеннее равноденствие.

Эрин встала рядом с ней.

— Что это там лезет из озера в центре?

Элизабет присмотрелась. Из темной поверхности воды навстречу зловещему красному солнцу выступали демонические конечности и лики.

— Как будто ад вот-вот вырвется на свободу, — произнес Джордан, многозначительно глядя на Эрин. Та выпрямилась, с отвращением посмотрев на рисунок.

— Быть может, это то место, где освободится Люцифер? Эта долина? — Грейнджер коснулась красного солнца. — Оно стоит так, как должно стоять ровно в полдень. В весеннее равноденствие. — Она уставилась на остальных. — Возможно, это предупреждение? Срок, к которому мы должны успеть?

— Когда будет равноденствие? — спросил Джордан.

Ему ответил Христиан, стоящий у противоположной стены. Казалось, даже речь стоит ему невероятных усилий.

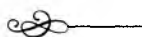
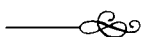
— Двадцатого марта. Послезавтра.

— Ничего себе сроки... — Джордан хмуро смотрел на фреску. — Особенно с учетом того, что мы не знаем, где находится это озеро, — если оно вообще существует.

Эрин снова обвела взглядом три цветных круга, словно ожидала найти в них ответ. И возможно, она могла его там найти. Элизабет не могла отрицать, что эта женщина была невероятно умна.

— Почему только три символа? — пробормотала Грейнджер.

— Эмблема алхимии — треугольник, — предположила графиня. — Может быть, поэтому здесь только три символа.

Эрин медленно повернулась, явно рисуя мысленно незримый треугольник между тремя фресками.

— В доме Ди четыре символа были нарисованы так, чтобы направлять их предполагаемую энергию в канделябр, висевший в центре комнаты — тот, с рогатыми масками. И несомненно, какая-то точка фокусировки была когда-то здесь — я так считаю.

Элизабет кивнула.

— Если три символа образуют алхимический треугольник, мы должны искать что-то, находящееся в центре между ними тремя.

При помощи остальных они визуализовали незримые линии между фресками. Эрин встала в центре.

— Пол, — сказала она. — Он деревянный. Может быть, внизу есть тайное помещение? Как в доме Джона Ди...

Христиан вышел вперед, извлекая свой меч.

— Доски тут старые. Наверное, я сумею поддеть их и поднять.

Эрин отошла в сторону, в тревоге скрестив руки на груди.

— Осторожно, не повредите ничего...

Железный грохот и звон бьющегося стекла, словно гром, донесся снизу, с первого этажа.

Все застыли.

Элизабет слышала топот множества ног, негромкое ворчание и шипение. Она бросила взгляд сквозь дверной проем на одно из окон, выходивших на улицу. Тьма окутала мир, рассеиваемая лишь слабым светом уличных фонарей. Загрохотал гром, вспышка молнии осветила изнанку черных туч.

Солнце село, над городом бушевала гроза.

А потом раздался новый шум — его уловил даже слабый человеческий слух Эрин и Джордана.

Снизу донесся протяжный вой, полный ярости и жажды крови. Ему эхом вторил еще один, и еще.

Похоже, на этот раз стригои пришли не одни.

Джордан узнал омерзительную природу этого воя, издаваемого ужасными зверями, которых боялись все сангвинисты.

— Круто. Они притащили с собой стаю *беспощадных волков*.

18 часов 23 минуты

Легион находился на поливаемой дождем улице, протянув руки к каменному зданию, возле которого он стоял, — как будто грея их у огня. Но отнюдь не теплом пламени он согревался в этот холодный вечер.

От этого строения исходил поток зла, растекаясь из его пропитанной ядом сердцевины. Легион хотел поглотить этот поток — и вместе с ним все души, что находились внутри.

Он смотрел, как его воины — числом двенадцать — проникают в здание. Через свою связь с ними демон чувствовал, как их тела напитываются этим злом, становясь сильнее с каждым шагом внутрь дома.

Ранее, до заката солнца, он послал наблюдателей к концу темного тоннеля близ Староместской площади. Через глаза своих рабов Легион видел, как его жертвы выползают на свет солнца, избежав пожара, зажженного его слугами-стригоями. Они прошли единственным путем, который он им оставил.

«И он приведет их ко мне».

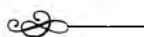
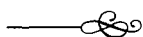
Он воспользовался этим множеством глаз, сокрытых в тени и темных комнатах, чтобы проследить путь группы от Староместской площади до Карловой, до этого величественного зловещего здания — ставшего теперь ловушкой для них. Благодаря огоньку духа Леопольда, все еще горевшему в нем, Легион знал, что все сангвинисты будут ослаблены — включая Рыцаря, которого он в эту ночь намеревался заклеить и подчинить своей воле. И дабы наверняка обречь пророчество на провал, он убьет также Воителя и Женщину. Пусть их кровь станет жертвой для этой оскверненной земли.

Легион вскинул лицо навстречу грозе.

«Теперь здесь нет солнца, способного вас защитить».

В дверном проеме блеснула яркая вспышка, вновь привлекая его внимание к грешной земле. Демон смотрел множеством глаз, переходя от одних к другим и нигде не задерживаясь надолго. Он был одновременно единым и многим, всевидящим.

...разбитая в щепы мебель...

...горючее масло, разлитое повсюду...

...один язычок пламени порождает множество, они располагаются по нижним этажам...

Легион намеревался загнать свою добычу на крышу, чтобы уловить Рыцаря там, среди огня и дыма. На этот раз сбежать им не удастся.

Дабы удостовериться в этом, он потянулся к другому заклеяменному, который был для его черного сердца ближе, чем любой иной раб, — к вожаку волков. Легион более полно переместил свое сознание в этого огромного зверя, наслаждаясь его темными желаниями и мощью его мускулистого тела. Приоткрыв крепкие челюсти, взвыл, бросая в ночь свой полный угрозы вызов.

А потом послал в волчье сердце, в волчью кровь один-единственный приказ.

«Охоться!»

Глава 20

*18 марта, 18 часов 27 минут
по центральноевропейскому времени
Прага, Чешская Республика*

— Быстрее, — поторопила Эрин, чувствуя дым, поднимающийся с нижних этажей. Она опустилась на колени рядом с Джорданом и Элизабет примерно в центре между тремя алхимическими символами: «аква», «арбор» и «сангвис».

Несколько мгновений назад, еще прежде, чем вой *беспощадных волков* стих, Рун и Христиан выскользнули за дверь и скрылись на лестнице. София осталась сторожить дверь, держа наготове два клинка.

У Эрин был свой долг.

Найти то, что сокрыто здесь.

Элизабет вонзила кинжал между досками пола и умело вырвала одну, отбросив прочь ловким поворотом запястья. Потом уже просто пальцами вырвала доски по обе стороны от пролома. Движения ее были быстрыми, сила, даже уменьшенная пребыванием на нечестивой земле, казалась неимоверной.

Эрин посветила фонариком в образовавшуюся дыру, но увидела лишь брусья пола, пыль и крысиный помет. Она отвела луч в сторону, в нем танцевали мириады пылинок.

— Там ничего нет.

На лице Элизабет читалось то же разочарование, которое ощущала Эрин.

«Что мы упустили?»

Графиня поднялась на ноги и изучила символы, пытаясь решить эту загадку.

Эрин посмотрела на нее снизу вверх — и вскочила, когда ее пронзила догадка.

«Вверх...»

— Тот канделябр... в доме Джона Ди! Именно туда направлялась энергия этих символов. В потолок! Нам нужно обыскивать не пол, а потолок!

Джордан тоже устал и уставился на потолок.

— Я ничего там не вижу.

Эрин тоже не видела, однако ощущала полную уверенность.

— Вспомните историю доктора Фауста, — сказала она. — Легенду, связанную с этим местом. Согласно ей, он был похищен через потолок, когда его забрал дьявол. Что, если истоки этой легенды находятся здесь?

Элизабет поглядела вверх.

— Я вижу слабые очертания квадрата. Хотя сама я этого никогда не видела, но ходили слухи, что у Келли были потайные двери и лестницы по всему дому.

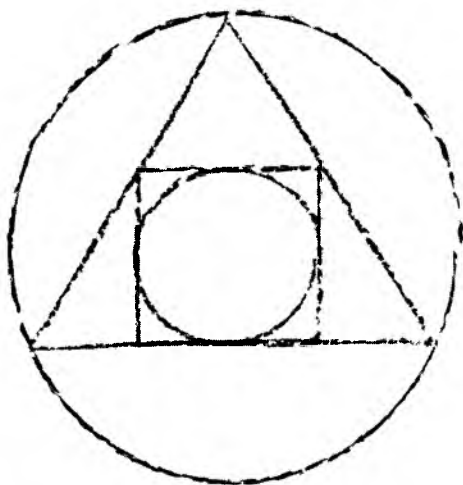
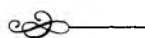
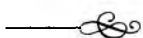
Так почему бы и не в потолке?

Джордан, казалось, не разделял их уверенности.

— Если даже там есть какой-нибудь чердак, кто знает, так ли это важно?

— Важно, — ответила Элизабет. Она опустилась на одно колено и стала чертить на полу. — Вся эта комната буквально кричит о великой важности символики. Круглая комната, треугольник и этот квадратверху.

Она начертила в пыли все три указанные фигуры, так, что получился символ.

— Это обозначение философского камня! — выдохнула графиня.

Сердце Эрин забилося быстрее, и она прищурилась, пытаясь различить очертания этого квадрата.

— Предполагалось, что философский камень способен обращать свинец в золото и создавать эликсир жизни. Это самый важный элемент в алхимии. Там, наверху, что-то должно быть.

Джордан бросился к столу.

— Помогите мне с этим!

Не успела Эрин стронуться с места, как Элизабет уже оказалась рядом с Джорданом и почти без его помощи вытолкнула стол на середину комнаты.

Грейнджер сразу же залезла на столешницу и потянулась к потолку, но ей не хватало роста. Потом попытался Джордан, но даже ему недоставало добрых двух футов, чтобы хотя бы коснуться пальцами потолка. Но по крайней мере они своими глазами удостоверились в наличии на потолке контуров квадрата.

Эрин повернулась к Джордану.

— Мне нужно, чтобы ты...

Ее оборвал звон стали о сталь, донесшийся с нижних этажей. Устроив пожар на нижних этажах, чтобы никто не мог отступить этим путем, враг, должно быть, попытался пробиться наверх по лестнице — но обнаружил, что там стоят на страже Рун и Христиан.

«Но как долго они смогут держать оборону?»

Ответ пришел немедленно: полный боли крик.

Элизабет резко повернулась к лестнице, узнав этот голос.

— Рун...

— Иди, — приказала Эрин, но графиня уже промчалась через всю комнату к двери и скользнула мимо Софии, спеша на помощь Корце.

София одной рукой схватилась за ручку двери, второй махнула Эрин и Джордану.

— Узнайте, что там! — велела она, затем вышла из комнаты и захлопнула за собой дверь, оставив смертных одних.

— Подними меня, — произнесла Эрин почти беззвучно, борясь с парализующей паникой.

Джордан подхватил ее за талию, и она встала коленями ему на плечи. Слегка пошатываясь, она уперлась в центр квадрата на потолке, но тот не поддавался.

С другой стороны двери доносились крики и рычание.

— Быстрее! — поторопила стоявшая там София.

— Я держу тебя, — заверил Джордан Эрин. — Давай.

«Я справлюсь».

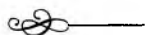
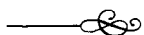
Эрин сделала вдох, чтобы собраться с силами, рукой оперлась на макушку Джордана и нажала плечом на потолок. Еще одно усилие... С одного угла квадрата посыпались крошки штукатурки и пыль, он приподнялся на один дюйм.

«Так это же двери!»

Она сместилась поближе к этому краю и снова нажала. Дверца поднялась повыше — настолько, что Эрин смогла вставить в щель свой металлический фонарик, отжать люк и поставить фонарь вертикально между дверцей и краем проема. Фонарик был длиной в фут.

«Готово...»

Она ухватила за край отверстия и протиснулась в узкую щель, проползая на животе мимо фонарика, служившего опоркой, и изо всех сил стараясь не сдвинуть его. Оказавшись

по ту сторону, женщина повернулась на спину и уперлась в крышку люка ногой, чтобы поднять его повыше.

— Не знаю, долго ли я смогу ее держать! — крикнула она вниз.

— Я попробую допрыгнуть.

Он действительно это сделал. Схватившись пальцами за край отверстия, подтянулся и выбрался на чердак, оказавшись рядом с Эрин. При его силе ему было куда проще держать крышку люка, в то время как Эрин отыскивала поблизости прочный железный прут, чтобы подпереть эту крышку.

Задыхаясь от усилий, Грейнджер наконец смогла взять свой фонарик и при его свете рассмотреть потайной чердак. Все было покрыто пылью. Со стропил наверху свисали разного рода веревки и рычаги. Женщина отошла от открытого люка и отвела в сторону пучок канатов, стронув целую лавину пыли.

— Должно быть, это какие-то тайные механизмы Келли, при помощи которых он управлял дверьми и лестницами.

— Жаль, что они не действуют, — отозвался Джордан. — А то мы могли бы использовать их, чтобы сбежать.

Вспомнив об опасности, Эрин вздрогнула и случайно столкнулась с осью зубчатую шестерню. Деталь грохнулась на пол, лязг громом раскатился по тесному помещению.

Эрин прошла дальше. Похоже, чердак был длиною в половину диаметра круглой комнаты внизу. И вскоре луч фонаря осветил некий высокий предмет, стоящий в углу и покрытый слоем многолетней грязи и пыли. Его форма не оставляла сомнений.

— Колокол, — промолвила Эрин.

Она смотрела на этот артефакт, на торчащую из него стеклянную трубку и вспоминала рассказ Элизабет о том, как под колоколом умирали сотни стригоев, а дым их сущностей концентрировался и направлялся через эту трубку. Несколько мгновений Эрин боялась подходить к колоколу, зная его жуткую историю. Но, отбросив предрассудки, она шагнула ближе к грязному стеклу.

— Должно быть, Рудольф спрятал его здесь после смерти Джона Ди, — предположила она.

— И значит, записка императора, оставленная для Элизабет, должна была подсказать ей, как найти эту чертову штуку. Зачем? Чтобы она могла продолжить начатую Ди работу?

— Надеюсь, что да, — ответила Эрин.

Джордан пристально посмотрел на нее.

— И почему ты на это надеешься?

Краем рукава Грейнджер протерла окошечко в вековой грязи и пыли, покрывавшей колокол. Через него она смогла заглянуть внутрь сквозь толстое зеленоватое стекло.

— Вот почему...

Джордан заглянул ей через плечо.

— Там, под ним, целая гора бумаг.

— Если Рудольф перевез колокол Джона Ди сюда, — произнесла Эрин, кивая на стопку, — то наверняка присовокупил к этому записки старого алхимика.

— Как руководство по работе с агрегатом. Имеет смысл.

Джордан провел руками по поверхности колокола, ища способ попасть внутрь.

— Смотри! Тут что-то вроде дверцы. Думаю, я смогу открыть ее...

Он налег на засовы, и дверь осталась у него в руках.

Эрин протянула руки под колокол, схватила связки бумаг и вытащила их наружу.

— Похоже, большинство из них написаны на енохианском, — заметила она, засовывая бумаги в свой рюкзак, по соседству с чехлом, в котором тайлось Кровавое Евангелие. — Надеюсь, Элизабет сможет это перевести.

— Тогда давай выбираться отсюда.

Они вместе вернулись к люку — и услышали грохот расколотого в щепы дерева.

Эрин и Джордан глянули вниз. Обломки двери были разбросаны по полу. В поле зрения влетела София, ловко развернулась лицом к входу и вскинула клинки.

— Оставайтесь там! — крикнула она им, не глядя вверх.

Причина этого приказа стала ясна сразу же.

Вместе с клубами черного дыма в комнату ворвался огромный зверь. Он низко держал голову, скаля зубы, и темная щетина топорщилась у него на шее и спине.

Безжалостный волк.

Джордан выругался и пнул железный прут, подпиравший люк.

Дверца захлопнулась.

Они оказались заперты на чердаке.

18 часов 37 минут

Прижатый на широкой лестничной площадке, Рун удерживал позицию. Его правая рука бессильно висела вдоль бока. Он не сумел даже заметить клинок, ранивший его. Его блоки и контрудары казались медленными и неуклюжими. Нечистая земля высасывала его силы и придавала сил врагам, и он чувствовал себя ребенком, взявшимся воевать против тренированных солдат.

А они словно бы играли с ним.

К этому моменту они уже не раз могли убить его, но не сделали этого.

Почему? Просто из злобы или по какой-то иной причине?

Три стригоя стояли вокруг треугольником. Все они были выше его; крепкого телосложения; их кожу покрывали шрамы и татуировки. Каждый из них был вооружен тяжелой кривой саблей. С оружием они обращались не слишком умело, но были сильнее и быстрее, чем Рун. То один, то другой кидался вперед, пытаясь порезать ему руки, лицо или грудь. Они могли прикончить его в любой момент, но вместо этого предпочитали играть с ним, как коты с испуганной мышью.

«Но я не мышь».

Он старался отражать их удары, наблюдал за их действиями и искал уязвимости.

Вверх по лестнице струился дым. Где-то там, внизу, сражался Христиан, но Рун потерял его из виду после того, как попытался преследовать *безжалостного волка*, который проскочил мимо него мгновение назад. Рун слышал, как зверь выбил дверь этажом выше, слышал крик Софии, но по-прежнему не мог вырваться из окружения этой троицы и прийти на помощь другим.

«По крайней мере в одиночку».

Резкий крик и звон стали подсказали ему, что Христиан еще жив. А как же Элизабет? Она явилась к нему на подмо-

гу несколько долгих мгновений назад, слетев по ступеням, точно черный сокол, и набросилась на двух противников, включая того стригоя, который ранил Руна в правую руку. Графиня и двое ее врагов исчезли в дыму.

«Жива ли она еще?»

Отвлекаясь на эту мысль, Рун слишком медленно отреагировал на очередной рывок самого крупного из его противников. Его сабля скользнула по ребрам Руна. Второй враг набросился на него со стороны раненой руки. Корца никак не мог...

Неожиданно второй нападающий исчез, скрывшись в пелене дыма. Оттуда донесся булькающий крик. Двое других стригоев подступили ближе, и тут в поле зрения показалась маленькая темная фигура, бегущая по ступеням вверх к площадке второго этажа.

Элизабет.

В руках у нее был широкий меч, с которого капала черная кровь. Оружие выглядело нелепо огромным в ее изящных руках, но она держала его легко, как будто не чувствуя веса стали.

Большой стригой метнулся к ней; его сабля мелькала в воздухе быстрее, чем мог уловить взгляд Руна. Но в последний миг Элизабет уклонилась, развернувшись на одной ноге, сделала круговой взмах мечом и снесла голову нападавшему. Безголовое тело твари покатилося вниз по ступеням позади нее.

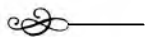
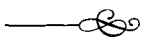
Рун воспользовался тем, что оставшийся стригой отвлекся на ее «танец», и кинулся на него, вонзив свой карамбит ему в затылок и рывком запястья перерезав позвоночник врага. Когда тот безжизненно обмяк, Корца пинком перекинул его труп через перила.

Элизабет присоединилась к нему; обе ее руки были окровавлены, лицо тоже забрызгано кровью.

— Слишком много, — прохрипела она. — Едва справилась.

Он поблагодарил ее касанием свободной руки. Она сжала его ладонь.

— Если действовать вместе, мы все еще можем пробиться к выходу, — предложила графиня.

Рун привалился к стене. Кровь текла из доброй сотни порезов на его теле. Если бы он был человеком, то умер бы уже раз десять. Но Корца и так чувствовал себя ужасно слабым. Указав рукой вверх, он выдал:

— Эрин и Джордан. Мы не можем их бросить.

Вой *безжалостного волка* напомнил ему об опасности.

Элизабет обняла его за плечи, помогая выпрямиться.

— Ты едва стоишь на ногах.

С этим он спорить не мог. Спасение остальных приходилось отложить ненадолго. Рун снял с пояса фляжку с вином и осушил ее одним долгим глотком. Элизабет молча и терпеливо стояла рядом с ним, охраняя. Он вспомнил давно минувший день, когда они шли через поле, окутанное весенним туманом, очень похожим на этот дым. Тогда она была еще человеком, а он — сангвинистом, не свершившим свой грех.

Закрыв глаза, Рун ждал искупления.

И оно швырнуло его во времена тяжелейшего его греха. Воспоминания проносились сквозь него, но у него не было сейчас времени на покаяние, и он боролся с ним, зная, что оно с удвоенной силой вернется к нему после следующего глотка освященного вина.

И все же обрывки прошлого вспыхивали в его разуме.

...запах ромашки в давно разрушенном ныне замке Элизабет...

...отблески огня в этих серебристых глазах...

...прикосновение ее теплой нежной кожи, когда он взял ее...

...ее тело, умирающее в его объятиях...

...его глупый, ужасный выбор...

Он вернулся в настоящее, по-прежнему чувствуя на языке вкус ее крови: теплый, соленый и живой. Рун схватился за крест, висящий на шее, и молился сквозь боль, пока этот вкус не исчез.

Затем он освободился от поддержки Элизабет и выпрямился, чувствуя в теле новые силы.

Ее серебристые глаза посмотрели прямо на него — и словно бы сквозь него, в ту ночь, полную страсти и боли, разделенных на двоих. Он подался к ней, их губы соприкоснулись.

Кусок потолка обрушился на лестничный пролет чуть выше, заставив их отпрянуть друг от друга. Сноп искр взлетел вверх, окружая их, осыпая сутану и волосы Руна.

Элизабет сбила их руками. В ее глазах вспыхнул гнев, потом решимость.

— Мы не можем вернуться наверх... по крайней мере изнутри дома. Твоим друзьям будет лучше, если мы сейчас уйдем отсюда, а потом взлезем на крышу снаружи.

Корца признал логичность ее предложения. Он должен добраться до Эрин, Джордана и Софии прежде, чем это проклятое здание рухнет, став им всем огненной могилой.

Рун указал вниз, в вихрь дыма, огня и крови, молясь, чтобы уже не было слишком поздно.

— Идем.

Глава 21

*18 марта, 19 часов 02 минуты
по центральноевропейскому времени
Прага, Чешская Республика*

Легион шагал по плоской крыше оскверненного здания, и над его головой молнии раскалывали небесный свод. Внизу огонь пожирал строение, языки пламени вырывались из нижних окон, дождливый воздух наполнялся дымом. Зло этого места струилось через кости и плоть сосуда, в котором обитал Легион, наполняя его мощью и решимостью.

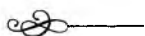
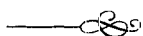
Отсюда, с крыши, он выслеживал свою добычу, сконцентрировавшись на биении двух сердец, которое отмечало местонахождение двух единственных людей в этом пылающем здании.

Воитель и Женщина.

Как он и планировал, противники карабкались все выше, убегая от зажженного им пламени.

«Ко мне».

Если эти два человека поблизости, Рыцарь должен быть неподалеку от них. Но сердце этого бессмертного не билось, и без подобной возможности проследить за ним Легион не

знал, где именно тот находится. Поэтому он намеревался найти этих двоих и ждать Рыцаря.

И он охотился не в одиночку.

Рядом с ним топали тяжелые лапы, расплескивая лужицы дождевой воды. При каждом раскате грома волк рычал, словно бросая вызов небесам.

Легион разделял ощущения зверя, равным образом глядя сквозь его глаза, слушая его чуткими ушами, чуя в воздухе грозовой запах. Он вкушал ярость этой неистовой сущности. Даже будучи осквернен черной кровью, волк вызывал в памяти Легиона воспоминания о красоте и величии земного рая.

Вместе они прислушивались к стуку двух сердец внизу. Легион намеревался убить Воителя первым, даже сейчас слыша странный звук его пульса: его удары были подобны звуку золотого колокола — яркого, чистого и святого. И еще Легион помнил, как кровь Воителя сожгла одного из поработченных. Такого человека нельзя оставлять в живых.

«И камень, которым завладел Воитель, станет моим».

Но Женщина... она еще может оказаться полезной.

Леопольд невольно выдал Легиону ее имя: Эрин. И с этим именем пришли новые подробности пророчества, касавшиеся ее, этой Женщины Знания. Можно было без труда прочесть уважение и почтение Леопольда к острому разуму этой особы. Леопольд тоже знал цели Легиона; будучи тесно переплетен с ним, он усвоил, что демону нужны все три камня. Леопольд считал, что именно Эрин может оказаться способна найти два других камня. И хотя Легион не мог поработить Женщину и подчинить своей воле, он может найти другие способы убедить ее, заставить служить себе.

Наконец демон и его волк оказались прямо над той точкой, где бились эти два сердца. Легион транслировал волку свою волю. Мощные лапы начали отрывать глиняную черепицу с крыши, затем острые когти прорвали позеленевшие металлические листы, приколотенные под ней.

Когда между ними и чердаком остался лишь слой тонкой деревянной дранки, Легион коснулся бока волка, выражая благодарность и уважение.

— Эта добыча моя, — прошептал он вслух.

Безжалостный волк, неизменно верный, подчинился приказу, опустив морду. Легион ощутил, как его любовь к огромному дикому зверю эхом вернулась к нему. Зная, что волк будет охранять его даже ценой своей жизни, он ступил на участок крыши, лишенный черепицы, с силой топнул ногой по дранке, проламывая ее, — и тяжело провалился в дыру.

Оказавшись внизу, демон приземлился на ноги, даже не согнув колени.

И оказался лицом к лицу с Воителем, который сжимал в руках железный прут. Женщина стояла у него за плечом, из ее ладони вырывался луч света. Оба ничуть не удивились — они были готовы к атаке еще тогда, когда услышали, как волк раскапывает крышу над их головами. И все же Легион сумел насладиться ужасом на их лицах, когда они впервые узрели его мрачное величие.

Он улыбнулся, показав зубы, обнажая острые клыки Лепольда.

В биении сердца Воителя Легион различил трепет узнавания — и смятения.

Но одна эмоция была сильнее прочих, она читалась на лицах обоих смертных.

Решимость.

Они не намерены были отступить.

«Да будет так».

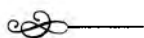
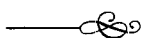
Подлинную значимость имел лишь Рыцарь, а того, кого звали Корца, здесь не было.

Воитель оттолкнул Женщину — Эрин — еще дальше назад, прикрывая собой, как будто его золотое сердце могло защитить ее от Легиона. При этом движении свет фонаря скользнул вбок. Луч выхватил из темноты высокий предмет слева от демона, отразился от его пыльной поверхности, ярко заиграл на недавно очищенном участке.

Зеленоватый луч попал в глаза Легиону, воспламеняя глазо внутри ярость.

Это был тот самый ненавистный колокол.

Дым шестисот шестидесяти шести сущностей взбурлил внутри его, опознав адское устройство. Они бушевали, точно черный шторм, смешивая воспоминания в неистовый смерч.

Сознание Легиона расщепилось, разделилось на прошлое и настоящее, на его собственную память и память этого множества.

...он карабкается по гладким стенкам полости в зеленом алмазе, ища отверстие...

...он шестьсот шестьдесят шесть раз терпит неудачу...

Прежде чем Легион успел полностью оправиться от потрясения, Воитель обрушился на него. Невероятно сильные ладони схватили демона за запястья. И едва покрытые загаром пальцы коснулись черной кожи, между ними вспыхнул золотой огонь, воспламенив руку Легиона от кисти до плеча.

Впервые за всю вечность демон закричал.

19 часов 10 минут

Эрин зажала уши ладонями, уронила фонарик и рухнула на колени. Из глаз ее текли слезы, она старалась не потерять сознание.

«Надо помочь Джордану...»

В нескольких шагах от нее Стоун продолжал удерживать черноликого монстра. Он впечатал противника в стену, пытаясь выбить из его легких воздух и прекратить этот рвущий уши вой.

От удара куски черепицы, лежащие на краю дыры в крыше, сдвинулись и посыпались на пол чердака. Эрин подняла взгляд — и обнаружила уставившуюся вниз пару глаз. Они горели алым светом, выдавая скверну, обитающую в теле этого огромного зверя.

Безжалостный волк.

Пока что дыра была слишком узкой для его мощного тела, но волк расширял ее, раскапывая по краям и явно намереваясь прийти на помощь своему хозяину. У дальней стены чердака Джордан продолжал бороться с их жутким противником.

Эрин отступала, пока не уперлась спиной в скользкую от грязи поверхность стеклянного колокола. Она зашарила руками по полу в поисках оружия, но нашла лишь металлическую шестерню, сброшенную ею с оси ранее. Ее пальцы

сомкнулись на этой шестерне, пусть даже в нынешней ситуации она была совершенно бесполезна.

И все же...

Прижимаясь к колоколу, Эрин пыталась найти хоть что-нибудь, пока не нащупала длинную стеклянную трубку, торчащую из стенки колокола. Развернувшись, женщина ударила шестерней в основание трубки, там, где она соединялась с колоколом. Трубка откололась и упала на пол, разлетевшись на более короткие куски.

Эрин схватила самый длинный и толстый из них.

С этим стеклянным копьём в руке она двинулась на волка. Зверь почти завершил свой труд. Реагируя на вызывающее движение Эрин, он просунул голову так далеко, как только мог, и щёлкнул на нее зубами, из его оскаленной пасти текла слюна. Но широкие плечи все еще мешали ему протиснуться внутрь.

По крайней мере пока.

Намереваясь воспользоваться ситуацией в полной мере, Эрин отошла от колокола и направилась к месту схватки Джордана с монстром. Казалось, что Стоун борется с собственной тенью. Они катались по полу, обменивались ударами, двигаясь с такой быстротой, что Эрин не успевала следить за ними.

Женщина стиснула свое копьё, страхась нанести удар, ведь она могла по ошибке поразить Джордана.

«С кем же он все-таки борется?»

Когда враг только прыгнул в дыру, ей удалось взглянуть ему в лицо. Кожа у него была черная, чернее, чем уголь, и словно бы поглощала свет фонарика Эрин. Грейнджер вспомнила такую же темную фигуру на экране компьютера кардинала Бернарда — на видеозаписи того нападения на дискотеку в Риме, но изображение там было слишком размытым, чтобы точно передать детали.

Но не сейчас.

Теперь она узнала эти черты, залитые непривычной чернотой.

«Брат Леопольд».

Джордан уловил благоприятное мгновение и прижал таинственного противника к полу. Оказавшись сверху, он отпустил черное запястье Леопольда и схватил его за горло.

Эрин заметила, что освобожденное запястье стало бледным, под цвет ладони и пальцев Джордана, словно тьма бежала от прикосновения Стоуна. Но прямо у нее на глазах тьма вернулась снова, заливая светлое запястье, точно нефть.

Затем Эрин услышала, как Джордан ахнул, и это привлекло ее внимание к лицу Леопольда.

Когда Джордан схватил врага за шею, тьма словно бы разбежалась от руки, сжимающей черное горло. Чернота покинула подбородок Леопольда, его губы и нос, открывая бледное лицо монаха.

И это лицо было искажено болью, губы силились произнести что-то.

— Убей меня, — выдавил Леопольд.

Стоун оглянулся через плечо на Эрин, не зная, что делать, но не желая отпускать противника.

Женщина бросилась вперед, надеясь получить хоть какое-нибудь объяснение.

— Что с тобою случилось?

Отчаянный взгляд серо-голубых глаз устремился на нее.

— Легион... демон... убейте меня... не могу удержать...

Его голос смолк, когда дымная чернота начала заливать его глаза. Свободная рука вскинулась, схватила Джордана за горло — и с силой рванула.

В шее Стоуна хрустнули кости.

«Нет...»

За спиной Эрин раздался яростный вой. Оглянувшись, она увидела, что *безжалостный волк* уже протискивается в дыру, готовясь прикончить их.

19 часов 14 минут

Элизабет бежала по скользкой от дождя крыше следом за Руном. Хотя проклятая земля и придала ей сил, она не могла сейчас угнаться за ним. Он, словно черный ворон, летел впереди нее, и его подгоняло не проклятие, а страх и любовь.

Они вдвоем сумели проложить себе путь из горящего дома, прихватив по дороге жестоко израненного Христиана. Оказавшись снаружи, они забаррикадировали дверь, заперев

в ловушке столько стригоев, сколько смогли. Христиан остался на страже внизу, прикрывая их тыл.

Но когда Элизабет и Рун добрались до крыши — ориентируясь на звуки боя и биение сердец Эрин и Джордана, — они увидели *безжалостного волка*, раскапывающего черепицу и пытающегося пробраться на чердак.

Рун первым подбежал к волку и с силой врезался ему в бок, отбрасывая от дыры. Элизабет, не медля ни мгновения, прыгнула к ним, еще в прыжке взмахнув мечом. Ее удар отсек ухо зверю — тот как раз в этот миг дернул головой.

Графиня проехала по мокрой черепице и развернулась лицом к *безжалостному волку*, завывавшему от ярости.

Справа от нее Рун перекатом вскочил на ноги, обнажая свой серебряный карамбит. Как будто учуяв, кто из двоих сангвинистов слабее, зверь опустил голову и повернулся мордой к Корце.

Элизабет сделала шаг вперед, намереваясь не дать волку свершить задуманное, — но тут ее внимание привлекла тень, появившаяся слева. Из завесы дождя возникла темная фигура, словно бы тоже упавшая вниз из грозовых туч. Новоприбывшая была облачена в темное одеяние, такое же, как на Элизабет.

— София?.. — позвал Рун, но понял, что ошибся.

Сверкнула молния, и в ее мимолетном свете Эрин увидела мрачное морщинистое лицо под мокрой путаницей седых волос. В руке монахини блестел изогнутый ятаган.

— Эбигейл? — Элизабет не смогла сдержать изумления.

«Что здесь делает эта сварливая сангвинистка?»

Новая молния блеснула еще ярче, высветив нечто новое на лице старой монахини: черный отпечаток ладони, выжженный на мокрой от дождя щеке.

Эбигейл бросилась на Элизабет, двигаясь со сверхъестественной быстротой одержимой.

Графиня едва успела парировать клинком ее первый удар. Коренастая монахиня развернулась со скоростью и грацией, внушающими Элизабет уважение и страх разом. Эбигейл снова занесла клинок; глаза ее были мертвыми, словно у трупца.

Рун хотел прийти на помощь Элизабет, но *безжалостный волк* прыгнул на него. Они вдвоем покатались по крыше. Желтые зубы лязгали у самого лица Руна, а тот пытался нанести удар карамбитом.

Эбигейл атаковала, двигаясь невероятно проворно, святость сангвинистов больше не замедляла ее движений. Напротив, ей давало сил зло, более черное, чем то, что жило в сердце Элизабет.

Графиня уклонилась вправо и сумела полоснуть Эбигейл по левому плечу.

Монахиня и виду не подала, что ранена. Ее меч вновь и вновь наносил удары. Элизабет делала все возможное, чтобы парировать их, но Эбигейл была быстро и наверняка.

Последний выпад глубоко рассек бедро Элизабет, достав до кости.

Нога ее подломилась.

Монахиня двинулась к ней, неумолимая, как морской прилив.

19 часов 18 минут

Эрин слышала наверху звуки борьбы и вой. Мгновение назад какая-то темная тень отшвырнула волка от дыры в крыше, защищая людей на чердаке. Только один из всех, кого она знала, мог быть столь храбр и безрассуден.

«Рун...»

Черпая мужество в его отваге, Эрин шагнула ближе к Джордану и одержимому демоном Леопольду. Стоун все еще был сверху, но черная рука демона душила его. Лицо сержанта побагровело, глаза выкатились.

Заметив приближение Эрин, Джордан собрал все оставшиеся силы и перекатился на бок, а потом навзничь, увлекая за собой тело Леопольда, так, чтобы спина бывшего монаха оказалась открыта для атаки.

Эрин хотела бы помедлить. Леопольд когда-то был ее другом, он не раз спасал ей жизнь в прошлом. Но вместо этого она бросилась вперед, занося свое единственное оружие — копьё, сделанное из расколотой стеклянной трубки.

Она ударила обеими руками, всей своей силой, пронзив тело Леопольда со спины и метя в его мертвое сердце.

Полный боли хрип вырвался из горла Леопольда. Рука, душившая Джордана, разжалась и упала. Тело монаха повалилось набок, словно марионетка с обрезанными нитями. Пальцы его скрючились и застыли.

Джордан теперь был свободен, но продолжал лежать на спине, лицо его было обращено вверх. Эрин опустилась на колени рядом с ним. Шею его заливал сплошной багровый кровоподтек. Чуть ниже затылка позвоночник торчал жестким бугром. У него была сломана шея.

— Джордан? — тихо позвала она, протянув руку, но боясь пошевелить его.

Он не ответил, вместо этого раздался другой слабый голос: — Эрин...

Она повернулась и увидела, что Леопольд смотрит на нее. Чернота сбегала с его лица, утекая вместе с темной кровью, струящейся из его пронзенной груди. Эрин знала, что сангвинисты могут контролировать свое кровотечение, могут приказывать ему прекратиться. Леопольд не сделал этого, явно желая умереть.

Эрин ощущала жгучую скорбь, зная, что хотя бывший монах и сбился с праведного пути, в нем все еще оставалось добро.

— Ты спас меня когда-то, — прошептала она, вспомнив темные тоннели под храмом Святого Петра.

Холодная рука коснулась ее запястья.

— ...ты... спасла...

Он чуть заметно кивнул ей, ободряя. Эрин всхлипнула.

Даже перед смертью он старался утешить ее.

Его голос стал тихим, словно дыхание.

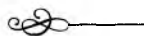
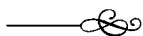
— Легион...

Она склонилась ближе, чувствуя, что он хочет сказать нечто важное.

— Три камня... Легион ищет их...

— О чем ты говоришь? Какие камни?

Леопольд словно не слышал ее, как будто ушел уже далеко и пытался докричаться через широкий залив.

— Сад... оскверненный... затопленный кровью, омытый водой... там Люцифер будет...

Его серо-голубые глаза остекленели, губы перестали двигаться.

Эрин ощутила желание вытрясти из него ответы, но вместо этого просто коснулась щеки Леопольда.

— Прощай, друг мой.

19 часов 20 минут

Рухнув на крышу, Элизабет прокляла свою раненую ногу.

Эбигейл нависла над ней, от нее пахло мокрой хлопковой тканью. Молния блеснула на ее воздетом вверх клинке. Ее мертвые глаза смотрели на Элизабет сверху вниз, без злобы и торжества, равнодушным взглядом хищника.

У другого края крыши Рун боролся с *безжалостным волком*; оба истекали кровью, но продолжали сражаться.

Разоруженная, Элизабет приготовилась хоть как-то отразить атаку. Ее охватило сожаление. Ее смерть будет приговором и для Томми тоже. Она не смогла когда-то спасти собственных детей, а теперь не сумеет ничего сделать для этого мальчика...

Тут волк взвыл, и этот вой был не похож ни на что, слышанное ранее. В нем звучали ярость, боль и потрясение.

Элизабет увидела, как волк всем телом ударил Руна, далеко откинув его, затем повернулся и побежал — прямо к Элизабет и Эбигейл.

— Рун! — Это слово, произнесенное со знакомой властью, раздалось над головой у графини.

Элизабет оглянулась на Эбигейл. Взгляд монахини стал острым, в нем сверкал гнев. На ее щеке не было ни пятнышка, клеймо исчезло с ее кожи.

Эбигейл схватила Элизабет, вздернула ее на ноги и толкнула вбок.

— Беги!

Графиня заковыляла прочь, а Эбигейл вскинула ятаган и повернулась к бегущему на них зверю. *Безжалостный волк* притормозил, скользя лапами по крыше; его когти, цепляя черепицу, раскалывали ее на куски. Он устоял на

Эбигейл, на миг явно сбитый с толку угрозой, исходящей от бывшей союзницы. Но замешательство быстро переросло в ярость — и он прыгнул на старую монахиню.

Эбигейл взмахнула мечом. Но теперь она двигалась куда медленнее и потому промахнулась; зубы волка рванули ее руку. И все же она сумела прыгнуть на огромного зверя, сбив его с ног одной лишь силой инерции и массой своего крепко сбитого тела. Они вместе покатались к краю крыши, и там Эбигейл, сделав последний рывок, вместе с волком перевалилась за кромку водостока.

Элизабет выглянула с крыши как раз вовремя, чтобы увидеть, как их тела рухнули на тротуар четырьмя этажами ниже.

Эбигейл осталась лежать, словно сломанная кукла; ее руки и ноги были широко раскинуты, шея вывернута под неестественным углом. Дождь смывал черную кровь в решетку водостока. *Безжалостный волк* каким-то образом сумел пережить падение. Он, пошатываясь, поднялся и порысил прочь, в темноту.

В поле зрения графини показался Христиан — он, шатаясь, отделился от стены дома. Следом за ним появились два стригоя, но они, как и волк, бросили свое оружие и помчались прочь, скрывшись в ночи.

Краем глаза Элизабет заметила, что Рун кинулся к дыре с неровными краями, проделанной зверем в крыше, и нырнул вниз, на чердак, чтобы проверить, как там остальные.

Элизабет так и стояла одна на крыше, гадая, что же так внезапно переломило ход боя. Ей вспомнилась отметина, исчезнувшая со щеки Эбигейл. Монахиня явно освободилась от одержимости.

«Поэтому и другие бежали?»

Но что-то тревожило ее. Элизабет на краткий миг встретилась взглядом с *безжалостным волком*, прежде чем он атаковал и удрал. В этом взгляде она увидела разум — куда больший, чем положено иметь зверю, даже затронутому скверной.

Но что это означало?

Она содрогнулась, боясь ответа.

19 часов 25 минут

— Я не могу добиться от Джордана никакой реакции, — сказала Эрин Руну, радуясь тому, что он рядом с ней. — И взгляни на его шею.

Джордан лежал, распростертый на полу рядом с телом Леопольда. Кровоподтек с его шеи сошел, но жуткий излом шейных позвонков остался. Эрин осторожно проверила его пульс. Он ровно бился под ее пальцами, медленный и спокойный, как будто Стоун просто спал.

— Джордан! — позвала она, боясь тряхнуть его. — Вернись!

Он никак не отреагировал, его открытые глаза смотрели прямо перед собой.

Рун, похоже, был встревожен не меньше Эрин. Он уже осмотрел Леопольда, приложив свой серебряный крест ко лбу монаха. Серебро не обожгло кожу, свидетельствуя, что зло покинуло эту брэнную оболочку.

Но куда оно отправилось — это еще предстояло узнать.

Приглушенный крик донесся снизу, проникая через дощатый пол чердака:

— Эрин! Джордан!

Эрин выпрямилась и повернулась к двери чердачного люка, внезапно вспомнив.

— София осталась там, внизу!

«И с ней еще один *безжалостный волк*».

Но это была не единственная опасность.

Эрин заметила дым, просачивавшийся сквозь доски снизу. Рун подошел, поддел крышку люка и распахнул ее. Снизу хлынул поток жара, а вместе с ним — новые клубы дыма. Эрин закашлялась, уткнувшись носом в сгиб локтя.

Корца протянул руку вниз, помогая Софии вскарабкаться на чердак. Хрупкая сангвинистка была вся в крови — частью *безжалостного волка*, частью ее собственной. Она, как могла, старалась расправить лохмотья, оставшиеся от ее облачения.

Шаги наверху привлекли их внимание к дыре. Все замерли, ожидая новых неприятностей, но вместо этого в отверстии показалась голова Христиана.

— Пора уходить, — предупредил он. — Похоже, здание вот-вот рухнет.

Действуя со всей доступной им быстротой, София и Рун подтащили Джордана к дыре и передали его Христиану, который вместе с Элизабет взял сержанта за плечи и выволок на крышу.

— Помоги им спустить Джордана на улицу, — обратился к Софии Рун. — Мы с Эрин слезем за вами. Надо дойти до церкви Святого Игнатия. Там мы сможем найти убежище.

Кивнув, та подпрыгнула, схватилась за край дыры, подтянулась и скрылась.

Корца повернулся к Эрин.

— Что насчет тела Леопольда? — спросила она.

— Пламя позаботится о нем.

Скорбь пронзила ее, но она знала, что другого выбора нет. Рун помог ей выбраться через отверстие на крышу. Холодный воздух и чистый дождь помогли Эрин унять чувство беспомощности.

«Джордан исцелится».

Она отказывалась верить в обратное. Женщина обвела взглядом крышу, но остальные уже скрылись из виду, карабкаясь по стене вниз с бесчувственным телом Стоуна. Не желая надолго выпускать его из поля зрения, Эрин вместе с Руном поспешили к краю крыши.

— Я отнесу тебя вниз, — сказал тот, протягивая ей руку.

Она повернулась к нему с благодарной улыбкой — и тут под ней обрушилась крыша.

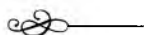
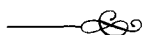
Эрин провалилась в горячую дымную тьму.

Глава 22

*18 марта, 19 часов 29 минут
по центральноевропейскому времени
Прага, Чешская Республика*

Рун падал вместе с Эрин.

Он схватил ее за руку и что есть силы прижал к себе, обхватив руками, чтобы защитить. Они падали сквозь горящие

балки, дым и осыпающуюся штукатурку. Затем ударились о пол какого-то этажа, все еще остававшегося целым. Рун ушел в пережат, стараясь погасить силу соударения.

В итоге он оказался стоящим на коленях, держа в руках обмякшее тело Эрин. Она была без сознания; кровь текла из глубокого пореза на ее лице. Вокруг них бурлили дым и пламя, но Рун узнал круглую комнату, где они оказались: старую алхимическую лабораторию Эдварда Келли.

Он поднял Эрин, чувствуя, как ее легкие втягивают дым, слыша трепет слабеющего сердца, — она задыхалась. Почти ничего не видя, Рун добрал до стены, надеясь вдоль нее дойти до двери, а потом — до окна.

Наверху раздался треск — это не выдержала еще одна потолочная балка. Что-то огромное рухнуло сверху. Отблеск пламени сверкнул на зеленоватом стекле.

Колокол.

Рун инстинктивно вскинул руку навстречу этой зловещей машине, защищая Эрин, заслоняя ее своим телом. Колокол ударил его по руке, по спине, опрокинул его на пол. Толстое стекло раскололось, врезаясь в плечо и руку Руна, полосуюя мышцы и круша кость.

Ослепленный болью, он закричал.

Эрин услышала и, вздрогнув, пошевелилась под его телом.

— Рун...

Он скатился с нее, еще сильнее раня себя, и простонал:

— Беги...

Она высвободилась, но вместо того чтобы последовать его приказу, схватила его за уцелевшую руку и попыталась оттащить его от осколков колокола. Однако прежде чем ей это удалось, прогоревший пол не выдержал веса стеклянной громадины. Когда обугленные доски под Руном начали проваливаться, он извернулся и увидел, как безжизненное тело Леопольда летит, кувыркаясь, с чердака и вслед за разбитым колоколом валится в огненную пропасть нижних этажей дома.

Рун едва не соскользнул следом, но Грейнджер оттащила его от зияющей дыры, удержав в круглой комнате. Боль поглощала его сознание, но он заставил себя пробиться сквозь нее, чтобы не покидать Эрин здесь одну. Он не мог ее оставить, он еще мог ей пригодиться.

Сквозь дыру, куда провалился колокол, в комнату валил дым. Восходящий поток воздуха вытягивал его через отверстие в крыше, образуя импровизированный камин. Большая часть пола уже прогорела, вокруг бушевало пламя.

Теперь уже Эрин держала Руна обеими руками, таща его к стене. Больше всего ему хотелось, чтобы она оставила его и спаслась.

— Брось меня, — выдавил Рун, повернув лицо к двери, к слабым отблескам уличных фонарей, просачивавшихся сквозь дым. — Уходи в окно...

Холодная кровь стекала по его боку. Он побывал в достаточно многих битвах, чтобы распознать смертельную рану. Но возможно, Эрин сможет выбраться в окно, спуститься по фасаду и спастись. Она не должна умирать здесь вместе с ним.

Однако женщина не намерена была бросать его. Вместо этого она сорвала свой кожаный ремень, обернула вокруг плеча Руна и туго затянула.

Тот вскрикнул от новой вспышки боли.

— Извини, — произнесла Грейнджер, кашляя. — Нужно было остановить кровотечение.

Рун взглянул на импровизированный жгут из ремня.

Ниже кожаной полосы его рука отсутствовала, отсеченная осколком колокола.

19 часов 33 минуты

Эрин прижала свое запястье к губам Корцы и приказала: — Пей!

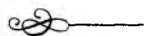
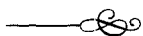
Жгут ослабил кровотечение до тонкой струйки, но без дополнительного источника крови Рун долго не проживет, это понимали оба.

Из последних сил он повернул голову вбок, отказываясь пить.

— Черт тебя побери, Рун!.. Тебе нужна сила, ты можешь получить ее из моей крови. Согреши сейчас, покайся потом. Я не оставляю тебя, но я не смогу тащить тебя одна.

Она встряхнула его, но Корца обмяк, потеряв сознание.

Эрин пыталась волоочь его к двери, но он весил слишком много для нее. Женщина едва могла дышать, из глаз текли

жгучие слезы — от дыма и от горького чувства беспомощности в равной мере.

В нескольких футах от них затрепали и переломились стропила пола, еще несколько досок рухнуло в горящий внизу огонь. Жар коснулся щеки Эрин, словно вырвавшись из устья открытой печи. Пламя ревело уже близко.

Потом клубы дыма рванулись вбок — это распахнулась дверь, и в комнату влетела темная фигура. Христиан бросился к Эрин, точно летящий на добычу сокол. Должно быть, он выследил ее по стуку сердца. Сангвинист хотел поднять ее, но она толкнула в его руки тело Руна и прокашляла:

— Забери его.

Христиан повиновался, перебросив Корцу через одно плечо, а второй рукою подхватив Эрин. Она спотыкалась, а он тащил ее за собой навстречу потоку свежего воздуха. Под ногами захрустело битое стекло — они оказались у окна верхнего этажа. Должно быть, Христиан выбил его, чтобы добраться до них.

— Как же нам... — начала было Эрин.

Развернувшись, Христиан поднял ее в воздух и головой вперед выкинул в окно.

Крик застрял в горле Эрин — она падала, земля неслась ей навстречу. И тут внизу появились Элизабет и София. Их руки подхватили Грейнджер, прежде чем она упала на брусчатку, и смягчили ее падение; тем не менее она ударилась о тротуар с достаточной силой, чтобы расшатать зуб.

Повернувшись, Грейнджер увидела, как Христиан приземлился в нескольких ярдах от нее и перекатился по брусчатке, гася удар, после чего легко поднялся на ноги, держа Руна на руках.

С облегчением вздохнув, Эрин так и осталась сидеть на мокрой брусчатке, яростно кашляя. Между приступами кашля она пыталась вдохнуть как можно больше свежего воздуха. Легкие у нее горели.

Кто-то навис над ней, потом опустился рядом на одно колено.

— Эрин, ты как?

— Джордан...

Стоун смотрел на нее, и глаза его были яркими и живыми. Он снова ожил. Слезы навернулись Эрин на глаза, но тревога все еще не оставила ее.

— Твоя шея...

Джордан с глуповато-застенчивым видом потер затылок над воротником своей куртки.

— Все еще болит, как... то есть очень болит.

Он улыбнулся Эрин.

Он исцелился.

Снова.

— Идем, — произнес Стоун, меняя тему. — Нам нужно уходить.

Он поднял Эрин на ноги, крепко обняв ее обеими руками. Колени у нее дрожали, женщина едва могла стоять. Она смотрела на Джордана снизу вверх, словно черпая силы в его лице.

— Не делай так больше, — прошептала Эрин. — Не покидай меня.

Но Стоун как будто не услышал ее.

Вместо этого он повел ее туда, где Элизабет и Христиан хлопотали над телом Руна. Тот уже казался мертвым: голова его беспомощно свисала, он не шевелился. Из-под наспех наложенного Эрин жгута все еще капала кровь.

София махнула рукой Джордану.

— Мы должны доставить его в церковь Святого Игнатия. Под ней есть наша часовня, это вон там. Быстро.

Хрупкая сангвинистка быстро повела их через темную, залитую дождем площадь. Эрин едва ковыляла позади, Джордан поддерживал ее. Дом Фауста догорал позади них, огонь с ревом пожирал его тайны.

Впереди отблеск пожара отражался от золотого ореола, окружающего фигуру на крыше церкви Святого Игнатия. София свернула вдоль боковой части барочного фасада и направилась к участку стены, полускрытому сенью высокого дерева. Там из стены выступала небольшая каменная чаша — словно купель со святой водой у входа в церковь. Монахиня обнажила предплечье, на котором кровоточил порез, и уронила несколько капель крови в чашу.

Раздался каменный скрежет, и перед ними отворилась невысокая дверца.

Элизабет подхватила Руна в объятия и внесла его внутрь. Они все последовали за ней, но София задержалась у врат и прошептала:

— *Pro me.*

Эрин оглянулась, вспомнив, как кардинал Бернард произнес те же самые слова, чтобы запереться в часовне под базиликой Святого Марка, — так, что лишь трое сангвинистов смогли открыть эту дверь. Должно быть, София сделала то же самое, боясь, что поблизости могут оказаться те, кто поработен Легионом, — особенно если это будут сангвинисты.

Даже здесь их группа, возможно, была в опасности.

Позади Софии закрылась дверь, и темнота окутала всех.

Чиркнула спичка, и Эрин увидела, как впереди загорелась свеча. От этой свечи Христиан зажег другие, и медленно разгорающееся сияние озарило простую каменную часовню. Грейнджер двинулась туда. Над их головами изгибался беленый кирпичный свод, вокруг белели гладкие оштукатуренные стены. Запах ладана и вина окружил Эрин, обещая покой и защиту.

Центральный неф, по бокам которого стояли ряды грубо сколоченных скамей, вел к покрытому белой тканью алтарю. Алтарь венчало изображение Лазаря, принимающего свое первое причастие из рук Христа. В карих глазах Лазаря сияла уверенность, и Христос улыбался ему.

Христиан подошел к шкафчику возле алтаря и достал белую металлическую коробку с красным крестом на передней стенке. Аптечка первой помощи. Он бросил ее Джордану, в то время как София прошла за алтарь к серебряному табернаклю¹. Она открыла его и достала сосуды с освященным вином — эквивалент аптечки для сангвинистов.

Элизабет уложила недвижимое тело Руна на пол перед алтарем. Разорвав на нем остатки куртки и рубашки, она об-

¹ Табернакль (от лат. tabernaculum — шатер) — в католических храмах сооружение для хранения предметов религиозного поклонения; большая дарохранительница.

нажила его руку и грудь. Сотни глубоких ран чернели на бледной коже, но ни одна не была настолько серьезной, как отсеченная рука.

Элизабет осмотрела жгут и посмотрела в глаза Эрин.

— Вы все правильно сделали, — произнесла графиня. — Спасибо.

Эрин услышала в голосе женщины неподдельную благодарность. Батори все-таки питала теплые чувства к Руну, как бы ни пыталась отрицать это.

Эрин кивнула и прижала кулак к губам, чтобы подавить кашель. Джордан подошел к ней и помог сесть на скамью. Она поставила рядом с собой рюкзак, сержант открыл аптечку, порылся в ней, достал пару маленьких бутылочек с водой и передал одну Грейнджер. Женщина сделала долгий глоток, а Джордан намочил водой из второй бутылки салфетку. Он стер с лица Эрин сажу и грязь, потом аккуратно провел ладонями по ее телу, ища, нет ли серьезных ран. Его прикосновение разбудило в женщине чувства, совершенно неуместные в часовне, полной священнослужителей. Она обнаружила, что смотрит Джордану прямо в глаза. Он ответил ей таким же взглядом, потом наклонился и подарил ей долгий, неспешный поцелуй.

Она всей душой хотела верить, что это было проявлением страсти, но не могла прогнать чувство, будто этим поцелуем он прощается с нею. Когда Джордан наконец оторвался от ее губ, на лбу его пролегли едва заметные морщинки. Он стер слезы со щек Эрин, явно не понимая, чем они вызваны, и прошептал:

— Ты в порядке?

Она сглотнула, кивнула и вытерла глаза.

— Просто слишком много...

Эрин попыталась сделать глубокий вдох, но резкая боль в груди остановила ее. Должно быть, у нее треснуло ребро. Однако ее раны были мелочью по сравнению с тем, что досталось Руну.

Сангвинисты преклонили колени вокруг его тела.

Но пытались ли они лечить его... или тоже прощались с ним?

20 часов 04 минуты

Элизабет пыталась влить вино в рот Руна, но пальцы ее дрожали от тревоги и усталости, вино проливалось на щеку Корцы.

Христиан протянул руку и коснулся ее пальцев.

— Позвольте мне, — прошептал он, вынимая серебряную фляжку из ее обожженных рук.

Элизабет выпустила фляжку и потерла ладони и свои колени, стараясь стереть святость вина и жгучее прикосновение серебра. Она испуганно смотрела на израненное тело Руна. Его раздели почти донага, оставив чуть больше, чем та набедренная повязка, в которую был одет Христос на распятии над алтарем. Но даже Христос не страдал так жестоко. Элизабет читала карту боли Руна по сотням порезов и рваных ран. Взгляд ее остановился на обрубке руки. Она была отсечена почти ровно посередине между плечом и локтем. На глаза графини навернулись слезы, затуманив взор, как будто пытаясь избавить ее от этого ужасного зрелища.

Она сердито стерла их.

«Я буду свидетелем... ради тебя, Рун».

Христиан продолжал вливать вино между бескровных губ Корцы, а София провела смоченной все тем же освященным вином салфеткой по ранам лежащего, очищая их, прижигая их этой святостью. От каждого прикосновения плоть Руна содрогалась от боли, даже в бессознательном состоянии он чувствовал ее.

Элизабет взяла его за руку, желая забрать у него эту боль... которая свидетельствовала хотя бы о том, что Рун все еще жив, что где-то в глубине его израненного тела еще тлеет жизнь.

«Вернись ко мне...»

София взяла флягу с вином и полила им на рваный обрубок руки Руна. Тело сангвиниста выгнулось дугой, едва ли не взлетая над каменным полом, изо рта вырвался крик. Уцелевшей рукой он стиснул пальцы Элизабет. Пальцы ее хрустнули, но она готова была принять эту боль, если это поможет ему хотя бы чуть-чуть.

Наконец его тело вновь осело на пол.

София сидела, поджав ноги, ее лицо выражало лишь тревогу.

— Это вино поможет ему поправиться? — спросила Элизабет.

— Ему нужен отдых, — ответила София, но это прозвучало так, словно она пытается убедить себя.

— Ему нужно выпить крови, — заявила графиня, и в голосе ее прозвучала нотка ярости. — Вы все знаете это, но ничего не делаете, только мучаете его.

— Он не должен этого делать, — возразила София. — Если он совершит грех в этой часовне, это лишит его силы святости, которую дарует эта земля. Подобное действие убьет его куда быстрее.

Элизабет не знала, верить ей или нет. Она подумывала о том, чтобы забрать его тело и бежать прочь из этого места. Но святая земля ослабила ее, а двое сангвинистов вдоволь напились вина, обретая дополнительные силы от Крови Христовой.

«И что я буду делать наедине с телом Руна на этих пустых улицах?»

Если он обречен умереть, пусть это произойдет в том месте, которое он любит.

И рядом с теми, кто любит его.

Она сжала его руку.

Позади нее раздался еще один голос.

— Элизабет права, — сказала Эрин. — Руну нужна кровь, чтобы выжить.

Христиан печально посмотрел на нее.

— София сказала правду. Он не должен пить кровь, этот грех...

— Кто сказал, что он должен ее *пить*? — фыркнула Эрин, опускаясь на колени между ними; в руках она держала кинжал. — Что, если я омою его раны своей кровью? Я возьму этот грех — если это грех — на себя.

Христиан с надеждой посмотрел на Софию.

— Нет, — возразила монахиня твердым голосом. — Кровавый грех есть кровавый грех.

Христиан, казалось, был не так уверен в этом.

Эрин пожала плечами.

— Я сделаю это.

Элизабет ощутила прилив симпатии к отваге этой женщины.

— Я не позволю, — сказала София, делая движение, чтобы остановить Грейнджер.

Христиан перехватил руку Софии.

— Нам нечего терять, если мы попытаемся.

— Кроме его бессмертной души. — Сангвинистка пыталась оттолкнуть его, но Элизабет пришла на помощь Христиану, удерживая монахиню, чтобы та не мешала Эрин. А потом посмотрела прямо в глаза Грейнджер.

— Сделайте это.

Кивнув, Эрин провела лезвием по ладони. Она вздрогнула от боли, но не потеряла спокойствия. Запах свежей крови, движимый ровным биением живого сердца, заполнил маленькую часовню.

Элизабет почувствовала, как вздрогнули оба сангвиниста, вдохнув этот запах. Их тела, все еще не исцелившиеся от ран, умоляли о глотке жизни, которая таилась в алой лужице, собравшейся в горсти у Эрин. Графиня тоже чувствовала этот запах, глубоко вдыхала его сладость, но она боролась со своей природой не так долго, как эти двое. Она могла выдержать это.

«И эта кровь предназначена не мне».

Эрин склонилась над обнаженным телом Руна. Она обмакнула пальцы в алый родник на своей ладони и, протянув руку, осторожно нанесла свою горячую кровь на холодную кожу раненого. И вновь плоть Корцы содрогалась при каждом прикосновении, но эта боль была порождена не болью.

Это было наслаждение.

Губы его приоткрылись, с них сорвался тихий стон.

Элизабет вспомнила, как давным-давно такой же стон раздавался у нее над самым ухом, когда она лежала под ним, в его объятиях...

Эрин продолжала свою работу, она действовала методично, не пропуская ни единой раны. Наконец она посмотрела на неровный обрубок кости, окруженной рассеченными мышцами, из которых медленно сочилась черная кровь. Повернулась к Элизабет, словно испрашивая дозволения.

Та чуть заметно кивнула.

«Сделай это».

Эрин здоровой рукой помассировала свое предплечье, сжеживая в ладонь побольше крови. И только когда из переполненной горсти потекли алые струйки, она накрыла этой ладонью руку Руна, вливая свою жизнь в эту жестокую рану.

Корца вновь содрогнулся, выгибая спину. Эрин продолжала прижимать ладонь к обрубку его руки.

Из его груди вырвался крик — вопль экстаза, столь неистовый, что София отвернулась прочь.

А может быть, монахиня просто не желала видеть куда более явного признака того, что Рун сейчас испытывал животное наслаждение? Набедренная повязка почти не скрывала его восставшее естество — свидетельство того, что внутри этого зверя таился мужчина, похоть которого так и не смог до конца обуздать белый воротничок, символ его сана.

Элизабет помнила и это тоже: она сейчас пребывала в глубоко прошлом, чувствуя его в своем лоне, когда двое становились одним...

Когда Рун вновь рухнул на каменный пол, Эрин наконец убрала руку. Все тело Корцы чуть заметно вздрагивало, изнуренное, но явно обновившее свои силы. Множество мелких порезов закрылись. Даже обрубок руки перестал кровоточить, и кость уже затягивалась плотью.

Христиан выдохнул.

— Думаю, он выживет... если еще отдохнет.

Даже София признала это:

— Вино должно помочь ему завершить путь к исцелению.

Эрин все еще стояла на коленях. Джордан подошел к ней и начал перевязывать ее целительную рану. Женщина вверилась его ласковой заботе.

— Его рука... — спросила она, глядя на Руна. — Она... когда-нибудь...

Джордан договорил за нее твердым голосом:

— Она когда-нибудь отрастет?

— Со временем... за много месяцев, если не лет, — ответил Христиан. — И для такого чуда ему понадобится долгий покой.

— И как это скажется на наших поисках? — поинтересовался Джордан.

Ни у кого не было ответов, только еще больше вопросов.

— Мы даже не знаем, куда двигаться, — произнесла София, и в голосе ее звучало поражение. — Во всей этой бойне мы не узнали ничего.

Эрин покачала головой.

— Неправда.

Все взгляды обратились на нее. Она уверенно сказала:

— Я знаю, что мы ищем.

20 часов 33 минуты

— Что ты имеешь в виду? — спросил Христиан.

— Дайте минутку...

Эрин встала. Джордан поддержал ее, но она высвободилась из его рук. Ей нужно было проложить некую дистанцию между собой и им, да и остальными тоже. Женщина вздрогнула, вспомнив, что ощущала, когда держала Руна за обрубок руки. На протяжении нескольких вдохов она чувствовала его томительную страсть, его болезненное вожделение, разрушительное наслаждение от ее крови, влияющей в его жилы, растворяющейся в нем, от слияния двоих воедино...

Она сжала в кулак свою перевязанную ладонь, обрывая эти воспоминания.

Джордан коснулся ее плеча.

— Эрин?

Его синие глаза смотрели на нее с тревогой. Она пошла прочь, чувствуя необходимость в движении.

«Я сделала то, что должна была... и ничего больше».

И все-таки ее терзали уколы вины. Они с Руном на глазах у всех, кто находился в этой церкви, разделили на двоих интимное действо.

Эрин подошла к своему рюкзаку и дрожащими пальцами открыла его. Сунув руку внутрь, задержала пальцы на чехле, в котором хранилось Кровавое Евангелие. Присутствие этой книги придало Эрин сил. Потом женщина достала

связки бумаг, которые нашла под колоколом, и сложила их на скамье.

— Полагаю, это старые записи Ди, — пояснила она. — Но я не могу сказать точно, потому что они, похоже, написаны по-енохиански.

Элизабет поднялась и присоединилась к ней.

— Дайте взглянуть. — Она быстро пробежала глазами по бумагам, листая страницы. — Это действительно записи Ди. Я узнаю почерк.

— Вы можете перевести их с енохианского? — спросила Эрин.

— Конечно. — Элизабет уселась на скамью. — Но это потребует времени.

— Вы можете прямо сейчас поискать любые упоминания о зеленом алмазе?

— Да, но зачем?

Христиан эхом вторил вопросу графини:

— Эрин, тебе что-то известно?

Она повернулась к нему лицом, ощутив новый прилив скорби.

— Очень немного. Но перед смертью Леопольд освободился от власти демона, захватившего власть над его телом и душой.

— Какого демона? — поинтересовалась София.

Эрин вдохнула поглубже, вспомнив, что только она слышала последние слова Леопольда.

— Он назвал его Легионом.

Христиан оглянулся на Софию.

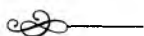
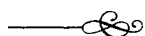
— Демон с таким именем упомянут в Библии.

Та кивнула.

— Христос изгнал его, но только после того, как вступил с ним в схватку и потребовал демона назваться. *И он сказал в ответ: легион имя мне, ибо нас много.*

— Ибо нас много, — повторила Эрин, взвешивая эти слова. — Может быть, такова природа этого демона? Владеть многими.

— Похоже, он действительно способен подчинять других своей воле, — произнесла Элизабет, начиная перебирать стопку древних бумаг. — Даже таких, как сестра Эбигейл.

— Но не нас, — дополнил Джордан, махнув рукой в сторону Эрин. — Я боролся с ним, но он не сумел поработить меня.

— Возможно, он может управлять лишь теми, кто уже осквернен, — предположила София, и на лице ее отразилось беспокойство. — Сорняку нужна почва, чтобы расти в ней. Быть может, ему нужно, чтобы в ком-то уже присутствовала тьма, дабы он мог в ней укорениться.

— Если этот демон подобен сорняку, — спросил Христиан, — мог ли он пережить смерть Леопольда?

— Не знаю, — призналась Эрин. — Но Леопольд сказал, что Легион ищет три камня. — Она многозначительно взглянула на Джордана. — Он послал одного из поработанных в подземное святилище в Кумах. Может быть, ему нужны были обломки зеленого алмаза...

— Возможно, — согласился Джордан. — А может быть, он просто хотел убить меня. И черт возьми, ему это почти удалось.

— Нет, я думаю, он искал камень.

— Почему ты так в этом уверена? — спросил Христиан, затем добавил с легкой улыбкой: — Не то чтобы я сомневался в выводах Женщины Знания...

— Последние слова Леопольда, перед самой его смертью. Он упоминал что-то о саде оскверненном... затопленном кровью, омытом водой. Судя по всему, именно там должен восстать Люцифер.

— Но что за сад? — не понял Христиан. — Что это значит?

— Возможно, Эдемский сад? — предположила София.

Эрин смотрела куда-то в пространство, бормоча:

— Это не может быть просто совпадением...

Джордан коснулся ее плеча.

— Что?

Она повернулась к остальным.

— Те три фрески в алхимической комнате Келли. *Арбор*, *Сангвис* и *Аква*. Символизирующие сад, кровь и воду.

Христиан потер подбородок.

— Символы совпадают с тем, о чем шла речь в последних словах Леопольда.

— И Легион ищет три камня, — добавила Эрин. — Возможно, отображающих то же самое. *Арбор*, *Сангвис* и *Аква*.

Джордан достал две половинки изумрудно-зеленого алмаза.

— Ты думаешь, это может быть *Арбор*? Он зеленый, как сад.

Эрин кивнула.

— И мы знаем, что это не простой алмаз. На нем начертан странный символ. К тому же он мог удерживать дымные сущности более чем шести сотен стригоев.

— И в конце концов — самого Легиона, — дополнил Христиан.

Эрин дотронулась до алмаза кончиком пальца.

— Быть может, поэтому Леопольд назвал сад — этот камень — «оскверненным». Тот был загрязнен злом.

— Если вы правы, — произнесла сидящая на скамье Элизабет, — то должно быть еще два самоцвета. *Сангвис* и *Аква*.

Эрин уловила в словах графини многозначительность и повернулась к ней.

— Вы что-нибудь знаете о них?

— Я — нет, — сказала Элизабет, но лицо ее оставалось задумчивым. — Но возможно, нам следует спросить того, кто прислал Джону Ди зеленый камень.

— И кто это? — жадно спросила Эрин.

Графиня с улыбкой подняла повыше пожелтевший от старости лист бумаги.

— Это письмо к Ди от человека, который прислал ему этот камень.

Эрин подошла поближе, чтобы взглянуть, но обнаружила, что послание написано по-енохиански.

Элизабет ногтем подчеркнула ряд символов

7377xΩ 7x 96a9

— Это его имя, — пояснила Элизабет. — Гуго де Пейн.

Имя показалось Эрин знакомым, но она никак не могла вспомнить откуда. От усталости ей было трудно думать.

Христиан шагнул ближе, хмуря брови.

— Этого не может быть.

— Почему? — поинтересовался Джордан.

— Гуго де Пейн был сангвинистом, — пояснил Христиан. — Во времена крестовых походов.

Эрин неожиданно вспомнила этого человека и его выдающуюся роль в истории.

— Гуго де Пейн... разве это не тот, кто вместе с Бернардом Клервоским основал Орден рыцарей-тамплиеров?

— Тот самый, — подтвердил Христиан. — Но на самом деле он сформировал из этих рыцарей Орден сангвинистов. Девять рыцарей, связанных кровью.

Эрин нахмурилась, снова вспомнив, что история, которую она изучала, была всего лишь игрой тени и света на поверхности и что истина лежит где-то глубже.

— Но Гуго де Пейн умер во время Второго крестового похода, — добавил Христиан.

— Кто вам это сказал? — возразила Элизабет. — Это письмо от Ди датировано тысяча шестьсот первым годом, четыре века спустя после Второго крестового похода.

— Я слышал эту историю от соратника Гуго и основателя Ордена тамплиеров, Бернарда Клервоского, человека, который своими глазами видел доблестную смерть де Пейна. — Христиан, вскинув брови, оглянулся на Эрин. — Этого человека вы все знаете под именем кардинала Бернарда.

Глаза Эрин широко раскрылись.

— Кардинал Бернард — это Бернард Клервоский?

Это звучало вполне осмысленно. Она знала, что кардинал сражался во время крестовых походов и что еще с тех пор занимал высокое положение в рядах Церкви.

— Похоже, Бернард был не совсем правдив, — произнесла Элизабет с кривой улыбкой, постукивая пальцем по письму. — Снова.

— Это пока что может подождать. — Эрин кивнула на бумагу. — Что сказано в этом послании?

Графиня пробежала глазами страницу, разбирая архаичные буквы. Ее улыбка стала шире.

— Похоже, Гуго хотел, чтобы я забрала этот камень, если что-либо случится с Джоном Ди. Возможно, алхимик поделился сутью моей работы со своим тайным благодетелем.

— Значит, этот тип хотел, чтобы вы закончили работу Ди, если тот не справится сам? — уточнил Джордан.

— Похоже на то. План состоял в том, чтобы после смерти Ди Эдвард Келли забрал камень, чтобы сохранить его и передать мне. Должно быть, поэтому император Рудольф отдал камень и колокол Келли. — Элизабет помрачнела. — Но этот жадный шарлатан оставил все себе. Вероятно, он втайне продал алмаз. А ведь тот стоил целое состояние!

— Но все-таки в итоге, — промолвила Эрин, — этот проклятый самоцвет каким-то образом нашел свой путь через века в ваши руки.

— Судьбу не предотвратить, — согласилась Элизабет.

Грейнджер едва удержалась от того, чтобы закаты глаза.

— В письме сказано что-нибудь о двух других камнях?

— Ни слова.

— Значит, это тупик, — подытожил Джордан.

— Разве что Гуго де Пейн все-таки жив до сих пор, — сказала Эрин. — Мы знаем, что он не погиб в крестовом походе вопреки словам Бернарда. Может быть, он по-прежнему обитает в этом мире.

Стоун испустил тяжкий вздох.

— Если и так, то как нам его найти?

Эрин уперла в бока сжатые в кулаки руки.

— Мы спросим его старого друга, Бернарда Клервоского. — Она обратилась к Христиану и Софии: — Где кардинал?

— Его отослали в Кастель-Гандольфо, — ответил Христиан. — Ожидать приговора.

— Давайте молиться, чтобы они уже не предали его смерти за все его грехи, — добавила София.

Эрин молча согласилась с ней. «Нельзя допустить, чтобы что-то еще пошло не так».

Глава 23

*18 марта, 21 час 56 минут
по центральноевропейскому времени
Прага, Чешская Республика*

Волка окружал дым и пылающие угли.

Его мощные лапы рыли грязь и отбрасывали сломанные балки. Шершавые камни раздирали их подушечки в кровавые ошметки. Искры падали в его густой мех и прожигали до кожи.

Черный узел сдавливал его яростное сердце, гоня зверя вперед.

Не было слов, не было приказов, лишь стремление.

Источник этого темного желания ждал внизу, свернувшись в плотный клубок вокруг крошечного язычка пламени.

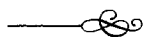
Волк копал, направляясь к нему.

Одно желание заставляло его все дальше углубляться в горящие руины.

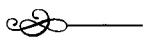
Освободи меня.

ЧАСТЬ IV

Глубоко упали они, развратились, как во дни Гивы;
Он вспомнит нечестие их, накажет их за грехи их.
Ос. 9:9

ДЖ. РОЛЛИНС, Р. КАНТРЕЛЛ

Глава 24

*19 марта, 06 часов 19 минут
по центральноевропейскому времени
Кастель-Гандольфо, Италия*

Эрин рывком вынырнула из кошмара, полного огня и демонов.

Она проснулась в комнате, залитой светом нового дня. Сделав несколько судорожных вдохов, женщина узнала эту простую комнату и вспомнила их ночной полет из Праги в эту идиллическую сельскую местность к северу от Рима. Сейчас они находились в папской резиденции вблизи Кастель-Гандольфо. Эрин впитывала взглядом эту знакомую обстановку: гладкие белые стены, деревянный пол, сияющий в утреннем свете, словно теплый мед, массивная кровать из красного дерева, с распятием, укрепленным над изголовьем. Они с Джорданом останавливались в этой самой комнате в прошлый раз, когда приезжали сюда.

«Я в безопасности...»

Может быть, это было не совсем правдой, но в такой безопасности она не чувствовала себя уже давно.

Окна были закрыты толстыми деревянными ставнями, но одна пара ставень была распахнута, чтобы впустить рассвет. Эрин радовалась этому золотому свету после долгой ночи ужасов. Они сели на частный реактивный самолет — «Сайтейшн Икс», — который по папскому приказу перенес их из средневекового мрачного города сюда. Они приземлились неподалеку от резиденции, усталые, потрепанные, покрытые кровью и ранами.

Первая мысль Эрин была о Руне.

Сразу по приземлении его доставили на носилках в сангвинистский лазарет. Грейнджер хотела пойти с ним, но она едва могла стоять. Джордан едва ли не на руках принес ее

сюда в глухой ночи. Они оба рухнули в постель, обнявшись. И в этот миг ее не тревожил жар его тела — он приятно согревал ее, словно она улеглась у камина.

И все же проблеск вины за то, что она покинула Руна, тревожил Эрин. Она изо всех сил старалась отделаться от этой вины, избавиться от памяти о том, как она прикоснулась к Руно и на несколько мгновений разделила с ним связь крови. «Рун сейчас в куда более надежных руках», — напомнила себе Эрин. У него уж точно есть сиделка, которая проведет все необходимые процедуры и присмотрит за ним. Элизабет настояла на том, чтобы последовать за Руном. Хотя он так и не очнулся, графиня в течение всего полета держала его за руку и шла рядом с носилками до самого лазарета, несмотря на усталость, сквозившую в ее осанке и выражении лица.

Эрин могла не доверять Элизабет, но когда дело касалось Руна, нельзя было найти лучшую сторожевую собаку на время его выздоровления.

В ванной комнате кто-то выключил душ, и это заставило Грейнджер обратить взгляд в ту сторону. Она только сейчас поняла, что ее разбудил звук текущей воды. Протянув руку к простыням на другой половине постели, женщина ощутила еще не покинувшее их тепло тела Стоуна. Эрин задержала руку на подушке, на оставшейся там вмятине от его головы. Ее мучила тревога за Джордана, однако женщина не могла не признать, что чувствовала себя гораздо лучше после ночи, проведенной рядом с ним. Она потянулась и вздохнула.

Весьма неплохо... учитывая все случившееся.

Но было ли это улучшение следствием одного лишь отдыха? Спина Эрин была испещрена кровоподтеками, рана на лбу заклеена пластырем, но чувствовала она себя на удивление хорошо — лучше, чем должна была.

Грейнджер сдвинулась на половину постели, нагретую телом Джордана, наслаждаясь воспоминанием о том, как они прижимались друг к другу, и гадая, не было ли ее хорошее самочувствие результатом того, что она всю ночь нежилась в странном жаре, исходящем от него.

Или это просто потому, что им удалось хоть сколько-то побыть наедине?

Теперь он определенно больше был похож на себя прежнего.

Дверь ванной со скрипом открылась, и Эрин обернулась на этот звук.

Джордан стоял в проеме двери, словно услышал ее мысли и пришел на зов. Он был окутан завесой пара и облачен лишь в белое полотенце вокруг бедер. Грейнджер улыбнулась ему, все еще кутаясь в простыни, которые внезапно словно бы нагрелись. Джордан поднял бровь и уронил полотенце, стирая ладонью струйку воды, сбегаящую по виску. Эрин окинула его взглядом с ног до головы, не пропуская ни единой капли на его теле, ни единого дюйма влажной кожи.

После этой ночи у всех в их отряде остались синяки и порезы. Но не у Джордана. Кожа его была безупречно-гладкой, он буквально лучился здоровьем. Золотистые волосы на его руках и ногах в свете утреннего солнца образовывали чуть заметный светлый ореол. Стоун был похож на греческую статую — слишком идеальный, чтобы быть настоящим.

Пройдя через комнату, он остановился перед Эрин. Его нгое тело было всего в нескольких дюймах от нее. Ей страшно хотелось прикоснуться к нему.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

— Готовой ко всему, — ответила Эрин, улыбаясь. — Начиная с тебя.

Она смотрела прямо в его ярко-синие глаза. И прежде они двое много раз вот так смотрели друг на друга, но это всегда ощущалось как нечто новое, всегда заставляло сердце Эрин трепетать. Она коснулась ветвистой татуировки, покрывавшей плечо и верхнюю часть груди Джордана. Его сердце билось прямо под ее нежной ладонью. Она провела рукой вдоль извилистых синих линий, потом ее пальцы скользнули по гладкой коже его живота.

Эрин знала, какой величины и формы была эта татуировка. Но сейчас рисунок стал заметно больше, чем несколько дней назад; его дополняли темно-алые завитки и спирали — видимый признак изменений, происходящих с Джорданом. Эрин особенно тревожили линии, обвившие его шею — как будто эти новые отростки душили его столь же неумолимо, как черные пальцы демона. Но она знала, что эти алые завитушки,

вероятнее всего, и исцелили Джордана, стерев с его кожи кровоподтеки и срастив сломанную шею.

Грейнджер должна была испытывать благодарность к этим линиям, но вместо этого чувствовала лишь ужас перед ними.

— Не смотри так тревожно. — Джордан отнял ее руку от своей груди и поцеловал ее ладонь; его губы, коснувшиеся кожи Эрин, были горячими. — Мы здесь, вместе, и мы живы. Лучше и быть не могло.

Ей нечего было возразить на это.

Язык Джордана скользнул по ее ладони до внутренней стороны запястья. У Эрин перехватило дыхание. Стоун опустился на колено, покрывая поцелуями ее руку по всей длине; его губы прикасались к испещренной синяками коже, словно крылышки мотылька. Трепет от этих прикосновений распространился на ее грудь, а потом на все тело.

Эрин обняла Джордана другой рукой и притянула к себе. Она снова хотела ощутить, как его тело прижимается к ее телу, чтобы забыть обо всем, что случилось, и хотя бы на миг поверить, что все в порядке.

Стоун скользнул в постель рядом с ней, его теплые руки ласкали ее, исследовали каждый дюйм ее кожи и спускались все ниже. Она хотела полностью раствориться в его ласках, но лихорадочный жар его тела напомнил ей, как Джордан отдалялся от нее, как эти же самые глаза смотрели на нее, не видя.

Она вздрогнула.

— Ш-ш-ш, — прошептал он, неверно поняв ее реакцию. — Теперь ты в безопасности.

Джордан перекатился, оказавшись поверх нее. Синие глаза горели страстью; этот взгляд говорил Эрин, что он сейчас желает ее — и только ее, — что по-прежнему любит ее. А потом эти глаза закрылись, и она потянулась к нему за поцелуем.

Почти касаясь губами ее губ, он прошептал тихо, одним дыханием:

— Я скучал по тебе.

— Я тоже, — ответила она.

Ее губы приоткрылись, жажда вкуса его губ. Джордан сильнее сжал ее в объятиях, притянул к себе так близко, что она с трудом могла дышать. И все-таки недостаточно близко.

Когда он откинул голову, Эрин застонала. Она не желала, чтобы это поцелуй заканчивался. *Никогда*. Она не хотела терять его, терять эту близость. Кончиком пальца Эрин провела по волевому подбородку Джордана, по его скулам, задержавшись на крошечном углублении над его верхней губой, изогнутой, точно лук. Эти губы улыбнулись ей и подарили ей новый поцелуй.

И долго, долго не существовало ничего, кроме них двоих, забывшихся в жарком слиянии тел. Время потеряло всякое значение. Был лишь вкус его губ, колющее прикосновение щетины на его подбородке к ее коже, тяжесть его тела, ощущение его внутри ее, сделавшее ее цельной — не потому, что он был нужен ей для этой цельности, а просто потому, что так было правильно.

Затем на какое-то мгновение, утонув в этой страсти, чувствуя, как ее тело отвечает на каждое его движение и прикосновение, Эрин закрыла глаза — и провалилась в то мгновение, когда она сидела рядом с Руном на полу часовни, чувствуя, как неистовый жар ее крови струится сквозь него, как расплывается грань между его и ее телами.

Женщина вскрикнула, выгнулась дугой под мужчиной, сильнее сжимая ноги, обвинившиеся вокруг его бедер. Она оседлала это мгновение, словно волну, захваченная полетом экстаза, не зная, где начинается и заканчивается ее тело.

Наконец Эрин рухнула на постель, задыхаясь и дрожа.

Джордан целовал ее, успокаивая, улыбаясь ей.

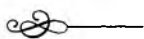
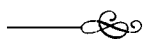
Она смотрела на него, чувствуя, что любит его даже сильнее, чем раньше. И все же душу жег огонек вины — она знала, что ее реакция вызвана не только прикосновениями Джордана.

— Что-то не так? — спросил Стоун, проведя пальцем по ее щеке.

— Нет... это было идеально.

Слишком идеально — и это пугало ее.

Они лежали, обнявшись, а квадрат солнечного света, падавшего из окна, переползал по комнате. В какой-то момент Эрин погрузилась в дрему без снов. Проснувшись, она прислушалась: не шумит ли вода в душе, нет ли каких-либо иных признаков того, что Джордан еще здесь, — но она знала, что он ушел.

Вспышка паники пронзила ее.

«Скорее всего он пошел за завтраком».

Эрин постаралась унять свой страх и вылезла из постели, чувствуя необходимость двигаться. Она наскоро приняла душ, и исходящая паром горячая вода прогнала остатки боли из ее тела, окончательно пробудив женщину. Выключив воду, Эрин насухо растерлась полотенцем и оделась в чистое — белье и одежду им принесли еще накануне ночью. Она была рада надеть привычные джинсы и белую хлопковую рубашку.

Поверх рубашки Грейнджер накинула кожаную куртку, скроенную из выделанной шкуры *безжалостного волка*. По прошлому опыту она знала, что такая кожа прочна, словно броня, и ей казалось, что в этой прочности она черпает силы и уверенность, заряжаясь на грядущий день.

Раздался стук в дверь, и Эрин обернулась. Дверь открылась. Женщина напряглась все телом, но увидела, что это Джордан.

— Я принес завтрак, — сообщил он, держа в руках поднос с кофе, круассанами и фруктами. — Вместе с приказом о выступлении.

— Приказ о выступлении?

— По пути я наткнулся на Христиана. Он сказал, что нам дано разрешение поговорить с узником.

Кардинал Бернард.

— Вовремя, — кивнула Эрин.

Джордан шутливо нахмурился, глядя на нее.

— Вряд ли кто-то из нас прошлой ночью был способен провести допрос.

Верно.

— Когда мы сможем поговорить с ним?

— В восемь часов... примерно через час.

Стоун, неся поднос, подошел к кровати, сел и похлопал ладонью по матрасу рядом с собой.

— Как насчет того, чтобы я подал тебе завтрак в постель?

Эрин уселась рядом с ним.

— Мне казалось, это считается, только если на нас ничего нет.

Он поставил поднос на ночной столик.

— Мне нравится это правило... а, как ты знаешь, я твердо придерживаюсь разумных правил.

И начал расстегивать пуговицы своей рубашки.

07 часов 20 минут

Элизабет осторожно приступила к смене повязки на обрубке левой руки Руна. Она сняла старую повязку и осмотрела рану. Поверх мышечного среза уже практически везде выросла кожа, но лечение все еще требовалось. Графиня положила на рану компресс, пропитанный священным вином. Корца слабо застонал от боли, но так и не открыл глаза.

«Вернись ко мне, Рун».

Батори закрепила компресс свежей повязкой, затем выпрямилась. Она чувствовала, что солнце встало примерно час назад. Элизабет так и провела всю ночь в этой келье без окон, рядом с Руном. Здесь пахло ладаном и вином, немного — сеном и кирпичной пылью, и это напоминало ей о времени, которое она провела здесь в заточении. И все-таки она осталась, желая быть здесь, когда Рун очнется.

Графиня обвела хмурым взглядом помещение — оно казалось ей совсем неподходящим. Простая деревянная кровать с набитым соломой матрасом, на столике — подсвечник с горящей восковой свечой, здесь же — бутылка вина, чистая белая марля и флаконы с мазями, пахнущими все тем же вином и камедью. Точно такую же комнату отвели по соседству самой Элизабет, но за всю эту долгую ночь она туда так и не заглянула.

Шорох кожи по камню заставил ее обернуться к маленькой дверце кельи. Вошел низенький коренастый монах с выбритой на голове тонзурой — он принес еще вина и материала для повязок.

— Благодарю вас, брат Патрик.

— Для Руна — все, что угодно.

Всю ночь этот монах сновал туда-сюда, помогая Элизабет ухаживать за Корцей. При виде недвижимого тела Руна, распростертого на кровати, лицо его выразило искреннюю скорбь. Он переживал за Руна куда сильнее, чем просто за собрата-сангвиниста. Похоже, эти двое были друзьями.

— Вам нужно немного отдохнуть, сестра Элизабет, — предложил он вот уже в одиннадцатый раз. — Я могу присмотреть за ним, и, если что-то изменится, я сразу же сообщу вам.

Она открыла было рот, чтобы отказаться, — но тут ощутила тихую вибрацию в кармане, где был спрятан сотовый телефон.

Томми.

За ночь графиня не раз воспользовалась удобным моментом — когда оставалась одна, — чтобы попытаться связаться с мальчиком; но снова и снова она слышала лишь механический голос, который просил ее оставить сообщение. Она так этого и не сделала, боясь, что ее слова услышит не тот, кому они предназначались.

— Спасибо, брат Патрик. — Элизабет поднялась со стула, стоящего у кровати. — Кажется, мне действительно нужно отдохнуть.

На его лице отразились одновременно удивление и облегчение.

Графиня кивнула ему, повернулась и вышла из кельи. Войдя в соседнюю келью, она закрыла за собой тяжелую дверь и только тогда достала телефон. На маленьком экране мерцали слова¹:

*It's me.
I saw that you called many times.
Phone or text me
when you're awake
Trouble here.*

Батори не понимала, как ответить на послание Томми и что обозначает маленький символ в конце. Но слово «неприятности» она поняла.

Охваченная страхом, Элизабет сжала телефон и набрала его номер.

¹ Это я. Я видел, что ты звонила много раз. Позвони мне или напиши, когда проснешься. Неприятности (англ.).

07 часов 32 минуты

Рим, Италия

«Ну же, давай...»

Томми, завернувшись в полотенце, сидел на крышке унитаза в совмещенном санузле; рядом с ним с шумом текла из душевого рожка вода. Он смотрел на свой телефон, молясь, чтобы Элизабет ответила на его сообщение. Время от времени мальчик поглядывал на запертую дверь, опасаясь охранников, стоящих в холле этой квартиры на окраине Рима. Окна во всех помещениях здесь были забраны решетками. Единственный путь наружу пролегал мимо двух священников-сангвинистов в мирской одежде, стоявших сейчас под дверью.

Наконец телефон завибрировал у него в руках.

Томми сразу же ответил, приглушив голос до шепота:

— Элизабет?

— Томми, где ты? Что случилось?

Как обычно, женщина не стала тратить время на стандартные вежливости, которыми все обычно обмениваются в начале телефонного разговора.

— Я где-то в Риме.

— Тебе грозит опасность?

— Я так не думаю, но во всем этом что-то не так. Священник, который забрал меня из Санта-Барбары, не повез меня в Ватикан, а вместо этого запер в какой-то квартире. Она надежно охраняется, кругом решетки.

— Ты можешь описать то место, куда тебя отвезли?

— Это старое здание. Желтое. Здесь пахнет чесноком и рыбой. Я на третьем этаже. Из окна спальни вижу реку и фонтан с рыбой, которая выплевывает воду. И еще мне кажется, что недалеко зоопарк. По крайней мере я слышал, как рычат львы.

— Хорошо. Я смогу отыскать это желтое здание. Это может занять некоторое время, но я найду тебя.

Томми еще больше понизил голос:

— Они говорят, что мне грозит опасность... от тебя, но я знаю, что это неправда.

— Я ни за что не причиню тебе вреда. Но я заставлю их заплатить, если с тобой что-то случится, пока ты под их надзором.

Томми ухмыльнулся. Он не сомневался, что Элизабет придет и навешает им пинков, но не хотел, чтобы она при этом пострадала.

Помещение наполнилось паром от текущей горячей воды, и мальчик прислушался, не заметил ли кто-либо, что он тут задержался так надолго. Потом продолжил:

— Я подслушал, как они говорили, что кардинал Бернард хочет, чтобы меня держали тут под замком, пока ты не сделаешь то, чего они хотят. Я не знаю, правда это или нет. Но если правда, не поддавайся им.

— Я сделаю все, что нужно, чтобы добраться до тебя. Я тебя освобожу, и мы найдем способ вернуть тебе здоровье.

Томми вздохнул, глядя на свою руку. Пятна меланомы множились, распространяясь вверх по его руке, словно пожар. Несколько новых отметин появились на ногах и левой ягодице. Как будто теперь, когда в его жилах больше не текла ангельская кровь, рак спешил наверстать упущенное.

— Все не так плохо, — солгал Томми. — Я просто стал легко уставать, но мне позволяют много спать.

— Береги силы.

Да, легче сказать, чем сделать.

В дверь ванной постучали, отчего Томми подскочил. Он не слышал ничьих шагов за дверью, но эти сангвинисты ходят бесшумно, словно привидения.

— Мне надо идти, — прошептал Томми. — Я скучаю по тебе.

— Я... тоже по тебе скучаю.

Он нажал кнопку разъединения, сунул телефон под бачок туалета, нырнул под душ и, нарочно громко плеснув водой, крикнул в сторону двери:

— Что, уже и душ спокойно принять нельзя?

— Ты уже долго пробыл там, — ответил сердитый голос. — И я слышал, что ты с кем-то говорил.

— Я подросток! Я всегда разговариваю сам с собой, что такого-то?

Наступило молчание, потом охранник заговорил более спокойным, назидательным тоном; должно быть, он понимал, что Томми лжет и что-то скрывает, но нашел этому ошибочное объяснение:

— Если ты там развлекался сам с собой, молодой человек, то нечего этого стыдиться. Но ты должен исповедоваться в таких грехах своему приходскому священнику.

— Во-первых, я иудей. А во-вторых... да пошел ты!

Томми стоял под душем, и лицо его пылало отнюдь не от горячей воды.

«Ну да, теперь я и впрямь хочу умереть».

07 часов 35 минут

Кастель-Гандольфо, Италия

Элизабет направилась обратно в комнату Руна, прижимая ладонью спрятанный в кармане телефон. В сердце ее пылал гнев, но графиня сдерживала его. Когда придет время спасать Томми, она должна будет действовать спокойно и безошибочно. Пока что не время для эмоций.

Элизабет намеревалась поговорить с кардиналом, но сначала нужно было посмотреть, как там Рун.

Перед тем как войти, Батори разгладила юбку и поправила рукава. Еще с порога она увидела, что брат Патрик стоит на коленях рядом с постелью Корцы и держит его за руку.

Монах поднял склоненную в молитве голову и жестом позвал Элизабет ближе.

— Он все еще отдыхает.

Подойдя к кровати, графиня всмотрелась в лицо Руна — такое безмятежное во сне. Он выглядел почти как обычно — годы и множество бедствий, которые Корца видел за свою долгую жизнь, словно бы не затронули его. Быть может, ему все-таки лучше было прожить жизнь обычного священника и умереть, обремененным лишь грузом простых человеческих забот... Он не заслужил той участи, что была уготована ему.

— Я уверен, что он скоро очнется, — промолвил Патрик. — Правильно и своевременно оказанная первая помощь спасла ему жизнь.

Элизабет вспомнила, как Эрин наносила свою кровь на раны Руна. Пусть эта женщина была уязвимой и смертной, но она спасла его.

— Можете помолиться вместе со мной, если хотите, — предложил монах.

Элизабет желала остаться, но все же с сожалением повернулась к двери кельи.

— Сначала я должна поговорить с кардиналом Бернардом.

— Я слышал, что остальные вскоре тоже пойдут к нему.

Этого ей не сообщали.

Гнев нарастал в душе Элизабет от осознания того, что этот мерзавец сделал с больным мальчиком, превратив его в заложника.

Она вышла из комнаты и быстрым шагом миновала коридор. Трое незнакомых сангвинистов — двое мужчин и женщина — охраняли эту часть резиденции. Чтобы защитить Руна или чтобы не дать ей выйти?

Элизабет заговорила с женщиной — она явно была родом из Африки, столь темнокожих людей графине еще не доводилось видеть.

— Я должна поговорить с кардиналом Бернардом. У меня есть сведения, жизненно важные для безопасности ордена.

Женщина окинула Элизабет взглядом своих круглых глаз и ответила:

— Доступ к узнику ограничен. Только его личному помощнику, отцу Грегори, разрешено говорить с ним, дабы он мог позаботиться о нуждах кардинала. Я могу передать вашу просьбу к кардиналу через отца Грегори.

— Я должна поговорить с кардиналом сама.

Ее собеседница поджала губы.

— Если учесть, какие преступления он совершил против вас, я боюсь, это не будет позволено.

Элизабет старалась говорить мягко и скромно, как только могла:

— Но, насколько я понимаю, моим спутникам назначена встреча с кардиналом сегодня утром. Я, конечно же, смогу поговорить с ним вместе с ними?

— Запрет был строгим. — Выражение лица монахини стало жестким. — Как жертва тех преступлений, что вменяют ему, вы ни при каких обстоятельствах не можете быть допущены к нему.

— Тогда, похоже, я вынуждена буду позволить моим спутникам самим передать ему эти сведения. — Элизабет слегка

склонила голову, скрывая ярость, и медленно направилась обратно в свою келью.

Оставшись одна, она ударила ладонью по кирпичной стене.

«Я заставляю тебя заплатить за то, что ты похитил Томми, Бернард... даже если для этого придется уничтожить все, что тебе дорого».

Стук в дверь заставил ее вернуться к реальности. В голосе брата Патрика, даже приглушенном толстыми досками двери, можно было различить радость:

— Рун... он вот-вот очнется!

Глава 25

*19 марта, 07 часов 39 минут
по центральноевропейскому времени
Кастель-Гандольфо, Италия*

Рун продирался сквозь туман, состоящий из боли и крови. Он чувствовал запах вина и ладана, слышал взволнованные голоса, смутно знакомые. Перед глазами все плыло, но потом медленно обрело четкость: маленькая комната, озаренная светом свечи.

«Где я?..»

Он попытался приподнять голову, но мир вокруг начал вращаться с невероятной скоростью. Холодные ладони коснулись его лба, призывая лечь обратно.

— Все в порядке, Рун, сын мой. Не так быстро.

Корца сфокусировал взгляд на округлом улыбчивом лице и узнал монаха.

— Патрик...

— Верно. — Монах сдвинулся в сторону, чтобы пустить к кровати женщину, стоящую позади него.

— Я вижу, ты наконец пришел в себя, — строго произнесла Элизабет, но в глазах ее явственно читалось облегчение.

— Да.

Рун едва узнал собственный голос. Он был низким, хриплым и чужим — наглядное свидетельство слабости. Корца попытался сесть, но левую половину тела пронзила боль, и он

вновь упал на постель. Стиснув зубы, потянулся, чтобы дотронуться до источника этой боли, — и не нашел ничего. Повернув голову, посмотрел туда.

«У меня больше нет руки...»

Потрясение вызвало в памяти калейдоскоп картин: над ним разбивается стеклянный колокол... Эрин пытается вытащить его в безопасное место... огонь и дым смыкаются вокруг них.

Больше он не помнил ничего.

— Что случилось? — прохрипел Рун. — Как мы попали в Кастель-Гандольфо? Почему мы...

Элизабет опустила на стул и взяла его за правую руку. Он стиснул ее пальцы, и она ответила успокаивающим жестом.

Рун сделал несколько глубоких вдохов, пытаясь успокоиться.

— Сколько я был без сознания?

— Всего лишь ночь. — Элизабет неспешно рассказала ему обо всем, что произошло, и о том, что они узнали из бумаг Джона Ди, и каким образом это связано с кардиналом Бернардом. — Вот поэтому мы здесь. Чтобы узнать, что ему известно. Но тебе, мой отважный Рыцарь Христов, нужно отдыхать.

Она улыбнулась ему.

Корца снова повернул голову, пристально рассматривая забинтованный обрубок руки.

— Я помню...

Он умолк, смутно вспомнив, как содрогался от наслаждения, когда горячие пальцы, омоченные в крови, касались его, доводя до вершин экстаза.

— Эрин, — произнес он, глядя на Элизабет. В ее глазах появилось уязвленное выражение.

— Да, тебя спасла она, женщина-археолог. Своею кровью отвела тебя от порога смерти.

Патрик положил руку на плечо Элизабет.

— Но это вы, моя дорогая сестра, не отходили от него всю ночь, заботясь о его ранах и по капле питая его Кровью Христовой.

Рун коснулся колена Элизабет.

— Спасибо.

Она мотнула головой, отмечая его благодарность.

— Эрин и Джордан договорились сегодня утром встретиться с кардиналом Бернардом.

— Когда?

Элизабет оглянулась на Патрика, который сверился со своими наручными часами.

— Примерно минут через двадцать.

— Я должен быть там. — Опираясь уцелевшей рукой, Корца кое-как сел. Боль жгла, точно огонь, но на этот раз он выдержал. — Где моя одежда?

— Мне кажется, это неразумно, — возразил Патрик.

— Разумно или нет, я должен идти.

Увидев его решимость, монах обхватил его за плечи, помогая подняться. Когда одеяло соскользнуло, открывая обнаженное тело Руна, Патрик обернулся к Элизабет:

— Сестра, наверное, вам ненадолго следует оставить нас...

Элизабет повернулась к стопке одежды, достала сложенные штаны и встряхнула, разворачивая.

— Не хочу показаться бесстыдной, но кто всю ночь промывал его раны? Я не из тех женщин, что падают в обморок при виде голого мужчины.

Сангвинист склонил голову, скрывая улыбку.

— Как пожелаете.

С помощью монаха Руна удалось встать.

— Помедленней, — посоветовал Патрик, и это был мудрый совет. Когда Корца попытался сделать шаг, комната закачалась, однако после нескольких попыток он все-таки смог стоять сам и передвигаться почти без поддержки. И все же при одевании ему понадобилась помощь — он еще не привык управляться одной рукой.

По завершении Элизабет завязала узлом его пустой рукав и засунула под пояс. Потом окинула раненого оценивающим взглядом.

— Ты выглядишь уже лучше, Рун.

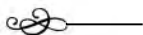
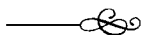
— Я и чувствую себя лучше.

Когда он направился к двери, Патрик взял его под локоть.

— Я пойду с тобой; отведу тебя туда, где держат кардинала Бернарда.

Рун оглянулся на Элизабет.

— Ты идешь?

Она смотрела с надеждой, но брат Патрик быстро пресек эту надежду:

— Боюсь, это не позволено. Кардинал настаивал на том, что будет говорить только с *предреченным трио*.

Элизабет фыркнула:

— Он под стражей и еще может выдвигать условия?

— Может, — ответил Патрик. — У него остались сторонники при Святом Престоле. Даже сейчас. Мне искренне жаль, сестра.

— Да будет так. — Элизабет скрестила руки на груди. Слова ее свидетельствовали о повиновении, а вид — о несогласии.

Рун понимал ее обиду. Бернارد ужасно обошелся с нею, лишил ее бессмертия души — и все же он волен был диктовать условия общения, в то время как она была ограничена в передвижениях. И кто же здесь *действительно* был узником?

— Идите, — произнесла она жестким тоном, отпуская их обоих. — Быть может, пока вас нет, я займусь вышиванием.

Вынужденный покинуть ее, Рун направился к двери и дальше по коридору. Даже при поддержке Патрика ему приходилось то и дело касаться здоровой рукой побеленной кирпичной стены, чтобы сохранить равновесие. Левой руки ему очень не хватало. И хотя он видел обрубок и чувствовал боль, но осознать свое новое состояние все еще был не в силах.

«Вырастет новая рука».

Он видел подобные чудеса в прошлом, но знал также, что это может занять годы и годы.

«Как я смогу должным образом защитить Эрин и Джордана, будучи калеккой? И что станет с нашим поиском?»

Патрик вел его через папскую резиденцию, позволяя Руну задавать темп их перемещения. К счастью, тот набирался сил по мере того, как они шли по освещенным свечами коридорам и взбирались по винтовым лестницам. Наконец Корца смог идти прямо, не опираясь на Патрика, но монах все равно держался рядом.

Рун почувствовал, что его друг хочет что-то ему сказать.

— Что такое, Патрик? Если ты и дальше будешь вот так озираться через плечо, у тебя шея навсегда останется кривой.

Сангвинист сунул руки в широкие рукава своего облачения.

— Это касается другого твоего приятеля.

Руну потребовалась пара мгновений, чтобы расшифровать его слова.

— Львенок...

Он вспомнил жалобный крик детеныша и то, как маленькое существо тыкалось носом в труп своей матери.

— Он сильно изменился. Растет быстрее, чем положено нормальному зверю. — Патрик взглянул на Руна. — Что ты не рассказал мне о нем?

Рун знал, что больше не может скрывать в тайне подробности рождения львенка.

— Его мать была *бласфемаре*.

Патрик замер посреди коридора, вынудив Корцу тоже остановиться.

— Почему ты не сказал мне?

Рун смутился.

— Я думал, что, если ты сочтешь, будто львенок несет в себе скверну, ты не возьмешь его на содержание.

— Ерунда. Нет в нем никакой скверны. Более того, я бы сказал, что он несет в себе благословение.

— Что ты имеешь в виду?

— Я никогда прежде не видел таких, как он. Очень добрый. Озорной — да, но в нем нет ни капли зла. Я видел в его поведении лишь добродушие.

Рун испытал глубокое облегчение. Еще в пустыне он ощутил благую сущность львенка и был рад слышать, что его предчувствия подтвердились.

— Я гадал, что же он такое, с тех самых пор, как нашел его.

— И что ты еще о нем знаешь?

— Очень мало. Его мать была тяжело ранена ангельским огнем после сражения в Египте. Я подозреваю, что божественное вмешательство пощадило львенка в ее чреве, и это свидетельствует о том, что детеныш невинен. И возможно, частица ангельской сущности перепала и ему.

Патрик коснулся руки Руна.

— Я в этом не сомневаюсь. Спасибо, что поделился со мной этим чудом. Я никогда не думал, что увижу подобное — су-

щество, полностью противоположное *бласфемаре*. Животное, благословенное небесной чистотой. Это подлинное чудо.

— Ты можешь и дальше хранить это в тайне... хотя бы некоторое время?

— На этот счет не беспокойся. — Патрик махнул рукой и снова двинулся вперед. — Сейчас я счастлив, что это чудо находится под моим присмотром и мне не нужно ни с кем делиться им.

Они продолжили свой путь в дальнюю часть резиденции.

— Кардинала держат в частных апартаментах, это дальше, за углом, — пояснил Патрик.

Когда они свернули в следующий коридор, Рун заметил пару сангвинистов в накидках с капюшонами, стоящих в дальнем конце холла. В руках у них были обнаженные мечи. Они охраняли прочную деревянную дверь, ведущую в комнаты, где находился в заточении Бернард.

Рун направился туда, отметив, что из окон коридора открывается великолепный вид на синие воды озера Альбано. На стенах висели редкие картины времен Ренессанса, играя красками в лучах солнца. Рун решил, что из «тюрьмы» Бернарда открывается тот же самый вид, да и обстановка там наверняка не хуже. У кардинала, как и было сказано, оставались еще влиятельные сторонники.

Тут его окликнули из другого коридора, тоже выходявшего сюда:

— Рун!

Он обернулся и увидел, что к нему мчится Эрин в расстегнутой куртке. За ней шел Джордан, который, похоже, испытывал куда меньший восторг от встречи.

— Разве тебе еще не следовало отлеживаться? — спросил сержант, когда они оказались рядом.

Брат Патрик приветствовал Эрин наклоном головы и пожал Джордану руку.

— Он уже достаточно оправился, и я полагаю, что с этого момента вы сможете о нем позаботиться. — Монах повернулся к Руну. — Оставляю тебя с твоими товарищами. Но если тебе понадобится совет такого старого дурня, как я, ищи меня в поместье.

— Назвать тебя дурнем сложно, — возразил Рун.

Патрик пожал плечами, снова спрятал руки в рукава и быстро пошел прочь.

Эрин бросала на Корцу тревожные взгляды, пока они вместе шли к охраняемой двери.

— Как ты себя чувствуешь?

— Уже окреп, — ответил он истинную правду. — Похоже, я должен поблагодарить тебя за спасение моей жизни.

— Просто была моя очередь, — отозвалась она со слабой улыбкой.

— Надо признать, — вступил в разговор Джордан, — что для чувака, который празднует день рождения уже несколько столетий, ты оказался крепким орешком.

Эти товарищеские подшучивания заставили Руна ощутить уверенность и спокойствие. Да, они втроем многое пережили, но их связывало не только это.

Они были друзьями.

Когда они дошли до двери, охранники расступились. Один заговорил, не снимая капюшона, и, судя по голосу, он был не слишком доволен их вторжением, особенно учитывая, с кем они пришли поговорить.

— Кардинал ожидает вас. — В голосе стража прозвучало презрение к узнику.

Второй охранник достал из-под накидки ключ и отпер дверь, не потрудившись открыть ее.

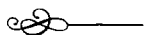
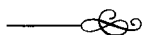
Рун шагнул вперед, но пошатнулся, не удержав равновесия. Эрин поймала его за руку.

Джордан подошел к двери и открыл ее, обратившись к охране:

— Вам обоим нужно поучиться основам гостеприимства. Поверьте, я оставлю в гостевой книге самые не лестные отзывы об этом месте.

Он придержал дверь для Эрин и Руна.

Они вошли в обширную прихожую, обставленную мягкой мебелью и завешанную тяжелыми шелковыми драпировками. Из прихожей короткий коридор вел в спальни, в маленькую гостиную и в санузел. В апартаментах было темно, не считая света свечи, пробивавшегося из-за двери в конце коридора. Рун услышал доносящийся оттуда тихий голос. Расслышать

слова было невозможно, но акцент, с которым они произносились, был характерным и знакомым.

Бернард.

Кто там с ним? По пути Патрик сообщил Руну, что помощник Бернарда, отец Грегори, приходит к кардиналу и уходит от него в любой час дня и ночи, скорее всего выполняя поручения. Даже находясь в заключении, Бернард боролся за сохранение своего положения, за то, чтобы управлять механизмами, которые его грех привел в движение.

Джордан тоже услышал голос кардинала и быстро зашагал по коридору. На ходу он окинул взглядом обстановку и едко заметил вполголоса:

— К слову, о золотой клетке...

Рун пошел за ним.

Эрин задержалась рядом с сангвинистом, явно боясь, не потеряет ли он равновесие вновь, но Рун махнул рукой, указывая вперед.

Джордан дошел до полуприкрытой двери первым и постучал в нее. На его стук никто не ответил, и тогда он открыл дверь и вошел. Эрин шла по пятам за ним, у нее явно накопилось немало вопросов к Бернарду.

Рун поспешил за ними. Ему тоже было о чем спросить кардинала: о его лжи, полуправде и умолчаниях, особенно в том, что касалось старого друга Бернарда, крестоносца Гуго де Пейна.

Проскользнув в комнату, Рун заметил беспорядок на временном рабочем столе Бернарда, лужицы расплавленного воска на столешнице, окна, наглухо закрытые плотными шелковыми шторами.

Что-то не...

За его спиной с грохотом захлопнулась дверь.

Он повернулся слишком медленно, чтобы блокировать удар крепкого плеча, опрокинувший его на пол. Рун упал на левый бок; боль пронзила его тело, отдаваясь в обрубке руки и затуманивая зрение.

Темный силуэт промчался мимо него и ударил Джордана по голове статуэткой. Когда Стоун упал, нападавший схватил Эрин и швырнул через стол. Она ударилась о зашторенное окно и сползла на пол.

Прежде чем Рун успел хотя бы сесть, чья-то рука схватила его за горло твердыми, точно железо, пальцами и вздернула в воздух, так, что он едва мог дотянуться до ковра пальцами ног.

Сквозь боль Корца слышал зловещий смешок.

На него смотрел кардинал Бернард. Алое облачение ключьями свисало с практически нагого тела. В карих глазах пылало безумие.

— Добро пожаловать, Рыцарь Христов... добро пожаловать к своей гибели.

Глава 26

*19 марта, 08 часов 02 минуты
по центральноевропейскому времени
Кастель-Гандольфо, Италия*

Ошеломленная неожиданным нападением, Эрин ухватилась за край стола и поднялась на ноги, стараясь не обращать внимания на боль в боку. В полете ее тело сбило одинокую свечу, и теперь комната погрузилась во тьму, рассеиваемую лишь слабым светом, сочащимся сквозь занавеси.

Первой ее мыслью было: «Это стригой!»

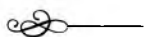
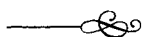
Она отшатнулась к окну за ее спиной и дернула шторы. Они были связаны лентой, мешавшей полностью открыть их, но Эрин удалось раздвинуть скользкий шелк достаточно, чтобы впустить в комнату солнечный свет.

Повернувшись, она узрела невероятную сцену. Кардинал Бернард держал Руна за горло, прижимая к книжному шкафу. С практически нагого тела кардинала свисали алые лоскуты, открывая бесчисленные царапины на белой коже, как будто он в ярости сам срывал с себя сутану.

На ковре позади них недвижно лежал человек, из раны у него на лбу сочилась кровь.

«Джордан...»

Рун, похоже, оправился от изумления. В его правой руке сверкнуло серебряное лезвие и впилося в плечо кардинала. Тот разжал пальцы. Рун сполз по дверце шкафа, но тут же бросился на Бернарда. Однако клинок полоснул только воздух.

Бернард уже преодолел всю комнату и сорвал со стены меч. Неестественная быстрота, с которой он двигался, подсказала Эрин, что кардинал больше не подчинялся обетам сангвинистов. Его сила, как и сила стригоев, черпалась из куда более темного источника.

Что же случилось?

Джордан пошевелился, глаза его приоткрылись. В темноте они светились слабым золотистым отблеском. Но прежде чем он пришел в себя, Бернард атаковал Руна.

Тот отскочил в сторону, неуклюже врезавшись в огромную китайскую вазу. Его природная грация исчезла почти бесследно — без одной руки ему сложно было держать равновесие.

Эрин извлекла из внутреннего кармана куртки кинжал, готовясь защищать остальных. Но она не была воином, ее главное оружие — разум. Бернард снова кинулся к Руну, но Джордан поставил кардиналу подножку, отчего тот рухнул на огромный напольный глобус.

Бернард вскочил с рычанием, оказавшись в полосе солнечного света, и Эрин присмотрелась к его почти обнаженному телу, выискивая характерный черный отпечаток ладони.

Ничего.

Она не была удивлена.

Как мог Легион поработить кардинала, особенно если учесть, что Бернард был заперт здесь? Но если эта скверна пришла не от Легиона, то откуда?

Нужно думать...

Джордан присоединился к Руну; теперь они вдвоем наседали на обезумевшего, потерявшего человеческий облик кардинала.

Эрин обвела взглядом комнату, высматривая что-либо, что могло вселить тьму в кардинала. Внимание ее привлек хаос на столе. Ничего необычного там не было: бумаги, книги, переплетенный в кожу дневник... Она поискала под столом, задев при этом ногой черный мешочек, лежащий на полу. Из его горловины что-то выкатилось.

Кусочек черного стекла.

Это стекло словно бы излучало тьму. Эрин видела подобные отвратительные артефакты и прежде: в египетской пустыне. Рун недавно ездил туда в экспедицию, чтобы очистить пески

от этой мерзости. Грейнджер опустилась на колено, уже зная, что лежит на ковре.

Капля крови Люцифера.

Она поддела черный камешек на листок бумаги и ухватилась за завязки мешочка. Потом выпрямилась, стряхнула черную каплю в пятно солнечного света на столе и высыпала туда же содержимое мешочка. Кучка черных камешков, лежащих на столе, словно бы всасывала свет, создавая маленькие пустоты в ткани вселенной. Эрин не нужно было касаться их, чтобы ощутить их скверну, их неправильность.

Но как ей уничтожить их?

Солнечный свет явно не оказал никакого воздействия.

«Да и с чего бы?»

Тысячелетия назад эти капли крови Люцифера смешались с песком в египетской пустыне, создав черное стекло, которое заключило в себе их злобу, защищая тьму, таящуюся внутри, от солнечного света. Если две тысячи лет в жаркой пустыне не причинили им вреда, то обычное итальянское солнышко вряд ли подействует.

Но что, если...

Ее взгляд упал на опрокинутое каменное пресс-палье на углу стола. Оно было сделано в форме ангела — но что куда важнее, оно было тяжелым.

Эрин схватила его, подняла повыше и обрушила на ту-склую черную каплю, раздробив ее в пыль. В дальнем углу комнаты взвыл и зашипел Бернارد.

«Ты чувствуешь это, верно?»

Она снова и снова поднимала и опускала пресс-палье, сокрушая каплю за каплей. С каждым ударом над стеклянным порошком поднимался завиток черного дыма. Он свивался колечком, в ужасе шарахался за край солнечного пятна, скатывался со стола и впитывался в пол.

Эрин вспомнила рассказ Элизабет о том, как сущность стригоев делала то же самое по смерти твари, возвращаясь к своему истоку.

К Люциферу.

Когда Эрин разбила последний кусочек обсидиана, кардинал Бернارد с хрипом упал навзничь, и тело его тяжело рухнуло на пол.

08 часов 12 минут

Рун стоял на коленях над телом Бернарда, держа нож у горла кардинала, готовый убить старого друга. Джордан поднял оброненный Бернардом меч и стоял на страже за плечом Руна. В комнату, размахивая обнаженными клинками, вбежали два стража в плащах, привлеченные шумом короткого боя.

Боясь, что поблизости может находиться и иное зло, Рун крикнул:

— Охраняйте двери! Никого не пускайте без моего дозволения!

Они коротко поклонились ему и вернулись на свой пост.

Глаза кардинала открылись, безумие исчезло из них, сменившись тем, чего Рун никогда там не видел.

Сомнением.

Корца откинулся назад, чуть отведя нож, но держа его наготове.

Бернард сел, пытаясь запахнуться в обрывки своей сутаны, как будто тем самым он надеялся вернуть себе хотя бы часть достоинства. Потом сложил дрожащие руки на коленях.

Эрин подошла, все еще сжимая в руке статуэтку ангела. Подставка была покрыта трещинами и испачкана черной пылью.

— Это были капли Люциферовой крови.

Рун кивнул, поняв.

— Вернувшись из Египта, я оставил их в этой резиденции, запертыми в кардинальском сейфе. Это моя вина.

— Нет... — Бернард покачал головой. — Я впал в гордыню, считая, будто смогу играть с такой тьмой и остаться незатронутым ею.

— Но зачем вообще было трогать их? — спросил Джордан.

— Я надеялся, изучая их, узнать что-нибудь о Люцифере. — Бернард посмотрел на Руна. — Вчера ночью, когда отец Грегори сообщил, что вы возвращаетесь из Праги и что у вас есть какие-то вопросы касательно камней, связанных с Люцифером, я вспомнил, что именно ты привез из Египта.

— Стекланные камешки, — промолвил Рун.

— Я намеревался подождать, пока вы все не будете здесь, чтобы изучить эти камни, но после того как отец Грегори за-

брал их из сейфа в моем прежнем кабинете и принес сюда, они воззвали ко мне. Я не смог сопротивляться.

Рун кивнул и обратился к остальным:

— Я видел, как они оказывают то же самое влияние на тех, кто поехал со мной в ту экспедицию в Египет.

Бернард огляделся по сторонам, поднял руку и в замешательстве коснулся лба.

— Я не знаю, сколько пробыл под властью этой силы. Она взяла меня, но ничего не дала взамен.

— Но теперь вы свободны, — напомнила Эрин. — И у нас есть кое-какие вопросы.

— Относительно Гуго де Пейна, — добавил кардинал, горестно кивнув. — Отец Грегори сообщил мне и об этом тоже. Вам нужна правда о моем друге.

Эрин постаралась смягчить свой тон, уловив боль и скорбь в голосе кардинала, когда он упомянул об этом человеке из своего прошлого.

— Значит, Гуго не погиб во время Второго крестового похода, как вы утверждали?

— Нет, — почти шепотом ответил Бернард.

Эрин протянула кардиналу руку, помогая ему встать.

— Джордан, принеси ему одеяло.

Рун подвел Бернарда к креслам у камина, огибая осколки разбитой вазы на полу. Джордан сходил в спальню, принес оттуда шерстяное покрывало и протянул кардиналу. Тот завернулся в покрывало, пряча свою наготу, и негромко поблагодарил, постепенно обретая хотя бы часть прежней гордости. Он снова стал похож на того человека, которого Рун знал так давно.

Эрин села в кресло напротив Бернарда и подалась вперед.

— Расскажите, что же случилось на самом деле?

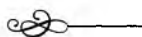
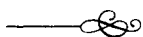
Бернард взглянул на холодный камин, взгляд его был рассеянным, словно кардинал погрузился в прошлое.

— Гуго подобрал меня, когда я был диким зверем. Он молился за меня, когда я был потерян.

Рун не слышал этой истории.

— Ты хочешь сказать, что он обратил тебя, ввел в ряды сангвинистов?

Кардинал подтвердил это чуть заметным кивком.

Корца понимал все огромное значение такого деяния, знал, насколько тесно оно связывает двоих. Ведь сам Бернард привел Руна на этот святой путь, стал его наставником и другом, и, несмотря на недавние действия кардинала, Рун всегда будет обязан ему долгом признательности. Узлы между Бернардом и Гуго де Пейном, должно быть, были не менее прочны.

— Я был погибшей, дикой тварью, пока он не спас меня, — продолжал Бернард. — Вместе мы привели в орден многих. Многие. Мы основали Орден рыцарей-тамплиеров. Мы творили много добра.

— Девять человек, связанных кровью, — тихо произнесла Эрин. — Сангвинистский орден монахов-воителей.

— Так кем же именно были эти сангвинисты-тамплиеры? — уточнил Джордан.

Бернард оглянулся на сержанта и в порыве гордости выпрямил согбенную спину.

— Мы были рыцарством среди рыцарства, воинами, способными сражаться как против врага из плоти и крови, так и против духов, порожденных злом. И вера служила нам такой же броней, как наши кольчуги. Мы не боялись ни людей, ни демонов.

— Так вы действительно Бернард Клервоский? — спросила Эрин.

— Да, так. Мы вместе с Гуго совершили великое деяние, собрав разрозненных тамплиеров под одним знаменем, даровав им единство и цель, а вместе с этим — силу. — Бернард обвел их глазами. — Вы должны понять, Гуго был великим вождем. Харизматичным, способным к сочувствию и сопереживанию. Люди и сангвинисты шли за ним, готовые отдать жизнь по его слову. Но со временем это перешло предел.

— Я знал таких людей, — сказал Джордан. — Те качества, которые делают человека хорошим лидером — например, способность сопереживать, — иногда делают их и более уязвимыми для боевого истощения, для ПТСР¹.

— Что случилось с Гуго? — осведомилась Эрин.

Бернард тяжело вздохнул.

¹ ПТСР — посттравматическое стрессовое расстройство.

— Он покинул тамплиеров. После Второго крестового похода. — Он взглянул на Руна. — Правду говоря, он вообще покинул наш орден.

— Он бросил сангвинистов? — Рун не мог скрыть потрясение.

Сангвинисты не уходят. Они либо погибают на службе Церкви, либо предают свои обеты, возвращаясь к своей нечестивой природе, после чего их надлежит выследить и убить. Единственным сангвинистом, избежавшим этой участи, был Распутин, который создал свою искаженную версию ордена внутри Русской православной церкви, окопавшись в Санкт-Петербурге, где до него не могли дотянуться сангвинисты.

Но похоже, был и еще один случай.

— Куда он отправился? — спросил Рун.

Бернард взглянул на свои ладони.

— Сначала он жил то тут, то там, будучи одновременно отшельником и кочевником. Наконец, осел в безлюдных горах во Франции, основав собственный скит. Там он в некотором смысле нашел покой, взыскав благодати в этом диком уголке мира.

— Так что ты хочешь этим сказать? — не понял Рун. — Он превратился в стригоя?

Бернард покачал головой.

Корца пытался осмыслить сказанное.

— Так как же он смог жить без покровительства церкви?

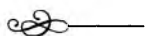
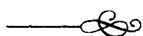
— Он просто жил, — уклончиво ответил Бернард, не глядя Руну в глаза.

Эрин произнесла, вникая в суть истории:

— Так вы поэтому распространили ложь о его смерти, так? Гуго де Пейн покинул орден, но не вернулся к кровавому образу жизни. Он нашел свой путь к благодати независимо от Церкви...

Рун смотрел на нее, не в силах принять ее слова. Не могло быть другого пути к благодати, кроме смиренного служения Церкви. Он и все сангвинисты заучивали эту простую истину со времен Лазаря.

— Я не мог позволить, чтобы кто-либо это узнал, — объяснил Бернард. — Что, если и другие сангвинисты пожелали бы оставить орден? Поэтому я сочинил историю о доблестной ги-

бели, о жизни, отданной на службе церкви. Но это была лишь одна из двух причин для такой лжи.

— И какова вторая причина? — поинтересовалась Эрин.

— Когда Гуго заговорил о том, что хочет оставить орден, я знал, что его за это убьют. Чтобы спасти его, я и придумал эту историю. — Бернард взглянул на Руна, словно прося отпущения этого греха. — Я солгал ордену. Я солгал Церкви. Но они охотились бы за ним, как за диким зверем, а он не был зверем. Он был моим другом.

Рун устало откинулся на спинку своего кресла, изнуренный как своими ранами, так и открывшейся им истиной.

«Тот сангвинист нашел благодать вне церкви».

Разум Корцы мутился. Он вступил в ряды сангвинистов, ибо думал, будто это единственный способ жить с тем проклятием, что он нес в себе. Выбор, предложенный ему, был прост: умри как стригой или живи как священнослужитель, помогая защищать других. В то время, столетия назад, Рун уже был на пути к священничеству, учился в семинарии, так что принять решение ему было просто: он будет служить. Он считал, что другого пути нет.

Когда почти сто лет назад Распутин покинул церковь и собрал армию последователей, достаточно сильную, чтобы защитить его от правосудия сангвинистов, вера Руна осталась непоколебимой. Жизнь Распутина была полна порока и обмана, и Корца ни за что не последовал бы его примеру. Но рассказ о том, что может быть и иной путь, испугал его и внушил ему гнев.

Он смотрел на солнечный свет, вливающийся в окна.

«Неужели все мое существование было ложью?»

08 часов 25 минут

Эрин заметила, как Рун осел в кресле, увидела потерянное выражение на его лице. Она понимала, что последние испытания оказались для него тяжелыми. Он едва не умер и потерял руку, но Грейнджер подозревала, что услышанное нанесло ему еще более глубокую рану, которая заживет не скоро — если вообще заживет. Она почти видела, как рушатся убеждения Руна и его доверие к Церкви.

Но сейчас у них были более насущные вопросы для обсуждения.

Она обратилась к Бернарду:

— Гуго все еще жив?

— Жив.

Рун вскинул глаза на Бернарда, но кардинал смотрел в сторону.

— Он все еще обитает в своем уединенном скиту в тех горах, — признался он.

— Вам что-нибудь известно об этих камнях? — Эрин кивнула на Джордана, который достал из кармана куски зеленого алмаза. — Гуго передал Джону Ди этот самоцвет и, возможно, еще два таких же.

— Я ничего не знаю. Поэтому и решил поэкспериментировать с этими проклятыми каплями...

Джордан спрятал алмаз.

— Судя по всему, нам снова придется куда-то тащиться. Если нам нужны ответы, надо навестить старика.

Именно.

— Скажите нам, как его найти, — потребовала Эрин.

Бернард поднял было руку, но сразу же уронил ее на колени в знак поражения.

— Нельзя просто так испросить аудиенции у Гуго де Пейна. Его не интересуют мирские заботы, а его скит хорошо охраняется.

— Охраняется? — Джордан нахмурился. — Как?

— Вы должны понять, что Пейна сделала великим вождем именно его способность читать в сердцах других, узнавать их порою лучше, чем они знали сами себя. И это были не только сердца людей. Он питал глубокую любовь ко всем тварям Господним и был большим почитателем святого Франциска Ассизского.

— Святого покровителя природы и животных, — уточнила Эрин.

Она знала легенды, связанные с этим итальянским святым, о том, как птицы слетались стаями, дабы послушать его проповеди, и садились ему на плечи. Рассказывали, что Франциск даже приручил дикого волка, который держал в страхе целую округу. Вполне понятно, что Гуго уважал такого человека.

Бернард смотрел вниз, и задумчивая улыбка на его лице выдавала, как сильно он на самом деле любил своего бывшего соратника.

— Шутили, что Гуго умел разговаривать с животными. Во время крестовых походов боевые кони следовали за ним, точно псы. Они готовы были сделать для него что угодно — мчались в гущу сражения, даже в огонь, если он приказывал. Мне кажется... мне кажется, их кровь тяготила его куда сильнее, чем кровь людей, которые погибали, сражаясь бок о бок с ним. Для Гуго эти кони были невинными созданиями, убитыми потому, что они были ему верны. И в конце концов, он устал от этого.

Эрин слишком хорошо понимала это все — она помнила гибель своих бывших студентов в Египте.

— И в конце концов, Гуго не смог заставить себя убить даже *бласфемаре*.

— Я думал, вы должны убивать всех этих проклятых тварей, — сказал Джордан. — Что у вас приказ типа «увидел — убей».

— Да, — согласился Рун. — Эти звери осквернены злом. И в отличие от стригоев их нельзя обратить к добру. Их приходится уничтожать, чтобы положить конец их страданиям.

— Но точно ли вы это знаете? — спросила Эрин, как никогда четко осознавая, сколько же этих незыблемых правил оказались ложными. — Почему не может быть другого пути к спасению для этих несчастных зверей? И может быть, даже для самих стригоев?

— Гуго согласился бы с вами, — произнес Бернард. — Я подозреваю, что это чувство, должно быть, и стало причиной того, почему вокруг его скита собираются *анафемские звери*. Они приходят из отдаленных мест — одинокие создания, оторванные от своих кровных создателей; они ищут утешения и защиты, которые Гуго им предлагает.

— Что? — Рун сел прямо, во взгляде его читалось потрясение.

— И не только эти нечистые существа, — продолжал Бернард, — но и стригои.

Корца встал.

— И вы держали это в тайне от нас всех?

— Дайте угадаю! — воскликнул Джордан. — Когда вы сказали, что это место хорошо охраняется, вы это и имели в виду. У него есть целая армия стригоев и *анафемских зверей*, которые охраняют его.

Бернард склонил голову, признавая правду его слов.

— Круто, — только и смог пробормотать Стоун.

Бернард смотрел на них.

— Но я рассказал вам это потому, что у вас есть способ попасть к нему. — Он повернулся к Руна. — Ты сам привез сюда ключ, который может открыть сердце Гуго.

Глава 27

*19 марта, 08 часов 55 минут
по центральноевропейскому времени
Кастель-Гандольфо, Италия*

Джордан смотрел, как кардинал кладет сотовый телефон обратно на стол.

— Готово, — известил Бернард, потом прошел обратно к своему креслу; ноги у него все еще подгибались. — Ключ скоро будет здесь.

Джордан оглянулся на Руна, ожидая объяснений. Эрин опустилась на колени рядом с креслом Корцы, проверяя повязку на обрубке его руки. Во время недавнего сражения бинт пропитался свежей кровью. Как-то раз Рун сказал Джордану, что у сангвинистов обострены все ощущения, включая боль. Если это правда, Стоун мог лишь представлять, какие мучения он испытывал сейчас.

— Хорошо, кардинал, — сказал Джордан, — может быть, расскажете нам побольше о том, как охраняется скит Гуго и с чем нам предстоит встретиться?

Бернард потер подбородок.

— Чтобы понять это, вы должны осознать философию Гуго. Я много и долго разговаривал с ним именно об этом, прежде чем тот покинул орден. Когда дошло до *анафемских зверей* — или стригоев, если уж на то пошло, — он высказал

мнение, что все они божьи создания, единственным грехом которых является то, что у них отобрали безгрешность.

— Возможно, это имеет смысл, — промолвила Эрин. — Вряд ли у кого-то спрашивали мнения относительно того, хочет он осквернения или нет. Обычно его навязывают им против воли.

— Это не имеет значения, — возразил Бернард. — Мы все появляемся на свет с Первородным Грехом, грехом, который пятнает нашу безгрешную душу из-за того, что Адам и Ева ослушались творца в Эдемском саду. И только святой обряд крещения смыывает с нас этот грех.

Эрин этот его аргумент не убедил.

— В то время, — продолжал кардинал, — я считал, что доводы Гуго носят лишь теоретическую природу. Затем он ушел странствовать по миру, и я не получал от него никаких вестей. Я предположил, что он погубил свою душу, как было со многими без покровительства Церкви.

— Но это оказалось не так, — сказал Джордан.

— Как-то раз я получил от него письмо. Он сообщил, что поселился в горах во Франции и что находит душевный покой в заботах о потерянных и сломленных существах этого бренного мира.

— Включая *анафемских зверей* и стригоев? — уточнила Эрин.

Бернард кивнул.

— Я никому не сказал. Гуго желал лишь, чтобы его оставили в покое, — хотел жить в своих горах, подобно Франциску Ассизскому. Я уважил это его желание — поскольку он запретил убийство на склонах той горы, где он жил. Даже тем, кто находился под его защитой, разрешено было убивать только в том случае, если они вынуждены будут защищать свою жизнь и их общую обитель.

Джордану не понравилось это описание.

— Как же, по-вашему, нам пройти через эту защиту, даже если у нас будет предполагаемый ключ?

— Вы должны пойти к его горе не для того, чтобы осаждать ее, но как просители. — Бернард пристально посмотрел на Джордана, потом на Руна. — Это значит, что вы не должны причинять вред никому из тех, кто встретится вам на этой

горе, как бы сильно на вас ни наседали. Если вы не сумеете этого сделать, то Гуго откажется принять вас; к тому же вас скорее всего убьют еще прежде, чем вы покинете эти поросшие лесом склоны.

— Значит, нам нужно будет залезть на гору, кишашую монстрами, — проворчал Джордан, — и подставить другую щеку, когда они попытаются на нас напасть.

Бернард воздел вверх палец.

— И вы должны прийти с подарком — таким, который Гуго не сможет отвергнуть.

«И что бы это могло быть?»

— Когда вы привлечете его внимание, — продолжал кардинал, — то вам предстоит убедить его помочь вам, доказать, что ваша миссия достойна того, что она служит интересам всех — не только сангвинистов, но и всех божьих созданий.

— Милая прогулка в парке, — хмыкнул Джордан. — И у нас всего день или около того, чтобы убедить его помочь нам спасти мир...

Бернард в замешательстве нахмурился. Эрин объяснила:

— Если судить по картине, которую мы видели в лаборатории Эдварда Келли, то чтобы не дать Люциферу окончательно вырваться из кандалов, мы должны успеть примерно до полудня в день весеннего равноденствия.

Пока она объясняла подробности относительно этого срока, Джордан взглянул на часы.

— И значит, у нас остается около двадцати семи часов.

— Но это может быть весеннее равноденствие совсем не этого года, — предположила Эрин. — Фреска была написана века назад. Кто знает точно, что вдохновило художника на нее?

Бернард не воспринял это — впрочем, Джордан тоже.

— Положение во всем мире становится хуже час от часу, — напомнил кардинал. — Равновесие между добром и злом клонится в сторону гибели. Даже расположение звезд играет против нас — оно свидетельствует, что завтрашнее равноденствие имеет чрезвычайную важность.

— Какое расположение? — спросила Эрин.

— А вы не слышали? — удивился он.

— Мы были заняты, — напомнил Джордан.

— Будет солнечное затмение... правда, только частичное. Эрин нахмурилась.

— Солнце, изображенное на фреске, было кроваво-красным. Быть может, художник пытался так обозначить затмение?

Прежде чем они успели обсудить этот вопрос, в дверь апартаментов постучали. Все повернулись на стук. Дверь в прихожую отворилась.

Один из стражей, стоя на пороге, позвал до странного беспокойным тоном:

— Отец Корца, пришел посетитель; он говорит, что вы его вызывали. И что вы хотите видеть их обоих.

Охранник отступил в сторону, и в дверь вошел первый из визитеров. Все сразу узнали коренастую фигуру брата Патрика. Рун встал, приветственно подняв руку.

«Кого же еще он...»

Мимо ног монаха, едва не опрокинув его, проскользнул белоснежный силуэт.

Джордан моргнул от неожиданности. Существо оказалось львом-подростком, ростом с немецкую овчарку, с белоснежным мехом, серебристыми когтями и золотисто-карими глазами.

Когда лев кинулся к ним по недлинному коридору, Джордан чуть отступил, заслоняя собой Эрин. Но огромный кот немедленно прыгнул на Руна и, сбив его на пол, стал вылизывать лицо священника.

Джордан услышал совершенно необычный в этой ситуации звук.

Корца смеялся.

Затем львенок взглянул на Стоуна и одним прыжком оказался рядом с ним, обняв его лодыжки, потом колени, бедра... Джордану пришлось отпихнуть любопытный львиный нос от своего паха.

— Ага, и тебе тоже привет. — Он повернулся к Бернарду, вспомнив его рассказ о любви Гуго де Пейна к животным. — Дайте угадаю — это и есть ключик к сердцу вашего друга.

Кардинал взирал на зверя с неприкрытой тоской.

— Это существо — куда большее, чем просто ключ.

Джордан опустил на одно колено и запустил пальцы в короткую львиную гриву — она еще не выросла до полной

длины. Взрослым этот лев будет великолепен. Большой кот ответил на ласку, боднув человека в лоб.

Когда их головы соприкоснулись, тело Джордана словно прошел электрический разряд. Шрамы на плече и груди вспыхнули огнем.

«Что за черт?!»

Золотые глаза притянули его взгляд, и Джордан не мог отвернуться, ощутив родственный дух того, кто, как и он, испытал прикосновение ангела.

Бернард был прав.

«Ты определенно представляешь собой куда больше, чем кажешься, малыш».

Потом лев зарычал на него, обнажая клыки.

09 часов 04 минуты

Рун потянулся к львенку, удивленный его неожиданной агрессией против Стоуна. Но прежде чем он успел схватить зверя, тот извернулся, кинулся прочь и, по-прежнему рыча, помчался обратно в коридор. Белая шерсть на его спине стояла дыбом.

Брат Патрик, увидев такое поведение льва, вскинул руку.

— Пусть бежит! Он учуял какой-то запах...

Львенок свернул из коридора в одну из темных спален.

— Я только что был там, чтобы взять покрывало, — сказал Джордан. — Комната пуста.

На случай, если его друг ошибся, Рун поднял с пола свой карамбит и последовал за охотящимся львом. Остальные шли по пятам за ним.

— Патрик, — крикнул Корца монаху, — позови охрану!

Львенок припал к полу, хвост его яростно хлестал из стороны в сторону. Он направился к высокому старинному гардеробу сбоку от кровати. Рычание затихло, когда взгляд зверя устремился на дверцы шкафа.

Там кто-то есть.

Рун подождал, пока к ним не присоединились охранники, потом пробрался мимо льва. Джордан с мечом в руке встал с другой стороны от львенка и протянул свободную руку к ручке гардероба. Потом вопросительно оглянулся на Руна.

Тот кивнул.

Стоун распахнул дверцу — и на них бросилась маленькая темная фигура. Она с силой врезалась в Джордана, опрокинув его на кровать. Рун взмахнул своим изогнутым клинком, метя в неизвестного, но нанес лишь скользящий удар, вспоров кожу.

Нападающий двигался со сверхъестественной быстротой стригоя. Но Рун мимолетом увидел на его шее белый воротничок. Сангвинист.

Бернард оттолкнул Эрин в сторону, затем одним движением развернулся, выхватил у охранника меч и, довершая полный оборот, рубанул врага по шее. Голова нападавшего укатилась в коридор, а тело рухнуло на пол. Рун обвел взглядом комнату, чтобы убедиться, что других угроз нет.

— Свет! — крикнул кардинал и указал мечом на окно. — Откройте занавеси в холле!

Два стража сорвали с окон плотный шелк. Яркий свет хлынул в коридор. Бернард пересек комнату и остановился над отсеченной головой, чтобы взглянуть на лицо нападавшего. И тут же потрясенно отступил на шаг.

— Это святой отец... отец Грегори.

Рун оттащил Бернарда прочь и повел его в кабинет, подальше от головы бывшего помощника. По пути Рун крикнул охранникам:

— Общайте остальную часть апартаментов и тело! Ищите на его коже черную отметину.

Остальные последовали за Руном обратно в кабинет, даже львенок.

Эрин стояла, прижав руки в груди, и в глазах ее читалось понимание того, что теперь нигде нет безопасных мест. Рун хотел бы успокоить ее, но знал, что она права.

Бернард заговорил слегка дрожащим голосом:

— Может быть... может быть, это капли крови Люцифера? Быть может, он попал под их влияние, как и я? Ведь именно Грегори принес их мне.

— Нет, — уверенно отозвалась Эрин. — Тогда ваш помощник освободился бы, когда я уничтожила камни, как освободились вы. Я думаю, что он скорее всего намеренно принес вам эти камни ночью, зная, что зло захватит вас. Его поработила какая-то иная тьма, и это случилось еще раньше.

Подтверждение пришло, когда один из охранников вновь подошел к двери.

— В других комнатах чисто. Но мы нашли черный отпечаток ладони у основания позвоночника отца Грегори.

— Легион, — выдохнула Эрин.

— Значит, его зло все еще живо. — Рун был испуган не меньше.

— Очевидно, да. — Эрин уставилась в сторону коридора. — И если он подслушал наш разговор, мы обязаны предположить, что ему известно столько же, сколько нам.

Джордан подошел к ней.

— Тогда нам нужно попасть к Гуго прежде, чем Легион доберется до него.

Бернард кивнул.

— У вас есть одно преимущество.

— Какое же? — поинтересовался Стоун.

Кардинал пристально посмотрел на маленького льва.

— Он — благословенное создание.

Рун, удивленный, взглянул на Патрика.

— Я не выдавал нашу тайну, — сказал монах.

— Это правда, Рун, — подтвердил Бернард, как будто Корца скорее поверил бы ему. — Но ничто нельзя надолго скрыть от глаз и ушей тех, кто верен мне, как здесь, так и в Ватикане. И кроме того, лев в папских владениях — это не то, что может остаться незамеченным. Особенно такой лев.

Бернард положил руку на голову звереныша, но тот стряхнул ее.

«Явный признак верного суждения».

— Это совершенно небывалое создание, — продолжал Бернард, — и потому он наверняка пленит Гуго де Пейна.

Львенок потерял о бедро Руна, в груди большого кота зародилось громкое мурлыканье. Рун коснулся его шелковистой гривы. Эрин, улыбаясь, протянула руку. Малыш обнюхал ее, затем игриво ткнулся носом в ее ладонь.

— Где ты нашел его? — спросила она.

Рун рассказал краткую версию истории, завершив ее так:

— Я считаю, что ангельский огонь пощадил этого львенка во чреве матери и благословил его.

— Если ты прав, — произнес Джордан, задумчиво глядя на зверя, — это может значить, что это тот же самый огонь, который исцелил меня, — дар от Томми. — Он пристально вгляделся в львенка. — В каком-то смысле мы с тобой кровные братья, парень.

Рун переводил взгляд с Джордана на льва. Оба поистине получили благословение из одного источника. Быть может, поэтому они оказались здесь, в одной комнате. И это маленькое вмешательство провидения внушало надежду.

Но в то же время он ощущал холодок страха, понимая, что где-то все еще существует их противник — темная противоположность свету, обретенному здесь. Враг сумел проникнуть в самое сердце их ордена и отравить это сердце.

Так кому же теперь можно было верить?

Рун посмотрел на Эрин и Джордана, точно зная одно:

«Я могу верить в них, в их сердца».

Глава 28

*19 марта, 10 часов 01 минута
по центральноевропейскому времени
Прага, Чешская Республика*

Легион ощутил, как серебряный клинок отсек его черный отросток. По мере того как этот отросток истаял и втянулся, демон вернул свое сознание во тьму погреба под старым зданием в Праге. Те, кто жил в этом доме, были уже мертвы, их сердцебиение навеки умолкло.

Он открыл рот и позволил новой порции крови стечь по обожженному языку в пылающее горло. Его слуги теперь были немногочисленны — лишь те, кого Легион по-прежнему мог твердо удерживать после того, как его сосуд был так сильно поврежден. Зияющая рана в груди уже затянулась. Сломанные кости срослись. Сожженная пламенем кожа слезала огромными клочьями — он линял, подобно змее.

Но демон держался за прошлое; оно пылало в нем так же яростно, как огонь, опаливший это хрупкое тело.

Легион помнил когти и клыки, вытаскивающие его из-под дымящихся развалин проклятого дома.

Его тащили по ступеням куда-то во тьму. Он знал своего благодетеля. Тот сейчас дремал рядом с ним, тяжело дыша, но даже во сне оставался настороже, готовый защищать хозяина.

Безжалостный волк.

Оказавшись здесь, Легион разомкнул завесу теней, окружавшую угасающее пламя души Леопольда. Он вынужден был защищать этот уголок, раздуть его обратно в язычок огня. Если Леопольд умрет, оплот Легиона в этом мире будет разрушен, и он вновь станет лишь бесплотной, бесформенной тьмой. Поэтому демон питал этот огонек, сохранял этот сосуд. На это понадобились все его силы, все его сосредоточение, и потому он был вынужден втянуть множество отростков, освобождая тех, кто был поработен ранее.

Но не всех.

Когда дерево страдает от жажды, теряя свои ветви, корень выживает.

«И я вырасту заново, еще сильнее».

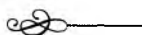
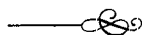
После того как волк притащил его сюда, Легион дотянулся до тех, кто все еще носил его ярмо, и призвал их в это место, дабы они убили всех, кто жил в доме, и принесли свежую кровь для возрождения и усиления его сосуда. Он искал глаза своих рабов, подсчитывал, сколько их еще осталось в иных землях, добирался до тех, кто не освободился, когда он пал. Он заставил их всех двигаться в одном направлении.

Всех, кроме одного.

Легион влил свое сознание в священника из Ордена сангвинистов. Он наложил на этого человека свою отметину перед тем, как покинуть Рим. О нем он узнал от сангвиниста, которого заклеил в тени ватиканских стен. Было так просто выманить жертву на открытое место, сыграв на доверии к собрату-сангвинисту, который и привел его к Легиону.

Как этот священник закричал, когда впервые увидел Легиона! Но крик оборвался, когда его схватили, сорвали с него сутану, и демон возложил ладонь пониже спины священника, скрывая там свою отметину.

Через эти глаза и уши он шпионил за своими врагами,знаявая то, что знали они.

«То, что теперь знаю я...»

Его попытка осквернить их черной кровью ангела тьмы провалилась в Праге, но теперь он знал, куда они направятся далее.

«Куда направляюсь я...»

Искать камни.

Ему были нужны все три камня, дабы увеличить их мощь и выковать ключ от кандалов Люцифера. А затем он положит конец господству человечества.

Рука Легиона коснулась лежащего рядом с ним волка, ощущая под скверной его дикую природу и давая ей немое обещание.

«Я верну тебе рай — и себе тоже».

Ждите вашего нового темного владыку.

ЧАСТЬ V

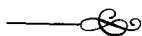
Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их.

И корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть солому.

И младенец будет играть над норою аспиды, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи.

Не будут делать зла и вреда на всей святой горе Моей, ибо земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море.

Ис. 11:6–9

Д Ж. РОЛЛИНС, Р. КАНТРЕЛЛ

Глава 29

*19 марта, 14 часов 14 минут
по центральноевропейскому времени
Пиренеи, Франция*

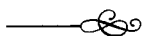
Джордан стоял на обширном лугу, у него за спиной затаил вой двигателей вертолета. Он глубоко вдохнул пахнущий соснами ветер, летящий с высокой горы прямо перед ним. Ее гранитную вершину все еще венчали зимние снега, в то время как ниже склоны поросли лесом и густая весенняя листва переливалась всеми оттенками изумруда под послеполуденным солнцем.

— Должен сказать, — подытожил Джордан, — что этот старик, сумасшедший он там или нет, выбрал отличный зеленый кусочек Господнего мира, чтобы поселиться здесь.

Эрин присоединилась к нему, скованной походкой пробираясь сквозь заросли травы и клевера. Падение сквозь крышу в Праге явно не прошло без последствий. Ей нужно было больше времени на исцеление — времени, которого у них не было. Джордан посмотрел на солнце, зная, что они надеются выбраться из этих гор еще до заката.

Он оглянулся через плечо на сотоварищей. Сангвинисты выглядели немногим лучше, чем Эрин: Руну все еще с трудом давалось равновесие из-за отсутствующей руки, у Софии на лице красовался порез, а под длинными рукавами одежды Христиана скрывались многочисленные повязки.

Последний участник их экспедиции выглядел самым здоровым из сангвинистов. Элизабет сменила монашеское одеяние на туристские ботинки, брюки и черную кожаную куртку, достающую колена. Ее легко можно было принять за обычную туристку, готовую покорить гору. Они взяли с собой графиню потому, что в прошлом она была знакома с Гуго де Пейном. Им нужно было любое преимущество.

Включая талисман команды.

Рун выпустил львенка из ящика, стоявшего в задней части вертолета, и теперь звереныш рыскал по полю, гоняясь за синекрылой бабочкой. Джордан заметил, как Корца наблюдает за беспечной игрой юного льва и мягко улыбается, как эта улыбка стирает напряжение и боль, не сходившие с лица священника в течение всего полета. Стоун еще не видел, чтобы что-то действовало на Руна так успокаивающе, как этот громадный кот.

Христиан завершил проверку вертолета и направился к ним.

— Ближе мы подлететь не можем. По словам Бернарда, Гуго де Пейн не позволяет современным машинам пересекать эту черту.

Это было отрезвляющее напоминание о том, что они находятся на вражеской территории.

Согласно плану, Христиан должен был остаться у вертолета — как для того, чтобы охранять его от желающих поиграть с летающей машиной, так и для того, чтобы быть наготове, если им понадобится срочная эвакуация с этой горы.

Эрин взглянула на гору снизу вверх, затея ладонью глаза от сияния снежного пика.

— Куда мы направляемся сейчас?

Рун достал карту, и все склонились над ней. Он отметил точку на карте, довольно далеко вверх по склону, там, где с него стекала река, берущая начало у границы снегов и образующая по пути водопады и заводи.

— Точное местоположение скита Гуго неизвестно, но Бернард полагает, что он находится где-то в этом районе. Пойдем туда и будем надеяться на лучшее.

— Держу пари, что месье де Пейн уже знает, что мы здесь, — сказала Элизабет. — Наше прибытие на вертолете тихим не назовешь.

— Поэтому мы и придерживаемся девиза бойскаутов, — отозвался Джордан. — *Будь готов!*

«К чему угодно».

Джордан поправил наплечный ремень от кобуры своего полуавтоматического «Хеклера». В набедренной кобуре у него лежал «Кольт 1911», заряженный патронами с серебряными

пулями, а к лодыжке был пристегнут посеребренный армейский нож.

Конечно, Джордан принял к сведению предупреждение Бернарда — не убивать, — но он не хотел, чтобы, если дойдет до боя, у него был лишь один выбор: подставить другую щеку.

Остальные тоже были вооружены. У Эрин был свой «Кольт», а сангвинисты обвешались разного рода ножами и мечами.

— Выдвигаемся, — скомандовал Джордан, — нечего зря тратить светлое время.

Отряд прошел через луг к опушке леса, предводительствуемый полным энтузиазма «талисманом». Под сенью деревьев их встретило приветственное птичье чириканье. В нескольких ярдах от опушки буки росли так густо, что временами приходилось сворачивать в сторону, чтобы пробраться между их серыми стволами. Это, несомненно, был старый лес, который веками не тревожил топор дровосека.

Гуго наверняка защищал свои земли от любого вторжения.

Свод листвы становился все выше, ее тень — все гуще, и ощущение первобытности этого леса все сильнее наполняло души путников. Они словно шли через некий храм, созданный самой природой.

А еще здесь было легко заблудиться.

Львенок терся подбородком о стволы деревьев, словно оставляя пахучие метки для того, чтобы было проще найти обратную дорогу. В остальном он вел себя совсем как котенок — играл с опавшими листьями и скакал туда-сюда через кусты. И все же, когда где-то вверху ухнула сова, звереныш подскочил на целый фут и с хрустом и треском приземлился в груды листвы и веток. Он тоже явно пребывал в напряжении.

«А может быть, он просто улавливает нашу тревогу».

Они прошли чуть больше мили, перебираясь через упавшие стволы, петляя между буками и редкими серебристыми соснами. По прямой редко удавалось пройти больше нескольких шагов. Если сохранять тот же темп, то места, указанного на карте, они достигнут примерно через час.

Примерно через десять минут Джордан наткнулся на старую оленью тропу.

«Пожалуй, идти по ней будет удобнее».

— Сюда, — прошептал он, боясь повышать голос — не столько из опасения выдать свое присутствие врагам, сколько из странного благоговения перед этим лесом.

Они направились по тропе, теперь перемещаясь быстрее, чем прежде.

Затем впереди и слева от тропы хрустнул сучок, и в тишине этот звук прогремел, точно выстрел.

Джордан сразу же заслонил собой Эрин и повернулся туда, откуда донесся звук. Сангвинисты встали по бокам от него, а маленький лев прижался к ногам Руна, издав негромкий рык.

В десяти ярдах впереди на тропу выскочил огромный косматый пес, повернувшись мордой к отряду. Его темная шерсть напоминала скорее тень, чем нечто материальное — отличный камуфляж для этого леса.

Но неестественно-алое мерцание глаз сразу демаскировало его.

Бласфемаре.

Холка твари приходилась Джордану выше бедра. Опустив голову и прижав уши, зверь явил длинную мощную шею и мускулистое тело. Он напоминал скорее медведя, чем пса.

Хорошо откормленного медведя.

Даже его темный мех выглядел лоснящимся.

Это было не бродячее животное.

Хотя пес был пугающе большим и черным, Джордан распознал породу — большая пиренейская овчарка. Изначально они были выведены, чтобы пасти овец, и хотя обычно были существами добрыми, однако яростно защищали своих хозяев и свою территорию.

По сторонам тропы задвигались другие тени, явно позволяя увидеть себя. Джордан насчитал еще четырех собак.

«Ничего себе стая!»

Первым делом надо было обеспечить безопасность Эрин.

Стоун медленно повернулся, переплел пальцы и шагнул к Грейнджер, чтобы подсадить ее.

— Залезай на это дерево, — велел он.

Эрин не стала щеголять фальшивой бравадой. Она кивнула, поставила ногу ему на ладони и оттолкнулась, когда он поднял ее повыше. Протянув руки, женщина ухватила за

нависающую над головой ветку толстого вяза, подтянулась, затем вскарабкалась выше.

Джордан неотрывно смотрел на собак.

Стая сбилась плотнее, но пока не приближалась.

Стоун вскинул пистолет-пулемет, сангвинисты оцетинились мечами и кинжалами; серебро клинков сияло в тени листвы.

После долгого напряженного молчания стая одновременно сорвалась с места, словно повинуюсь неслышному свисту. Вожак кинулся по тропе прямо к Джордану. Другие разделились, обходя сангвинистов с боков.

— Помните, мы не должны причинять им вред, — предупредил Рун.

— Хорошо, обещаю не кусать их первым. — Стоун навел дуло пистолета-пулемета прямо в оскаленную морду пса.

Не обращая внимания на эту угрозу, вожак подобрался ближе, присобрав губы в складки и тихо рыча. Из пасти его вырывалось зловонное дыхание.

Палец Джордана на спусковом крючке напрягся.

Он должен был сделать выбор.

«Убей, рань или заключи мир».

Стоун вспомнил свое армейское обучение и опустил оружие.

«Подчиняйся приказам».

Чувствуя, как сильно колотится сердце, он протянул руку навстречу зверю и тихо прошептал:

— Я не причиню тебе вреда. Обещаю.

Пес напрягся и прыгнул на него, норовя вцепиться зубами в пальцы. Джордан еле успел отдернуть руку. С кончиков пальцев обильно закапала кровь.

«Но хотя бы у меня все еще есть пальцы».

Он пристально рассматривал своего противника. Может быть, его кровь окажется такой же ядовитой для этого пса, как для того стригоя в тоннелях под Прагой? Но пес просто растянул губы и облизнул окровавленные брыла.

«Не повезло».

Зверь прыгнул на Джордана, метя в глотку.

Стоун опрокинулся на спину и вскинул ногу, пнув пса в живот и перебросив через себя. К тому времени как зверь

приземлился и снова повернулся к нему, Джордан уже стоял, готовый к новой атаке.

Пес медленно обходил его по широкой дуге, неспешно приближаясь, лапы неслышно ступали по толстому слою палой листвы, с оскаленных клыков капала слюна.

Джордан положил ладонь на рукоять пистолета-пулемета — и снова уронил руку.

«Нельзя стрелять».

— Хороший песик, — позвал он, снова делая шаг к зверю и показывая открытые ладони в знак того, что не несет угрозы.

Краем глаза Стоун видел, что сангвинисты отражают атаки других псов, прибегая к различным приемам, не несущим смерти врагу, — то есть в основном уворачиваясь и отскакивая.

«Но сколько это может продолжаться?»

Как будто поняв, что жертва отвлеклась, пес прыгнул на грудь Джордану и опрокинул его наземь. Сержант успел вскинуть руку, чтобы защитить горло, и зубы глубоко вонзились в мякоть предплечья. Изогнувшись, Стоун выхватил нож из пристегнутых к лодыжке ножен.

Он уже принял достаточно страданий во имя мира.

Пес рычал, вгрызаясь глубже, добираясь до кости. Красные глаза смотрели прямо в лицо Джордану. Стоун не видел в них ни ярости, но злобы, лишь беспощадную целеустремленность.

В его памяти эхом отдались слова Бернарда: «Не причиняйте вреда никому из тех, кого встретите на этой горе».

Их задачей было получить помощь Гуго. По сравнению с этим все, что могло случиться с Джорданом, не имело значения. Он разжал пальцы, выпустив нож. Глядя вверх собачьей головы, увидел, что Эрин плашмя распростерлась на ветке дерева. Ее карие глаза были широко раскрыты от ужаса. Она целилась в пса из своего пистолета.

— Не стреляй! — прохрипел Джордан, преодолевая боль.

Чтобы она уж точно подчинилась ему, он перекатился на бок, подминая пса под себя, заслоняя его своим телом. Он должен защитить этого зверя. Если пес погибнет, их миссия будет провалена.

Однако псу об этом плане никто не рассказал.

Острые клыки отпустили его руку и лязгнули у самого лица. Джордан инстинктивно откинул голову назад.

Неверное решение.

Желтые зубы сомкнулись на незащитном горле Стоуна.

15 часов 18 минут

Эрин закричала, когда пес мотнул головой, раздирая жертву. Кровь хлынула из горла Джордана и потекла по морде зверя, прижатого его телом.

Она все еще целилась из пистолета, но боялась стрелять — можно было случайно попасть в Стоуна.

Быстро окинув взглядом тропу, она увидела, что у троих сангвинистов свои проблемы. Каждый сражался с псом один на один, и ни у кого не было возможности помочь Джордану.

Внизу, под веткой, тварь зарычала и перекатилась, швырнув человека наземь, словно тряпичную куклу. Стоун больше не двигался; голова его моталась из стороны в сторону, когда пес двигал челюстями. Эрин прицелилась получше — теперь ничто не заслоняло цель. Она вспомнила предупреждение Джордана:

«Не стреляй!»

К черту Гуго де Пейна и его правила!

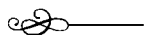
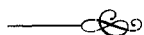
Она положила палец на спусковой крючок.

И тут из тени под деревьями вырвалась белая молния и ударила огромного пса в бок, скинув с тела Джордана.

Львенок Руна.

Тень и свет сражались, мелькала черная и белая шерсть, потом пес вырвался, вскочил на лапы и с рычанием уставился на льва. Тот по сравнению с ним казался совсем маленьким. И все же он не испугался — зашипел и поднял лапу, выпуская серебристые когти.

Пса это не впечатлило: он шагнул вперед, напружинив лапы, — и тут львенок быстро, точно кобра, ударил, полоснув когтями по черному носу зверя. Вожак взвыл и отшатнулся. Темная кровь струилась из четырех рваных царапин на его носу.

Львенок встал над телом Джордана. Его белоснежный мех был вздыблен, из груди вырывалось низкое рычание. Он снова угрожающе поднял лапу, явно готовый сражаться и дальше.

Заскулив, пес повернулся и удрал прочь, растворившись среди лесных теней. Остальная стая последовала его примеру, вырвавшись из боя и скрывшись в лесу.

Эрин быстро полезла вниз по дереву и спрыгнула с нижней ветки, упав на колени рядом с Джорданом. Львенок сунулся с другой стороны, вид у него был испуганный. Склонив голову, он ткнулся носом в лицо Джордану. Между ними проскочила крошечная вспышка, словно заряд статического электричества в темной комнате. Но сейчас вспышка была отчетливого золотистого цвета, и это напомнило Эрин об ангельской природе этих двоих.

«Ну же, Джордан, ты можешь исцелиться от этого...»

Она вытерла его шею рукавом своей рубашки. Львенок лизал щеки и лоб Стоуна. Кровь уже перестала течь. И прямо на глазах у Эрин разорванная плоть начала стягиваться. Алые полосы, разбегавшиеся от татуировки и обхватывавшие шею Джордана, стали еще толще, протягиваясь поверх раны, заживляя ее.

Эрин коснулась кончиками пальцев щеки Стоуна. Его кожа была невероятно горячей. Никто не сможет долго прожить с такой температурой.

— Джордан...

Он открыл глаза, их оттенок был подобен небу, проглядывающему между черных туч.

Эрин знала об этих глазах всё — то, что ободок вокруг радужки был чуть темнее, цвета джинсовой ткани, но остальная часть была намного светлее, и от зрачка разбегались бледные полосы, словно крошечные реки. Эти глаза смеялись вместе с ней, плакали вместе с ней и обещали ей совместное будущее. Но теперь они смотрели на нее как на совершенно незнакомого человека.

— Джордан?

Он застонал, оперся о землю и сел, одной рукой рассеянно поглаживая львенка. Вторая рука поднялась, чтобы ощупать шею. Под оставшимися на горле потеками крови татуировка выглядела словно лиана, обвивающая дерево. Сквозь разорван-

ный рукав Эрин рассмотрела, что и рана на предплечье исцелилась. Под ее взглядом на тыльную сторону кисти Джордана выполз алый усик и свернулся спиралью.

Эрин потянулась, чтобы взять Стоуна за руку, но он отстранился и встал.

Рун бросился к ним.

— Джордан в порядке?

Эрин не знала, что на это ответить.

Элизабет и София присоединились к Руну. Сангвинисты выглядели потрепанными, но ни у кого не было таких серьезных ран, как у Джордана. Возможно, псы просто играли с ними, а не пытались перегрызть им глотки. Элизабет хмуро смотрела в сторону леса, расправляя лоскуты своего рукава.

— Почему эти собаки прекратили бой?

Эрин не отрывала взгляда от Джордана.

— Лев... мне кажется, он их спугнул.

Рун погладил львенка по голове, бормоча слова благодарности.

Грейнджер встала прямо перед Стоуном, вынуждая его смотреть на нее, положила руки на его крепкие плечи.

— Ты в порядке?

Наконец мужчина опустил на нее взгляд, несколько раз моргнув, затем кивнул. Теперь он смотрел на нее и видел ее. Вновь потрогал свою шею; вид у него был несколько озадаченный.

— Я в полном порядке.

Она обняла его, крепко прижимая к себе.

Джордан мгновение помедлил, но потом его руки обвились вокруг ее талии.

— Теперь мне даже лучше, чем было, — прошептал он, уткнувшись лицом в макушку Эрин. Она улыбнулась, пряча лицо у него на груди и подавляя желание расплакаться.

Элизабет стряхивала листья с брюк, нетерпеливо поглядывая вверх по тропе.

Эрин высвободилась из объятий Джордана, но продолжала держать его за руку, изо всех сил стараясь не обращать внимания на то, каким жаром полыхает его ладонь, и боясь, что в следующий раз он может не вернуться.

На миг она остановилась, чтобы почесать львенку бархатные уши. Она-то знала, кто на самом деле спас жизнь Джордану.

— Спасибо, малыш.

Вдали, в глубине леса, завывала собака, и это напомнило всем, что они все еще в опасности. В большой опасности.

— Пора идти, — промолвил Джордан. — Если эти милые собачки удрали к себе домой, мы сможем пройти по их следам.

— Он прав, — согласился Рун. — Если эти твари — посланники Гуго де Пейна, возможно, они должны привести нас к нему.

— А может быть, они просто дикие *анафемские звери*, которые пришли нас убить, — горьким тоном добавила Эрин.

Но поскольку лучшего плана никто не мог предложить, группа во главе с Руном зашагала дальше. Корца внимательно осматривал почву, выискивая отпечатки лап на влажной почве или сломанные сучья. Время от времени он вскидывал голову, вбирая запах проклятой стаи.

— По крайней мере у нас есть собственная ищейка, — прошептал Джордан на ухо Эрин.

«Но куда Рун нас ведет и какие новые ужасы ждут нас на этой горе?»

Глава 30

*19 марта, 15 часов 44 минуты
по центральноевропейскому времени
Пиренеи, Франция*

Рун шел через лес по следу, изо всех сил стараясь не обращать внимания на дергающую боль в обрубке руки. После боя он внимательно оценил, насколько пострадали его спутники, зная, что ему, возможно, придется опереться на кого-либо из них.

В буквальном смысле.

Элизабет легко шла рядом с ним, она получила лишь незначительную царапину на кисти руки. Рун видел, с какой ловкостью она сражалась против *анафемского* пса — это на-

помнило ему о том, какой неистовой воительницей она была. И все-таки чувствовалось, что ей не хочется находиться здесь, от нее исходило непривычное ощущение острого нетерпения. Как и Джордан, она блуждала мыслями где-то далеко. На ходу Рун попробовал узнать причину этого, но Элизабет лишь отмахнулась от него.

И все же он чувствовал, что в Кастель-Гандольфо что-то произошло, и это «что-то» одновременно рассердило и встревожило ее.

Она что-то скрывала.

«Но разве мы все не скрываем что-нибудь?»

Позади него шуршали листья — Эрин и Джордан с некоторым трудом пробирались по лесу, неспособные ступать так легко, как сангвинисты. Рун вслушивался в биение сердца Джордана, снова слыша все те же отголоски, напоминавшие барабанный бой. Но что бы ни владело Стоуном, похоже, его самого оно не пугало. Напротив, оно давало ему силу и спокойствие. Однако про Эрин подобного сказать было нельзя: она почти не сводила глаз с Джордана, следя за каждым его шагом, и ее сердце трепетало от страха.

Идущая следом за ними София прикрывала тыл, ее хрупкая фигурка в полумраке казалась неким лесным духом. Но Рун знал, что эта хрупкость обманчива, что в бою эта женщина смертоносна и ее два клинка способны мгновенно отыскать малейшую уязвимость в обороне врага. Помнится, в Праге она схватилась один на один с *безжалостным волком* и после этого боя вполне способна была держаться на ногах. Немногие могут похвастаться подобным.

Слева от Руна между серебристо-серых стволов буков шнырял львенок, тоже вынюхивая след *анафемской* стаи. Нечистый запах зверей висел в лесном воздухе, но, как ни странно, эта едкая вонь не раздражала Руна, как это бывало обычно.

«В этих существах есть что-то необычное».

Очевидно, густые кроны леса предоставляли псам отличное укрытие, и это напомнило Руну, насколько многочисленны были эти твари в прошлом, когда в лесных чащах царил мрак даже при ярком солнце. Со времен его смертной жизни так много диких уголков природы пало под напором топоров

и плугов цивилизации. И так много существ — и *анафемских*, и обычных — исчезли вместе с лесами.

Они поднимались все выше в гору, и буковый лес постепенно уступал место серебристым соснам. Где-то слева от Руна по камням струился поток, пахнувший льдом и талым снегом. Звук бегущей воды становился все громче по мере их продвижения, и громкий рев впереди свидетельствовал — там находится обширный водопад.

Наконец через лесную тень пробились отблески солнечного света, и все заторопилось вперед. Рун почувствовал: здесь стая разделилась, отступив в гущу леса — очевидно, ее задача была выполнена.

«Они привели нас сюда ради чего-то».

Рун продолжал идти навстречу свету. Львенок бодро скакал впереди, не выказывая страха перед тем, что могло их ждать.

Деревья быстро становились тоньше, они росли все дальше друг от друга. Впереди открылся луг. Покатые склоны заросли травой, колыхавшейся, точно изумрудное море. В траве виднелись маленькие белые цветы, такие яркие и нежные в солнечном свете.

После долгого пребывания в темноте эта яркость ранила. Рун зажмурился, Элизабет резко выдохнула. Она была более чувствительна к свету. Когда они вышли из леса, женщина натянула на голову капюшон своей куртки, затеняя лицо.

Рун огляделся по сторонам. Луг был примерно овальной формы, он весь порос травой и белыми цветами. Из травы выглядывало несколько серых валунов — точно бдительные стражи.

Через луг бежал серебристый поток, бравший начало у подножия высокого водопада на дальней стороне открытого пространства, где струи воды срывались с отвесного обрыва в широкое голубое озеро.

Отряд собрался на опушке, высматривая потенциальную опасность.

Рун кивнул вперед.

— То самое место, которое Бернард отметил на карте. Он полагал, что именно здесь Гуго де Пейн выстроил свой скит.

— Здесь ничего нет, — сказал Джордан. — Пусто.

— Нет, — возразила Элизабет. — Это не так. Бернард не ошибся насчет этого места... что редкость для него.

Корца услышал в ее голосе едкую горечь, когда она упомянула о кардинале.

Графиня указала в сторону водопада.

— За этой завесой воды я различаю контуры строения.

Эрин моргнула.

— Вы уверены?

Даже Рун не смог рассмотреть ничего и с сомнением покоился на Элизабет.

— Вон там! — с раздраженным вздохом произнесла графиня.

Подавшись ближе к Корце, она указала рукой на водопад — медленно, чтобы сангвинист смог уследить за ее пальцем. Она обрисовала в воздухе призрачный контур арочного проема в скале позади водопада, на половине высоты утеса.

И после этой подсказки Рун тоже различил то, что видела она.

По сторонам от двери виднелись два окна, и еще одно, большое и круглое, располагалось выше, по центру.

Это было похоже на фасад церкви, высеченный в скале за водопадом. Нижний край двери располагался на высоте двух этажей над озером. Лезть туда было бы опасно, особенно в потоках падающей сверху воды.

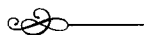
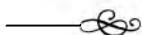
Рун особенно остро ощутил боль в культе, и это напомнило ему, что с одной рукой для него такое восхождение будет невозможно.

Эрин вышла чуть дальше на луг.

— Теперь и я это вижу!

— Мы должны идти всей группой, — предупредил Джордан, оттаскивая Эрин назад, он был явно недоволен ее беспечностью. — Раз уж этот Гуго позволил нам зайти так далеко, не будем подвергать себя ненужному риску.

Рун склонил голову в знак того, что признает разумность его слов, а потом повел отряд вперед, к водопаду. Пока они шли через луг, никто не сказал ни слова, и это выдавало, насколько все нервничает. Рун был уверен, что за их приближением следят чьи-то глаза. По мере того как они подходили

к водопаду, грохот становился оглушительным, и от этого опасения Корцы только усиливались.

Дойдя до озера, они остановились на берегу. Вода была кристально-голубой и настолько чистой, что сквозь рябь на поверхности Рун заметил пятнистую треску, плывущую у самого дна. Когда его тень упала на воду, рыба метнулась в сторону в поисках укрытия.

Он осмотрел подножие скалы за водопадом в поисках вырезанных в нем ступеней, в поисках какого-либо способа добраться до дверей церкви высоко над их головами. Но не нашел ничего — оставалось лишь карабкаться по скользкому обрыву под мощным потоком воды.

Джордан озвучил их беспокойство — ему приходилось кричать, чтобы его расслышали за грохотом:

— И как нам попасть в это чертово место?

И вновь острый взгляд Элизабет нашел ответ. Но она показала не вверх, а вниз, в глубины озера.

— Вот там, в камнях под водопадом скрывается устье тоннеля. Возможно, это подводный лаз, ведущий в церковь наверху.

Эрин смотрела на воду с явным трепетом, скрестив руки на груди. По прошлому опыту Рун знал, что она не особо хорошо плавает и боится воды.

Грейнджер сглотнула.

— Должен быть какой-то другой способ попасть туда. Сомневаюсь, что эти псы проплывают внутрь и наружу через этот тоннель. Особенно здесь, где негде скрыться от солнца.

Рун был согласен с нею. Гуго де Пейн жил тут вот уже несколько столетий. Гора, вероятно, была пронизана тоннелями, потайными входами и выходами. Но у его отряда не было времени искать их.

Джордан вздохнул.

— Гуго послал своих собак привести нас к этому лугу. Что-то подсказывает мне, что это еще одно испытание. Мы найдем путь внутрь через этот подземный тоннель или не войдем туда вообще.

— Тогда поплывем, — ответила Эрин, выпрямив руки и придав лицу решительное выражение.

— Всей группой, — добавил Джордан. — Всё или ничего.

Сержант снял куртку и рубашку и скинул ботинки. Рун был ошеломлен тем, как преобразилась синяя татуировка на плече Стоуна — отходящие от нее новые алые линии обвивали шею и вились вниз по руке. Это был ужасающе-прекрасный рисунок, как будто сами ангелы начертали его на коже чело-века.

И возможно, так и было.

Рун и остальные последовали примеру Джордана, стягивая куртки и снимая верхнюю одежду. Элизабет встала рядом с Руном, одетая только в брюки и лифчик, но спина ее была гордо выпрямлена, а лицо не выражало ни малейшего смущения. Она провела рукой по своим черным волосам, откинув их назад и перетянув на затылке шнурком. Ее груди под тонким шелком лифчика были упругими и белыми, а бледная кожа сияла даже в тени нависающего над ними утеса.

Рун вспомнил, каково это было: когда эта гладкая кожа прижималась к его коже, его губы — к ее губам. Тогда он хотел поглотить ее, полностью завладеть ею.

И все еще хотел этого.

Тем не менее Корца отвел глаза, устремив взгляд на груды сброшенной ими одежды и оставленного снаряжения. На эту встречу они пойдут безоружными. Быть может, именно поэтому Гуго привел их к подводному входу — чтобы вынудить разоружиться.

Рун решил взять лишь одно.

Он поднял из этой груды свой серебряный наперсный крест и вновь повесил его на шею. Серебро обжигало его обнаженную кожу. Элизабет пристально взглянула на него. Корца с внезапной остротой ощутил, что перевязанная культия его руки теперь видна всем. Но Элизабет смотрела не на нее, а на крест — а затем подошла и взяла свой собственный, точно так же надев себе на шею. Серебро оставило розовую отметину на жемчужно-белой коже между ее грудями. Оно жгло Элизабет так же, как и Руна, но она не стала снимать крест.

— Идемте, — сказал Джордан и нырнул в пруд, фыркая, словно выдра.

— Погодите, — позвала Эрин и достала из кучи сброшенных вещей свой рюкзак. Она повернулась к Руну: — Ты мо-

жешь это взять? Я не хочу оставлять это здесь, но я не настолько хороший пловец, чтобы нести его самой.

Рун знал, что в рюкзаке, в герметичном и водонепроницаемом чехле, лежит Кровавое Евангелие. Эрин была права, когда не хотела бросать книгу без присмотра, особенно здесь. Он забросил рюкзак на здоровое плечо.

— Я сберегу его.

— Спасибо.

Эрин сглотнула, глядя на воду, потом прыгнула в пруд, задохнувшись от холода.

Рун и его собратья-сангвинисты последовали за ней. Вода была ледяной, чуть теплее точки замерзания — но по крайней мере ледяной холод притупил боль в обрубке руки.

Отряд направился через пруд к грохочущему водопаду. Даже львенок прыгнул в воду и теперь отважно плыл рядом в Руном. Его огромные лапы загребали воду, словно весла. Сердце звереныша билось быстро и ровно. Большой кот явно не испытывал страха перед водой.

Эрин, напротив, пыталась одолеть этот страх. Она поднимала тучу брызг, но едва продвигалась вперед, пульс ее был частым и неровным. Рун приотстал, поравнявшись с ней, София сделала то же самое.

— Я научилась плавать только в сто пять лет! — прокричала София, обращаясь к Эрин. — Так что я не очень уверенно себя чувствую на воде.

Эрин ответила монахине короткой улыбкой и поплыла дальше.

Рун оценил этот жест, но в отличие от Эрин Софии не нужно было дышать. Один раз Корца уже видел, как Грейнджер едва не утонула. Он знал, что она продолжит путь вперед, даже миновав точку невозвращения.

Державшиеся впереди Джордан и Элизабет уже достигли водопада. Графиня подняла взгляд вверх, как будто сверяя направление, затем нырнула. Джордан немедленно последовал за нею.

Рун, загребая единственной рукой, плыл рядом с Эрин, пока они тоже не оказались у водопада. Вместе с Софией они помедлили, чтобы дать Грейнджер перевести дыхание. Ее губы, сжатые в прямую линию, посинели от холода. Рун огля-

нулся на Софию. Гром водопада не давал говорить, но монахиня ответила коротким кивком, поняв его просьбу.

«Оберегай Эрин».

Археологиня слабо улыбнулась, храбрясь, затем набрала в грудь воздуха и, на миг мелькнув на свету бледными ступнями, скрылась под водой.

Рун и София последовали за ней, подхваченные бурлящими струями воды.

Корца быстро обнаружил, что грести только одной рукой неудобно, и в итоге отталкивался только ногами. И все-таки он без труда успевал за Эрин.

Что-то врезалось ему в ногу, штанину рванули когти. Оглянувшись, Рун увидел, что львенок нырнул следом за ними. Похоже, зверь не собирался покидать их.

Они достигли устья тоннеля, который заметила Элизабет. Те, кто плыл первым, уже скрылись из глаз. Эрин помедлила, но львенок проплыл мимо нее и первым сунулся в темноту; его лапы царапнули каменные стены, проталкивая белое тело все дальше.

Вдохновившись храбростью львенка, Эрин последовала за ним.

Но далеко ли она сумеет проплыть?

16 часов 24 минуты

Легкие Эрин горели, но она упрямо плыла следом за львом.

Хотя точнее было бы сказать «ползла» — цепляясь руками за стенки и отталкиваясь ступнями от дна тоннеля.

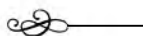
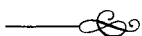
Далеко ли тянется этот лаз?

Этот вопрос ужасал ее.

Грудь ее уже болела от желания вдохнуть. Она сомневалась, что в легких у нее осталось достаточно воздуха, чтобы вернуться в озеро, к солнечному свету и свежему ветерку. Ей остался лишь один выход отсюда.

Вперед.

Она продвигалась все дальше, видя впереди себя загребавшие воду задние лапы львенка. Тусклый свет позади быстро превратился в густой сумрак, но белый мех хищника мерцал впереди нее, словно блуждающий огонек на болоте. Все свои

надежды Эрин возложила на этого зверя. Ему так же нужно дышать, как и ей. Если он повернет обратно, она сделает то же самое.

Поэтому женщина продолжала двигаться вперед, призывая замерзшим рукам цепляться, а онемевшим ногам — отталкиваться.

Затем неожиданно лапы льва скрылись в темноте где-то наверху.

Эрин почувствовала, что тоннель вокруг нее расступается, превращаясь в какое-то более обширное пространство, темное, словно подвал.

Она вслепую рванулась вверх.

Пару секунд спустя ее голова оказалась над поверхностью воды. Эрин с хрипом сделала вдох, потом другой, озирая маленькую пещеру, освещенную тоненькими лучиками дневного света, которые проникали через трещины в потолке.

Джордан и Элизабет уже выбрались на выступ у дальней стены пещеры, рядом с простой деревянной дверью в гранитной стене. Льенок подплыл туда и уцепился когтями за край. Джордан помог промокшему зверю вскарабкаться на уступ.

Затем он заметил Эрин и махнул рукой, а вторую протянул к ней.

— Я тебе помогу.

«Ну да, а что ж ты раньше мне не помог... или по крайней мере не остался рядом?»

Как сделали другие.

Рун и София вынырнули из воды за ее спиной.

Хотя Эрин все еще чувствовала жгучую обиду на то, что Джордан покинул ее, она знала, что это не его вина. Что бы ни происходило, рано или поздно это минует и он снова станет самим собой.

«Не то чтобы я в это действительно верила...»

Она поспешно подплыла к уступу, и Джордан вытащил ее из воды так легко, словно она не весила ничего. Он быстро обнял ее, и лихорадочный жар его тела впервые показался ей приятным. Она тряслась и вздрагивала в его объятиях, пока холод хотя бы отчасти не ушел из ее тела, изгнанный этим жаром.

Чуть поодаль от них София помогла Руну выбраться на уступ — с одной рукой ему приходилось трудно.

— Мы должны найти способ открыть эту дверь, — промолвила Элизабет, оцупывая упомянутую дверь.

Все еще слегка постукивая зубами, Эрин подошла к ней. Если за этой дверью можно найти горящий огонь и сухие полотенца, она сама выбьет ее.

Вместе с графиней они обследовали дверь до последнего дюйма. Она была сделана из сплошной толстой деревянной доски и отшлифована до стеклянной гладкости. Ни петель, ни замка с этой стороны не было видно.

— Похоже, ее можно открыть только с той стороны, — заключила Эрин.

— Или можно выбить с этой, — предложил Джордан.

Эрин подозревала, что подобные действия не встретят одобрения у местного хозяина, Гуго де Пейна.

— Думаю, мы должны подождать, — сказала она. — Проявить терпение.

Джордан подошел к двери.

— Или сделать так...

Он постучал кулаком по толстой доске, потом отступил назад и приложил ладони рупором к губам и позвал:

— Эй! Добрый день! — Голос его эхом загулял по маленькой пещере.

Эрин затаила дыхание, но перевела его, когда никто не ответил.

— Наверное, никого нет дома, — предположил Джордан, пожав плечами.

В дело вступил еще один из их маленького отряда.

Львенок откинул голову назад и издал мощный рык.

Эрин даже вздрогнула от этого звука, потрясенная тем, что подобный громкий рев может издавать столь мелкое существо.

Этот рев прозвучал как вызов.

Когда эхо затихло, раздался низкий голос, звучавший словно бы отовсюду. От него по коже у Эрин пробежали мурашки.

— Только льву дозволено войти.

Из-за толстой доски послышалось царапанье, как будто с той стороны отодвинули засов. Дверь медленно отворилась внутрь.

Эрин пыталась рассмотреть, что там, за порогом, но в помещении было темно, его озарял лишь мятущийся свет факела. Все еще стоя на коленях рядом со львенком, Рун указал ему на дверь.

— Можешь идти.

Лев робко поднялся, потом повернулся, мягко прихватил Руна зубами за запястье и потянул к открытой двери.

— Похоже, малыш не хочет идти в это страшное место один, — заметил Джордан. — И не могу сказать, что я виню его в этом.

Рун пытался сопротивляться, но львенок отказывался выпустить его руку.

Снова послышался тот же голос — на этот раз он звучал мягче, в нем проскользнула нотка веселья.

— Похоже, ваш товарищ не пойдет без вас, священник. Так что можете войти все, однако не дальше первой комнаты.

Джордан потрепал льва по голове.

— Отлично, приятель. А я думал, нам придется так и сидеть тут...

Во главе с Руном и его зверем они по одному переступили порог.

Эрин осмотрела лежащую за дверью прихожую. Два факела, воткнутые в железные скобы, освещали помещение величистой с гараж на две машины, высеченное в гранитном массиве горы. В дальней стене виднелась арка, ведущая в следующую комнату, но им не было разрешено пройти туда.

По крайней мере пока.

Из-под арки навстречу им выступил человек.

— Мир вам, — поприветствовал он, держась, однако, на безопасном расстоянии. — Я Гуго де Пейн.

Его внешность и одежда удивили Эрин. Она ожидала узреть средневекового отшельника, одетого в простое облачение из грубой ткани наподобие Франциска Ассизского. Вместо этого человек носил брюки цвета хаки и толстый шерстяной свитер. Он был похож на фермера или рыбака, а уж никак не на бывшего священника.

Эрин окинула взглядом его округлое лицо, увенчанное шапкой кудрявых черных волос. Большие глаза Гуго были карего цвета, насколько можно было разглядеть в свете фа-

келов. Несмотря на настороженность, взгляд их был мягким. Де Пейн протянул перед собой руки и сложил ладони, явно показывая, что у него нет оружия.

— Уже много времени Орден сангвинистов не утруждался тем, чтобы беспокоить меня, — произнес он низким хрипловатым голосом, как будто ему нечасто приходилось говорить вообще. Гуго взглянул на Элизабет и слегка склонил голову. — И я вижу, вы привели с собой кое-кого из моего давнего прошлого... Добро пожаловать, графиня Батори.

— Теперь — сестра Элизабет, — поправила она, коснувшись своего наперсного креста.

Хозяин изумленно поднял брови.

— Правда?

Она с притворной скромностью пожала плечами.

— Значит, настали воистину странные времена, — продолжил человек. — И похоже, графиня... то есть сестра Элизабет — не единственный интересный член вашего отряда.

Гуго де Пейн подошел, не сводя глаз с львенка. И лишь оказавшись рядом, взглянул на Руна.

— Можно?

Корца отступил на шаг.

— Он сам себе хозяин.

— Хорошо сказано, — промолвил Гуго, протягивая руку, чтобы львенок ее обнюхал.

Лев оглянулся на Руна, и тот слегка кивнул ему. Только тогда большой кот подался вперед и провел носом по вытянутым пальцам отшельника, а потом, видимо, удовлетворенный, лизнул его ладонь. Гуго улыбнулся льву.

— Замечательно, — пробормотал он. — Нечто совершенно новое. Существо, не запятнанное тьмой, а скорее озаренное светом. Могу ли я спросить вас, как вы обрели его, отец Корца?

Рун, казалось, был удивлен тем, что Гуго знает его имя, но Эрин заподозрила, что отшельнику известно куда больше, чем предполагают его приятные манеры. Тот, кто не способен на любую хитрость, тот, кто не отточил эту способность до бритвенной остроты, вряд ли выжил бы столько веков, скрываясь от Ордена сангвинистов.

— Я убил его мать в египетской пустыне, — объяснил Рун. — Она была *анафемской* львицей, и она была ранена.

Гуго выпрямился.

— Я полагаю, она была одной из тех несчастных тварей, кого настигла вспышка святого пламени в пустыне.

— Верно, — медленно произнес Рун.

Это удивило даже Эрин. Лишь немногие знали об этом событии, и большинство из них сейчас находились в этой комнате. Значит, отшельник следил за текущими событиями куда более пристально, чем можно было предположить.

— После того как я убил его мать, львенок пришел ко мне, — поведал Рун. — Я увез его, чтобы он не остался в одиночестве и не погиб.

— По уставу вашего ордена, вы должны были убить этого детеныша. Но вы этого не сделали. — Гуго с шутливым неодобрением покачал головой. — Вы знаете, что буддисты считают львов *бодхисатвами* — сынами Будды? Предполагается, что это существа, достигшие высокого уровня духовного просветления. Они остаются в этом мире, чтобы избавить других от страданий. Вам поистине повезло, отец Корца, что этот зверь выбрал вас. Быть может, это потому, что вы носите венец Рыцаря Христова. — Гуго посмотрел на Эрин и Джордана. — И путешествуете вместе с Воителем Человеческим и Женщиной Знания.

— Откуда вы так много о нас знаете? — вмешался Стоун.

Гуго проигнорировал его вопрос, почесывая львенку бок, отчего тот равномерно урчал. Лишь через некоторое время отшельник поднялся и посмотрел в лицо Джордану, но вместо того чтобы ответить ему, протянул руку.

— Могу я увидеть самоцвет, лежащий у вас в кармане?

Стоун отступил назад, но Эрин схватила его за локоть. Не было причин держать что-либо в секрете, особенно учитывая, что этот человек все равно все знает. А им нужны были ответы, которые может дать лишь Гуго де Пейн.

— Покажи ему, — велела она.

Джордан сунул руку в карман штанов и достал две половинки сломанного зеленого камня. Гуго взял их и сложил на своей ладони. Потом поднес камень к свету факела, словно для того, чтобы удостовериться, что символ на поверхности самоцвета — тот самый.

— Прошли столетия с тех пор, как я в последний раз видел этот камень, но тогда он был цельным и неоскверненным...

Он опустил руку и протянул обломки обратно Джордану. Потом, склонив голову набок, изучил рисунок, вьющийся по коже Стоуна, и загадочно произнес:

— Кажется, вы действительно подходящий носитель именно для этого камня.

Эрин воспользовалась этими словами как предлогом объяснить причину их прибытия сюда.

— Мы ищем еще два камня. Очень похожие на этот.

Гуго улыбнулся ей.

— Вы ошибаетесь. Другие два ничуть не похожи на этот.

— Так вы знаете о них? — Рун подошел ближе. — Мы считаем, что они — ключ к...

— К исполнению вашего последнего пророчества.

— Вы поможете нам? — спросила Эрин.

Прежде чем Гуго успел ответить, львенок издал жалобное мяуканье, выражавшее голод.

— Похоже, нам сначала нужно позаботиться о более неотложных нуждах. — Гуго указал в сторону арки, ведущей глубже в гору. — Пройдемте со мною в мой дом. У меня есть сухие полотенца, а также еда и вино для тех, кто нуждается в подкреплении. — Он почесал голову львенка указательным пальцем. — И конечно же, мясо и молоко для тебя, друг мой.

Эрин следовала за Гуго де Пейном, который вел их навстречу тайнам, сокрытым в этой горе.

«Но можем ли мы доверять ему?»

Глава 31

*19 марта, 16 часов 48 минут
по центральноевропейскому времени
Пиренеи, Франция*

Рун опустил руку на голову львенка, и так они проследовали за Гуго через вторую дверь, за которой оказалась ведущая вверх винтовая лестница, вырубленная в камне. Поднимаясь, группа миновала несколько площадок, с которых на другие

этажи этого подгорного жилища вели двери — правда, все они были заперты. Рун вообразил себе лабиринт тоннелей, которые, вероятнее всего, тянулись под всей горой.

Но хозяин вел их вверх, высоко держа дымящий факел.

Лестница закончилась у еще одной двери — деревянной, окованной железом.

— Открывайте! — крикнул Гуго.

Толстая дверь отворилась. Следом за хозяином Рун переступил порог и оказался в помещении, напоминавшем церковь. В дальней стене слева виднелась высокая дверь, которую они заметили сквозь водопад. Сейчас она была закрыта, но за ней слышался приглушенный рев воды, и можно было представить, как это должно выглядеть, когда эти массивные двойные двери распахнуты настежь, а за ними струится бесконечная водяная завеса, озаренная восходящим солнцем на заре нового дня.

Эта завеса была различима через окна по обе стороны двери и над нею, но окна эти сами по себе стоили того, чтобы посмотреть на них — витражи работы истинного мастера. Круглое окно над дверью изображало безупречную розу, ее лепестки переливались всеми оттенками красного. В высоких узких окнах по сторонам двери красовались почти одинаковые картины — деревья в цвету, в их кронах сидят голуби и львы, в тени прячутся олени и волки, ягнята и львы, все в мире и гармонии между собою.

Рун прошел чуть дальше в помещение, но жестом предупредил остальных, чтобы держались позади.

Они были не одни.

В глубоких тенях у другой стены церкви прятались четыре черных пса, которые напали на них в лесу. Там же виднелись силуэты других зверей, их глаза горели алым, выдавая их проклятую сущность. Рун заметил пару *безжалостных волков*, черного леопарда и самца горной гориллы, который стоял, опираясь на костяшки одной руки.

— Не бойтесь, — сказал Гуго, стоя чуть в стороне с факелом в руках. — Вы мои гости... пока я не скажу обратного.

Рун двинулся дальше вместе с остальными, стараясь, однако, прикрывать их спины от мрачного сборища, чьи глаза следили за отрядом с такой же подозрительностью. Хмурясь,

Корца окинул взглядом этот маленький собор. В нефе не было скамей, каменный пол был усыпан соломой. Вдоль стен выстроилось несколько загонов, а маленькие боковые часовни были отгорожены жердями, за которыми виднелись кормушки и толстые подстилки из сена.

София толкнула Руна в бок и кивнула в сторону высоких тощих фигур, толпящихся вокруг мраморных статуй.

Стригой.

Не меньше дюжины.

Насколько видел Руна, у них не было оружия, если не считать садовых инструментов, стоящих у стены, — грабли, мотыги и лопаты.

— Вам никого не нужно здесь бояться, отец Корца, — заверил его Гуго.

Руна надеялся, что де Пейн говорит правду. Сангвинист обвел глазами само помещение. Оно было явно высечено в камне, но внутренняя поверхность стен была выложена беленым кирпичом; белыми были и высокие готические своды. С потолка свисали огромные канделябры из кованого железа, все в потеках свечного воска.

И даже там, наверху, двигались какие-то существа.

Гуго заметил, куда смотрит Руна, поднял руку и свистнул.

От черной тени отделился большой клочок и слетел вниз, опустившись ему на запястье. Это был ворон в черном как ночь оперении, с мерцающими глазами. Клюв его был острым, словно копье, а когти напоминали кривые кинжалы.

Гуго одним пальцем нежно взъерошил перья на шее вороны. Птица наклонила голову и потерлась о его руку.

— Это Мунин. — Гуго глянул вверх, обшаривая взглядом потолок. — Хугин тоже там, наверху. А может быть, улетел охотиться.

Эрин были знакомы эти имена.

— Вороны Одина, — произнесла она. — По преданию, они летали по всему миру, принося новости этому скандинавскому богу, сообщая ему обо всем, что происходит на свете. Вы ведь не думаете, что они...

— Те же самые? Нет, дорогая моя, — с улыбкой отозвался Гуго. — Я просто в шутку назвал их этими именами. И эта

пара — лишь часть огромной стаи, населяющей эти леса и состоящей как из *анафемских*, так и из обычных птиц.

— Поразительно, — сказала Эрин, тоже глядя на потолок.

Рун подозревал, что она не ищет других птиц — ее внимание привлекла роспись на сводчатом потолке. На его белой поверхности были нарисованы красные звезды и синие колесики, образующие сложный, причудливый узор.

— Эти фрески наверху... — пробормотала Эрин, подтверждая предположения Руна. — Они весьма необычны. Похожи на те, что рисовали на Среднем Востоке — с колесиками и звездами, — но не совсем, есть отличия.

Она отошла на несколько шагов, чтобы лучше разглядеть их.

Джордан держался рядом с нею. Элизабет последовала за ними, когда Рун жестом попросил ее сделать это.

София указала на зверей и стригоев:

— Как они оказались здесь?

Гуго с любовью посмотрел на свою стаю. Мунин запрыгнул ему на плечо.

— Мой опыт показывает, что эти существа ищут своих истинных хозяев. Чтобы достичь моего убежища, многие *анафемские звери* и стригои преодолели сотни миль. Я не призывал их. Их привлекло ко мне, так же как этого милого льва привлекло к Руну.

Корца почесал львенка за ухом.

— Но как же вы удерживаете их от убийства в этих горах?

Гуго поднял руки.

— Они не убивают, потому что, как и вы, заключили мир со своей природой. Вместо того чтобы подчиняться своей злой крови, они управляют ею. Они больше не убийцы.

Похоже, Софию слова отшельника не особо убедили. Рун не мог винить ее.

— Как же можно найти мир за пределами церкви?

— Принятие и внимательность, — ответил Гуго. — Во время своих давних странствий я научился определенным приемам, неким способам раскрыть свой разум и выработать в себе терпение и любовь. Я могу научить вас им, если пожелаете. Здесь принимают всех.

Гуго мягко махнул рукой куда-то за спину Руна.

— Франческа, ты не присоединишься к нам? Я знаю, что истины лучше всего выслушивать из уст тех, кто испытал их на себе непосредственно.

В нескольких ярдах от них из тени выскользнула стройная женщина. До того Рун и не подозревал о ее присутствии там. У нее были длинные светлые волосы и изящная походка; похоже, некогда она была прекрасна, но возраст сделал ее тонкое тело хрупким и легким. Женщина улыбнулась Гуго, в глазах ее светилась любовь.

Рун заметил, что клыки у нее слегка удлинены, а сердце не бьется.

— Расскажи им, — попросил Гуго.

— Сначала мы учимся осознанию, — почтительно прошептала она. — Осознанию своей природы, того, кем мы являемся. Чтобы понять, что мы — тоже создания Господа.

София неодобрительно фыркнула:

— Вы — хищники, пожирающие слабых.

Франческа грустно улыбнулась ей.

— Никто не судит льва, когда он убивает газель. Это в природе льва, и ему не нужно чувствовать ни вины, ни стыда.

Гуго подошел к стулу, стоящему поодаль, и сел. Трехногий серый лис подбежал и запрыгнул к нему на колени. Обрубок его лапы был замотан чистой белой повязкой, и Рун ощутил укол сочувствия к зверю. Когда Гуго погладил лиса по спине, тот прижался к нему, не выказывая ни малейшего страха — даже перед львом, который насторожил уши при виде раненого животного.

— Но чем же вы питаетесь? — спросил Рун.

— Отчасти вином, — ответил Гуго. — Как и вы.

— Месье де Пейн, вы все еще можете освящать вино, даже после того, как отвратились от Церкви? — спросила Элизабет.

— Священник несет на своей душе неизгладимую отметину, — объяснил Рун, — и это значит, что он остается священником и может освящать вино даже после того, как оставит Церковь.

София выделила из объяснения отшельника скользкую подробность:

— Вы сказали, что отчасти питаетесь вином. Чем же еще?

— Кровью, конечно. — При этом признании Гуго не проявил ни малейших признаков стыда или вины. — Как сказала Франческа, мы все хищники и должны принять свою природу.

Рун ощутил тошноту, вспомнив, как последователи Распутина смешивали вино с человеческой кровью, чтобы поддерживать свою жизнь. Они оставались убийцами. Похоже, Гуго попался в ту же ловушку. Корца слишком хорошо помнил вкус проклятого кровавого вина распутинцев.

Де Пейн поднял руку.

— Поймите, мы берем лишь ту малость, что необходима нам для жизни, — но мы тоже имеем право жить. Как я упоминал, осознание — лишь одна половина целого. Внимательность важна не менее.

Франческа кивнула, соглашаясь с его словами, и пояснила:

— Когда мы осознаём и принимаем свою природу, мы должны сосредоточить внимание на том, чтобы сохранять власть над собою. Мы размышляем, медитируем, учимся отделять необходимость от желания, забирая только то, что необходимо и правильно.

— Как убийство может быть правильным? — спросил Рун.

Франческа сложила на груди тонкие руки.

— Мы берем только кровь тех, кто страдает, или тех, кто причиняет страдания другим.

— Наша цель — положить конец страданиям, — добавил Гуго. — Мы находим тех, кто мучается от страшной боли и желает умереть. Тех, кто поражен болезнями и никогда не выздоровеет. Мы прерываем их жизнь быстро, милосердно и на общее благо.

Руну, как священнику, нередко приходилось бодрствовать и читать молитвы у ложа умирающих. Хотя концепция убийства как акта милосердия была для него неприемлема, он знал, что человек создал немало технологий, позволяющих отсрочить смерть, но часто эти методы, похоже, лишь продлевали страдания, затягивая неизбежный финал на неестественно долгий срок.

Гуго вздохнул:

— А когда не можем найти таких, мы порой забираем жизнь у тех, кто причиняет страдания невинным. У насиль-

ников, у убийц... Но по правде сказать, нам редко приходится прибегать к подобным мерам. Как я сказал, мы употребляем настолько мало крови, насколько это вообще возможно.

Вмешался Джордан, напомнив им о том, что они пришли сюда не за этим:

— Все это мило и хорошо, но что насчет остальных двух камней?

— Я владею одним из этих двух камней, — признал Гуго. — Но его следует заслужить. Доказать, что вы достойны унести его отсюда.

— Каким образом заслужить? — спросил Джордан.

— Ваша Женщина Знания должна показать, что она достойна. — Взгляд Гуго обратился на Эрин. — Она должна доказать свою способность к *осознанию*, найдя место, где сокрыт камень, и проявить свою *внимательность*, чтобы понять, куда его следует отвезти.

17 часов 07 минут

«Круто, — сардонически подумала Эрин. — Прямо легче легкого».

Во время полета на вертолете она читала хроники, рассказывавшие о Гуго де Пейне и о том, как он основал Орден тамплиеров, но, вероятнее всего, не узнала и десятой части того, что требовалось для решения этой задачи.

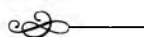
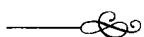
Гуго поднялся со своего стула и отослал раненого лиса обратно в логово, укрытое где-то в тени.

— Итак, Женщина Знания, что ты можешь сказать мне об этом месте?

Она обвела взглядом боковые часовни, своды и стены, отметив, что собор имеет крестообразную форму, характерную для всех крупных храмов. Однако ее глаза задержались на самой необычной части церкви: на потолке.

— Средневековые церкви — не моя специальность, — признала Эрин. — Но часть отделки сходна с той, что можно увидеть в церкви Святого Христофора в Монсонесе. Это тоже во Франции. Та церковь построена тамплиерами, орденом, который вы основали.

— Я помню строительство церкви Святого Христофора.

Эрин восприняла это как положительный знак и более внимательно изучила роспись на потолке. Было ли это испытанием на осознание? Быть может, она должна была решить загадку, зашифрованную здесь?

Задрав голову, Грейнджер искала подсказки. Среди калейдоскопа красных звезд и синих колесиков на потолке были нарисованы и другие причудливые узоры: луны, солнца и различные геометрические фигуры. Она видела влияние как исламской, так и египетской культур. Вот то колесо со множеством спиц определенно выглядит буддийским. В глазах у Эрин плыло от огромной величины и дисгармоничности этого рисунка.

По-прежнему глядя вверх, она заподозрила, что это было сделано намеренно, чтобы заставить зрителя не увидеть за деревьями леса. Поистине, требовалось четкое *осознание*, чтобы игнорировать хаос и увидеть скрытую за ним истину.

Мысленно Грейнджер стала постепенно разбирать обширную фреску на элементы иконографии, взятые из разных культур, вращать рисунок так и этак, оценивая с разных точек зрения. Увы, но это упражнение не дало ей ничего важного. Эрин задумалась: были ли эти фигуры взяты из культур тех стран, которые Гуго посетил после того, как покинул Церковь? Кардинал Бернард сказал, что де Пейн немало поездил по миру, прежде чем осесть во Франции. «Но чем это мне поможет?» Женщина закрыла глаза. «Чего я не вижу?»

И тут она поняла.

Эрин открыла глаза и мысленно убрала эти символы с потолка, ища истину, спрятанную среди созданного людьми шума, за смешением стран и народов.

Лес за деревьями.

Если удалить причудливые орнаменты, на рисунке должна была остаться лишь одна картина, ранее служившая словно бы фоном.

Звезды.

Они вечны.

— Бумагу, — произнесла она, протягивая руку. — И ручку.

Рун порылся в ее рюкзаке и передал ей блокнот и шариковую ручку. Эрин начала перерисовывать эти звезды, размечая

созвездия. Некоторые были крупнее, более отчетливо выражены. Звезды, обозначающие эти созвездия, были шестиконечными, а не пятилучевыми, как прочие.

Продолжая работать, она услышала, как Джордан спросил Гуго:

— Почему бы просто не сказать нам?

— Это испытание, — твердо ответил тот. — Трио должно доказать, что оно достойно.

— Тогда каково же мое испытание? — не сдавался Джордан.

— Вы уже прошли его. В лесу вы пожертвовали собою, отказавшись от борьбы, и тем самым доказали, что вы поистине Воитель, способный достичь своих целей посредством мира и ненасилия.

— А что насчет моего испытания? — поинтересовался Рун.

— Оно пришло сюда вместе с вами. — Гуго наклонил голову в сторону львенка. — Вы, Рыцарь Христов, проявили жалость и милосердие по отношению к существу, которое считали рожденным из тьмы. Вы нарушили правило своего ордена, повелевающее убить такое существо на месте. И за подобное милосердие вы были награждены этим чудом света и благодати.

«А теперь моя очередь».

Эрин вдруг захотелось, чтобы ей досталось более простое испытание. Но она была Женщиной Знания. Она должна постигнуть все сама.

Грейнджер в последний раз сравнила звездную карту, нарисованную на потолке, и ту, что она скопировала в блокнот. Удовлетворившись результатом, направилась обратно к Гуго с блокнотом в руках. Она чувствовала себя ученицей, которая на глазах всего класса выходит к доске решать задачу.

— Это звезды, — начала Эрин. — Вы хотели, чтобы я осознала именно их наличие во всей этой мешанине наверху.

Гуго улыбнулся, но не произнес ни слова.

«Я на верном пути».

Она вспомнила герметический принцип, часто ассоциировавшийся с Орденом тамплиеров: «Что вверху, то и внизу». Звезды служили для навигации со времен зарождения цивили-

лизации. Положение звезд наверху применяли, чтобы найти нечто внизу, на земле.

Эрин рассуждала вслух, расхаживая туда-сюда:

— Я должна вычислить, где на земном шаре будет видно именно такое звездное небо, но, чтобы сделать это, мне нужно знать, в какую дату звезды займут это положение.

Она рассмотрела свой рисунок в блокноте. Самыми заметными среди созвездий, изображенных на потолке, были те, что ассоциировались с весной: Рак, Лев, Дева...

Значит, это, должно быть, весеннее небо.

Потом Эрин вспомнила, что было изображено на фреске в доме Эдварда Келли — той, где из горного озера готов был вырваться сам ад. Элизабет тогда перевела надпись по-чешски, сделанную под тем рисунком: «Весеннее равноденствие».

Возможно, это и был ответ, но Эрин нужно было подтверждение. Женщина нахмурилась, вспомнив, что видела на потолке латинские слова. Она почти бегом бросилась обратно, взбивая ногами разбросанную по полу солому и заново высматривая буквы в хаотическом узоре. Грейнджер чувствовала, что все смотрят на нее: и ее спутники, и те, чьи глаза горели алым блеском в тени. Наконец она обнаружила надписи: одна была сделана красной краской в восточной части церкви, другая — с западной стороны синим цветом.

Два слова.

«Равный» и «День».

Эрин прикрыла глаза от облегчения.

Равноденствие.

Она отошла к остальным, чувствуя, как дрожат ноги.

— Это весеннее равноденствие. Нужная нам дата. — Взмахнув блокнотом, она очертила всю звездную карту разом. — Я должна вычислить, где в мире во время завтрашнего весеннего равноденствия ночью будет видно именно такое звездное небо.

Из заднего кармана брюк Джордан достал свой сотовый телефон и вытряхнул его из водонепроницаемого пластикового чехла.

— У меня есть приложение для этого. У каждого хорошего солдата под рукою всегда должны быть средства навигации.

Эрин оглянулась на Гуго, чтобы убедиться, что им разрешено использовать такие высокие технологии.

Тот пожал плечами.

Грейнджер протянула Джордану открытый блокнот.

— Ты сумеешь сверить с этим?

— Попробую.

Он сфотографировал страницу на камеру телефона и некоторое время играл с приложением, очевидно, пытаясь подобрать точно такое же расположение звезд.

— Я уже могу сказать, что созвездие Льва здесь не на том месте. По крайней мере если сравнивать с небесами над Францией.

— Тогда найди, где оно будет на нужном месте, — потребовала Эрин.

Она заметила, что Гуго вопросительно смотрит на нее, как будто она что-то упустила.

«Значит, учитель хочет, чтобы я заработала дополнительные баллы».

Сжав губы, Грейнджер вновь устремила взгляд на потолок, перебирая созвездия и обращая особенное внимание на весенние. Три меньших весенних созвездия были соединены между собой, между ними тянулись тонкие линии.

Hydra, Crater, Noctua.

— Змея, Чаша и Сова, — пробормотала Эрин, переводя их названия с латыни.

Она без труда поняла значение этих образов. Змея, вероятнее всего, символизирует Люцифера, Чаша вполне может быть той самой Чашей, упомянутой в пророчестве, а сова много тысяч лет была символом знания в самых различных культурах.

Эрин оглянулась на свой рюкзак. Предание гласило, что Кровавое Евангелие включает в своем переплете все знания вселенной. Она снова поглядела вверх, замечая тоненькие линии, которые образовывали причудливые узоры и завитки вокруг этих трех созвездий, сплетая их воедино.

— Они объединены в одно целое, — произнесла Эрин вслух.

На лице Гуго появилась широкая, радостная улыбка, он словно бы хотел поздравить Эрин с высокими достижениями.

Ей хотелось стукнуть его, чтобы он не ухмылялся, а дал ей настоящие ответы.

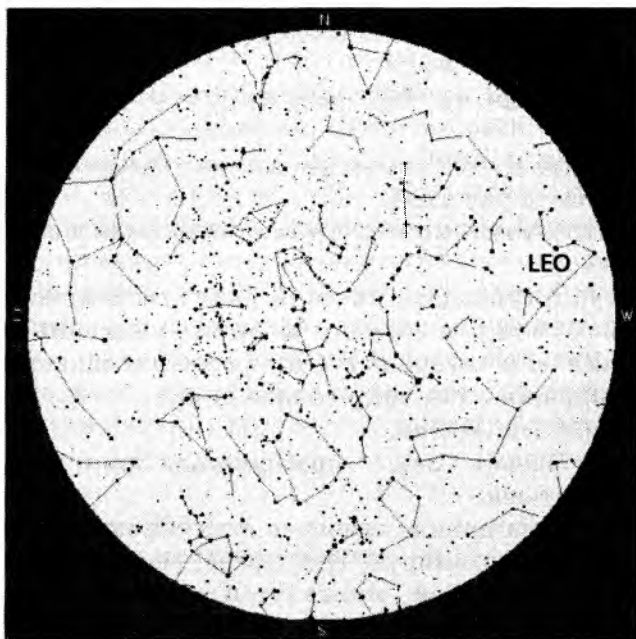
К счастью, вмешался Джордан, победным жестом вскинув свой телефон.

— Готово!

Эрин подошла ближе.

— Вот ночное небо над Францией.

Женщина посмотрела на экран, увидев, что он обозначил там созвездие Льва.

— Мы примерно на сорок третьей широте, — продолжал объяснять Джордан. — В это время года Лев должен находиться над самым западным горизонтом, но на карте, что изображена на потолке, он расположен совсем не так.

Эрин взглянула вверх, осознав, насколько отличается нарисованное там звездное небо от того, что светилось на экране телефона.

— Так где же на планете находится то небо, которое совпадает с этим?

— Далеко на восток и примерно на двадцать восьмом градусе северной широты.

— Может это быть Тибет? — спросила Эрин. — Или, возможно, Непал?

Джордан уважительно присвистнул и снова протянул ей телефон, где в окошке приложения высветилось название:

КАТМАНДУ, НЕПАЛ

27°30' С.Ш., 85°30' В.Д.

— Не забывай, — предупредил Джордан, — что это взято в грубом приближении. Однако это тот самый регион мира, которому соответствуют созвездия вверху. По сути, это может быть где угодно в Гималаях.

Эрин представила себе фреску, написанную на стене в доме Келли: там были изображены три горы, окружающие темное озеро. Это должно быть где-то в Гималайских горах в Непале.

«Но где?»

— Как ты заранее догадалась, что это Непал? — спросил ее Рун.

— Из-за звезд и колесиков на потолке. Это буддийские символы. Из всех рисунков, относящихся к разным культурам, они самые многочисленные на этой фреске. — Эрин теперь говорила быстро, уверенная в своих словах. — Вон то колесо — это буддийское Колесо Преображения. Его обод — это предел, ступица символизирует мир, а восемь спиц — Благородный Восьмеричный Путь, который нужно пройти, чтобы вырваться из круга страданий... — Женщина повернулась к Гуго, словно бросая ему вызов. — Это там вы научились техникам медитации, верно? Во время своих странствий, прежде чем поселиться во Франции, вы побывали на востоке и там обучились этим практикам у буддийских монахов.

Гуго склонил голову в знак правдивости ее слов.

Рун нахмурился.

— Но как буддисты могли помочь вам справиться с вашей проклятой сущностью?

— Потому что эти монахи сами были стригоями.

На лицах сангвинистов отразилось потрясение; даже Элизабет была поражена, но ее одолевало скорее любопытство, чем ужас.

Гуго взглянул на витражные окна.

— После того как покинул Церковь, я странствовал много лет, пытаюсь постичь смысл того, чем я был. Я услышал легенды о вечных монахах, по слухам, обитающих на Дальнем Востоке и бессмертных, как и мы. Я перенес великие трудности, чтобы отыскать их; меня направляли все дальше и дальше, пока наконец я не достиг долины, окруженной тремя горными пиками, — и там многое узнал о своей природе и о сущности мира.

Последовало изумленное молчание, которое нарушила Элизабет:

— Вы оставили свидетельства об этом, не так ли?

Гуго удивленно поднял брови — похоже, его лицо нечасто принимало подобное выражение.

— Да, оставил.

Элизабет смотрела на Эрин так, как будто та тоже должна была понимать, о чем идет речь.

И она неожиданно поняла.

«Три горных пика».

Эти слова всё расставили на свои места.

Глава 32

*19 марта, 17 часов 43 минуты
по центральноевропейскому времени
Пиренеи, Франция*

— О чем это толкует Элизабет? — спросил Джордан у Эрин, заметив на ее лице знакомое выражение, свидетельствующее о том, что ее постигло озарение. Она о чем-то догадалась.

Эрин взяла у него из рук телефон.

— У тебя здесь есть копии тех снимков, что я сделала в Венеции?

— Ну да...

Она перелистала файлы, на миг задержавшись на фотографии, где она была снята полуобнаженной, выходящей из ванной. Джордан тайно щелкнул ее, когда они были в Кастель-Гандольфо. Просто не мог устоять перед искушением.

«Я хочу сказать — вы только взгляните на это тело».

Эрин оглянулась на него, послала ему мимолетную улыбку, но это был не тот снимок, который она искала. Наконец она нашла то, что нужно, и подняла телефон повыше.

— На стене в доме Эдварда Келли были изображены три пика. В тот момент это напомнило мне о том, что показала нам в Венеции Элизабет, но потом началась вся эта пражская заваруха, и стало не до того.

Эрин повернулась к Гуго.

— В соборе в Венеции есть знаменитая мозаика. По вашему жизнеописанию я поняла, что Венеция была вашим любимым городом в Италии. Вы проводили там много времени.

— А как могло быть иначе? — согласился он. — Это город редкой судьбы, город, смешанный с самим морем. Он — материальное свидетельство двойственности отношений человека с природой. Венеция — пример того, как человек борется за то, чтобы покорить природу и в то же время стать ее частью.

— И там находится базилика Святого Марка, — продолжала Эрин. — Элизабет сказала, что эту самую мозаику заказал алхимик из Праги, тот самый человек, которому вы отдали зеленый алмаз.

Она показала всем снимок мозаики из базилики. Это был триптих, на котором черный дьявол искушал Христа тремя различными способами.

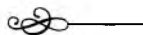
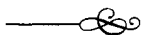
Джордан и сам вспомнил теперь эту мозаику.

— Три искушения Христа.

— За этим заказом стояли вы, не так ли? — спросила Эрин. — Три пика вокруг той долины, где живут монахи. Вот что Келли изобразил на стене в своем доме. Должно быть, вы поделились этим знанием с алхимиками, когда отдавали им алмаз. И то же самое представлено на мозаике в древнем городе, в базилике, простоявшей не один век. Вы оставили свидетельство об этой долине посредством золотых плиток мозаики.

Джордан по-прежнему не понимал, что она имеет в виду.

Эрин увеличила картину третьего искушения — *и здесь эта цифра «три»!* — и вывела крупным планом ту часть, что находилась под ногами Христа. Он стоял на трех горах, опираясь на округлый пузырь — как будто шел по воде.

— Вы правы, — произнес Гуго. — Подобные знания не должны затеряться во времени. Они слишком важны.

— И что в них такого важного? — поинтересовался Джордан.

Но вместо Гуго ответила Эрин:

— В этом куполе светящейся воды под ногами Христа заключены три чаши. — Она пристально взглянула на Гуго. — Эти три чаши символизируют три камня, не так ли?

— Да, — подтвердил де Пейн.

— Именно там вы впервые увидели их, — продолжила Эрин, — там вы их и нашли. *Арбор, Аква и Сангвис*. Камни Сада, Воды и Крови.

— Это действительно так. В той самой святой долине, долине божественного просветления.

— Довольно загадок, — взмолился Рун. — Где эти горы? Гуго проигнорировал его вопрос.

— Вы показали себя достаточно сведущей, Женщина Знания. Эти горы окружают место, известное как Священная Сокрытая Долина Счастья.

Эрин прикрыла глаза и в изумлении покачала головой.

— Ты знаешь это место? — спросила София.

— Только по отзывам. Желала бы я сказать, что это знание пришло ко мне посредством исследований и чтения книг, но

на самом деле оно попало мне в статью из журнала о путешествиях... Чистое совпадение.

— Нет, — возразил Гуго. — Таких совпадений не бывает.

— Тогда что же это было? — с пренебрежением поинтересовалась Эрин. — Я наткнулась на эту статью по велению рока?

— Нет. Никакого рока не существует. Мы сами хозяева и творцы собственных судеб. — Де Пейн очертил круг рукой, включив в него тех, кто прятался в тени. При этом он потревожил ворона, все еще сидевшего у него на плече, и тот раздраженно взъерошил перья. — Ваше *осознание* и природная любознательность заставили вас увидеть и прочитать эту статью, тогда как другие могли пропустить ее. И ваша *внимательность* заставила вас запомнить ее. Вы всегда были такой, Эрин Грейнджер. Я подозреваю, что именно это заставило вас покинуть родных и выбрать путь, ведущий вас прочь от слепого повиновения вере вашего отца — чтобы найти собственную дорогу к знанию и мудрости. Рок, удача, совпадение... ничто из этого не имеет значения. Вы просто Женщина Знания. Это ваша истинная сущность. Это то, что привело вас ко мне.

Во время этого откровения Эрин придвинулась ближе к Джордану, потрясенная не только тем, что этот отшельник знает все о ее прошлом, но и тем, как быстро он добрался до самой ее сути.

Стоун притянул ее к себе, чувствуя, как она дрожит. Он начал понимать, почему даже монстры и звери склонялись перед этим человеком.

— Где эта долина? — настойчиво спросил Рун.

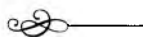
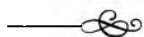
Эрин ответила ему:

— Это долина Цум в Непале. Из-за своей священной истории она лишь недавно была открыта для туристов. Говорят, что когда-то там находилась Шамбала, легендарное королевство буддистов. Или, как ее чаще называют в западной культуре, *Шангри-Ла*.

Джордан знал эту историю, но только по фильмам.

— Считается, что это место, затерянное во времени, место, где никто не стареет и не умирает.

Это заставило его задуматься: а не было ли основанием для этой легенды то, что в долине жили монахи-стригои?

— Но есть более важная история о Шамбале, которая напрямую связана с нашей ситуацией, — сказала Эрин. — Я читала, что второй Будда, Падмасамбхава, благословил эту долину как место, которое будет заново открыто, когда земля вплотную приблизится к уничтожению, когда мир станет слишком грешным, чтобы жить дальше.

— Очень похоже на то, что происходит сейчас, — отозвался Джордан.

— И эта долина действительно существует? — спросил Рун.

— Существует, — подтвердила Эрин. — Эта долина долгое время была священным для буддистов местом. Там все еще живут монахи и монахини, и в ее пределах запрещено любое убийство.

— Как здесь, — добавил Джордан, гадая, не основал ли Гуго свой скит в качестве персональной долины Цум.

— Эти монахи и научили меня, — объяснил Гуго. — Они живут в этой долине, в монастыре, построенном между двумя огромными деревьями, такими же вечными, как сами монахи. Под кроной одного сидят в медитации. Это дерево именуется Древом Просветления. Под другим пьют священное вино. Это дерево зовется Древом Вечной Жизни.

Эрин высвободилась из объятий Джордана.

— Другими словами, Древо Познания и Древо Жизни из библейской истории об Эдемском саде.

Даже Элизабет была потрясена.

— Вы утверждаете, что эта долина Цум и есть то самое место, где действительно некогда был Эдемский сад?

София нахмурилась.

— Как мог Эдемский сад оказаться в Гималаях?

— Существует школа, которая помещает его там, — сказала ей Эрин. — Некоторые последователи этой школы считают, что легенды о Шамбале достаточно сходны с историей об Эдеме, так что это вполне может быть одно и то же место. По преданию, Шамбала, как и Эдем, была садом, где не существовало смерти и где могут оставаться надолго только безгрешные.

— В тридцатых годах прошлого века нацисты отправили в Тибет экспедицию, — добавил Джордан, призвав на помощь

свои знания о Второй мировой войне. — Они искали истоки арийской расы, расы сверхлюдей. Эти бессмертные стригои-буддисты вполне соответствуют такому запросу.

Все обернулись к Гуго за подтверждением. Тот пожал плечами.

— Я просто сказал, что в долине есть два дерева. Я не осмелюсь утверждать, будто знаю, где находился Эдемский сад и существовал ли он вообще.

— И тем не менее, — произнес Джордан, возвращая всех к более насущному вопросу, — судя по фреске Эдварда Келли, эта долина и есть то место, где ад вырвется на свободу.

Он вспомнил нарисованное озеро и темные тени, вырастающие из него.

Гуго едва заметно кивнул ему.

— Монахи говорили мне, что этот сад — перекресток добра и зла. По их словам, они были стражами этих врат.

— А что насчет трех камней? — спохватилась Эрин.

— По словам моих наставников, три самоцвета были наделены властью открывать и закрывать эти врата между мирами. Но по мере того как европейцы начали все ближе подходить к границам запретной территории и могли вот-вот обнаружить долину, монахи испугались, что окажутся недостаточно сильны, чтобы защитить эти камни. Поэтому они отдали мне два из трех самоцветов, чтобы я по отдельности укрыл их во внешнем мире.

— Другими словами, — перевел Джордан, — не храните все яйца в одной корзине.

— Нестареющая мудрость, — согласился Гуго.

— Но почему вы отдали столь могущественный артефакт Джону Ди? — спросила Элизабет.

— Если оглянуться на прошлое, это было глупое решение, — со вздохом признал де Пейн. — Когда из пепла Темных Веков восстал мир научных исследований — когда алхимия начала становиться химией и физикой, — я решил, что смогу сам побольше узнать об этих камнях.

Джордан вспомнил, что недавно в такую же ловушку попал кардинал Бернارد, решив изучить капли Люциферовой крови. Неудивительно, что эти две личности некогда были лучшими друзьями. У них было много общего.

— Джон Ди был хорошим и мудрым человеком, — продолжал Гуго. — Я думал, что он использует этот камень для обуздания зла, каплю за каплей собирая его в узилище. Но я и понятия не имел, к чему это приведет. После смерти Ди я пытался вернуть себе камень, но жадность вынудила Эдварда Келли продать его, и я потерял след самоцвета.

— Итак, наша цель — взять ваш камень и тот, что лежит у Джордана в кармане, и отвезти их обратно в ту долину, — подвела итог Эрин. — Где монахи по-прежнему хранят третий. Но зачем?

— Я знаю только то, что уже сказал вам, — ответил Гуго. — Возможно, монахам известно больше.

— И не забывайте, — напомнил всем Джордан, оглядываясь на окна и с удовлетворением отмечая, что солнечный свет все еще сияет над водопадом, — что не одни мы ищем эти камни.

Легион все еще пребывал в этом мире.

— Но какое дело до них этому демону? — спросила София. — Что он хочет сделать?

Лицо Руна было угрюмым.

— Вероятно, он хочет посредством этих камней открыть врата в долине Цум и выпустить силы Преисподней в наш мир, освободив при этом Люцифера.

Эрин кивнула.

— И очевидно, что наш долг — воспользоваться теми же самыми камнями, дабы найти способ удержать орду демонов там, где она заточена, и снова запечатать ход в Преисподнюю.

— Звучит достаточно просто, — с наигранной бравадой заметил Джордан. — Но конечно, сначала нам нужен камень, который Гуго прячет где-то здесь.

Отшельник широко развел руками.

— Вы вольны искать этот камень в моей церкви.

— Если Эрин прошла испытание, — спросила Элизабет, гневно сверкая глазами, — то почему бы просто не отдать ей камень?

— Она должна найти его сама.

Джордан посмотрел на Эрин.

— Прости, милая, похоже, настало время для второй части экзамена. Так что доставай свой карандаш номер два и при-

ступай. — Он взглянул через окно на небо, озаренное лучами клонящегося к закату солнца, отчетливо понимая, что у них остался примерно час светлого времени.

«Лучше тебе поторопиться».

18 часов 04 минуты

Эрин хмуро смотрело на Гуго де Пейна.

«Неудивительно, что он и Бернард были такими хорошими друзьями».

Оба были мастерами скрытности и манипулирования.

Но она приняла вызов.

— Позвольте угадать. *Аква*, камень Воды, все еще находится у озера, где живут монахи. И это означает, что вы храните *Сангвис*, самоцвет Крови. Вполне осмысленно, что монахи отдали именно этот камень вам, сангвинисту.

— Этот камень вовсе не предназначался мне, — ответил Гуго. — Вы должны разгадать загадку, чтобы забрать камень, принадлежащий вам.

«Принадлежащий мне? Что это значит?»

Грейнджер на некоторое время отбросила эту мысль и повернулась, чтобы окинуть взглядом церковь. Если Гуго спрятал камень где-то здесь, это должно быть место, имеющее особое значение.

— *Сангвис*... кровь... — пробормотала она почти беззвучно.

Рун смотрел на Эрин, и его пальцы бессознательно тянулись к его нагрудному кресту. Распятие покоилось над его безмолвным сердцем, серебро обжигало его кожу, и эта боль должна была вечно напоминать ему о его обетах перед Христом и Церковью. Эрин на мгновение задержала взгляд на перевязанной культе Руна.

«Разве вынесенной им боли не достаточно для любого божества?»

Она вновь перенесла внимание на церковь, в очередной раз осознав, что та выстроена на крестообразном основании.

«Как распятие на груди у Руна».

В голову Эрин пришла неожиданная мысль, и, спеша проверить ее, женщина пошла прочь, шурша соломой, раскиданной на полу. Она направлялась в центр церкви, где неф пере-

секался с трансептом. Оглянулась на Руна, видя ожог у него на груди, над сердцем.

Теперь она стояла в самом сердце храма Гуго.

А ведь назначение сердца — качать кровь, не так ли?

Сангвис должен быть здесь.

Эрин снова посмотрела на потолок прямо у себя над головой. Не спрятал ли Гуго камень там, наверху?

«Нет, — решила она, — эта загадка уже решена».

Процитированный ранее принцип эхом отдался в ее мыслях.

Что вверху, то и внизу.

Эрин посмотрела себе под ноги, потом опустилась на колени и начала искать, сметая солому. Она шарила ладонями по полу, пока не нашла камень с характерным углублением — округлым, с фестончатыми краями.

Похожим на чашу.

— Он здесь, под полом, — произнесла Эрин, сначала нерешительно, затем громче и увереннее: — Вы превратили *Сангвис* в сердце своего храма, месье де Пейн! Вы спрятали его здесь.

Остальные бросились к ней, спугнув стаю черных птиц из под высокого свода.

Гуго неспешно направился следом.

Рун первым подбежал к Эрин и опустился на пол рядом с нею. Он положил ладонь на найденный ею булыжник с углублением.

— Она права. Я чувствую отголоски святости, исходящей оттуда.

София присоединилась к нему, согревая ладони теплом этой святости. Из всех сангвинистов только Элизабет осталась стоять позади, скрестив руки на груди и почти равнодушно глядя на прочих.

Даже львенок подсеменял поближе. Звереныш держался рядом с Гуго, в основном рассматривая птицу, сидящую на плече отшельника, — естественный интерес для представителя семейства кошачьих. Хорошо, что Гуго действительно покормил его. И все-таки, оказавшись в центре храма, лев аккуратно коснулся лапой углубления в камне, явно наслаждаясь тем, что ощущал при этом прикосновении.

Это движение заставило Эрин вернуться к мелким деталям загадки. Она провела пальцем по фестончатому краю углубления, подумав, что ключом, вероятнее всего, тоже служит кровь.

— Это врата сангвинистов, не так ли? — заявила Эрин. — Единственный способ его открыть — кровь сангвиниста.

— Вы поистине неординарная женщина, — признал Гуго. — Ваша внимательность поражает.

Она смотрела на него, чувствуя, что здесь кроется что-то еще.

— Что-то подсказывает мне, что открыть эти конкретные врата не так-то просто.

— Действительно, подобные врата можно запереть многими разными способами.

Эрин вспомнила, как Бернард закрыл дверь приказом *«pro te»*.

— Даже я больше не могу открыть их, — сознался Гуго. — Я запечатал их приказом, который помнят лишь немногие сангвинисты. Даже мой дорогой друг Бернард не входит в их число.

Эрин кивнула. По крайней мере это имело смысл. Запереть врата так, чтобы никто не смог заставить Гуго открыть их — каким бы то ни было принуждением.

— Я слишком грешен, чтобы открыть их теперь, — продолжал де Пейн. — Необходима чистота, чтобы отворить святой камень.

— Чистота? — переспросила Эрин.

— Они откроются только для сангвиниста, который никогда не ведал вкуса крови, прежде чем испытать вина и принять то, что предложил Христос. — Гуго посмотрел на них. — Нужна кровь Избранного.

Эрин повернулась к Руну.

18 часов 18 минут

Под взглядами, направленными на него, Корца отпрянул назад.

«Я не Избранный... по крайней мере теперь уже нет».

Это было правдой — то, что он не пробовал крови, прежде чем стать сангвинистом. Рун помнил, как подвергся у могилы

сестры нападению стригоя и как сразу же был спасен тройкой сангвинистов, которая и доставила его к Бернарду. Там, стоя на коленях, он принес свои обеты, испил вина и принял церковное облачение, вступив в ряды ордена.

«Но теперь я далек от чистоты».

— Это можешь быть только ты, — обратилась к нему Эрин.

— Этого не может быть. Я грешил. Я пил кровь.

— Но твои грехи были отпущены тебе в пустыне, — тихо произнесла она, коснувшись его обнаженного плеча. — Это ты.

Элизабет тоже смотрела на него, хмуясь.

— Ты самый чистый из нас, Рун. Что плохого в том, чтобы попытаться? Тебя так пугает страх перед неудачей, перед тем, что ты будешь сочтен недостойным? Я думала, ты сильнее духом...

Корца ощутил, как в душе его поднимается стыд. Элизабет была права. Он боялся, но одновременно сознавал, что не должен уклоняться от этой задачи, если был хотя бы один шанс свершить это благое дело.

Рун неохотно преклонил колени на холодном камне и склонил голову, взявшись за свой наперсный крест. Жжение серебра в ладони напомнило Руну о его нечистой сущности и о том, как эта сущность управляла им. Но он все равно должен попытаться. Он положил ладонь на углубление в камне и осознал, что у него нет второй руки, чтобы взять нож и порезать ладонь.

«Как низко я пал... Рыцарь с одной лишь рукой».

София пришла ему на помощь, одолжив у Гуго маленький нож. Она кольнула острием в центр ладони Руна. Из раны заструилась темная кровь. Корца повернул запястье, сжал кулак и капнул своей проклятой кровью в каменную чашу. Потом перекрестился и произнес слова обряда, завершив традиционным *«mysterium fidei»*.

Все пристально смотрели на камень.

Но тот оставался неподвижен.

«Я потерпел неудачу».

Отчаяние охватило Руна, сокрушая его неопровержимой истиной.

«За мои грехи мы все обречены».

Глава 33

*19 марта, 18 часов 22 минуты
по центральноевропейскому времени
Пиренеи, Франция*

Элизабет смотрела на Руна, который так и стоял на коленях, согнувшись и низко склонив голову. Он являл собой живое олицетворение поражения. Элизабет вздохнула: как же хрупки эти сангвинисты, опирающиеся на свою веру, точно нищий на клюку... Выбей ее мимолетным сомнением — и они сразу же упадут.

София играла в этой драме роль греческого хора.

— Рун был нашей единственной надеждой. Он единственный из нашего ордена — за тысячи лет его существования, — кто не пил кровь, прежде чем принять дар Христа.

«Это не так».

Археологиня по крайней мере пыталась бороться.

— Должен быть другой способ. Если взять долото и молот и ударить...

— Я не позволю осквернять свою церковь подобными действиями, — возразил Гуго. — Кроме того, при любой такой попытке самоцвет свалится в реку, протекающую в сердце этой горы, и будет затерян навеки.

— Значит, вы оснастили свое тайное хранилище ловушкой, — заметил Джордан. — Надо сказать, вы умело прикрыли свои тылы.

Элизабет видела, как губы Руна шевелятся в бессильной молитве, и жалела его. Он отдал все своему Богу, и его жертва оказалась напрасной. В глазах Господа своего он был так же нечист, как любой дикий стригой. И эта неудача стала ему наградой за столетия службы Христу.

Так что для Руна наверняка будет особо унижительно увидеть, кто спасет их сейчас, кто откроет тайник, который он не смог отворить.

— Отойдите, — произнесла Элизабет, забирая у Софии нож.

Графиня опустила на колени рядом с Руном, нагребла горсть соломы и стала вычищать его кровь из углубления в камне.

Корца посмотрел на нее.

— Что ты...

— Молчи, — велела она.

Все еще стоя на коленях, Батори порезала свою ладонь и всмотрелась в кровавую лужицу, набирающуюся в горсти. С блестящей темной поверхности на Элизабет смотрело ее собственное бледное лицо.

«Прости, Рун. Я знаю, что это причинит тебе боль».

Она произнесла положенные по обряду латинские слова:

— «Ибо это есть Чаша Крови Моей, чаша Нового и вечного Завета».

Потом повернула руку, позволяя крови стечь в углубление в полу. Темная жидкость быстро заполнила мелкую чашу. И когда уровень ее достиг края, графиня почти пропела последние слова ритуала:

— *Mysterium fidei*.

С тихим скрежетом камень погрузился в пол, затем сдвинулся в сторону.

Элизабет услышала, как все ахнули, не в силах поверить. Только Эрин рассмеялась.

Остальные повернулись к ней.

— Я поняла, — объяснила Грейнджер. — Элизабет стала цельной, когда в пустыне Рун вернул ей душу. Затем, в базилике Святого Марка, когда Бернард отнял эту новую душу и снова сделал ее стригоем, ей не позволено было выпить крови. Вместо этого она в ту же ночь вынуждена была испить вина.

— И с тех пор я не пробовала ни единой капли крови, — дополнила Элизабет и повернулась к Руну. — Согласно требованиям Церкви, моя сущность оставалась чиста. Я Избранная. И вот доказательство.

Она сместилась в сторону, так, чтобы луч, падающий из окна, осветил углубление. Свет огненным сиянием отразился от поверхности темно-красного камня, сокрытого внутри, его грани словно извергали пламя. Этот блеск словно бы изливался наружу из сердцевины самоцвета.

Хотя глаза у Элизабет слезились, она неотрывно смотрела на алый камень, потрясенная его красотой. За долгие годы своего существования графиня владела множеством драго-

ценностей. В своей смертной жизни она была одной из самых богатых женщин в мире. Но ни один из этих камней не был столь притягателен, как этот.

И не одна она была захвачена.

Джордан рухнул на колени; алый свет заливал его лицо, точно свежая кровь.

— Он поёт, — простонал сержант.

18 часов 27 минут

Сердце Джордана пело, обращаясь к пламенному камню, и тот отвечал священной симфонией, затягивая его все глубже в свою мелодию, в свой свет. Окружающий мир померк, превратился в скопище теней по сравнению с этим сиянием.

«И как могло быть иначе?»

Словно издали, он слышал, как переговариваются другие, но их слова были лишь шепотом по сравнению с этим величественным пением.

— Разве вы не слышите? — спросил он, пытаясь заставить их прислушаться.

Резкий голос пробился сквозь мелодию, вклиниваясь между нотами:

— Эрин Грейнджер! Забери камень! Укрой его от света, прежде чем этот человек навеки затеряется в нем!

Джордан узнал голос отшельника.

Мгновение спустя сияние померкло, вечная песнь почти затихла. Мир обрел свою вещественность, вес и тени. Стоун увидел женщину, которая заворачивала самоцвет в белый лён, пряча его пламя от света. Ее глаза смотрели на Джордана со страхом и тревогой.

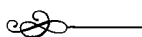
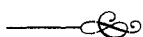
Кто-то принес ей рюкзак, и она сунула сокровище туда. Звук закрывающейся «молнии» громом прозвучал в безмолвии церкви.

Руки Стоуна сами потянулись к этой женщине, к ее рюкзаку. Он жаждал забрать камень, снова подставить его солнечному свету, чтобы дослушать его песню до конца.

Женщина отступила на шаг назад.

— Кто-нибудь из вас слышал это пение? — спросила она.

Ответом ей был хор отрицания.

Постепенно мир вокруг Джордана становился все более прочным. Но если напрячься, можно было расслышать слабый отголосок этой песни, доносящийся из рюкзака, и ему вторило такое же слабое эхо из кармана самого Стоуна. Это эхо было темно-изумрудным, полным обещания обильного роста, оно шептало о корне и листьях, о цветке и стебле.

— Джордан, — произнес нежный голос у самого его уха. — Ты меня слышишь?

«Да».

— Джордан, ответь мне. Пожалуйста. — Потом Грейнджер отвернулась, и голос стал тише. — Что с ним не так?

— Он лишен равновесия. — Это снова голос отшельника.

— Что это значит?

— Он был затронут ангельской кровью. Она защищает его и лечит его, но в то же время всякий раз, спасая его, поглощает его человечность все сильнее и сильнее. Вы можете видеть карту этой войны, начертанную на его коже. Если ангельская сила возобладает, он будет навеки потерян для вас.

Ко лбу Джордана прикоснулась ладонь; по сравнению с жаром его кожи она была холодна, точно подтаявший лед.

— Как нам помочь ему?

«Ее зовут... Эрин».

— Не дайте ему забыть о его человечности.

— Что вы имеете в виду? Как именно это сделать?

Джордан услышал, как изменилось это тихое пение, вновь привлекая его внимание. Это был отзвук минорных аккордов, темная нить, которая вплелась в песню, привнося в нее глубокие тревожные ноты.

Он заставил свои губы шевельнуться.

— Кто-то идет.

Все умолкли, и это дало ему возможность прислушаться внимательнее.

— Невозможно, — заговорил отшельник. — Вокруг всей горы я расставил стражей. В тени леса, в темных тоннелях. Они предупредили бы меня. Вы в безопасности.

Черные ноты в голове Джордана звучали все громче.

Львенок зарычал, его белая шерсть поднялась дыбом.

Стоун встал, отошел к стене и взял какое-то орудие с длинной рукояткой.

— Поставьте тяпку, — велел отшельник. — Нет необходимости творить насилие.

Джордан повернулся лицом к черным тням в дальней части церкви.

Слишком поздно.

«Он здесь».

18 часов 48 минут

Легион шагнул в темный тоннель из-под тенистого полога леса. Его вели другие, те, кого он нашел скрывающимся в лесах, те, чья сущность была осквернена, но кто надеялся найти мир на этой горе. Вместо этого они получили клеймо Легиона, когда демон коснулся их, поработив. Он впитал их память, их знания о логове отшельника, узнал о секретных путях в эту гору.

Ранее, получив знание об этом месте через глаза и уши отца Грегори, Легион покинул Прагу; его все еще слабое тело несли те, кто носил его отметину. Тройка заклеянных сангвинистов раздобыла для него вертолет с затененными от солнца стеклами, чтобы он мог путешествовать над землями, залитыми солнцем нового дня.

Они приземлились на другой стороне горы от того места, где сел вражеский вертолет. Прямо оттуда начинался старый лес, защищавший Легиона от прикосновения солнца. Карабкаясь вверх, он вдыхал запах жирного суглинка и гниющего дерева, сладкий аромат листьев и коры. Его глаза наслаждались темно-изумрудной зеленью над головой, мягкими красками цветов под ногами. Его уши улавливали каждый шорох, каждое чириканье, каждое движение жизни, напоминавшее ему о том, каким раем могла бы быть эта земля, если бы ее не затронула чума человечества.

«Я вновь превращу ее в настоящий сад, — думал он. — Я буду пропалывать и выжигать сорную траву, пока земля снова не станет раем».

В этом лесу демон обнаружил стражей отшельника — как зверей, так и стригоев, — верных человеку, который обещал указать им путь к умиротворению. Понадобилось лишь одно прикосновение, чтобы освободить их от этой тщетной

надежды, чтобы забрать их себе. Никто из них не успел поднять тревогу.

И теперь Легион шел их тоннелями, дивясь тому, что враг нашел подобное убежище и окружил себя оскверненными существами, которых оказалось так легко обратить против него. Демон углублялся в гору, каждым прикосновением распространяя вокруг себя бурю тьмы, которая вот-вот должна была достигнуть сердца этой самой горы.

С каждым его шагом по логову отшельника его глаза множились, его голос звучал все шире. Порабощенные им призывали к нему других. Они стремились к нему, словно мотыльки на пламя, и их ряды все разрастались.

Он следовал все глубже за своим воинством, пока не услышал знакомое биение двух сердец.

Неистовый трепет сердца Женщины, громовые удары сердца Воителя.

Этим двоим почти удалось уничтожить его сосуд.

Ярость охватила Легиона. Он вскинул руку и приказал: «Вперед».

Поднятая им буря хлынула по тоннелям, готовясь сокрушить тех, кто находился внизу. Демон знал, что противники уже обрели второй камень. Его огненная песнь долетела до него, и он устремился ей навстречу. Теперь, когда демон знал, что камень найден, ему больше не нужны были другие, даже Рыцарь.

Легион отдал последний приказ, наполнив своим желанием безмолвные сердца своей армии.

«Убейте их всех».

18 часов 50 минут

Рун выхватил из кучи садовых инструментов, стоявших у стены, косу. Львенок держался рядом с ним.

София схватила в одну руку топор для рубки дров, в другую — молот.

Элизабет подняла лопату.

Рун повернулся как раз в тот момент, когда из тоннеля в дальнем конце церкви хлынули темные силуэты, набросившись на стригоев и *анафемских зверей*, собравшихся там, словно волна, обрушивающаяся на песок.

Если бы Джордан не предупредил их несколько мгновений назад, они оказались бы под атакой прежде, чем успели бы приготовиться.

Один из нападающих пробился через схватку и длинным прыжком бросился на Эрин. Она стояла на одном колене, держа рюкзак, где лежали книга и камень, готовая защищать и то и другое.

Рун оказался рядом с ней, взмахнул косой и отсек ногу твари, пинком отбросив ее тело подальше. Стригой рухнул на пол, черная кровь текла из его отрубленной конечности. И все-таки он силился подползти к ним, цепляясь за каменный пол. Вскинув голову, стригой издал долгий, полный ярости крик; на его бледной щеке отчетливо виднелся черный отпечаток ладони.

«Клеймо Легиона».

Рядом с ним возник Джордан, двигавшийся быстро, точно атакующий ястреб. Одним ударом тяпки он размозжил стригую череп.

Рун поднял Эрин на ноги как раз в тот момент, когда Стоун с разворота сломал свое оружие о спину *анафемской* пантеры. Вторым ударом он вонзил расщепленный конец черенка в глаз зверю. Прежде чем Корца успел отреагировать, Джордан обернулся и вырвал из его руки косу.

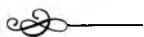
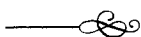
Рун не протестовал — вместо этого он вместе с Эрин отступил назад, зная, что должен оберегать ее и то, что она несет.

София и Элизабет охраняли их с флангов, а Джордан продолжал сражаться с врагами, но все новые звери и стригои заполняли церковь. Их число было ошеломляющим. Этот бой невозможно было выиграть.

Свет за спиной Руна стал ярче, к нему примешался грохот воды.

— Ко мне! — крикнул Гуго.

Рун оглянулся и увидел, что де Пейн распахнул двойную дверь, выходящую на водопад. За порогом открывался роко-чущий каскад воды. Но помимо того, Корца заметил, каким тусклым был свет. От светового дня осталось лишь несколько минут, а эта дверь в церкви Гуго выходила на восток, и теперь, когда солнце садилось на западе, тень от горы накрыла

порог. Свет был слишком слабым, чтобы обещать подлинную защиту.

Доказывая эту несложную истину, еще один стригой вырвался из битвы и кинулся к ним.

Но в воздухе мелькнула белая вспышка, опрокинула тощее тело стригоя на пол и стала терзать его лицо и горло серебристыми когтями, точно пытаясь стереть с его кожи отметину Легиона.

Гуго схватил Руна за локоть и вручил ему скатанный трубкой листок какого-то кожистого материала.

— Это древняя карта, начертанная на пергаменте. Она покажет вам путь в долину.

Корца взял свиток и сунул его под ремень своих брюк. Затем обхватил Эрин за талию, зная, что есть лишь один способ спастись от этого нападения.

— Мы должны прыгнуть, — сказал он.

Эрин попыталась вывернуться из его хватки, озирая темную церковь и кипящий в ней бой.

— Джордан...

Рун заметил сержанта, который возвышался в самой середине черного шторма, подобно камню. Стоун двигался с невероятной быстротой и яростью, его тело было покрыто многочисленными порезами, и брызги святой крови обжигали темных тварей, а коса без устали косила их ряды.

Но даже Воитель Человеческий не в силах был долго выстоять против такой орды.

На глазах у Руна Джордан рухнул на одно колено, и черный прибой нахлынул на него, грозя захлестнуть.

— Мы заберем его, — сказала София, махнув рукой Элизабет.

Гуго свистнул, и из тени появилась стая черных псов.

— Охраняйте их, — приказал де Пейн, указав на двух женщин. — Воитель Человеческий не должен пасть.

Элизабет и София в сопровождении стаи двинулись к Джордану.

Рун сильнее прижал к себе Эрин и пообещал:

— Они не подведут.

Грейнджер посмотрела на него, повернув голову, глаза ее испуганно блеснули, но она кивнула в знак того, что верит ему.

У дальней стены церкви возникла новая фигура, темнее, чем тени, черное изваяние бывшего друга.

Эрин тоже заметила этого монстра.

«Легион, влезший в шкуру Леопольда».

Значит, демон все-таки жив.

Рун не стал ждать и отступил единственным оставшимся им путем.

Он изо всех сил притянул Эрин к себе, спиной вперед шагнул навстречу грохоту водопада и прыгнул через порог вниз.

18 часов 55 минут

Эрин задохнулась от ледяного холода, и тут же сила падающих сверху струй выбила весь воздух из ее легких. Она ощутила вокруг себя воду и задержалась, но единственная рука Руна стальной хваткой держала ее за плечи, его ноги обвивали ее бедра, его щека прижималась к ее щеке.

Затем они рухнули в озерцо внизу, и Эрин показалось, что этот удар сотряс все кости в ее теле. Они погрузились глубоко, толща воды ослабила вечерний свет, падавший сверху. Грейнджер глотнула воды, задыхаясь, но тут же ощутила, что ее тащат вверх. Рун изо всех сил загребал ногами, но рукой продолжал держать Эрин, не отпуская ни на миг.

Они вынырнули на поверхность, где их встретил неумолкающий рев водопада.

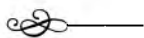
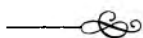
Женщина выкашливала воду, жадно хватая ртом воздух.

Рун повлек ее к берегу. Наконец женщина восстановила дыхание достаточно, чтобы суметь плыть самостоятельно. Они выползли из воды, не в силах подняться на ноги. Эрин повернулась, глядя вверх. Солнце почти скрылось за горой, водопад стал темным, скрыв двери церкви от глаз.

— Джордан, — прохрипела она.

Рун встал и заковылял к груде их одежды и оружия. Эрин осознала своевременность этого действия и последовала за ним, дрожа от холода и страха. Она схватила свой «Кольт 1911». Ощущение стальной рукоятки в ладони помогло ей успокоиться.

Рун поднял свой серебряный карамбит.

— Солнце зайдет через несколько минут. Нам надо идти.

— А как же Джордан и остальные?

Словно в ответ на ее слова, из темного водяного каскада вылетел клубок тел. Они пролетели по воздуху и обрушились в пруд, глубоко погружившись под воду. Эрин кинулась к берегу, обшаривая глазами озерцо. На поверхности вскипели пузыри, и из глубины показалась первая фигура.

Элизабет.

Графиня выволокла за собой обмякшее тело Джордана и перевернула его на спину. Он не двигался; в воде вокруг него расплывалась кровь, словно темно-алая завеса. Грудь мужчины покрывали порезы и царапины. В глубине обширной зияющей раны виднелась белая кость.

Затем рядом с ними вынырнула София, выдернув на поверхность промокшего львенка. Он тряс головой и лапами, в мгновенном приступе паники попытавшись выскочить из воды. Но почти сразу же лев пришел в себя и последовал за остальными.

Эрин с Руном вошли в воду, чтобы помочь вытащить Джордана на берег.

Глаза Воителя смотрели в небо, сияя синевой, но явно ничего не видя.

«Он умер?»

Затем его грудь приподнялась и опустилась один раз, затем другой.

— Он все еще жив, — произнесла Элизабет. — Но его сердце слабеет с каждым ударом.

— Она права, — подтвердил Рун. — Даже чудесные целительные силы могут не суметь спасти его, если не оказать помощь.

Эрин жалела, что у нее нет таких острых чувств, как у них, — чтобы слышать сердцебиение Джордана, быть еще ближе к нему.

София указала на темный лес, спускающийся по склону вниз.

— Мы должны сойти с горы. На тропе уже достаточно темно, чтобы силы Легиона могли нас преследовать.

Громкий плеск воды заставил всех вздрогнуть и обернуться.

Из-под струй водопада показался массивный черный силуэт, широко раскинувший мощные конечности. Все отшатнулись. Джордан остался лежать на берегу пруда; его кровь по-прежнему сочилась, стекая в воду.

Огромная фигура врезалась в воду неподалеку от берега, погрузившись лишь по пояс, но ее мускулистые ноги полностью смягчили падение даже с такой высоты.

Эрин вскинула «Кольт», целясь в грудь *анафемскому зверю*. Она видела это существо в церкви — один из «паствы» Гуго.

Самец горной гориллы, одетый черным мехом, направлялся к Джордану.

— Не стреляй, — сказала София, кладя руку на локоть Эрин. — Он не затронут демоном. Он был на стороне Гуго, когда мы покидали церковь.

Горилла подняла Джордана и осторожно перекинула его израненное тело через плечо. Потом зверь фыркнул, указывая носом вперед.

— Должно быть, Гуго послал его помочь нам, — догадалась София.

— Тогда берите оружие, — приказал Рун.

София и Элизабет быстро вооружились. Эрин схватила пистолет-пулемет Джордана за ремень и повесила себе на шею.

«Ты сможешь воспользоваться им, когда тебе станет лучше», — мысленно пообещала она Стоуну.

Они все вместе помчались через луг, предводительствуемые гориллой, которая скакала впереди, свободной рукой прокладывая себе путь через высокую траву.

— А как же Гуго? — спросила Эрин.

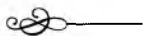
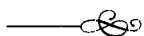
Элизабет оглянулась, на ее лице была написана скорбь.

— Он не покинет свою стаю.

— И еще он намеревался выиграть для нас время, — добавила София, вырываясь вперед.

Когда они достигли опушки, позади них послышались крики. Темные тени вырвались из-под водопада, точно муравьи, бегущие из затопленного муравейника.

«Похоже, мы не успеем уйти».

Глава 34

*19 марта, 19 часов 04 минуты
по центральноевропейскому времени
Пиренеи, Франция*

Легион отнял ладонь от щеки женщины, смахнув с ее лица прядь белокурых волос. Он видел, как ее глаза становятся его глазами. И через эти глаза он мог теперь видеть все великолепие собственного лица. Знания женщины наполняли его. Теперь он знал ее имя.

Франческа.

Посредством десятков других глаз демон наблюдал за тем, как снаружи его охотники загоняют свою добычу, слышал, как вой стаи отражается эхом от горных склонов.

Легион оставался в церкви — у него была собственная цель.

Он уже завладел всеми зверьми и стригоями в храме.

Кроме одного.

Отшельник стоял напротив него, прижавшись спиной к стене, окровавленный, но несломленный. На его гладком лице не было ни следа страха. Его карие глаза спокойнозирали на Легиона.

— Ты можешь остановиться, — произнес человек. — Даже сейчас. Мир и прощение достижимы для любого. Даже для тебя, дух тьмы.

— Ты жаждешь отпустить мне грехи? — спросил Легион, чувствуя веселье, зарождающееся внутри. — Но я вне греха и осуждения, поэтому не нуждаюсь в прощении. Однако, что касается тебя... — Он поднял руку. — Позволь мне забрать твою боль, твоё страдание, даже твоё ложное ощущение мира. Ты обретешь истинную безмятежность в бездумном повиновении. И, сделав это, ты поделишься со мной всем, что ты знаешь, всем, что ты сказал им.

— Я ничего тебе не скажу.

Отшельник отвернулся, словно намереваясь отгородиться от того, что предложил ему Легион. Но вместо этого руки человека легли на рукоять гигантского деревянного рычага, скрытого в трещине. Невероятным усилием он дернул рычаг

вниз. Громкий хруст послышался снизу, пол заходил ходуном — а потом провалился под ними обоими.

Легион нырнул вперед, когда огромный участок кирпича и камня обрушился у него под ногами. Отшельник высоко подпрыгнул, хватаясь за толстые железные прутья настенного канделябра. Легион последовал за ним, вцепившись черной рукой в ботинок человека.

И пока он так висел, остатки пола рухнули в обширную яму, скрытую под церковью, унеся с собой все его войско, остававшееся здесь. Вверх взвилась огромная туча кирпичной пыли и щепок от сломанных балок, и вместе с ней снизу донесся рев текущей воды. Он звучал с огромной глубины, свидетельствуя о том, что корни этой горы омывал могучий поток, несущийся глубоко под землей.

Если б Легион упал туда, он оказался бы навеки заперт в недрах земли, заключенный так же надежно, как некогда был заключен в чреве зеленого алмаза.

Ужас бурлил внутри его.

Демон посмотрел вверх и увидел, что отшельник улыбается ему.

«Не смей», — повелел он человеку.

Но пальцы Легиона сжимали лишь кожу ботинка, а не тела. Отшельник по-прежнему сохранил свободу воли. И, воспользовавшись этой свободой, он разжал пальцы.

Они вдвоем — отшельник и демон — полетели во мрак, ждущий внизу.

19 часов 10 минут

— Не останавливайтесь! — крикнул Рун остальным.

Мгновение назад он услышал приглушенный взрыв, скрежет камня и треск ломающегося дерева. Корца не знал, что это значит, но было понятно, что за их отрядом все еще идет охота — их преследовала огромная завывающая стая, состоящая из стригоев и *анафемских зверей*.

Рун держался рядом с Эрин. Впереди ковылял самец гориллы, несущий на одном плече Джордана. Огромный зверь быстро спускался по склону горы, перескакивая через кусты и раздвигая в стороны молодые деревца, точно веточки. Его

массивное тело проделывало тропу в густом лесу впереди беглецов — как будто валун, катящийся с горы.

София забрала оружие Джордана и во время бегства то и дело постреливала назад. Серебряные пули пронзали сосновую хвою и сбивали листья с деревьев. Элизабет прикрывала отряд слева, вооруженная мечом и ножом. Львенок, двигавшийся, точно призрак, охранял правый фланг.

И все-таки они быстро теряли преимущество. Враг в любой момент мог наброситься на них.

София догнала Руна, закидывая за спину дымящийся ствол.

— Патроны кончились. — В ее голосе звучал страх. — Мы не доберемся. Нам придется...

Ее оборвал громогласный крик:

— Всем лечь!

Рун подчинился, узнав этот голос. Он швырнул Эрин на грудь опавших листьев и рухнул поверх нее. Другие тоже залегли. Даже львенок распростерся рядом с Корцей, белый хвост зверя сердито мел листву.

Только горилла продолжала свой путь.

В нескольких ярдах ниже по склону, на тропе, проложенной гориллой, появился Христиан. Он присел, опер о колени приклады двух автоматов — и открыл огонь.

Шквал серебряных пуль обрушился на лес, осыпая беглецов кусками коры и листьев. Рокочущий грохот оглушил Руна. Даже когда стрельба наконец затихла, в ушах у него все еще звенело.

— Вперед! — крикнул Христиан, отбрасывая разряженное оружие. — Это даст нам лишь немного времени! Быстро к вертолету!

Все вскочили на ноги и на лапы и помчались вниз еще быстрее, чем прежде.

Наконец они выскочили из леса на открытое пространство. Вертолет рокотал чуть дальше по лугу, его двигатели уже прогрелись, винты медленно проворачивались.

Солнце полностью скрылось за горизонтом.

Нужно было убираться с этой горы.

Горилла ждала их у вертолета, опираясь на одну руку и громко пыхтя — она явно устала. Они подбежали к зверю,

и София с Христианом помогли втащить Джордана в пассажирскую кабину. Эрин залезла следом и склонилась над ним.

Рун шагнул к самцу гориллы и положил руку на его массивное плечо.

— Спасибо.

Ранее он еще отчасти сомневался в целесообразности труда Гуго, не веря в то, что искупление для подобных проклятых созданий возможно.

«Больше сомнений нет».

Горилла прижала Руна к груди, словно понимая. Потом повернулась и направилась обратно к лесу. Зверь смотрел в сторону далекого водопада, намереваясь вернуться и защитить человека, который предложил этому гиганту не только дом — но и сердце.

Забираясь в вертолет, Рун смотрел в сторону горы.

«Да хранит тебя Господь».

19 часов 22 минуты

Изломанное тело Легиона лежало поперек груды сломанных балок и битого камня, оставшейся от церковного пола. Эти падающие обломки застряли на неровном выступе вдоль одной стены подземной пещеры, создав непрочный насест. Демон рухнул сюда благодаря не удаче, но одной лишь силе воли. Падая, он заметил эту груды и швырнул свое тело по направлению к ней, надеясь, что она выдержит его вес.

И не только его.

Падая, он так и не выпустил ботинок отшельника. Тело человека распростерлось рядом с ним, искалеченное еще сильнее. Шея его была вывернута под странным углом, кровь сочилась сквозь камни и утекала в реку далеко внизу.

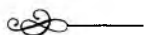
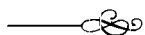
Но жизнь все еще не покинула его.

«Возможно, этого хватит».

Легион осторожно перекатился на бок, чувствуя, как трется друг о друга концы сломанных костей.

«Я узнаю то, что знаешь ты».

Он протянул руку к бледной щеке человека. На него глянули карие глаза, и в их затуманенном взоре читалось прежнее непокорство. Не обращая внимания на этот взгляд, Легион

возложил ладонь на свою жертву. При этом прикосновении он ощутил, как слабо пламя жизни, тлеющее в теле отшельника, — не ярче искры.

«Достаточно ли будет этого?»

С нарастающей тревогой демон отдернул руку. Как он и боялся, его ладонь не оставила ни малейшей отметины. Отшельник был слишком близок к смерти, чтобы принять его клеймо. Легион попытался снова, но его тьма не нашла ничего, в чем могла бы укорениться.

Отшельник закрыл глаза, на губах его играла улыбка — он верил, что обыграл Легиона.

«Ты ошибаешься».

Демон подполз ближе. Может быть, он и не мог поработить этого человека, будучи демоном, но были и другие пути к знанию.

«Мой сосуд — все еще стригой».

Он обнажил клыки. Словно почуяв хищника, подбирающегося к его глотке, старый священник вновь открыл глаза, и они наполнились страхом запоздалого понимания.

Легион глубоко погрузил зубы в его холодную плоть. Он жадно пил из этой иссякающей чаши, выстраивая кровную связь между ними двоими, между хищником и добычей, между стригоем и жертвой. И с каждой каплей демон впитывал в себя все больше жизни человека, высасывал остатки его силы, вынуждая их поделиться всем, что было ему известно. Двое становились одним.

И даже когда знание было получено, Легион продолжал пить, досуха опустошая жертву, пока не осталось ничего. Только тогда он откинулся назад и послал свою волю тем, кто еще оставался в живых: пусть принесут веревку, чтобы вытащить его, и еще крови, чтобы исцелить его.

Он улыбнулся, глядя во тьму.

От отшельника демон узнал кое-что, чем тот не поделился с другими. Было ли это сделано намеренно или просто по рассеянности, Легион не знал.

И все же он мог воспользоваться этим знанием против своих врагов.

«Но сначала мне нужно освободиться... и достичь этой долины раньше их».

Глава 35

*19 марта, 20 часов 04 минуты
по центральноевропейскому времени
Лассер, Франция*

Эрин сжимала безвольную руку Джордана. Их вертолет приземлился на коровьем выгоне за окраиной французской деревни Лассер. Несколько мгновений назад воздушное судно вырвалось из гор в предгорья и зависло над этой сонной деревушкой — обычным поселением, где каменные дома перемежались виноградниками и маленькими фермерскими полями.

Опустив машину на землю, Христиан выпрыгнул из кокпита вертолета и обошел его, чтобы извлечь из грузового отсека носилки и разложить их. София и Элизабет перенесли Джордана с заднего сиденья на эти носилки. Эрин двинулась следом, стараясь не смотреть на лужи крови, собравшиеся в углублениях дерматинового сиденья.

«Джордан, не смей умирать».

Во время полета Эрин и Элизабет воспользовались аптечкой первой помощи, чтобы продезинфицировать и перевязать самые крупные раны. Графиня действовала умело, похоже, у нее был большой опыт в обработке боевых ранений. Но бинты и антисептик у них кончились еще до того, как они обрабатывали все порезы. После этого Эрин завернула тело Джордана в красное одеяло из аварийного комплекта, но время от времени проверяла его состояние, быстро осознав, что на этот раз не затягиваются даже мелкие царапины. Стоун умирал.

Задыхаясь от страха, она вылезла из вертолета и присоединилась к остальным, потом огляделась по сторонам, заметив изгородь, а за ней — небольшую усадьбу. Во всех окнах горел свет.

«Почему мы сели здесь?»

— Джордану нужно в больницу, — сказала Эрин, не в силах сдержать замешательство и раздражение. — Ему необходима помощь квалифицированных врачей.

— Подойдет и это. — Христиан взялся за ручки носилок с одного конца. — Ближайшая больница слишком далеко.

София ухватила с другого конца. Рун возился с львенком, запирая его в контейнере для перевозки в пассажирской кабине вертолета. Христиан не стал ждать и направился прямо к дому. Эрин пришлось бежать бегом, чтобы не отстать от носилок.

— Тогда куда мы несем его? — спросила она.

— Здесь живет один врач, вышедший на пенсию, — пояснил ей Христиан. — Он — друг нашего ордена. Он ждет нас.

Когда они приблизились к входу в дом, седовласый старик отворил дверь, придержал ее и жестом пригласил неожиданных визитеров заходить. Он был одет в коричневые вельветовые штаны и синюю клетчатую рубашку. Седые его волосы даже не начали редеть, а из-под кустистых бровей пристально смотрели глаза цвета ирландского виски. На морщинистом лице врача появилось мрачное выражение, едва он взглянул на Джордана. Потом что-то резко произнес по-французски.

Сангвинисты быстрой походкой пронесли носилки через деревянные сени в кухню. Эрин поспешила за ними.

В углу кухни стояла чугунная печь, от которой по помещению расходилось тепло, на плите кипел котел с водой. На стуле лежала стопка сложенных грубоотканых полотенец, а поверх них покоилась докторская сумка из потрескавшейся кожи. Все это выглядело как реквизит для киносъемок, а не как что-то, способное действительно помочь им.

Сангвинисты перенесли Джордана с носилок на кухонный стол.

Когда Эрин увидела Джордана при свете лампы, ей показалось, что она сейчас упадет в обморок. Алые линии распространились теперь намного шире; они тянулись через всю грудь и вверх по шее, заполняя даже на лицо. Плавающие завитки вились на подбородке, достигая губ. И эти полосы составляли жуткий контраст с пепельно-бледным лицом Джордана.

Но по крайней мере было похоже, что мелкие раны уже начали исцеляться.

Затем доктор размотал окровавленный бинт, и у Эрин все сжалось внутри. Глубокий порез тянулся от правого плеча Сто-

уна до левого бедра. Зияющая рана обнажала кость и окровавленные мышцы.

Огрубевшие руки врача двигались быстро и умело. Он промокнул грудь Джордана одним из полотенец, а закончив, отдал использованное полотенце Эрин. Она держала теплую, пропитанную кровью ткань в руках, не зная, что с ней делать, пока София не забрала у нее полотенце.

— С ним все будет в порядке? — спросила Эрин.

— Он потерял много крови, — ответил доктор по-английски. — Но меня больше тревожит эта большая рана. Она не сильно кровоточит, но и не заполнена свернувшейся кровью. Как будто все кровеносные сосуды перекрыты.

— Что вы можете сделать, чтобы помочь ему? — Грейнджер с отвращением услышала в собственном голосе истерические нотки. Она сделала глубокий вдох, чтобы подавить панику, понимая, что ради Джордана ей нужно сохранять спокойствие.

— Мне нужно спить артерии и сомкнуть края раны. Но у него очень высокая температура. Я не понимаю почему. При такой кровопотере температура должна была упасть. Мне нужно сбить ее.

— Нет, — одновременно произнесли Эрин и Рун.

— Температура не вызвана какой-либо болезнью, — объяснил Корца.

— Это нечто, лежащее вне физиологических причин, — добавила Грейнджер, пытаясь подыскать слова, чтобы объяснить необъяснимое. — В его крови есть нечто, способное помочь ему исцелиться.

«По крайней мере я на это надеюсь».

Врач пожал плечами.

— Я не понимаю этого — и не уверен, что хочу понимать, — но я буду лечить его, как обычного пациента, и посмотрю, что из этого получится. Большого я сделать не могу.

Он принялся за работу, а Эрин придвинула к столу оставшийся стул и взяла Джордана за руку. Эта рука почти обжигала ее ладонь. Женщина провела пальцами по его коротким светлым волосам, промокшим от пота.

Христиан присоединился к врачу:

— Давай помогу, Юго. Ты же знаешь, я умею.

— С радостью приму помощь, — согласился доктор. — Достань инструменты из того котла с кипящей водой.

Эрин тоже хотела помочь, но она знала, что должна оставаться на месте и держать Джордана за руку. В том, что касается физических повреждений, доктор сделает все необходимое, но Грейнджер осознавала, что раны Джордана тянутся глубже материального плана. Она провела пальцем вдоль извилистой линии на тыльной стороне его кисти, одновременно ненавидя эту отметину и молясь, чтобы сила, которая струится в ней, спасла любимого. Она знала, что эта сила может полностью поглотить его, похитить его у нее так же верно, как смерть, но будет ли это плохо для Джордана? Он мог превзойти свою человеческую природу и целиком принять ангельскую. Происходящие с ним изменения, похоже, не тревожили его так, как тревожили Эрин. Как могла она следовать своему эгоистическому желанию удержать его, когда у него есть шанс стать ангелом?

Предупреждение Гуго де Пейна эхом отдалось в ее памяти: «Не дайте ему забыть о его человечности».

Но что это означало?

21 час 21 минута

Джордан плавал в изумрудном тумане, забыв себя, забыв обо всем, кроме тихого шепота мелодии. Это едва слышное пение обещало покой и влекло его все глубже в нежные объятия.

Но оставался еще крошечный осколок его «я», единственная нота против могучего хора. Эта нота сворачивалась в твердый узел сопротивления вокруг одного-единственного слова.

Нет.

Вокруг этого слова собирались воспоминания, словно жемчужина, формирующаяся вокруг песчинки.

...спорит с сестрой о том, кто займет переднее сиденье в автомобиле...

...прилагает все силы, чтобы затащить раненого друга в укрытие под градом пуль...

...отказывается бросить нераскрытое дело, ища справедливости там, где остальные сдались...

Новое слово образовалось из этих мимолетных отблесков, определяя его натуру, ядро, вокруг которого можно было строить большее.

Упрямец.

Он принял это как свою суть и использовал для борьбы, для того, чтобы отбиваться и вырываться, чтобы искать за пределами того, что обещает песня, чтобы желать большего, нежели покой.

Его метания потревожили туман — разогнали его настолько, что он смог узреть вдалеке точку красноватого света. Он направился к ней, уже в достаточной степени ощущая себя, чтобы добавить новое слово.

Стремление.

Пламенная точка становилась больше, время от времени подрагивая, а иногда полностью исчезая. Но он сосредоточился на ней, связав с ней изрядную часть своего «я», зная, что это очень важно, даже когда нежная мелодия говорила ему, что это не так.

И наконец эта рубиновая точка оказалась достаточно близкой и достаточно стабильной, чтобы можно было различить новый звук: стук барабана. Он звучал наперекор хору, противостоял этим мягким нотам. Барабан стучал и выбивал дробь, полную хаоса и смятения, он был всем, чем не была музыка.

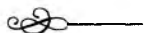
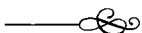
Сформировалось новое слово, определяющее это беспорядочное совершенство.

Жизнь.

С этой мыслью Джордан ощутил себя заново рожденным, и рождение сопровождалось пронзительной болью, которая пробилась сквозь туман и дала ему тело, плоть, кровь и кости. Он поднял свои новые руки и прикрыл только что возникшие уши, заглушая эти сладкие ноты.

И все же алое биение становилось громче и громче.

Теперь он узнал его.

Стук человеческого сердца, хрупкого и маленького, простого и обычного.

Он открыл глаза и увидел над собой лицо.

— Эрин...

21 час 55 минут

— Наш герой приходит в себя, — произнесла Элизабет, стараясь сохранять насмешливый тон, но и сама расслышала в своих словах благодарность и даже радость.

«А разве могло быть иначе?»

Эрин поцеловала Джордана, лицо ее светилось счастьем. Тревожные складки на ее лбу разгладились, глаза излучали нежность. Когда-то Рун так же смотрел на Элизабет. Графиня невольно дотронулась пальцами до собственных губ, вспоминая об этом, но потом сознательным усилием заставила руку опуститься.

Хирургическая операция в домашних условиях длилась почти два часа, и теперь Джордан лежал на узкой кровати в дальней комнате фермерского дома, его тело было почти полностью перебинтовано, лицо испещрено швами. Врач проделал хорошую работу, но Элизабет знала, что подлинное исцеление исходило не от этих земных мер лечения.

Рун, сидевший в продавленном кресле в углу комнаты, пошевелился, потревожив юного льва, свернувшегося у его ног. Он позволил зверенышу присоединиться к ним в этом бдении у постели раненого. Христиан и София сначала молились над Джорданом, но затем вышли наружу — размять усталые колени и поговорить о дальнейших планах.

Рун поднялся, тронул Эрин за плечо, потом повернулся к Элизабет.

— Я передам эту добрую весть Софии и Христиану.

Когда он ушел, Элизабет подошла к Эрин и остановилась за ее спиной, скрестив руки на груди. Любовь археологини к сержанту проявлялась в каждом ее прикосновении, в каждом слове, произнесенном шепотом. Эрин что-то сказала, Джордан улыбнулся, отчего швы на лице перекосились. Мужчина вздрогнул от боли, но продолжал улыбаться.

Несмотря на хорошее настроение, Элизабет пристально рассмотрела алые линии, тянущиеся через его тело, заполняющие на лицо.

«Это правда, что ты по-прежнему дышишь, но ты не в порядке».

Однако она придержала эти мрачные мысли при себе.

Вернулся доктор, которому, вероятно, сообщили новости о пациенте, и принялся осматривать Джордана: посветил ему в глаза узким лучом, пощупал пульс, приложил ладонь ко лбу раненого.

— Просто невероятно, — пробормотал врач, выпрямляясь и покачивая головой.

Хлопнула дверь, в комнату ворвался Рун вместе с сотоварищами-сангвинистами. Еще раньше они все выпили освященного вина, даже Элизабет. Теперь она чувствовала себя бодрее, и та же самая энергия наполняла других, но под оживлением графиня читала на их лицах тревогу, их позы и движения выдавали нетерпение.

Они знали правду.

Этой ночью мир погрузился во тьму, по телевизору и по радио передавали жуткие новости о кровопролитии и чудовищах. Паника и тревога распространялись все шире с каждым часом.

Дольше медлить было нельзя.

Вбежав в комнату сразу вслед за Руном, Христиан поспешно заговорил:

— Наш «Сайтейшн» заправлен и ждет. Мы можем быть на аэродроме через пятнадцать минут и сразу пойти на взлет. Если выжать из моторов все возможное, мы окажемся в Катманду менее чем через семь часов. Времени у нас будет вприпрыжку, но, я думаю, мы должны успеть.

Этот план зависел от одной важной детали.

И Христиан спросил, присев в ногах постели:

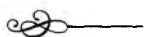
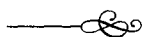
— Как ты себя чувствуешь?

— Бывало и лучше, — ответил Джордан.

Рун повернулся к доктору:

— Как скоро он сможет отправиться в путь?

Врач с ужасом взглянул на Корцу, отрывисто выругался по-французски, затем ответил:

— Через несколько дней, если не недель.

— Я уже готов, — произнес Джордан, прилагая усилия, чтобы сесть. И это ему удалось. — Я могу поспать в самолете.

Эрин повернулась к Руну; глаза ее тревожно блеснули, взгляд умолял его помешать Стоуну, согласиться со словами доктора.

Вместо этого Корца повернулся к ней спиной.

— Тогда мы отбываем немедленно. Приготовьтесь.

Лишь Элизабет видела лицо Руна, когда он проходил мимо нее. Она видела, чего ему стоило сказать Эрин эти слова.

И при виде этого выражения на его лице Элизабет испытала не меньшую муку, поняв, как сильно Рун любит эту женщину, эту смертную.

И потому Элизабет отпустила его — и из комнаты, и из своего сердца.

«Есть и другой человек, которому я нужна больше».

Глава 36

*19 марта, 22 часа 04 минуты
по центральноевропейскому времени
Рим, Италия*

Томми бежал по темным улицам к мерцающему куполу базилики Святого Петра. Площадь, лежащая впереди, обычно была полна туристов, бродящих туда-сюда и глазающих на все подряд, но сегодня она была пуста — из-за комендантского часа. Десятки патрулей обшаривали город — они состояли из вооруженных людей и священников-сангвинистов в мирской одежде.

Но сегодня ночью они проигрывали.

По всему городу завывали сирены, и им вторили крики. Тут и там полыхали пожары, выбрасывая в небо клубы дыма.

Томми споткнулся о край тротуара и упал на одно колено. Один из трех его охранников-сангвинистов немедленно поднял

мальчика на ноги. Они получили приказ доставить его с той квартиры, где его держали прежде, в Ватикан.

«Это ради твоей защиты», — сказали ему.

Он пытался возражать, боясь, что Элизабет не узнает, куда его отвезли. Он пробовал звонить ей после заката, испугавшись распространяющегося хаоса, но все линии сотовой связи были перегружены, звонок не проходил.

Впереди, поперек выхода на площадь Святого Петра, кто-то поставил заграждение. Металлические пластины, привинченные к стальным балкам, возвышались на десять футов над мостовой. Наверху стояли снайперы в особых бронированных клетках. У основания преграды горели огромные прожекторы, освещая прилегающие улицы.

Город был в осаде.

«Но кто его осадил?»

Чуть раньше Томми, буквально прилипнув к экрану, смотрел новости по каналу ВВС, передававшему сообщения о ночных атаках по всей Европе и за ее пределами. Крупные города патрулировались войсками, особенно после наступления темноты. Рим был не единственным городом, где был введен комендантский час.

Для Томми это свидетельствовало о том, что стригои стали сильнее и вырвались из-под контроля.

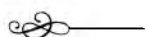
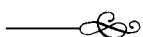
Когда их маленькая группа добралась до заграждения и была пропущена внутрь, мальчик удивился тому, сколько здесь было швейцарских гвардейцев и сангвинистов в сутаках — как на баррикадах, так и на балконах вокруг всей площади. Прежде чем ворота закрылись, в них прошло еще некоторое количество вооруженных людей. Похоже было, что Церковь оттягивает сюда большинство своих солдат, защищая себя и оставляя всех прочих на произвол судьбы.

Томми сопроводили через площадь к базилике. Даже эти массивные двери были обиты металлическими пластинами поверх прежних украшений.

— Эту ночь ты проведешь в безопасности в церкви Святого Петра, — попытался успокоить его один из охранников.

«Может быть...»

Его жгла тревога за Элизабет. Она была снаружи. Где-то там. Кто знал, каким опасностям она противостоит? Томми

испытывал эгоистичное желание, чтобы она оказалась рядом с ним. Только тогда он действительно чувствовал бы себя в безопасности. Но он также знал, что существуют вещи, от которых Элизабет не в силах его защитить.

Томми хрипло закашлялся, прикрывая рот ладонью и сгибаясь вдвое от боли.

Когда приступ кашля прошел, мальчик уставился на свою ладонь.

Кровь.

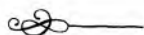
ЧАСТЬ VI

Змии, порождения ехиднины! как убежите вы от осуждения в геенну?

Мф. 23:33

Д Ж . Р О Л Л И Н С , Р . К А Н Т Р Е Л Л

Глава 37

*20 марта, 10 часов 48 минут
по непальскому времени
В воздухе над Гималаями, Непал*

Эрин задержала дыхание: их вертолет неспешно полз вверх, к острому гребню заснеженной горы. Ледяная стена впереди вздымалась на высоту двадцати тысяч футов — верхний предел летной способности для их воздушного судна. Когда они достигли гребня, винты подняли снежные вихри, ветер мотал вертолет туда-сюда. Летучая машина словно попала в ловушку, балансируя на ледяном лезвии, а потом клюнула носом и заскользила вниз вдоль дальнего склона горы.

Эрин громко выдохнула и покрутила головой из стороны в сторону, пытаясь избавиться от напряжения.

— Скоро зайдем на посадку, — сообщил по внутренней связи Христиан с пилотского места, голос его был раздражающе спокойным.

Они только что пересекли последнюю горную цепь — Ганеш-Химал — и теперь снижались над длинной долиной. Гигантские острые пики окружали их со всех сторон. Такой ландшафт вполне объяснял, почему это место так долго оставалось недоступным для внешнего мира. Согласно древней карте, которую отдал им Гуго де Пейн, в центре долины должна была протекать река, но внизу Эрин видела лишь сверкающий покров сплошной белизны. В это время года река, вероятнее всего, замерзала и пряталась под снегом. Может быть, летом эта долина и была изобильной и зеленой, но сейчас она выглядела неприютной пустошью.

«Определенно не Эдемский сад».

Эрин потопала по полу ногами, обутыми в тяжелые ботинки, пытаясь прогнать онемение. Стальные шипы для передвижения по льду клацнули о металлический пол. В ка-

бине работало отопление, Эрин была облачена в теплую зимнюю одежду, но холод этих гор все равно пробирал ее до костей.

А может быть, это был просто страх.

Она глянула на своих спутников, закутанных в белые парки. Сангвинистам с их холодной кровью не требовалась теплоизолирующая одежда, но белый цвет обеспечивал отличную маскировку на снегу. Даже львенок был словно создан для такой экспедиции — его шкура и грива были белоснежными.

Все зашевелились, готовясь к тому, что ждет их впереди.

Эрин, пригнувшись, выглянула в окно и посмотрела на солнце. Оно висело в ярко-голубом небе, на котором белело лишь несколько полосок перистых облаков. До полудня оставалось чуть больше часа.

Джордан заметил, как она вглядывается в небеса, и сжал ее колено.

— Вообще кто сказал, что крайний срок — в полдень? Может быть, у нас есть несколько больше времени, чтобы захлопнуть эти адские врата.

Она повернулась к нему. От недавних ран на его лице остались лишь тонкие шрамы, но бледная кожа была испещрена алыми завитками и спиралями, покрывшими половину лица. Парка Джордана была расстегнута, он явно не замечал холода. Эрин подумала, что если она снимет рукавицы, то сможет греть руки в тепле, исходящем от его тела.

Женщина глубоко вздохнула и отвернулась, не в силах больше смотреть на эти линии. Она знала, что они отмечают, как мало уже осталось от человечности Джордана. И все же Эрин отчасти чувствовала себя эгоисткой из-за подобной реакции на его состояние. Во Франции он сумел вернуться от самой смертной черты благодаря своей ангельской крови и своему человеческому упрямству. Когда придет время, он должен будет сам решить, каким путем идти. А она должна будет позволить ему сделать выбор, как сильно ни страшилась бы потерять его.

Чтобы отвлечься от этих невеселых раздумий, Грейнджер ответила на его вопрос:

— Времени у нас только до сегодняшнего полудня.

— Почему ты в этом так уверена? — спросил Рун, сидевший с другой стороны кабины. Его лев потягивался на соседнем сиденье, выгибая спину, точно проснувшийся кот.

Прежде чем Эрин успела ответить Корце, это сделала Элизабет:

— Взгляни на луну.

Все повернулись к окнам. Полная луна приближалась к пылающему краю солнца.

Джордан перегнулся через плечо Эрин, чтобы лучше видеть.

— Бернард упоминал, что сегодня будет затмение, — проормотал он. — Но только частичное, если я правильно помню.

— Частичное во Франции, — поправила его Эрин. — А так далеко на восток затмение будет полным. Я сверялась во время полета. Луна полностью закроет диск Солнца над Гималаями в двенадцать часов одну минуту.

Она вспомнила фреску, нарисованную на стене в доме Эдварда Келли. Кроваво-красное солнце над черным озером — наверное, так художник представлял себе полное затмение.

Зная об этом, она пожалела, что они не могли добраться сюда быстрее. Их «Сайтейшн Икс», пилотируемый Христианом, промчался над Европой и Азией. По пути Бернард регулярно сообщал им по спутниковому телефону последние новости о положении на земле, о всплеске нападений на утопущие в ночи города, над которыми они пролетали. Стригои и *анафемские звери* становились все наглее и сильнее по мере того, как прилив зла распространялся, смещая равновесие в их пользу. Но эти монстры были лишь искрами в пожаре. Остальное довершала обычная паника, раздувавшая пламя хаоса все сильнее.

Христиан заложил вираж, огибая очередную гору, и внизу показалась маленькая деревня, притулившаяся на склоне. Из труб, торчащих над остроконечными сланцевыми крышами, тянулись к небу столбы дыма — свидетельство того, что под этими крышами готовили еду, жили, радовались жизни люди. Это напомнило Эрин о том, ради чего она и ее спутники сражаются.

По узкой заснеженной тропе брел одинокий як. Рядом с ним шагала фигурка в ярких одеждах, на ее круглой голове

туго сидела отороченная мехом шапка. Темнокожий человек и як остановились, чтобы взглянуть вверх, на пролетающий вертолет.

Эрин приложила ладонь к стеклу, пожелав им обоим долгой и счастливой жизни.

Когда деревня скрылась из глаз, последним признаком того, что в долине кто-то живет, остался буддийский храм, вдоль водостоков на его крыше тянулись гирлянды молитвенных флагов.

Но это был не тот храм, который они искали.

Христиан вел воздушную машину вперед, направляясь к точке, отмеченной на карте Гуго.

— Я не вижу никакого озера, разве что оно скрыто под снегом. Могу сделать круг, чтобы посмотреть.

Когда он поднял вертолет повыше, Эрин заметила справа чашеобразное углубление.

— Туда! — крикнула она Христиану, подавшись вперед и указывая рукой. Он кивнул.

— Понял. Давайте проверим.

Он взял курс на это углубление, промчавшись между двумя пиками. На дне маленькой долины расстилалась заснеженная плоская проплешина размером примерно в половину футбольного поля, но ее поверхность не была идеально гладкой. Под солнцем блестел черный лед — словно трещина в глазури на белой вазе.

— Должно быть, это здесь, — сказала Эрин.

— Есть лишь один способ узнать. — Христиан подвигал туда-сюда рычаг управления и опустил вертолет так низко, что тот завис над снежной гладью.

Ветер от винтов сдул снег, обнажив поверхность замерзшего озера. Эта поверхность была черной, словно обсидиан: точь-в-точь то мрачное озеро, изображенное на фреске в Доме Фауста. С одним отличием — из-под нее не лезли никакие монстры.

«По крайней мере пока».

Эрин взглянула на небо, заметив, что луна уже закрыла кусочек солнечного диска.

— Думаешь, мы нашли нужное место? — спросил Христиан.

София, сидевшая в дальнем углу кабины, произнесла, указывая вперед:

— Взгляните на утесы на той стороне.

Эрин сдвинулась, чтобы лучше видеть. Ей понадобилась пара секунд, чтобы понять, что же привлекло внимание монахини. Но потом она тоже это увидела. Полускрытые в тени обрыва, два дерева обнимали утес. Стволы их были бледно-серого цвета, безлистные ветви обледелены и были припорошены снегом.

София смотрела прямо на них.

— Разве Гуго де Пейн не упоминал, что в долине, где живут монахи-стригои, растут два могучих дерева?

«Вероятно, Древо Познания и Древо Жизни».

При виде этих деревьев Эрин ощутила разочарование. Они выглядели обычными деревьями — несомненно, древними, но не особо примечательными. И все-таки они соответствовали описанию Гуго.

— Приземляемся, — решила Эрин. — Это должно быть то самое место.

Христиан подчинился, предупредив:

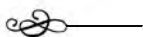
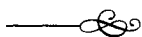
— Будем надеяться, что лед достаточно толстый, чтобы выдержать нас. Это единственное место, где можно сесть.

Он был прав. Берега озера поднимались крутыми уступами, переходя в каменные утесы. Христиан медленно вел вертолет на снижение, пока полозья не коснулись льда. Только когда стало ясно, что застывшая поверхность должна выдержать вес летающей машины, он позволил ей полностью встать на эту своеобразную посадочную площадку.

— Выглядит неплохо, — отметил Христиан, заглушая двигатели.

Эрин сняла наушники и подождала, пока сангвинисты, включая Элизабет, первыми выйдут на лед, выискивая возможную угрозу. Едва дверца вертолета открылась, внутрь ворвался стылый ветер и закружил вдоль стен, словно пытаясь выдуть Эрин наружу. Она запахла в парку поплотнее и вздрогнула, но вовсе не от холода. Волосы на голове у нее шевелились, тело покрылось мурашками.

Сангвинисты отреагировали еще более остро. Христиан рухнул на одно колено; София ахнула так громко, что Эрин

услышала ее даже сквозь резкий свист ветра; Рун потянулся к кресту, спрятанному под его курткой, и зашатался, точно пьяный, сделав несколько неверных шагов. Элизабет схватила его за локоть и удержала на ногах, хмуро глядя на остальных.

Эрин вспомнила, что уже видела подобное: точно так же сангвинисты реагировали на пребывание в Доме Фауста. Но скверна здесь была еще более сильной.

«Даже я чувствую ее», — подумала она, дрожа от страха.

Сидящий рядом с нею Джордан приподнял плечи, словно пытался прикрыть ими уши, и, морщась, наклонил голову сначала в одну сторону, потом в другую.

— Этот шум... словно ногтями по доске. Нет, как будто кто-то раздражает школьную доску стальными когтями. Боже...

У него был такой вид, словно его тошнило.

Эрин не слышала того, что слышал он, но, в конце концов, лишь один Стоун слышал пение камней. Его уши явно были настроены на совершенно иную частоту, чем ее.

Она выбралась из вертолета и присоединилась к остальным, Джордан выпрыгнул следом за ней. Когда ее подбитые стальными шипами подошвы коснулись льда, ноги сразу замерзли, как будто что-то высасывало тепло ее тела через ступни.

За спиной Джордана из вертолета выскочил львенок, с силой оттолкнувшись, точно пытаясь не ступить на лед, но берег был слишком далеко. Лев приземлился на выпущенные серебристые когти и направился к Руну, изящно поднимая каждую лапу, прежде чем снова опустить ее, как будто вообще не желал касаться этой черной поверхности.

— Что-то здесь не так, — прошептала Эрин.

— В этом озере обитает сильное зло, — согласился Рун. — Давайте уйдем побыстрее.

Несмотря на желание бегом броситься к берегу, они шли осторожно, опасаясь поскользнуться на льду — или потревожить то, что скрывалось под этим льдом. Корца повел их к тому берегу, откуда было ближе всего до двух деревьев в тени утеса.

Ступив наконец со льда на камень, Эрин вздохнула. Она сразу же ощутила во всем теле легкость, как будто рюкзак за ее спиной мгновенно потерял свой вес.

Рун присоединился к ней, распрямив плечи. Покинув озеро, сангвинисты стряхнули с себя мертвящее оцепенение, словно цветы, раскрывшиеся навстречу солнечному свету.

— Я по-прежнему это чувствую, — сказала София. — Оно расползается от озера и наполняет эту долину.

Рун кивнул.

Христиан утер лоб затянутой в перчатку рукой и с тоской оглянулся на вертолет.

— Жаль, что я не приземлился поближе. Даже думать не хочу, как мы пойдем к нему обратно.

«Надеюсь, у нас будет шанс это сделать».

Эрин посмотрела на небо, прищурившись от солнечного света. Луна продолжала наползать на дневное светило. Женщина опустила взгляд к уступчатому каменистому склону, ведущему к двум огромным деревьям. И только тогда она заметила, что валуны на берегу уложены в продуманном порядке — они окаймляли заснеженную дорожку, идущую наверх, к утесам.

— Здесь тропа, — указала Эрин и сделала шаг в том направлении. Джордан остановил ее.

— Держись рядом со мной.

Она оглянулась на него, радуясь тому, что он вновь проявляет свою обычную натуру, желая защитить ее от опасности. Потом взяла его за руку, жалея о том, что нельзя снять рукавицы.

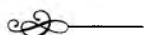
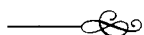
Рун в сопровождении львенка пошел первым. Они осторожно карабкались вверх между валунами, стараясь не поскользнуться на ледяных проплешинах. Вблизи от вершины тропа в последний раз вильнула, и Корца неожиданно остановился, а лев испустил низкое рычание.

— Мы не одни, — сообщил Рун.

11 часов 12 минут

Корца не сразу заметил их.

Три человека стояли на коленях между необъятными стволами деревьев, застыв в такой неподвижности, что их можно было принять за статуи. Снег покрывал их плечи и бритые головы, создавая некое подобие округлых шапочек. Рун не слышал биения их сердец, но знал, что они еще живы.

Они смотрели на него, их глаза блестели в тени, отброшенной безлистными кронами.

Поняв, что их увидели, все трое разом поднялись и плавно выпрямились. Снег соскользнул с их белых одеяний. Дабы поприветствовать Руна и его спутников, троица вышла на солнечный свет, сложив бледные руки на уровне пояса.

Рун знал, что это стригои, но они расхаживали под солнцем так же свободно, как любой сангвинист. Как и утверждал Гуго де Пейн, эти монахи нашли иной способ заключить мир с дневным светилом.

Рун шагнул вперед и поклонился, протянув пустую ладонь так, чтобы они видели, что у него нет оружия.

— Нас прислал сюда Гуго де Пейн, — сказал он. — Мы принесли с собою его дары.

У монаха, который, похоже, возглавлял это трио, было округлое лицо и темные, спокойные глаза.

— Вы вернули камни, данные нашему другу на сохранение?

— Они у нас, — признал Рун.

Эрин скинула с плеч рюкзак и растянула его, явно готовая достать свой камень, но Рун жестом велел ей погодить. Гуго сказал, что этим монахам можно доверять, но осязаемое зло, исходящее от озера, настораживало его.

Даже львенок жался к его ногам, явно напуганный всей этой долиной.

Три монаха одновременно поклонились, словно по сигналу неслышимого колокола.

— Тогда добро пожаловать, — выпрямившись, произнес старший из них, мягко улыбаясь гостям. — Мое имя Цао. Прощу вас, войдите в наш храм, дабы мы могли воссоединить ваши камни с их синим собратом. Как вы знаете, время на исходе.

Монахи повернулись и повели их к деревьям. Подойдя ближе, Рун увидел, что два дерева почти одинаковы — с толстыми серыми стволами и гладкой корой. Они стояли так близко друг к другу, что их верхние ветви переплелись, образовав природную арку. Искривленные сучья дрожали на холодном ветру, дующем с гор, но выглядели достаточно прочными.

Земля вокруг стволов была подметена. Прутья метлы оставили круглые узоры на тонком слое оставшегося снега. Эти искусно выведенные линии приводили на память рисунки на

песке в восточном саду камней, однако сам их узор — завитки и дуги — напомнили Руну татуировку на груди и шее Джордана.

Монахи остановились у каменной стены позади древесных стволов и в один голос заговорили нараспев на языке, которого Рун не знал. Однако Эрин, стоявшая позади него, прошептала полным благоговения голосом:

— Кажется, они говорят на санскрите...

Цао достал из кармана маленькое серебряное изображение розы. Он стиснул в кулаке ее стебель, пронзая свою ладонь шипами. Затем капнул кровью на камень, выступающий из откоса, и все услышали тяжелый каменный скрежет.

— Это похоже на врата сангвинистов, — пробормотал Христиан.

«Или на то, что им предшествовало», — подумал Рун.

Под аккомпанемент скрипа и стопа камня от утеса отделилась маленькая круглая дверца и откатилась в сторону. Снег приминался под ее весом.

Монахи прошли в открывшийся проем, явно приглашая гостей следовать за ними. Дверца была такой низкой, что требовалось склониться, чтобы пройти в нее. Возможно, она была намеренно сооружена таким образом — дабы внушать смирение любому входящему.

Рун и львенок вошли первыми, за ними — остальные.

Переступив порог, Рун выпрямился и обнаружил, что находится в обширной пещере, озаренной мерцанием тысяч свечей, на множестве жаровен курились благовония. Он сразу же понял, что это не природная пещера, но огромное помещение, вырубленное в скальном массиве и превращенное в настоящее произведение искусства. Работа велась явно вручную и, должно быть, заняла не одно столетие.

Войдя вместе с Джорданом и остальными, Эрин тихо ахнула от изумления.

Это было похоже на маленькую деревню, выточенную из камня; фундаменты домов представляли единое целое с каменным полом, как будто эти здания сами собой выросли в рукотворной пещере. Вокруг виднелись сотни статуй, их подножия точно так же, без единого зазора, переходили в камень. Скульптуры изображали обычных крестьян, занятых своими повседневными трудами. Среди них был даже запряженный

в повозку як, выполненный в полный рост, и стада овец и коз, пасущихся на лужайках с каменной травой.

— Как будто взяли ту деревню, над которой мы пролетали, и обратили в камень, — сказал Джордан.

Не обращая внимания на их потрясение, монахи вели гостей к центру деревни, где виднелась огромная скульптура сидящего Будды высотой не менее тридцати футов. Каменные глаза были прикрыты в медитативной безмятежности. Лицо статуи не было стилизованным, оно выглядело как изображение реального человека: с широко расставленными глазами, прямым носом, изящно изогнутыми бровями и чрезмерно полными губами, на которых играла полуулыбка. Черты каменного Будды были безупречны, и казалось, что он в любой момент может открыть глаза.

Рун ощутил спокойствие и умиротворение, исходящее от скульптуры — блаженный контраст со злом, царящим снаружи.

Все так же в унисон монахи сложили ладони перед грудью и поклонились статуе, потом провели гостей мимо Будды в высокий храм. Его изящная башня, выполненная в форме колокола, поднималась почти до потолка пещеры. От нее тянулись унизанные флагами веревки — и то и другое было тоже сделано из камня, но так искусно, что казалось, будто флаги все еще развеваются на давно улетевшем ветру.

Вход в храм охраняли две статуи. С правой стороны на постаменте свивал кольца стилизованный дракон, его пасть была приоткрыта, и видневшиеся в ней зубы выглядели достаточно острыми, чтобы о них можно было порезаться. С левой стояло на задних лапах косматое существо, его мощные передние конечности были вскинута, демонстрируя крепкие когти. Оно выглядело как помесь обезьяны и медведя. Рун никогда не видел подобного ему.

Львенок обнюхал дракона, слегка вздыбив шерсть, как будто ожидая, что крылатый змей вот-вот оживет.

Джордан провел пальцем по жутковатой морде второй скульптуры.

— Похоже на снежного человека или вроде того.

— Не совсем, — возразила Эрин, подойдя ближе. — Мне... мне кажется, это йети. Существо, которое, по слухам, обитает в Гималаях.

Она взглянула на Цао, ища подтверждения. Лицо монаха было по-прежнему непроницаемо.

— Это изображение существа, сбежавшего из озера, — одного из множества ему подобных. Твари разного обличья время от времени выползают в наш мир из этого темного пространства. Некоторые из них лишены теплого покрова и быстро погибают от холода. Другие, как, например, это, годами бродят в горах, прежде чем нам удастся привести их обратно. Именно так и возникают предания и сказки.

— «Привести их обратно»? — переспросил Джордан. — Что вы имеете в виду?

— Мы ловим сбежавших и возвращаем их в озеро. Мы пытаемся не допустить, чтобы кому-либо из них причинили вред или чтобы они причинили вред другим, но часто — слишком часто — терпим неудачу.

— Но разве они — не демоны? — спросила София.

— Наша философия не позволяет нам винить этих тварей в том, что они таковы по природе своей, — благочестиво произнес Цао, и тон его во многом напоминал тон Гуго де Пейна. — Мы живем здесь, дабы защищать всех.

Он повернулся и махнул рукой в сторону открытых дверей храма.

— Но нам пора следовать дальше. Нас ждут важные дела.

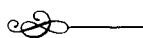
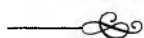
Рун не стал спорить. Благодаря своим чувствам сангвиниста он ощущал, как угасает солнце снаружи, как тень луны медленно поглощает блеск полуденного светила.

У них почти не осталось времени.

Глава 38

*20 марта, 11 часов 22 минуты
по непальскому времени
Долина Цум, Непал*

Элизабет вошла в храм последней, следуя за остальными, точно незнатная простолюдинка. Она терпеть не могла, когда ее оттирали на задний план, но это позволяло ей самой рассмотреть все, не полагаясь на суждения Руна и прочих. Гуго

де Пейн показал ей другой образ жизни, другой способ уравновесить свет и тьму, ночь и день. И эти монахи вживую воплощали то же самый путь.

«Я могу научить этому Томми».

И поэтому она воспользовалась моментом, надеясь узнать как можно больше, прежде чем сумеет сбежать и вернуться к Томми, дабы спасти мальчика от ранней смерти, которой он не заслуживает.

Когда она вступила в сердце храма, то ощутила запах цветущего жасмина, заполняющий помещение. Каменный пол под ногами был покрыт резьбой, имитирующей деревянные доски — должно быть, на это ушли долгие годы трудов искусного мастера. В дальнем конце длинного зала восседал безмятежный Будда. В отличие от статуи снаружи храма этот был изображен с открытыми глазами.

Элизабет задумалась о том, почему храмовый комплекс столь велик, если здесь живут всего лишь три монаха. Она прислушалась, пытаясь уловить присутствие других, но до нее не донеслось ни характерного шлепанья сандалий по камню, ни шороха облачения о кожу, ни перестука четок. Казалось, что в долине остались лишь три стража.

Монахи подвели гостей к большому столу алого цвета, на котором стоял мелкий серебряный поднос. Стол был водружен перед статуей Будды. На поднос была насыпана соль и песок различных цветов и оттенков, и из их искусного сочетания создавалась песочная картина. То была точная копия зимней долины за пределами горы: белый песок изображал снег, черная соль — озеро. На одном берегу были нарисованы два серых дерева, каждая искривленная ветвь их была доподлинно отображена в миниатюре.

Львенок обнюхивал поднос, пока Корца не отогнал любопытное животное прочь.

Три монаха встали вокруг стола и взяли за руки Эрин, Джордана и Руна, подведя их к разным углам подноса. Каждый стоял у своего угла, тогда как два дерева отмечали четвертый.

Цао протянул руку, медленно поворачивая запястье, и его указательный палец очертил круг над крошечной фигурой, изображенной на песке с той стороны озера, возле которой

стояла Эрин. Перед этой фигурой монах опустил на поднос крошечный рубин.

— Солнце восходит на востоке, — пропел Цао.

Второй монах встал рядом с Руном и при помощи крошечных серебряных щипцов поместил идеально круглую жемчужину в песок перед фигурой, начертанной с этой стороны.

— Луна садится на западе, — добавил Цао.

Последний из монахов, стоящий рядом с Джорданом, склонился над подносом и осторожно сдул со своей ладони зеленое семя. Оно слетело вниз и опустилось перед фигуркой, нарисованной с этого края.

— Сад вбирает свет с юга, — произнес Цао, потом отошел к оставшемуся углу и указал на два дерева, нарисованных на песке: — В то время как вечные корни удерживают север.

— Что это значит? — спросил Джордан и, щурясь, взгляделся в фигуру, размещенную перед ним.

— Это то, как нам предстоит открыть врата, не так ли? — предположила Эрин.

Цао чуть заметно склонил голову, подтверждая ее правоту.

— Камни следует разместить на столпах, каждый с нужной стороны света. Когда солнце достигнет зенита и его свет упадет на камни, самоцветы отразят сияние, пронзая воздух над озером. Едва их лучи сойдутся вместе, родится новый свет, чистейше-белый.

Эрин, похоже, слегка усомнилась в его словах.

— Значит, вы утверждаете, что три луча отраженного света — красный, синий и зеленый — смешавшись, дадут белый свет?

Джордан выпрямился.

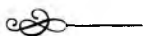
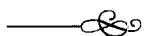
— А что, это осмысленно. Это как на старых телеэкранах, сконструированных на основе RGB-эмиттеров. *Red, green, blue* — красный, зеленый, синий. Из этих трех цветов можно сделать все прочие оттенки.

Цао предложил более изящный ответ:

— Тьма есть отсутствие света, в то время как внутри белого света таится радуга.

— Полный спектр, — подтвердил Джордан, кивнув.

— И что будет потом? — поинтересовалась Элизабет, не совсем понимая их объяснения, но пока что принимая на веру.

Цао продолжил:

— Этот чистый свет пронзит вечную тьму, что покрывает озеро. И как бывает, когда нарыв прокалывают раскаленной иглой, таящееся под поверхностью зло хлынет наверх. Но не следует страшиться. Пирамида света, созданная этими тремя камнями, удержит порождения зла и не даст им вырваться в наш мир.

Элизабет начала понимать.

— Словно клетка с прутьями, сделанными из света.

— Именно так, — согласился Цао. — Но мы должны соблюдать величайшую осторожность. Если камни сместить, пока ворота все еще открыты, созданные из света прутья исчезнут и зло окажется выпущено на свободу, в широкий мир.

— Вы говорите так, будто делали это раньше, — заметил Джордан.

— Именно так в прошлом вы возвращали обратно тех, кому удалось сбежать? — догадалась Эрин. — Как того йети? Скорбное выражение омрачило черты Цао.

— Это единственный способ вернуть их в темные земли и восстановить равновесие здесь.

Один из монахов осторожно коснулся пальцем одеяния Цао, словно призывая его поторопиться. Для этих душ, привыкших к уединению и тишине, подобный простой жест, вероятно, был все равно что яростное встряхивание за плечо.

Цао кивнул.

— И ныне нам предстоит свершить куда более трудное деяние. В последние несколько месяцев тьма набирает силу. Князь тьмы, что правит там, внизу — тот, кого вы именуете Люцифером, — сумел расшатать свои оковы, и этого будет достаточно, чтобы взломать поверхность озера. Мы должны открыть ворота и восстановить его сломанные кандалы, прежде чем он полностью сбросит их.

— И как нам это сделать? — спросила Эрин.

— Мы должны призвать его к воротам, приманить тем, против чего он не сможет устоять. — Цао обвел взглядом трех гостей, стоящих вокруг стола. — Наследники этого мира: Воитель, Женщина и Рыцарь, обуздавший темную кровь, кровь самого князя.

Эрин побледнела. Джордан встряхнул головой:

— Другими словами, мы — приманка.

Даже Рун, казалось, был потрясен. Он неотрывно смотрел на поднос, словно ища ответа в рассыпях песка.

— А когда Люцифер будет призван, что мы должны сделать? Как нам сковать его заново?

— Мы приготовились к этому дню тысячелетия назад. Этот благословенный храм был высечен в сердце горы на краю этой долины не только затем, чтобы хранить эти три камня, но и ради того, чтобы оберегать великое сокровище, созданное одной-единственной парой рук. Лишь Просвещенный мог сотворить подобное совершенство.

Цао повернулся и поклонился статуе.

— Будда, — произнесла Эрин с благоговением в голосе.

Три монаха подошли к изваянию, и Цао открыл дверцу в животе Будды, настолько идеально сливавшуюся с остальной поверхностью, что даже Элизабет ранее не заметила ее. Из открывшейся ниши два монаха извлекли большой ларец из полированного белого дерева, по бокам украшенный нарисованными цветами лотоса.

Судя по напряжению на лицах монахов, вес ларца был огромен. И все же они держали его на весу, как будто боялись допустить, чтобы он коснулся земли. Так они и стояли, когда Цао откинул крышку — и из ларца хлынул осязаемый поток святости.

Сангвинисты ахнули. Рун подался поближе к ларцу, привлеченный этим источником благой силы. Элизабет отпрянула, ей хотелось убежать прочь — святость, излучаемая ларцом, обнажала темные уголки ее души.

Даже лев склонился перед открытым ларцом, распростершись на животе.

Джордан и Эрин шагнули ближе, чтобы увидеть скрытое внутри сокровище.

— Цепи, — произнес Стоун. — Серебряные цепи.

Его слова лишь в малой степени отражали их красоту. Цепи были сотворены из чистейшего серебра, от них исходил благой свет. Каждое звено было идеально, резьба на них изображала все живое, что бежит и растет под солнцем. Это был сам первозданный мир, воплощенный в серебре.

— И мы сможем сковать Люцифера этими цепями? — спросила Эрин.

Цао посмотрел на нее, затем на Джордана.

— Не вы двое. Лишь существа, подобные нам самим или вашим спутникам, способны пронести это сокровище сквозь грани пирамиды света. Для тех, чьи сердца все еще бьются, пересечение этого барьера станет смертью. Невредимыми смогут пройти лишь проклятые, уравновесившие свет и тьму внутри себя.

Цао поклонился своим братьям-монахам, затем сангвинистам.

Христиан вышел вперед.

— Позвольте мне пойти. Рун должен охранять один из столпов пирамиды. Но я могу войти в пирамиду и отнести эти цепи к Люциферу.

— Но не один, — вмешалась София. — Я пойду с тобой.

Судя по тому, как напряжены были плечи монахов, державших ларец, нужны были два сангвиниста, чтобы нести этот груз. Возможно, три. Но Элизабет придержала язык. Она не пойдет, если ей не прикажут — а возможно, и в этом случае.

Цао подошел и склонился перед Христианом и Софией, опустившись на одно колено, чтобы поцеловать им руки.

— Наши благословения да пребудут с вами. Этот путь во тьму, заключенную внутри пирамиды света, будет нелегким.

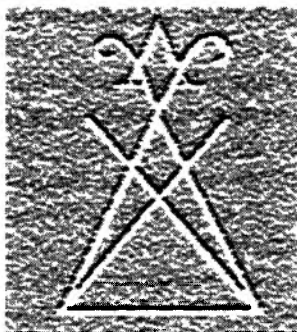
— Хм-м... — пробормотала себе под нос Эрин.

— В чем дело? — спросил Джордан.

Женщина повернулась спиной к монахам и протянула руку к Джордану.

— Дай мне взглянуть на твой зеленый камень.

Джордан залез в свой карман, достал обе половинки камня и протянул их Эрин. Сангвинисты все еще не сводили глаз с ларца и его содержимого, но Элизабет присоединилась к Эрин. Археологиня сложила обе половинки вместе и повернула самоцвет, чтобы взглянуть на рисунок, начертанный на нем. Но на этот раз она смотрела на изображение с другой стороны, так, что символ, напоминающий чашу, оказался перевернут вверх ногами.

— Может быть, этот символ изображает пирамиду света? — предположила Эрин.

Она повернулась к Цао, ища подтверждения своей гипотезе. Камень в ее руках слегка сместился, разделившись на две половины.

Монах взглянул на него и впервые проявил хоть какое-то сильное чувство: его спокойное лицо исказилось, сложившись в гримасу ужаса и неверия.

— Нет, не может быть! — Взгляд его полыхнул гневом, монах угрожающе шагнул к Эрин. — Что ты наделала?

Грейнджер отпрянула, а Рун бросился между ней и монахом.

— Она ничего с ним не делала, — ответил он, и в голосе его звучало предостережение.

Цао покачал головой.

— Камень Сада разбит. В таком виде он не сможет открыть ворота. — Он сокрушенно смотрел на них. — Этот ключ сломан, а значит, будущего нет. Этот день станет днем конца света.

11 часов 34 минуты

Эрин посмотрела на половинки самоцвета, лежащие у нее на ладонях, и попыталась унять отчаяние, поднимающееся в ее душе. Неужели их путешествие с самого начала было обречено на провал? Она отказывалась смириться с этим — только не после того как понадобилось столько жертв и крови, чтобы достигнуть этой долины!

— Должен быть какой-то способ воссоединить его, — заявила женщина.

Джордан забрал у нее осколки.

— Жаль, что я оставил тюбик суперклея в кармане других штанов.

— Вы не понимаете, — сказал Цао. — Камень не просто разбит, он осквернен. Я чувствую остатки тьмы, которые все еще таятся в его сердце.

Эрин представила колокол Джона Ди и сотни стригоев, сгоревших дотла под этим колоколом, чтобы их темные сущности могли быть собраны внутри этого священного камня.

— Можно ли его очистить? — спросила Эрин. — Освятить?

Святой обряд крещения смывает с души первородный грех. Нельзя ли очистить подобным образом и самоцвет?

— Лишь добро может прогнать зло, — ответил Цао. — Лишь свет может рассеять тьму. Чтобы очистить от подобной скверны, потребуются величайшее добро и ярчайший свет.

Монах повернулся, чтобы посоветоваться со своими братьями. Они перешептывались друг с другом на санскрите. Эрин жалела, что не понимает их слов, но чувствовала, что ответ придет не от этой троицы.

«Я — Женщина Знания».

Она посмотрела на изумрудные отблески, которые отбрасывали осколки, лежащие на ладони Джордана, потом перевела взгляд на песчаную картину. Изучила три фигурки, перед которыми лежали символические изображения *Арбор*, *Аква* и *Сангвис*, и вспомнила то, что сказал Гуго:

«Вы должны разгадать загадку, чтобы забрать камень, принадлежащий вам».

Эрин вновь повернулась к Джордану, глядя, как отблески камня играют на его лице. Мерцающие зеленые блики казались крошечными листьями, растущими на алых линиях на его коже — точно на виноградных лозах. Как будто камень действительно был семечком, проросшим внутри Джордана.

Она произнесла вслух:

— Эти камни... они связаны с каждым из нас отдельно?

Цао повернулся к ней.

— Так сказано в пророчестве Просвещенного. *Дочь Евы будет связана своей кровью с красным камнем. Сын Адама*

укоренится в зеленом камне через свою связь с землей. А Бессмертный воссоединится с синим камнем, ибо обуздал свою природу, дабы получить возможность ходить под синим небом.

Эрин пожалела, что у нее нет времени прочесть эти древние пророчества самой, но ей нужно было сосредоточиться на насущной проблеме.

— Если камень Сына Адама разбит, то, может быть, Сын Адама сможет восстановить его, — сказала она, переводя взгляд со Стоуна на белого льва и зная, что эти двое связаны общим свойством. — В крови Джордана содержится ангельская сущность, сущность созданий света и праведности. Может быть, эта чистота сможет очистить камень от скверны.

— И если эта кровь способна исцелять самого Джордана, — добавил Рун, — то, возможно, ей также дана сила исцелить этот самоцвет.

Стоун пожал плечами.

— А если это не получится, я могу просто держать две половинки вместе голыми руками.

Эрин осознала, что это было шуткой лишь наполовину.

— А разве у нас есть иной выбор? — спросила она.

— Эрин права, — вслух заявил Христиан, глядя на потолок и, вероятно, ощущая состояние солнца. — Что бы мы ни намеревались попробовать, давайте сделаем это поскорее.

— Тогда посмотрим, на что способна моя кровь. — Джордан достал нож из-за голенища ботинка. — Вряд ли я смогу осквернить ею камень сильнее, чем он уже осквернен.

Он поднес нож к своему запястью.

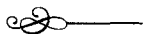
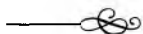
— Нет, не здесь! — воскликнул Цао. — В нашем священном храме запрещено проливать кровь!

— Тогда где? — спросил Джордан, поднеся острие ножа вплотную к коже.

Эрин знала, что у них больше нет времени на раздумья. Она указала на песчаную картину.

— Мы попытаемся, когда зайдем должные места. — Она оглянулась на Цао. — Где третий камень? Ваш синий самоцвет?

«Тот, что предназначался для Руна».

Цао кивнул одному из своих собратьев, который вновь вернулся к нише в животе Будды и извлек другой ларец, также белый, но с изображением неба, в котором плыли кучерявые облака. Этот ларчик был куда меньше и легко помещался в ладонях монаха, который с поклоном протянул его Руну.

Корца начал было открывать шкатулку, но Эрин остановила его.

— Не надо, — остерегла она, вспомнив, какое воздействие *Сангвис* оказал на Джордана в церкви Гуго. Женщина не хотела, чтобы пение этого священного камня тоже повергло Джордана в транс.

Она указала в сторону открытых врат.

— Цао, отведите нас туда, где нам надлежит быть.

Глава 39

*20 марта, 11 часов 44 минуты
по непальскому времени
Долина Цум, Непал*

Рун вместе с остальными поспешил прочь из храма и обратно через каменную деревню. Внутренние часы его чувствовали приближение полуденного часа, а струящаяся в крови святость реагировала на прохождение луны по лику солнца. По мере того как тьма наступала, его сила таяла с каждой секундой, точно песок, утекающий через горловину песочных часов.

Впереди, за открытыми воротами, яркость дня потускнела до серых сумерек — тень луны заслоняла солнечный свет от этих гор. Все выбежали наружу и снова оказались в продутой ветрами долине, где зло теперь ощущалось еще сильнее.

Пройдя в низкую дверцу и выпрямившись, Рун посмотрел на небо и увидел, что от солнца остался лишь узкий полумесяц. Его блеск обжигал глаза и леденил душу ясным осознанием: «У нас почти не осталось времени».

Оказавшись под сенью двух деревьев, группа разошлась в разные стороны. Каждому из *предреченного трио* был назначен в сопровождение один из монахов. Самый высокий из братии быстро повел Руна вдоль основания обледенелых уте-

сов к западному берегу черного озера. Цао взял за руку Эрин, а третий ушел с Джорданом, направившись, соответственно, к южному и восточному берегам.

София и Христиан, сгибающиеся под тяжестью ларца и священных серебряных цепей, начали спускаться прямо вниз, остановившись в тени деревьев у северной оконечности озера.

Двое оставшихся членов отряда следовали за Руном по пятам. Присутствие одного из них не удивило сангвиниста. Львенок топал по снегу позади него, тихо рыча и пригибая голову — он чувствовал зло, исходящее от озера. Эта долина явно так же ранила чувства юного льва, как и чувства Корцы.

А вот то, что с ним отправилась другая спутница, стало для Руна неожиданностью. Элизабет шла рядом с ним широкими шагами, выпрямив спину и неотрывно глядя на озеро. И судя по всему, она испытывала совсем не те чувства, которые одолевали самого Руна и льва. Лицо графини выражало сдерживаемое стремление, как будто она желала выбежать на озеро и прокатиться по его замерзшей черной поверхности.

«Почему ее, судя по всему, не пугает таящееся там зло?»

Элизабет заметила его внимание и прочла на его лице вопрос, но неверно поняла его.

— Я не намерена дать тебе уйти одному, кто-то должен прикрывать тебе спину. Особенно сейчас, когда у тебя нет руки.

Корца ответил ей благодарной улыбкой. Графиня нахмурилась.

— Смотри под ноги, Рун, а то укачишься вместе с камнем.

Он повернул голову. Монах вел их по узкой тропке к высокому путевому знаку, торчащему у берега. Это был постамент из серого гранита, покрытый льдом, высотой по грудь Руна.

Монах почтительным жестом смахнул снег с верхней грани столпа, обнажив вырезанную из камня чашу, точно такую же, как те, что были изображены на мозаике в Венеции. Как и у строений, и статуй в буддийском храме, основание этой каменной чаши без малейшего зазора переходило в верхнюю грань столпа, делая их единым целым.

Корца подумал, что если убрать снег от подножия вежи, то она, в свою очередь, тоже окажется частью горы.

Монах шагнул к Руну, взял у него шкатулку и повернул так, чтобы замок ее был обращен к сангвинисту.

— Камень Неба ждет тебя, — произнес монах, слегка поклонившись. — Ты должен поместить священный самоцвет на предназначенное ему место. В тот же миг, когда это сделают остальные.

Монах кивнул в сторону чаши.

Рун понял.

«Я должен положить *Аква* в это вместилище».

Протянув руку к шкатулке, он поддел замочек большим пальцем и откинул крышку. Корца почти ожидал увидеть, что в ларце пусто, что в последний миг эти монахи решили предать их. Но внутри на белом шелке лежал великолепный самоцвет. Он сиял синевой, точно ясное небо, — как будто самый идеальный день за все время существования мира был заключен в этом камне, дабы его можно было сохранить навеки.

Вздых благоговения сорвался с уст Руна.

Львенок подошел вплотную, оперся лапами на колено Корцы и задрал морду, так, чтобы тоже видеть камень. Элизабет просто скрестила руки на груди.

Рун аккуратно оттолкнул льва и коснулся пальцами самоцвета, с небывалой горечью ощущая свою недостойность.

«Как может подобная красота быть предназначена мне?»

И все же сангвинист не забыл о своем долге. Он взял камень, чувствуя, как святость самоцвета согревает его ладонь, запястье и распространяется вверх по руке. Когда это тепло достигло груди Руна, он почти ожидал, что его сердце забьется вновь. Но когда этого не произошло, он повернулся лицом к столпу и высеченной на его вершине чаше.

Через озеро Корца видел, что другие уже заняли свои места. Цао склонился к уху Эрин и что-то шептал ей — вероятно, те же указания, которые его собрат передал Руну.

Грейнджер смотрела на Корцу, и хотя она находилась в пятидесяти ярдах от него, он видел страх в чертах ее лица. Он понимал, о чем она тревожится, и тоже повернулся к источнику этой тревоги. Трио должно действовать одновременно, но оставалась последняя задача.

Рун взглянул на Джордана.

Сможет ли кровь этого человека очистить и воссоединить разбитый самоцвет?

11 часов 52 минуты

Джордан коснулся холодным острием кинжала своего запястья.

«Лучше бы это сработало...»

Подняв взгляд, он увидел, что от солнца осталась лишь огненно-алая корона, вырывающаяся по краям темного лунного диска. Блеск ранил глаза, и когда Стоун вновь посмотрел на клинок, прижатый к запястью, то ему пришлось несколько раз моргнуть, чтобы сфокусировать зрение. К этому моменту тень луны уже накрыла долину, сделав снег светло-красным, а лед на озере еще более черным, похожим на окаменевшие капли Люциферовой крови.

«Озеро — словно дыра в ткани этого мира».

Это зрелище леденило кровь Джордана своей неестественностью, неправильностью.

Зная, что нужно делать, он плотно прижал кончик клинка к своему запястью и рванул в сторону резким движением. На коже широкой алой чертой показалась кровь. Стоун вложил нож в ножны и достал половинки зеленого камня, подав одну из них монаху, сопровождавшему его. Второй осколок Джордан оставил у себя и подставил под разрезанное запястье, поймав первую же скатившуюся каплю в полую сердцевину самоцвета.

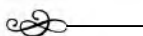
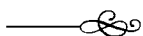
Он приготовился к какой-нибудь жуткой реакции, но ничего не произошло, и он продолжил заполнять кровью полость в камне. Когда кровь перелилась через край, Стоун отдал эту половинку монаху, забрал у него вторую и повторил с ней то же самое.

Ни ослепительной вспышки света, ни торжественной песни.

Джордан взглянул на монаха, ища помощи, но тот, казалось, был так же растерян — и испуган.

«Остается лишь одно...»

Отбросив страх, Джордан взял в руки обе половинки. Расплескивая кровь по граням самоцвета, он сложил два осколка воедино.

«Ну, давай!»

Какой-то миг все было как прежде — а потом камень в его руках начал нагреваться, быстро становясь горячим, словно в нем пылал тот же лихорадочный жар, что исцелял тело Джордана. Стоун молился о том, чтобы это оказалось добрым знаком. Вскоре внутренний огонь уже обжигал руки, словно сержант выхватил из костра горящую головню. И все же он крепко держал камень, морщась от боли.

Стоун видел, как на тыльной стороне его кистей появляются новые алые линии, как пылающие спирали распространяются по коже, обвивая пальцы. Он почти ожидал, что его ладони срастутся вокруг камня, становясь оболочкой для пылающего семени, заключенного между ними.

И когда Джордан решил, что больше не сможет выдержать этот жар, огонь утих, сменившись пением, которое проходило сквозь него, притягивало его ближе, на новый лад соединяло его с самоцветом в его руках. Слабое эхо, которое он слышал от камня прежде, превратилось теперь в величественный хорал.

Этот хорал пел о теплых летних днях, о запахе сена в амбаре, о шелесте ветра, летящего над пшеничным полем. В нем звучало жужжание пчел в предзакатный час, тихий крик гусей, которых гонит в путь смена времен года, низкий басистый рев кита, ищущего подругу...

Джордан склонил голову, услышав, как к мелодии самоцвета примешивается новая музыка. Теплая алая лента надежды и жизни плыла и танцевала в этой песне; новые ноты звучали, как биение сердца, как смех, как тихое ржание лошади, приветствующей друга.

Затем к хоралу присоединился третий голос, синий, как яркий хохолок сойки в солнечном свете. Этот рефрен придавал хоралу глубину: грохот падающей воды, мягкие удары капель дождя о сухую землю и рокот прибоя, который набегает на берег и откатывается прочь — движение столь же вечное, как сама земля.

Три песни сплетались воедино в величественном гимне жизни, в каждой ноте которого раскрывалась красота и чудо этого мира, его бесконечная гармония и разнообразие, когда отдельные части складываются в целое.

Джордан чувствовал себя частью этой песни и одновременно оставался наблюдателем.

Затем сквозь великолепие гимна пробился голос, отдавший приказ.

— Давайте! — крикнула Эрин. — На счет три!

Джордан с усилием отвел взгляд от изумрудных глубин своего самоцвета и увидел, что Грейнджер стоит возле восточного столпа, высоко держа в поднятых руках алый камень, сияние которого рассеивало мрак затмения.

При виде ее сердце Джордана заныло, и это заставило песню притихнуть — достаточно, чтобы он мог слушать и повиноваться. Эрин выглядела как некая древняя языческая богиня, алый свет озарял ее фигуру, превращая ее золотистые волосы в пламя.

К западу от озера Рун тоже поднял свой камень.

— Раз! — Чистый голос Эрин разнесся над озером.

— Два! — ответил ей Рун, словно они многократно репетировали третий момент.

— Три! — добавил Джордан заключительный счет.

11 часов 59 минут

Эрин опустила *Сангвис* в чашу, стоящую перед ней.

Как только его грани коснулись гранита, красный самоцвет вспыхнул неистовым светом, словно вторя алому свечению затмённого солнца. Поверхность камня испускала пламя, которое танцевало в гранитной чаше. Лицо Эрин обдало жаром и ощущением святости. Она боялась, что, если подойдет ближе, этот жар испепелит ее.

Цао подобных страхов не испытывал. Стоя рядом с ней, он протягивал руки к этому алому огню. Когда его холодные пальцы сплелись, греясь в жарком священном огне, монах громко запел молитву на санскрите. Эрин слышала, как его собратья по вере вторят ему.

Луна полностью закрыла солнце, погрузив долину в красноватый сумрак, но самоцвет боролся с этой тьмой. Пламя вздымалось все выше, распространялось все шире, словно невидимые мехи раздували его в свирепый смерч. Женщине хотелось бежать от этого огненного торнадо, но она знала, что ее место здесь.

Потом так же неожиданно, как появилось, пламя втянулось обратно в самоцвет, заставив его сиять еще ярче — точно внутри чаши покоился кусочек солнца. Затем яркие огни вспыхнули снова, на этот раз не на гранях камня, а вокруг самой Эрин.

Она покрутила головой, озираясь по сторонам и осознавая, что это огни образуют рубиновый шар, который окружает ее. На поверхности шара плясали алые языки огня. Казалось, что самоцвет неожиданно стал огромным и целиком поглотил ее, заключив внутри.

«И я — всего лишь изъян в его сердцевине».

Бросив взгляд через темное озеро, Эрин увидела, что Рун стоит в сфере, пылающей синим огнем, а Джордан — в коконе изумрудного пламени.

Она сделала шаг к ним, но Цао, все еще стоявший рядом с нею, положил руку ей на плечо, удержав на месте. Эрин посмотрела на жидкий огонь, текущий по поверхности сферы, и вспомнила предупреждение монаха о том, что людям опасно пересекать эти барьеры, состоящие из света. Этот огонь способен сжечь смертных.

А может быть, Цао давал ей знак следить за тем, что еще должно было свершиться...

Огни неожиданно закружились и собрались в верхней части сферы — а потом прыгнули в небеса, наискось проложив огненную дорожку над озером. Такие же огненные копья — сияюще-синее и изумрудное — зажглись над другими сферами, устремляясь вверх, навстречу рубиновой колонне.

Все три луча сошлись над центром озера с раскатистым звоном, от которого Эрин даже пошатнулась, но Цао помог ей удержаться на ногах. Она, приоткрыв рот, уставилась на гигантскую огненную пирамиду. На вершине три луча свивались в огромный смерч; их пламя скручивалось спиралями, смешивая цвета, образуя смесь из разных сочетаний оттенков. Затем это вращение ускорилося настолько, что человеческий глаз не в силах был уследить за ним, пока все цвета не стали едины, создав озеро чистого белого огня.

Эрин вспомнила перевернутый символ, который она показывала Джордану и Элизабет.

«И вот он, воплощенный в жизнь».

Затем из белого озера наверху колонна света ринулась к темному озеру внизу, ударив в черный лед. Тот не выдержал этого удара, по всей поверхности озера разбежались трещины. Земля под ногами дрогнула.

И после этого весь мир затих.

Эрин не слышала ни свиста ветра, ни скрипа веток на деревьях, ни единого живого звука.

Кроме биения собственного пульса в ушах.

Она смотрела, как белая колонна света распространяется по льду, образуя сияющий конус, строя пирамиду внутри пирамиды. Внутри этого яркого конуса черный лед шел рябью, как вода под ветром.

Эрин вспомнила фреску в Доме Фауста, где изображались разнообразные монстры, лезущие в этот мир. Она понимала, что это скорее всего начнется через считанные мгновения, — но все равно понимала, что не готова к такому.

12 часов 01 минута

Чувствуя, как от тревоги кожа покрывается мурашками, Джордан рефлекторно нащупал свой «Кольт 1911», висящий в кобуре под паркой. Он знал, что от этого оружия, вероятнее всего, будет мало толку против того, что поднималось сейчас из темных глубин озера, но хотел ощутить в руке твердость рубчатой рукоятки — как противовес той дыре в ткани мира, что колыхалась сейчас перед ним.

Даже сквозь огненную сферу, в которую была заключена Эрин, Стоун видел ее испуганное лицо. Должно быть, женщина почувствовала его взгляд, потому что почти сразу же обернулась к нему. Джордан улыбнулся ей, чтобы ободрить, — по крайней мере он на это надеялся, — и она в ответ сумела выдавить слабую улыбку.

На западном берегу озера Рун стоял рядом с одним из монахов в сфере синего пламени. За его спиной Элизабет выхватила свой меч. Лев расхаживал за пределами сферы — очевидно, он находился снаружи, когда камень начал испускать огонь, и оказался единственным из них, кто не был пойман. «Умный зверь».

Джордан понимал, что находится в ловушке; он чувствовал, что ему не пройти через эту завесу изумрудного све-

та, а если он попытается, то сразу сгорит дотла. Все, что он мог, — это покрепче сжать в руке оружие.

В центре озера покрытая рябью тьма начала испускать тени и дым, медленно заполняя ими пределы сияющего белого конуса. Наконец этот дым стал настолько густым, что Джордан уже не видел северный берег озера, где ждали Христиан и София с серебряными цепями в ларце.

Он продолжал смотреть. Тьма начала сгущаться в центре, дым и тень становились материальными. Там постепенно вырисовывалась черная фигура, высотой этажа в два, сидящая на троне из обсидиана. Лицо ее было темным, по обнаженной коже пробегали угольно-черные тени. За широкими плечами вздымались мощные крылья, оперенные черным пламенем. Там, где языки этого пламени касались света, рождались черные молнии, ударявшие по внутренней поверхности конуса — но преграда держалась стойко.

Крылатое существо пошевелилось на троне, натягивая серебряную цепь, которой оно было сковано ниже пояса.

Джордан понимал, кого видит.

Царя этой бездонной ямы.

Самого Люцифера.

И Стоун не мог не признать, что этот ангел тьмы...

12 часов 03 минуты

...так прекрасен.

Эрин потрясенно взирала на совершенство фигуры, сидящей на троне. Каждая мышца его рук и груди была безупречно очерчена, крылья полыхали темным пламенем. Но внимание Эрин привлекло его лицо. Высокие скулы были подобны изящным аркам, узкий прямой нос разделял огромные глаза, обрамленные длинными ресницами, — а сами глаза сияли темным величием, видя все и ничего.

Ей казалось, что отвести взгляд от этого лица невозможно.

И лишь один из их отряда не поддался этому очарованию и благоговению.

— Чего вы ждете? — закричала с другой стороны озера Элизабет, разрушив наваждение.

Эрин видела, как Рун вырвался из транса и крикнул, повернувшись к северному берегу озера:

— Христиан, София! Давайте!

Те двое шагнули с каменистого берега, неся тяжелый ларец. Как и обещал Цао, сангвинисты прошли через внешнюю грань огненной пирамиды баз малейшего труда. Но когда они оказались на льду, исходящая из озера скверна заметно ослабила их. Ноги подламывались под тяжестью ларца. Трещины, расколовшие лед, делали их путь еще более опасным; им приходилось огибать полыньи, и это замедляло их продвижение.

Чувствуя, как от страха кружится голова, Эрин повернулась к Джордану, жалея, что тот не рядом с нею.

Стоун заметил, что она смотрит на него, и приоткрыл рот, чтобы что-то крикнуть ей — но за его спиной блеснуло серебристое лезвие.

— Джордан! Берегись... — закричала Эрин.

Затем холодные твердые пальцы сомкнулись вокруг ее шеи, не давая вымолвить ни слова, не давая даже вздохнуть.

Глава 40

*20 марта, 12 часов 04 минуты
по непальскому времени
Долина Цум, Непал*

Услышав крик Эрин, Джордан отреагировал мгновенно, повинаясь усвоенным в армии инстинктам. Он кинулся на землю — и длинное изогнутое лезвие просвистело над его головой.

Разминувшись с намеченной целью, стальной клинок скользящим ударом зацепил изумрудный камень в чаше, отчего тот слетел с места и покатился, ударяясь о края чаши. Джордан рухнул на снег у основания столпа, перекатился на бок, выхватил свой «Кольт» и выстрелил в грудь монаху, снова занесшему меч.

Зная, что его противник — стригой, Джордан разрядил в него весь магазин. Монах отлетел назад, выпав из изумрудной сферы, и упал навзничь на мерзлую землю. Плоть на его

груди дымились от соприкосновения с серебряными пулями, под телом расплывалась лужа черной крови.

Джордан развернулся, его тело, все еще настроенное на пение камня, отозвалось неслышным тревожным гулом. Когда вращающийся самоцвет выкатился из чаши и полетел наземь, сержант нырнул за ним, вытянув руку. Но его пальцы лишь скользнули по гладким граням, и *Арбор* упал в снег у подножия столпа.

Словно от силы этого соударения, громовой удар сотряс землю. Джордан подполз к самоцвету, все еще сиявшему в снегу. Но урон уже был нанесен. Изумрудная сфера вокруг Джордана оставалась целой, по-прежнему сверкая пламенем, но одна из опор пирамиды исчезла.

«Нужно вернуть его, пока не слишком...»

Через резких хлопков раздалась поблизости, прозвучав с громкостью оружейных выстрелов и эхом отразившись от поверхности озера.

Джордан поднял взгляд и увидел, что лед раскалывается, разлетается осколками, словно зеркало, брошенное на пол. Но то, что прежде отражало это зеркало, было не светом, а тьмою, тем, что не было предназначено для этого мира.

И оно вырвалось на свободу.

Над поверхностью озера возникали существа; они карабкались, ползли и перекатывались по льду. Эта орда спешила к берегу — в основном направляясь к Джордану, к сломанной опоре пирамиды, чувствуя, что там можно проскользнуть.

Стоун отшатнулся, повинувшись древнейшим инстинктам, доставшимся в наследство от дальних предков человечества. Его мозг не в силах был принять то, что видели глаза, но одновременно не мог и отрицать это. Желудок сжимался от созерцания этого ужаса, который разум не мог полностью вместить. Но когда его пальцы коснулись внутренней поверхности огненной сферы, все еще окружавшей его, боль пронзила руку до самого плеча. Он отдернул руку — от почерневших ногтей поднимался дымок.

Стоун осознал, что заперт в этой сфере и не может сбежать из нее. *Ах да, монах же предупреждал...*

«Для тех, чьи сердца все еще бьются, пересечение этого барьера станет смертью».

Но у мерзких тварей, которые выползали из озера, не было сердец, не было подобных ограничений.

Что-то вынырнуло из воды справа и поковыляло вперед. Оно напоминало человека, но на его плоском черном лице не было ни глаз, ни рта — и все же оно кричало, воем извещаая мир о своем прибытии. Слева к камням жалось массивное существо с раздвоенными копытами и бесформенной головой; оно помедлило там — а потом прыгнуло прочь.

Джордан хотел закрыть глаза, но неизвестность страшила его еще больше.

Прямо перед ним из груды битого льда выползала черная тварь, напоминающая формой крокодила — но у нее не было головы, на переднем конце ее тела извивался уплощенный хоботок, отверстие которого окаймлял ряд зубов. За собой она оставляла блестящий слизистый след цвета желчи. Словно учуяв Джордана, тварь быстрее поползла к нему, безо всякого вреда для себя пройдя через изумрудную завесу и принеся с собой смрад серы и гнилого мяса.

Разум Стоуна боролся с невозможностью происходящего, сползая за край безумия. И все же один, самый большой страх не давал ему сорваться в эту бездну.

«Эрин».

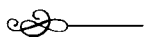
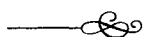
Но будучи заперт здесь, Джордан не мог прийти ей на помощь.

Это мог лишь один человек.

12 часов 06 минут

Рун выхватил карамбит и отбил вбок меч монаха — но соударение заставило его покачнуться. Этот враг был намного сильнее и быстрее, чем любой стригой, с каким Корца когда-либо сражался, и сила эта наверняка подпитывалась скверной, исходящей из озера, равно как и близким присутствием повелителя Тьмы — Люцифера.

Пытаясь удержаться на ногах после удара, Рун сделал неверный шаг и оказался вне завесы синего огня. За пределами сферы воздух пах смертью и разложением. От отвращения по телу сангвиниста словно бы пробежали тысячи пауков.

Монах преследовал его. Длинный меч сверкнул отраженным синим светом, рушась сверху, но этот удар так и не достиг цели. Что-то ударило монаха в бок, опрокинув наземь. Львенок откатился прочь, но сразу вскочил и развернулся, громко зашипев. Монах тоже мгновенно оказался на ногах, быстрый, точно атакующая кобра, и нанес удар, метя в горло льву. И тут его тело рухнуло вперед, а голова откатилась прочь; меч бесильно воткнулся в снег рядом с львенком.

Над ним стояла Элизабет, с ее клинка капала темная кровь.

Она снова спасла ему жизнь, и, вероятно, льву тоже, но у Руна не было времени благодарить ее.

Во время короткой схватки он заметил, как Джордан, высадив весь магазин своего пистолета, поверг монаха, напавшего на него. И еще увидел, что зеленый самоцвет выпал из чаши, отчего лед на озере с той стороны раскололся и ад вырвался наружу, в этот мир. Даже сейчас твари выползали на берег и двигались дальше. Другие толпились на льду, собираясь у ног своего властелина. Некоторые из них заметили Христиана и Софию, несущих ларец, и бросились к ним: то ли их разгневала святость цепей, то ли им отдал приказ сам ангел тьмы.

— Охраняй камень, — велел Рун графине.

Он должен был добраться до Эрин. Мгновение назад Корца видел, как она подверглась нападению в тот самый момент, когда пыталась предупредить Джордана, и даже сейчас силилась вырваться из железной хватки Цао. Пальцы монаха были сомкнуты у нее на горле, держа ее в воздухе так, что она едва могла коснуться земли носками своих ботинок.

Рун помчался к ней вдоль берега. Со льда на него прыгнуло змееобразное существо, но сангвинист плавным движением отступил вбок и одним взмахом клинка отрубил чешуйчатую голову твари. Из обрубка повалил желтый дым, капли крови проели насквозь парку Руна и обожгли его кожу, точно кислота.

И все же он продолжал бежать дальше, сопровождаемый львенком.

На него пытались броситься еще несколько тварей, но они, казалось, стремились скорее выбраться из озера в большой мир, нежели действительно напасть на кого-то. Однако

у Христиана и Софии, уже далеко продвинувшихся к центру озера, положение было куда хуже. Они поставили ларец на лед и теперь отбивались от нападающей на них орды. Их одеяния промокли от крови.

По другую сторону озера снова раздались выстрелы — это Джордан перезарядил пистолет и теперь, оставаясь в своем изумрудном шаре, пытался прикончить какого-то врага. Пока ему приходилось удерживать позицию в одиночку.

Рун преодолел оставшееся до рубиновой сферы расстояние.

Эрин все еще была жива, ее сердце колотилось в груди, но дыхание прерывалось в жестокой хватке пальцев стригоя.

Цао заметил приближение Руна и улыбнулся. Корца знал, что монах в любой момент мог бы сломать Эрин шею, точно сухую ветку, но не сделал этого — вероятно, лишь для того, чтобы в полной мере насладиться ее смертью.

Высвободив одну руку, Цао поднес кинжал к горлу Эрин.

«Нет...»

Разрез был глубоким и широким, клинок без труда располосовал нежную плоть. Кровь ударила фонтаном, и монах отпустил женщину.

Эрин неловко, боком, рухнула наземь; ее жизнь уходила в снег, куясь паром на морозе.

Ноги Руна подкосились: он понимал, что этот алый поток уже не остановить, что такую рану не исцелить. И все же собрал силы, чтобы шагнуть вперед. Он не должен потерять ее. Он клялся защищать ее — не только как Рыцарь Христов, но и как человек, который любил ее, который не мог представить этот мир без нее.

Цао встретил его ярость широкой ухмылкой, в его глазах горел темный огонь зла.

И это не было деянием Люцифера.

Рун знал, кто смотрит на него из этих глаз.

12 часов 07 минут

Глядя через озеро, Легион наслаждался выражением ужаса и безнадежности на лице Рыцаря. Теперь он наблюдал за этим и зрением одержимого монаха, и через глаза своего сосуда.

Демон по-прежнему прятался в скалах на южной стороне озера и оттуда управлял происходящим, выжидая подходящего момента, чтобы показаться.

Как легко оказалось заставить трио танцевать под его дудку!

Используя похищенные знания Гуго де Пейна, Легион при-
был сюда ранее своих врагов и застал монахов врасплох.

«Одно прикосновение — и они мои».

Легион думал воспользоваться той тайной, которой Гуго не поделился с другими. Отшельник знал, что разбитый камень больше не сможет открыть врата, лежащие в долине. Гуго верил, что монахи ведают, как восстановить самоцвет, и Легион тоже поверил в это. Увы, забрав долгую память монахов, он не нашел в ней подобного знания.

Разочарованный, демон составил новый план. И Леопольд, и Гуго де Пейн доверяли Женщине Знания, высоко оценивая ее разум. Если кто-либо сможет понять, как воссоединить камень, это будет она. Поэтому он, спрятавшись в надежное укрытие, искусно манипулировал монахами и с их помощью выманил истину у трио, заставив их проделать всю работу за него.

«И как идеально все получилось...»

Женщина действительно нашла ответ, а Воитель уделил свою кровь, чтобы претворить план в жизнь. Вместе трио открыло врата — и на долю Легиона осталась лишь несложная задача: разбить камни, дабы портал невозможно было закрыть снова. Этот мир будет заполнен тьмой. Как только черный ангел освободится, этот сад будет очищен от человечества, этот рай достанется одному Легиону.

Таково было обещание, данное ему Люцифером.

Демон вышел из маленькой пещерки в скалах и воздел руки к небу, омраченному затмением. У него оставалось лишь несколько мгновений, дабы завершить задуманное. Солнце уже вновь выползло из тени, его жгучее пламя разгоралось из углей затмения. Зная, что времени мало, он заранее выбрал это укрытие — самое близкое к зеленому камню, самое близкое к Воителю, который все еще охранял этот камень. Хотя *Арбор* был восстановлен, он по-прежнему оставался самым уязвимым. Легион разобьет его первым — а потом один за другим уничтожит остальные.

Дабы обеспечить себе полный успех, он заманил Рыцаря в другую сторону, угрожая жизни Женщины. Выждал, пока священник-сангвинист подбежит достаточно близко, и лишь потом — руками своего раба — убил первую из трио. Далее он уничтожит Воителя, который по-прежнему пойман в кокон зеленого света, точно птица, сидящая в клетке. И только потом избавится от Рыцаря — после того как сломит его волю, убив всех тех, кто ему дорог.

Но Легион намеревался действовать не в одиночку.

Когда он ступил под опаленное небо, обитатели этой темной земли явились к нему, собираясь вокруг него, точно тени. Они лизали его потрепанные ботинки, они кланялись и простирались перед ним, кусая друг друга от дикой радости, вызванной его пробуждением. Конечно же, они любили его.

Ведь он освободил их.

И теперь он освободит этот мир от человеческой чумы.

Легион посмотрел на Воителя.

«Начиная с этого».

12 часов 08 минут

Скорчившись на боку, Эрин обеими руками зажимала рану на горле. Горячая кровь сочилась у нее между пальцев, щеку холодил снег.

Она могла лишь смотреть, как Цао переступил через ее тело и шагнул навстречу Руну, сжимая в одной руке окровавленный кинжал, а в другой — кривой меч. За пределами огненной сферы сталь и серебро звенели друг о друга в вихре ударов, выпадов и контрударов. Львенок помогал Руну, подпрыгивая и хватая монаха за полы одеяния или подкатываясь Цао под ноги, чтобы заставить оступиться.

Даже сейчас она понимала, где лежит источник этого предательства, осознавала, как ловко с ними сыграли в этой священной долине — Легион использовал их, словно марионеток, так же верно, как если бы они сами были одержимы демоном. Ему было нужно, чтобы они принесли сюда два камня, восстановили разбитый самоцвет и отворили врата, дабы Люцифер мог восстать из тьмы озера.

«И мы всё это сделали».

Гнев согревал ее, несмотря на то что кровь продолжала уте-
кать сквозь пальцы.

Цао сделал шаг назад, пройдя сквозь огненную завесу и вновь оказавшись внутри сферы. Демон внутри его словно бы позабыл об Эрин, вероятно, полагая, что она уже мертва или по крайней мере слишком слаба, чтобы сражаться.

«Но я больше, нежели Женщина Знания».

Она резко выпрямила ногу и пинком сбила Цао с ног, за-
став демона врасплах. Когда монах упал, Рун нанес быстрый
удар карамбитом, погрузив лезвие глубоко в глаз Цао. Потом
дернул рукоять вверх, точно рычаг, отчего голова одержимо-
го откинулась назад и с силой ударилась о гранитный столп.
Корца снова и снова колотил череп Цао о камень, пока монах
не перестал шевелиться.

Только тогда Рун повернулся и упал на колени рядом
с Эрин.

«Я хотя бы умру не одна».

Но в конечном итоге это не имело никакого значения.

— Джордан... — прохрипела она.

Рун взял ее за руку, отказываясь оставлять одну.

Эрин отняла руку от своего горла и надавила на его колено,
побуждая его идти на помощь Джордану. Вместо этого Корца
прижал к ее ране собственную ладонь. Его сильные пальцы
с силой надавили на кожу — он наверняка знал, где нужно
пережать крупные артерии.

Эрин хотела оттолкнуть его, но у нее не было на это сил.

Львенок бегал вокруг алой завесы, явно тревожась и желая
хоть как-нибудь помочь.

Эрин сжала зубы, ненавидя себя за то, что подвела всех.
Она была Женщиной Знания, и у нее еще оставались невыпол-
ненные задачи. Она должна сражаться единственным остав-
шимся способом.

Грейнджер повернулась так, чтобы Руну было удобнее до-
браться до рюкзака на ее спине.

— Книга, — прошептала она.

Несомненно, в Кровавом Евангелии должен быть какой-
то ответ. Она взяла фолиант в этот дальний путь не только
потому, что не верила Бернарду, но и потому, что знала: этой
книге еще предстоит сыграть какую-то роль. Женщина Зна-

ния и эта книга неразрывно связаны. Это, должно быть, очень важно.

«Но если я умру, все знания Кровавого Евангелия умрут вместе со мной».

Она не могла позволить, чтобы это случилось, — нужно было что-то предпринять.

Возможно, сочтя, что исполняет ее предсмертное желание, Рун убрал пальцы с ее шеи, взял ее руку и показал, где нужно прижимать сосуды. Только потом он достал из рюкзака Эрин Евангелие и вынул из чехла. Положил открытую книгу на снег перед женщиной, а потом сразу же вновь зажал артерию близ раны, шенча молитву.

Эрин повернула голову, коснувшись щекой края переплета. Большинство страниц были пусты, все еще ожидая, пока их заполнят слова, начертанные Христом давным-давно. Бернард когда-то сказал ей, что Кровавое Евангелие может содержать ключ к тому, чтобы освободить божественную природу в каждом человеке, но это знание сокрыто на пустых страницах. Если и так, то из-за ее неудачи мир никогда не узнает этого.

Рун открыл книгу на странице, содержавшей последние строки пророчества: возможно, он надеялся, что она найдет в них дополнительное значение. Но видны были лишь эти слова — они ярко горели золотом, словно смеясь над поражением Эрин.

Дрожащим пальцем женщина перевернула страницу с пророчеством и положила свою окровавленную ладонь на следующий, пустующий лист. Она ощутила, как бумага под рукой становится теплее, а ее поверхность невероятно гладкой.

Рун ахнул, когда под пальцами Эрин возникли начертанные золотом слова, как будто кто-то только что написал их на бумаге, и как они, строчка за строчкой, заполнили страницу донизу.

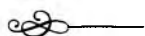
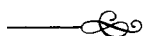
Он помог ей перевернуть эту страницу, потом следующую.

Все больше слов, все больше строк...

Рун быстро листал книгу.

— Она заполнена до конца, — с благоговением произнес он.

Эрин изучила страницу, на которой они остановились, и осознала, что не может прочесть написанное. Начертание

букв было похоже на символы енохианского языка, придуманного Джоном Ди для бесед с ангелами.

Она прикрыла глаза, пытаясь понять, почему Христос решил заполнить остальную часть Евангелия на енохианском языке, в то время как предыдущие пророчества были написаны по-гречески, на языке людей. Зачем писать все прочее на ангельском языке? Только один ответ имел смысл. Возможно, эти новые слова — а возможно, и все Евангелие — предназначались не для человечества, но для ангелов.

«Нет, не для ангелов, — поняла она и открыла глаза. — Для ангела... одного ангела».

Неудивительно, что записи на этих страницах проявились только теперь, в долине Цум.

Эрин обратила лицо к единственному присутствующему здесь ангелу.

Люцифер сидел на своем черном троне и смотрел прямо на нее.

Грейнджер стиснула окровавленными пальцами колено Руна. Тот наклонился поближе к ней.

— Я... я знаю... — чуть слышно прохрипела она. — Я знаю, что должна сделать.

Глава 41

*20 марта, 12 часов 09 минут
по непальскому времени
Долина Цум, Непал*

Джордан вернул зеленый камень на должное место. Когда самоцвет коснулся поверхности каменной чаши, колонна огня с этой стороны пирамиды ярко вспыхнула. На поверхности озера вновь образовался лед, запечатывая врата между мирами. Несколько тварей оказались пойманы на полпути между тем и этим миром и теперь, извиваясь, вмерзали в лед.

Но его усилия никак не сказались на сотнях тех, что уже успели вырваться на свободу.

Множество их по-прежнему насадало на Христиана и Софию, которые не могли продвинуться дальше по озеру к Лю-

цифру. Элизабет охраняла синий камень — ее одежда была залита кровью, но графиня стойко удерживала позицию. По ту сторону озера Рун стоял на коленях над Эрин — та была еще жива, но жить ей осталось недолго. Вокруг ее тела расплывалась огромная лужа алой крови. Джордану до боли хотелось броситься к ней, в последний раз обнять ее...

Но даже если бы он мог выбраться из своей изумрудной тюрьмы, еще один противник был полон решимости остановить его.

Повернувшись спиной к гранитному столпу, Джордан увидел, как вниз по утесам к нему несется Легион. Словно плащ из живой плоти, его окружали черные твари, похожие на тени. Джордан высадил последний магазин своего пистолета в демона, но всякий раз, как он стрелял, одна из этих теней бросалась вперед, становясь на траектории выстрела и заслоняя хозяина от пули своим трепещущим телом.

Расстреляв все патроны, Джордан одной рукой выхватил из ножен свой армейский нож, потом бросил пистолет и, наклонившись, поднял оброненный монахом меч. Он был рад хотя бы тому, что этот клинок упал внутри сферы зеленого огня.

— Иди сюда! — крикнул Стоун демону поверх черной волны визжащих тварей. — Иди и попробуй меня одолеть!

Черные глаза уставились прямо в лицо Джордану.

— Не торопись так умереть, Воитель Человеческий, я буду достаточно быстр.

«Хорошо... на этот раз я буду готов».

В душе Стоуна полыхал золотой огонь, зажженный его ангельской кровью и его жадой возмездия. Когда Легион приблизился, Джордан вскинул трофейный меч — длинный изогнутый клинок, с зеленым нефритом в навершии рукояти. Приняв широкую боевую стойку, сержант приготовился встретить демона лицом к лицу.

У Легиона в руках тоже был меч — черное лезвие блестело ядовитым блеском, словно длинная полоса обсидиана. То было оружие не из этого мира — вероятно, его принес сюда и отдал демону кто-то из его своры.

Джордан повел кончиком своего клинка.

— Будем биться один на один? — подначил он Легиона. — Или ты боишься одного-единственного человека?

— Пусть даже ты больше, чем просто смертный, — ответил тот, — я больше не дам застигнуть меня врасплох. Посему — да, положим этому конец.

Высоко воздев меч, демон отослал свою орду и вошел в изумрудную сферу. Без малейшего вступления он сделал выпад, заставив Джордана парировать, и от силы соударения рука человека онемела до локтя. Легион бил снова и снова, медленно вынуждая Стоуна отступать к границам сферы.

«Если меня и не убьет его клинок, это сделает зеленый огонь».

Последовал быстрый обмен ударами. Сталь звенела о черный кристалл, Легион сновал туда и обратно через завесу, используя огненную преграду как щит, зная, что Джордан не сможет последовать за ним.

Наконец стремительный выпад пробил защиту Стоуна и скользнул по его боку. Горячая алая кровь омочила рубашку. Новая серия атак завершилась тем, что лезвие Легиона глубоко порезало руку человека выше локтя. А демон вновь отступил за барьер, смеясь над ним.

Джордан осознал обидную правду.

«Легион играет со мною».

Он отпрянул, уронил кинжал и прижал локоть к раненому боку, по-прежнему, однако, не выпуская меча.

Демон рванулся вперед, явно намереваясь прикончить его.

Как только он начал переступать барьер, Джордан прыгнул навстречу, надеясь, что пламя завесы на миг ослепит противника. Когда нога Легиона оказалась внутри сферы, Стоун ударил ногой, вгоняя стальные шипы на своей подошве в колено демона. Конечность врага с хрустом подломилась. Когда Легион начал валиться набок, Джордан ухватил его за вооруженную мечом руку, рванул на себя и вниз и швырнул черное тело наземь, наваливаясь сверху.

При падении он использовал инерцию, чтобы вогнать свой меч в живот противника и дернуть вверх, к безмолвному сердцу. Легион закричал и отбросил Стоуна прочь с невероятной силой. Тот пролетел по воздуху два шага и покатылся по снегу. От удара об огненный барьер его спас только гранитный столп,

оказавшийся на пути. Джордан врезался в него с такой силой, что, кажется, сломал ребра.

Демон уже был на ногах. Бросив свой меч в снег, он извлек клинок монаха из своего живота и пошел на Джордана, высоко вскинув оружие. Тот отпрянул, нашаривая оброненный им кинжал. И слишком поздно осознал свою ошибку.

Легион прошел мимо него и с силой опустил меч, обрушив украшенное нефритом навершие на зеленый алмаз. Камень от удара разлетелся на осколки, как и гранитная чаша, в которой он лежал. Колонна зеленого огня исчезла, словно пламя задутной свечи.

Озеро у южного берега вновь взорвалось изнутри. Вся поверхность буквально вскипела, словно в нее что-то врезалось снизу. Теперь оттуда лезли еще более крупные твари, но их по-прежнему с трудом можно было рассмотреть: тут был различим огромный черный вращающийся глаз, там — клубок таких же черных щупалец. Джордан ощутил, что эти существа были древнее и темнее, чем мелкие демоны, выпущенные на свободу прежде.

А над этим скопищем монстров восседал на своем троне Люцифер, глядя вниз, и лицо его было непроницаемо. Конус белого света по-прежнему удерживал ангела тьмы в ловушке, но надолго ли? Безупречно чистая белизна теперь была испещрена потеками тени, отображая урон, нанесенный темнице Люцифера.

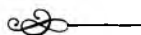
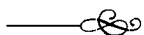
Как будто поняв это, темный ангел приподнялся на троне, разрывая всё новые звенья в цепи, которая сковывала его. От его усилий земля содрогнулась, по долине прокатилась череда толчков.

Легион смотрел на Джордана с торжествующей улыбкой:

— Время человечества наконец-то заканчивается.

12 часов 10 минут

Когда земля задрожала, Эрин сжалась, и Рун прикрыл ее своим телом от неведомой опасности. Она видела, как погасла изумрудная колонна, видела, как лед на дальней стороне озера разбился, давая дорогу орде чудовищных тварей. По озеру разбежались новые трещины.

Христиан и София тащили ларец к полосе крепкого льда, преследуемые сворой демонов, которые явно набирались смелости по мере того, как обстоятельства менялись в их пользу.

Эрин поискала глазами Джордана, но у южного берега над водой поднимался плотный черный пар, заслоняя обзор.

Рун выпрямился, по-прежнему зажимая рану на ее горле.

— Эрин, ты сказала: «Я знаю, что делать», — в каком смысле?

Она поняла подоплеку его вопроса: «Что ты можешь сделать, находясь на грани смерти?»

Грейнджер безмолвно ответила ему: «Всё, что смогу».

Одной рукой она прижала к груди Кровавое Евангелие, представляя себе написанные по-енохиански строки, что заполняли страницы книги. Она с полной уверенностью знала истину, но слова по-прежнему не шли ей на язык. Слишком невероятным было то, что она только что поняла — истинное предназначение этого утраченного Евангелия, написанного самим Христом.

Эта книга была создана не затем, чтобы помочь людям освободить свою божественную природу. Она была написана, чтобы одно-единственное создание, один-единственный ангел, мог обрести спасение: Люцифер. Эрин вспомнила табличку, на которую Лазарь указал ей в библиотеке сангвинистов. Эта табличка рассказывала альтернативную версию истории о грехопадении в Эдемском саду: о том, как Ева пообещала разделить плод с Древа Познания со змеем, но в итоге нарушила это обещание.

По мере того как мир вокруг Эрин погружался во тьму, в ее памяти всплывали слова Лазаря:

«Когда Люцифер предстанет пред тобою, сердце твое поведет тебя верным путем. Ты должна исполнить завет».

Тогда она не поняла эти его слова — но зато поняла их теперь.

Змею — Люциферу — было отказано в тайном знании, которое могло дать ангелу тьмы возможность сделать иной выбор: в знании добра и зла. Он просил о возможности постичь добро и зло, и Ева своими устами пообещала ему эту возможность, но в итоге отказала ему в этом знании, и потому он так и не получил его.

Но Христос ниспослал сюда это знание для него.

— Я должна исполнить завет Евы, — пробормотала она холодными пересохшими губами.

Сквозь границу сферы на нее смотрел львенок. Словно услышав женщину, он пошевелился и тихо мяукнул. Юный зверь напомнил Эрин о ее первом коте, огромном звере по имени Навуходоносор. Тот тоже был белоснежной масти...

— Привет, Нави, — прошептала она, на миг провалившись в прошлое.

Рун наклонился ближе, пытаясь привести ее в себя. В его глазах читалась такая скорбь, что Эрин захотелось протянуть руку и коснуться его щеки в знак утешения.

— О каком завете ты говоришь? — спросил сангвинист.

Грейнджер заставила свой взгляд сфокусироваться на его лице.

— Книга... Евангелие... нужно отдать Люциферу.

Глаза Руна широко раскрылись от неверия и гнева.

— Как можно отдать Евангелие Христа ангелу, изгнанному с небес самим Богом?

У Эрин не было сил спорить, но с каждым слабеющим вздохом она выталкивала из себя тихие слова, зная, что острый слух сангвиниста уловит их:

— Христос написал... чтобы даровать спасение Люциферу. Если бы Ева дала ему плод познания добра и зла... он ведал бы добро. Он мог бы выбрать добро. Завет Евы должен исполнить. Рун, ты должен отдать ему это знание.

Корца взглянул на почерневшее небо.

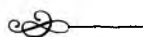
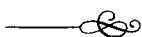
— Я не могу оставить тебя умирать одну.

— Ты должен... для этого мы и были избраны.

Рун забрал у нее Евангелие, и Эрин выпустила книгу из рук, радуясь тому, что теперь свободна от этой тяжести. Ее пальцы вновь прижали рану на горле, как ни бесполезен теперь был этот жест. Женщина заставила себя внимательно смотреть на Корца. По лицу его она прочла, насколько сильно сангвинист хотел бы сейчас остаться с нею и чего ему стоило покинуть ее. Его взгляд упал на все еще раскрытую книгу, которую он держал в своей единственной руке, и на лице его отразился страх.

«Что случилось?»

Рун ответил на ее безмолвный вопрос:

— Письмена исчезли.

Он положил книгу на колено и пролистал страницы. Все они были пусты.

— Вспомни, Кровавое Евангелие неразрывно связано с тобой, Эрин. В других руках слова останутся незримыми.

Ей было невыносимо холодно. Она не знала, что сделать, что сказать.

— Быть может, я смогу отнести тебя вместе с книгой к Люциферу, — предложил Рун. — Тогда мы сможем вместе отдать ее ему.

«Нет...»

Он тоже почти сразу понял это и снова сел рядом с нею, ссутулив плечи.

— Ничего не получится. Пока ты жива, этот свет испепелит тебя. Только сангвинисты или стригои могут проходить через подобные преграды невредимыми.

В глазах у Эрин темнело. И едва ли не последним вздохом она прошептала непреложную истину:

— Обрати меня... единственный способ...

«Я должна стать стригоем».

12 часов 12 минут

Джордан потерял Эрин из виду, когда густой туман поплыл над озером, поднимаясь из глубин вместе с воплями и завыванием. Сквозь эту мглу прорывались вспышки еще более черного пламени, в ней колыхались гигантские силуэты, и Стоун знал, что один вид этих существ лишит его рассудка — или того, что от этого рассудка еще оставалось.

Хотя изумрудная сфера вокруг него рассеялась, он по-прежнему стоял на коленях. Уничтожение самоцвета навеки прибило врата, и закрыть их не удастся уже никогда.

Джордан не видел причин продолжать сражаться, особенно зная, что Эрин скорее всего мертва.

«А если и нет, то скоро будет».

А если нет Эрин... Джордан не был уверен, хочет ли он жить или умереть.

Но одно он знал с незыблемой уверенностью.

Он хотел мести.

Джордан поднял взгляд, и тут на него снова кинулся Легион. С торжествующей улыбкой на лице демон высоко поднял меч монаха. Клинок все еще дымился от собственной крови Легиона.

И это подало Джордану идею.

Уклонившись от этой атаки, Стоун навзничь рухнул на землю, словно простираясь перед Легионом в ожидании смерти. Но на самом деле он бросился на клинок, который мгновение назад поставил вертикально у себя за спиной. Лезвие пронзило его тело и вышло из живота. Черный обсидиановый меч обжигал плоть жаром и холодом одновременно, точно пылающий лед. Это был собственный меч Легиона, чуть раньше брошенный демоном в снег, и теперь его клинок был алым от горячей крови Джордана.

Когда враг шагнул к нему, хромая на сломанное колено, Стоун снова пнул его. Шипастая подошва впечаталась в здоровое колено Легиона — не настолько сильно, чтобы сломать, но достаточно, чтобы сбить демона с ног и заставить его рухнуть на тело Джордана.

Стоун раскинул руки в стороны. Легион упал поверх него, насадившись всем телом на меч, покрытый ангельской кровью Джордана. Демон закричал и задергался на клинке, но человек обхватил его обеими руками и перекатился на бок, заливая кровью, текущей из раны на животе, холодное черное тело Легиона. Джордану хотелось, чтобы вся его ангельская сущность хлынула наружу вместе с этой кровью, выжигая демона из тела Леопольда.

— Отправляйся обратно в ад, ублюдок!

Легион метался и завывал, исходя сгустками черного дыма, как будто горел заживо в огне крови Джордана. Постепенно чернота сбежала с этого лица, затем с тела, и на Джордана глянули серо-голубые глаза Леопольда.

— Mein Freund... — прошептал Леопольд, уронив голову. Его лоб коснулся щеки Джордана. — Ты освободил меня.

Джордан не разжимал объятий — теперь уже не затем, чтобы помешать духу тьмы сбежать, а для того, чтобы Леопольд знал: он не один, что ему даровано прощение и любовь друзей. Стоун держал его, пока друг не обмяк в его руках, обретя, наконец, истинный покой.

12 часов 13 минут

Рун видел, как руки Эрин бессильно соскользнули с ее шеи, слишком слабые, чтобы зажимать рассеченное горло. Корца потянулся было, чтобы самому попытаться удержать остатки ее жизни, но слабеющие удары ее сердца говорили ему, что эти усилия бесполезны. Вместо этого он осторожно переместил ее к себе на колени, уложив поудобнее, и сжал ее скользкие от крови пальцы. Голова Эрин откинулась назад, на лице ее играли алые отблески огня, испускаемого камнем.

Как мог он обратить ее — женщину, которую любил и продолжал любить?

Стригой были бездушной мерзостью, и тот, кто их создавал, совершал тяжкий грех. Давным-давно Корца сошел с тропы праведности, когда взял Элисабету, и из этого не вышло ничего, кроме зла. Из целительницы людей она превратилась в убийцу людей, принесла смерть сотням невинных жертв.

Рун посмотрел туда, где осталась Элизабет, — но жуткий туман уже расползся слишком далеко, скрыв от глаз то место, где она стояла. И все-таки столп лазурного огня продолжал полыхать в темном небе. Корца надеялся — это значит, что она еще жива. Сангвинист знал, что в ней еще осталось добро, пусть даже она сама не может разглядеть его. Он молился, чтобы она прожила достаточно долго, дабы узреть это добро в себе.

Рун вгляделся во тьму, туда, где больше не горела изумрудная колонна. Жив ли еще Джордан? В любом случае врата пробиты, и какая надежда могла оставаться после этого у любого из них?

С другой стороны огненной сферы на него рывкнул лев — словно порицая Руна. Золотистые глаза смотрели прямо на сангвиниста, напоминая ему о том, что надежда еще осталась, что эта надежда лежит прямо перед ним.

— Но это запрещено, — ответил он юному зверю. — Взгляни на этих бездушных демонов. Хотел бы ты стать одним из них?

Ответ сорвался с губ Эрин, словно последний вздох:

— Прошу...

Глава 42

*20 марта, 12 часов 14 минут
по непальскому времени
Долина Цум, Непал*

Эрин балансировала на краю небытия. Хотя глаза ее были открыты, она видела теперь лишь тени. И все-таки сумела различить силуэт Руна на фоне огненной завесы. За его спиной сквозь тени пробивалось сияние возрождающегося солнца, но даже этот свет постепенно мерк в черном тумане, поднимающемся от озера, во мгле, которая грозила поглотить весь мир, если ее не остановить.

У Эрин уже не осталось ни доводов, чтобы убедить Руна, ни дыхания, чтобы высказать эти доводы, но ее разум все равно продолжал искать выход.

Она знала, что подобная битва разыгрывалась уже не раз. Даже если другим удастся заново сковать Люцифера, это не решит ничего.

«То, что выковано, может быть разорвано снова».

Эрин понимала, что есть лишь один способ раз и навсегда положить этому конец.

«Нужно даровать спасение Люциферу».

Она посмотрела на Руна, чтобы тот прочел истину по ее лицу и смирился с тем, что должно быть сделано.

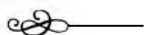
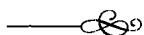
«Не допусти, чтобы моя смерть была напрасна. Освободи меня, чтобы я смогла выполнить свой долг».

Вместо этого Рун осторожно прижал свои холодные губы к ее лбу. Эрин было жаль, что не Джордан целует ее сейчас, обнимает ее. Но он не смог бы сделать то, что надлежит сделать. Это может сделать только Рун.

«Прошу...»

Когда Рун выпрямился, убрав с ее лба прядь волос, Эрин вложила все оставшиеся силы в то, чтобы выразить мольбу хотя бы взглядом.

По щекам Корцы струились слезы. Он покачал головой, словно действительно ведал ее мысли. Она точно так же легко могла прочесть, о чем он думал. Помнила, какие строки Писания препятствуют ему свершить это действие, лишить ее

души: «Ибо что пользы человеку, если обретет он весь мир, но душу свою потеряет?»¹

Она пыталась заставить его понять.

«Я не обретаю весь мир... я спасаю его».

Рун привлек ее ближе к себе, заглянул глубже ей в глаза. И впервые Эрин увидела, что его глаза на самом деле не черные. Они были темно-карими, их радужную оболочку пронизывали линии более светлого коричневого цвета — такого оттенка бывает кора секвойи, — и только эти глаза сейчас жили на его бледном застывшем лице.

— Прости, — прошептал он.

Его губы легко скользнули по ее губам, точно холодный ветер с гор.

Грейнджер сомкнула веки, принимая поражение.

А затем эти губы спустились к ее шее, и острые зубы глубоко впились в ее плоть.

Та малая доля крови, что еще оставалась в теле Эрин, хлынула навстречу его жажде в единой блаженной волне.

«Спасибо, Рун».

12 часов 15 минут

Корца действовал с величайшей осторожностью, зная, что смерть уже подступает к сердцу Эрин. Выпивая последний жар жизни из ее холодеющего тела, он не обращал внимания на прилив экстаза, а сосредоточился на последних судорожных ударах ее сердца. Ему нужно было взять достаточно ее крови, чтобы преобразить ее, но не так много, чтобы убить ее.

Мгновение назад он прочел в глазах Эрин решимость, увидел там знание, уверенность — но, что самое главное, узрел там любовь, бездонный родник сострадания, бьющий в ее сердце, и эта любовь, это сострадание предназначались не только Джордану и не только ему.

Всем и каждому.

Для того чтобы спасти всех, она готова была пожертвовать собой.

¹ Мф. 16:25.

Разве Христос не принял такое же решение в Гефсиманском саду и потом, на кресте?

«Как я могу сейчас не уважить ее выбор?»

Корца почувствовал, как обмякло ее тело, и извлек свои зубы из ее плоти, отнял губы от ее шеи. Все еще прижимая Эрин к себе, он смотрел на эту женщину, которую любил так сильно.

Даже сейчас он колебался, зная, что должен сделать дальше, и страшась этого.

И за себя, и за нее.

Потом он услышал слабые, редкие удары ее сердца. Последние капли ее жизни требовали от него действия.

Подняв свой карамбит, Рун нанес серебряным клинком глубокий порез на собственном горле. И когда из раны потекла темная кровь, он уронил нож, сунул ладонь под затылок Эрин и, приподняв ее голову, поднес ее губы к этому черному источнику. Его кровь струилась между ее безвольно приоткрытых губ, стекая в горло. Эрин уже ушла слишком далеко по смертной дороге, чтобы глотать, но Рун продолжал держать ее, ждать и молиться.

Он смотрел в темное небо, видя, как солнце вновь умирает, поглощаемое уже не луной, но жутким дымом, восходящим над озером, вырывающимся из самых врат Преисподней.

Затем Корца ощутил толчок надежды — когда мягкие губы, прижавшиеся к его плоти, шевельнулись и стали втягивать его кровь, погружая его в алый поток блаженства.

Но холодные слезы по-прежнему струились по лицу Руна.

«Что я наделал?»

12 часов 16 минут

Эрин очнулась, ощущая во рту холодную кровь, привкус соли и серебра. С каждым глотком она набиралась силы. Кровь струилась, пробуждая внутри женщины темную страсть. Рука Грейнджер словно сама по себе поднялась, чтобы схватить Руна за волосы и притянуть ближе. Язык ее касался плоти, откуда стремился этот густой поток. Она пила так, как когда-то дышала, огромными глотками, как если бы наконец вынырнула на поверхность воды, едва не утонув.

Это была жизнь в той же степени, в какой это была смерть. И это был экстаз.

Ее тело умоляло о большем, ее руки сомкнулись вокруг тела Руна, словно она желала втянуть его в себя, выпить его полностью. В памяти Эрин вспыхнул тот миг невероятной близости в часовне, когда она омывала его раны своей кровью. Но и тот момент бледнел перед этим алым водоворотом восторга, в котором двое становились полностью едины.

Она почувствовала его возбуждение — и в тот же миг он навалился на нее, подминая под себя.

«Да...»

Но этого было недостаточно.

Она хотела его всего.

Теперь уже ее зубы впились в ее шею, требуя, не желая принимать никаких отказов.

Но затем стальные пальцы дернули ее за волосы и оттащили ее от этой чаши блаженства. Эрин сопротивлялась, стремясь снова припасть к его горлу, но Рун был намного сильнее.

— Нет... — прохрипел он и скатился с ее тела.

Их разделило расстояние, заполненное холодным воздухом, и женщине захотелось плакать от одиночества. Она жаждала этой близости, этой связи — почти так же сильно, как его крови. Облизнула губы, ища хотя бы капель этого экстаза.

Рун прикрыл свое горло рукой.

— Вино, — срывающимся голосом выдавил он.

К Эрин постепенно возвращался рассудок — вместе со страхом, что она выпила из него слишком много. Женщина отстегнула от его пояса серебряную фляжку, открыла ее и влила немного содержимого в его губы. Серебро обжигало ее пальцы, но она держала ее ровно, лишь ахнув, когда капли вина попали на тыльную сторону ее руки, едкие, словно кислота.

Эти ожоги заставили ее окончательно принять истину.

«Я — стригой».

Рун судорожным глотком прикончил остававшееся во фляге вино, потом забрал ее у Эрин и отбросил прочь. Затем поднялся на дрожащие ноги и протянул руку, чтобы помочь женщине встать.

Она осваивалась со своим новым телом, принимая его возможности. Ее чувства обострились до невероятных пределов. Она слышала каждый звук, ощущала каждое дуновение ветра, каждый запах был подлинной симфонией. Тьма вокруг нее словно сияла. Зло, исходящее от озера, притягивало ее, вызвало к ней.

Но это было еще не всё.

Внутри ее поднимался острый голод, притягивая ее взгляд к другой стороне озера, к доносящемуся оттуда тяжелому биению. Стук сердца. Он отмечал присутствие единственного человека в этой долине.

Она желала того, что обещал ей этот стук, жаждала крови, которую гнало по жилам это сердце, стремилась утолить грызущий ее изнутри голод. Она чувствовала, как источник приближается к ней — так медленно, томительно медленно...

Она сделала шаг ему навстречу, но Рун остановил ее.

— Это Джордан, — сказал он.

Услышав это имя, Эрин моргнула, вспомнив, и потребовалось несколько невероятно долгих мгновений, чтобы теплые воспоминания приглушили эту жажду, превратив ее в глухую боль. Но все же эта жажда не ушла окончательно. Теперь им двоим опасно оставаться рядом, особенно теперь — а может быть, и до скончания века.

Рун обхватил пальцами ее запястье.

— Ты должна сражаться с этим.

Эрин не была уверена, что сможет выиграть в этом сражении. Теперь ей наконец стала понятна та борьба, которую столетиями вел Корца.

Единственная рука Руна была занята, и он подвинул Кровавое Евангелие поближе к Эрин носком ботинка, бесцеремонно толкая по снегу. Грейнджер в достаточной степени оставалась археологом — она мгновенно инстинктивно наклонилась и выхватила древний артефакт из снега, пока тот не оказался необратимо поврежден. Но как только ее пальцы коснулись потрепанного кожаного переплета, из книги хлынул золотистый свет, омывая ее тело, заглушая ее жажду.

Эрин выпрямилась, заметив, что даже сердцебиение Джордана в ее ушах теперь звучало не так громко.

Она обвела взглядом берег, и стремление вновь наполнило ее душу — теперь уже ее тянуло не к крови Стоуна, а просто к человеку, которого она любила.

— Нам нужно идти, — поторопил Рун.

Она позволила ему провести ее через эту огненную завесу, чувствуя, как ее прежняя жизнь сгорает у нее за спиной.

12 часов 17 минут

Ковыляя вдоль берега, Джордан прижимал кулак к ране в своем животе. Он не был уверен, сможет ли исцелиться от этого ранения. Ему казалось, что большую часть своей ангельской сущности, как и своей крови, он потратил на то, чтобы одолеть демона. И все-таки внутри горел язычок пламени, свидетельствовавший, что какие-то капли неземной благодати еще задержались в его теле — но Джордан чувствовал, как этот огонек постепенно угасает.

И все же он продолжал идти вперед, свободной рукою таща за собой черный меч Легиона; с клинка все еще капала кровь демона. Джордан шел через проклятый туман, истекающий из разбитой грани врат позади него. После убийства Легиона он смог ускользнуть от той булькающей и завывающей орды, что собиралась в этом тумане, — а из глубин медленно всплывали куда более крупные и опасные твари, намеренные проникнуть в этот мир.

«Ну и пусть... меня они пока не трогают».

Он выбрал единственный путь, по которому еще мог пройти, — вдоль берега, избегая двух оставшихся граней пирамиды, по-прежнему сверкающих на льду.

Чуть дальше продолжал сиять конус белого света, удерживавший Люцифера внутри, но даже сквозь черный дым Джордан замечал, что эта белизна постепенно рассеивается. Врата были повреждены, и через некоторое время ангел тьмы непременно вырвется на свободу.

И когда это произойдет, Стоун намерен был оказаться рядом с Эрин, пусть даже для того, чтобы в последний раз обнять ее хладное тело. И все-таки внутри его еще теплилась надежда, которая и гнала его вперед — один тяжелый шаг, потом другой, дальше, дальше...

«Может быть, она еще жива... может быть, я в последний раз смогу поцеловать ее».

Наконец сквозь туман пробился алый свет. Подойдя ближе, Джордан увидел, что это сияние исходит от огненной сферы, по-прежнему окружающей колонну, на вершине которой в чаше лежал *Сангвис*. Вырвавшись из самой гущи тумана, Стоун поспешил вперед — лишь для того, чтобы обнаружить, что сфера пуста.

Эрин исчезла.

Он оперся на меч и огляделся по сторонам, осознав, что он не совсем один.

Львенок ждал у края льда, неотрывно глядя в сторону озера. Джордан подковылял к нему и проследил за пристальным взглядом юного зверя.

В той стороне по льду двигались две фигуры.

Рун... и Эрин.

Она шагала рядом с сангвинистом, сжимая в руках Кровавое Евангелие. Свет, исходящий от книги, одевал обоих золотым ореолом.

Джордану хотелось заплакать от счастья, хотелось броситься к ней, но он смог лишь упасть на колени у берега озера, зная, что не сможет пройти через внешнюю грань этой огненной пирамиды. Стоун пытался понять, как же прошла через эту преграду Эрин и как она вообще сумела остаться в живых?

«Быть может, это книга исцелила ее, быть может, этот золотой свет позволил ей миновать огненную завесу?»

— Эрин! — крикнул он, желая хотя бы снова увидеть ее лицо.

Она услышала его и обернулась.

Нижняя часть ее лица была измазана черной кровью. Эрин видела Джордана, но в ее глазах не было радости, только скорбь. Рун тоже оглянулся, на его горле виднелась рана.

Стоун понял истину. Это не книга исцелила Эрин, это не золотой свет Кровавого Евангелия помог ей невредимой пройти сквозь преграду.

«Я потерял ее».

Рун коснулся плеча Эрин, и, бросив на Джордана последний горестный взгляд, она отвернулась прочь.

— Она ушла, — произнес позади него чей-то голос. Это была Элизабет, с головы до ног забрызганная кровью — в основном ее собственной.

Джордан бросил взгляд в сторону сияющей синей колонны, у основания которой Элизабет некоторое время назад охраняла самоцвет *Аква*. Лазурный свет продолжал гореть.

— Меня вынудили отступить, — объяснила Элизабет. — Какая-то огромная тварь со множеством щупалец...

Джордану было все равно. Он вновь устремил взгляд вслед Эрин.

Элизабет подтвердила худший из его страхов:

— Я не слышу ее сердцебиения.

Усталая горечь наполняла слова женщины — она скорбела не о его потерях, но о своих собственных.

Графиня опустилась на колени рядом с Джорданом. Будучи стригоем, она могла бы пересечь эту преграду, выйти на лед. Но у нее явно не было на то причин.

Рун тоже был потерян для нее.

Глава 43

*20 марта, 12 часов 19 минут
по непальскому времени
Долина Цум, Непал.*

Эрин хотелось повернуться и кинуться назад, к Джордану.

Рун, должно быть, понял это ее желание — не потому, что они были связаны кровью, а просто потому, что он мог читать в ее сердце, даже в новом, умолкшем.

— Ты должна идти к Люциферу, — напомнил он. — Теперь это твоя судьба.

Она знала, что он прав, и потому продолжила свой путь по льду, прижимая к груди Кровавое Евангелие и черпая из присутствия священной книги сил для того, чтобы идти дальше. С каждым шагом свет Евангелия разгорался все ярче, разгоняя тьму, пылая даже сквозь густой туман.

Несколько уродливых тварей бросились на них, отделившись от стаи, атаковавшей Христиана и Софию. Что-то черное

вырвалось из тумана над головой и спикировало на них. Эрин едва успела разглядеть бесперый, похожий на змею силуэт, прежде чем тот врезался в ореол золотого света, исходящий от книги, и вспыхнул ярким пламенем.

Рун оттащил Эрин в сторону, и горящее тело ударилось о лед. Увидев это, остальные твари отпрянули прочь, удирая от этого света, уползая обратно во тьму, не желая больше соприкасаться с золотистым сиянием.

Эрин и Рун поспешили дальше, обходя трещины во льду и прокладывая путь к Христиану и Софии. Дела у этих двоих шли плохо. Они стояли словно бы на островке посреди бурлящего моря демонов.

Христиан извлек священную цепь из ларца и повесил к себе на шею, хотя тяжелые серебряные звенья должны были обжигать его. Свободным концом цепи он размахивал, словно освященным кистенем, хлеща и отгоняя демонов. Цепь проходила через черную массу, точно эти звенья были сделаны из раскаленной стали.

И все же по лицу Христиана струилась кровь, а его одежда свисала лоскутами.

Софии, стоявшей рядом с ним, приходилось еще хуже. Хрупкая женщина заметила приближение Эрин и Руна первой. Похоже, она только этого и ждала — продержавшись так долго на одной лишь силе воли.

Эрин увидела это по ее глазам.

«Не надо!..»

София сделала последнее отчаянное усилие, развернувшись и ударив в спину тварь, которая пыталась напасть на Христиана. Но при этом сангвинистка сама открылась для атаки. Орда накинута на нее, сбита с ног, сгрудилась над нею.

Христиан пытался пробиться к Софии, но врагов было слишком много.

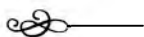
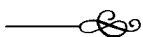
Эрин наконец добежала до них, и золотистый свет заставил монстров разбежаться. Что-то темное и шипастое отпрыгнуло прочь, оставив на льду искалеченное тело.

Грейнджер резко остановилась и прижала ладонь к губам.

«Нет!»

Софии, честной и доброй, больше не было.

Эрин дрожала, но Рун заставил ее собраться с силами.

— Значение имеет только книга, — напомнил он. — Она должна попасть к Люциферу.

Эрин кивнула. «Иначе жертва Софии будет напрасной».

И все-таки Руну пришлось слегка подтолкнуть ее, чтобы побудить идти дальше. Но вскоре Эрин уже бежала, почти летела по льду, направляясь к конусу света; ее тело переполняла сверхъестественная сила. Демоны расступались перед золотым светом Евангелия, но больше не убегали. Они шипели и рычали вслед Эрин, словно зная, что вскоре заполучат ее.

И у них еще был шанс.

Даже Кровавое Евангелие не могло долго противостоять столь осязаемому злу. Золотой свет начал угасать, распадаться под напором черного тумана, рассыпаться на блики. Чем дальше продвигалась Эрин, тем тусклее он становился.

Рун и Христиан делали все возможное, чтобы помочь, — они шли по бокам от Эрин, отгоняя все, что осмеливалось приблизиться. Христиан взмахнул цепью и ударил скачущую к ним безволосую обезьяну. Шипению обожженной плоти вторил полный боли визг твари, которая поспешила убраться с их пути.

Эрин сосредоточилась на своей цели: на Люцифере, который продолжал попытки порвать свои оковы, распатывая все новые и новые звенья. Его крылья, оперенные черным пламенем, ударяли в окружавшее его белое сияние. Каждый удар делал свет тусклее, порождал в нем черные прожилки.

Эрин помчалась вперед, стремясь побыстрее преодолеть это расстояние, но ее силы таяли вместе с золотым сиянием Евангелия. Ноги у нее болели, вес книги казался неподъемным для усталых рук, ее вновь охватила невыносимая жажда крови.

Она видела, как Люцифер мечется на своем троне, разрывая сковывающие его серебряные цепи.

Наконец Эрин и ее спутники достигли края этого сияющего конуса.

Последние шаги Эрин едва проковыляла. Христиан обогнал ее и протянул руку к белому свету — и тут же закричал и отпрянул назад; теперь его рука заканчивалась у запылявшегося обрубком. Этот свет сжег его руку.

Христиан повернулся к Руну. Сквозь физическую муку на его лице читалась куда более сильная душевная боль: понимание того, что даже сангвинисты не смогут пройти за эту последнюю преграду.

Эрин шагнула ближе к ним, но когда золотой свет коснулся завесы, он угас, лишив ее защиты. Прежде чем сангвинисты успели отреагировать, покрытая хитином черная тварь выскочила из мглы позади Эрин и прыгнула ей на спину, вцепившись в нее суставчатыми лапами и погрузив клыки в ее плечо.

Женщина закричала.

12 часов 25 минут

Рун развернулся, взмахнул своим серебряным карамбитом и отсек твари две лапы из шести. Этого оказалось достаточно, чтобы Христиан оторвал монстра от спины Эрин и швырнул в направлении светящегося конуса. Тело твари ударилось о преграду — и разлетелось облаком пылающих углей.

Рун заслонил Эрин собой, и они с Христианом повернулись навстречу скопищу демонов, спешащих к ним из густого тумана. Рун держал наготове обнаженный клинок, а Христиан медленно покачивал из стороны в сторону концом цепи, который угрожающе царапал лед под ногами.

— Рун... — простонала Эрин.

Он повернулся и увидел, как от ее ключиц вверх ползет синюшно-багровое пятно, быстро добираясь до подбородка. Грейнджер пошатнулась, Кровавое Евангелие выпало из ее дрожащих рук.

На клыках твари, укусившей ее, был яд.

Корца повернулся, чтобы помочь ей, когда что-то вырвалось из тумана над головой и сбило его на лед. Существо напоминало летучую мышь, выросшую до ужасающих размеров. Игольно-острые зубы клацали у самого лица Руна. Ему пришлось выпустить карамбит и единственной рукой ухватить тварь за шею, чтобы та не добралась до его глотки.

Чуть в стороне Эрин начала было валиться прямо на стену белого света, но Христиан бросился к ней и обхватил искаленной рукой за талию. Оттащив ее от опасного барьера, он подхватил Евангелие со льда и сунул к себе за пазуху.

Эрин повернулась и запрокинула голову, глядя в сторону света, туда, где рвался из оков Люцифер.

Даже сейчас она, казалось, была полна решимости завершить свою миссию.

Христиан увлек ее прочь и наконец-то смог помочь Руну. Ударом цепи он заставил тварь отлететь в сторону, на ее толстой шкуре дымился длинный ожог. Зашипев, гигантская летучая мышь унеслась обратно во тьму.

Но из тумана на них надвигались все новые тени.

— Что теперь? — спросил Христиан.

12 часов 26 минут

По холодному телу Эрин растекался ядовитый огонь. Она чувствовала, как вокруг укуса на плече расползается плоть. Кровь потоком прихлынула к ране, словно стараясь загасить пожар. Тот же самый яд въедался в кожу лица и струился вниз по руке от прокушенного плеча.

«Опять».

Ей понадобится усилие, чтобы сосредоточиться, одолев боль и тошноту, но она знала, что это слово важно. Мгновения назад женщина начала падать и, чтобы удержаться, вытянула вперед руку, уже затронутую ядом; при этом ее ладонь и предплечье прошли через сияющую преграду. Чистота этого света остудила руку Эрин и заставила черный яд исчезнуть.

Затем Христиан подхватил ее и оттащил прочь.

И отрава *опять* заполонила руку.

Слишком ослабев, чтобы стоять на ногах, Эрин висела на руке Христиана. Ей было трудно говорить из-за волдырей, вздувшихся на щеке и подбородке, но она должна была заставить их понять.

— Свет... — прохрипела Грейнджер. — Я могу пройти сквозь него.

— Она бредит, — сказал Христиан.

— Я могу... — Она перекатила голову набок, чтобы Рун видел ее лицо, прочел по нему истину, поверил их кровной связи, их обоюдному пониманию друг друга.

— Она говорит правду, — промолвил Рун, бросив взгляд на конус света и на черного ангела, мечущегося в этой ловушке.

Прежде чем они успели что-то придумать, темные тени обрушились на них из тумана. Руна быстро оттеснили в сторону. Из-за отсутствия левой руки он едва мог помешать тварям вцепиться ему в горло, и тем более ему не хватало сил снова присоединиться к Эрин и Христиану. Вскоре он исчез в тумане, но сквозь черную мглу продолжали сверкать серебряные вспышки, свидетельствовавшие, что Рун еще жив и сражается.

Христиан так и держал Эрин. Он отчаянно бился, размахивая цепью и расчищая пространство вокруг них, не давая орде демонов подойти вплотную. Но его силы быстро таяли — ведь он уже был измотан предыдущим боем, когда еще рядом с ним была София... когда София была еще жива.

Поврежденной рукой он сильнее прижал к себе Эрин, оглянулся на сияющий конус, в котором был заключен Люцифер, и еще раз взмахнул цепью, ударив гигантскую змею с такой силой, что из рассеченного тела твари брызнула кровь и расплескалась на светящейся преграде, с шипением испаряясь.

И тут Христиан сбросил с плеч тяжелые звенья.

Эрин нахмурилась.

— Что ты...

— Похоже, здесь не обойтись без *христианской* жертвы. — На лице его промелькнула улыбка. — Я буду скучать по вам, доктор Эрин Грейнджер.

Она поняла.

«Нет!..»

Христиан обхватил ее обеими руками и высоко подпрыгнул, вложив последние силы в то, чтобы перескочить через столпившихся вокруг тварей. Они вместе ударились о барьер. Руки Христиана, обнимавшие Эрин, а затем и все его тело, рассыпались огненным пеплом, в то время как она сама благополучно миновала барьер. Упав на лед за преградой, женщина перекатилась на бок, чувствуя, как горло сжимают рыдания. Кровавое Евангелие скользнуло по льду рядом с ней, столь же неведимое.

Эрин села, чувствуя, как силы возвращаются к ней, — черный яд был выжжен из ее тела прохождением через светящуюся завесу.

Она посмотрела на другую сторону преграды. Все, что осталось от ее веселого, беспечного и отважного друга, осыпалось на лед дождем искр.

Христиан заслуживал большего. Он пожертвовал собою, чтобы Эрин могла попасть в этот конус света. И она намерена была сделать все, чтобы сполна отплатить этот долг.

Грейнджер подняла Кровавое Евангелие и повернулась лицом к узнику.

Люцифер сидел на своем троне — теперь он уже не рвался из цепей, а смотрел на Эрин сверху вниз с явным интересом. Возможно, ее присутствие удивило его.

Но этот взгляд, полный тьмы, не заставил Эрин отшатнуться. Она отдала свою душу и свою жизнь, чтобы предстать перед князем тьмы, и теперь ей осталось отдать лишь одно.

Она положила книгу на ладони и подняла их вверх.

Только Ева могла сорвать плод с Древа Познания, и только дочь Евы могла вновь принести это знание змею.

Губы Люцифера шевельнулись, но с них сорвались не слова, а звук, подобный удару огромного колокола. Но это сравнение и отдаленно не могло передать подлинной красоты этого звука, голоса ангела, музыки сфер. Колокол ударил снова, ясно и вопросительно.

Люцифер говорил, но она не могла понять его.

Эрин подняла книгу выше, надеясь, что он поймет если не ее слова, то хотя бы ее действия.

— Вот Евангелие Христа, начертанное Его кровью и оставшееся сокрытым много лет. Я должна вручить его тебе, дабы исполнить договор, заключенный между тобою и Евой в давние времена.

Темный ангел склонил голову набок, его безупречное лицо было непроницаемо.

Эрин раскрыла лежащую у нее на ладонях книгу, чтобы показать ему. Когда переплет откинулся, со страниц хлынул золотой свет. Даже не глядя, Эрин знала, что эти страницы заполнены сияющими строками, написанными на енохианском языке.

Люцифер наклонился и протянул к ней огромную руку.

Женщине хотелось бежать прочь, но она осталась стоять на месте.

Как только его пальцы оказались достаточно низко, она закрыла Евангелие и вложила в эту черную руку. Темный ангел снова выпрямился, забрав с собой книгу. Прикосновением черного пальца он открыл переплет, и золотой свет засиял еще ярче, полыхая таким великолепием, что у Эрин заболели глаза, и она была вынуждена прикрыть их. Это пламя было куда более грозным, чем тысяча солнечных затмений. Грейнджер по-прежнему чувствовала, как оно проникает сквозь ее кожу, сквозь сомкнутые веки. На миг она ощутила задержавшиеся в ее разуме осколки великого знания: о тайнах творения, о движении звезд, о сокрытом шифре жизни. Но потом эти осколки пронеслись сквозь нее и улетели прочь, как листья на ураганном ветру. Эрин пыталась мысленно удержать их, сохранить при себе, хотя понимала, что такое знание может уничтожить ее.

Она выдерживала эту бурю, ожидая, пока та утихнет, и когда это наконец произошло, раздался громовой лязг, заставивший Эрин вновь открыть глаза.

Люцифер по-прежнему сидел на троне, но цепи лежали у его ног.

Он был свободен.

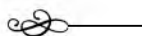
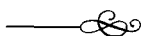
Однако не это повергло Эрин на колени. Тело его больше не было черным — оно стало белым, точно полированный мрамор, засияло внутренним огнем, и тот же огонь исходил из его глаз, обращенных в небо. Закрытое Евангелие лежало у него на коленях. Его тело очистилось от черноты греха — так же, как кровь самой Эрин от яда.

Люцифер обрел свое спасение.

Его красота и великоление сияли так ярко, что остальной мир казался тусклым и нематериальным. Конус света, пылающие осколки сломанной огненной пирамиды — все это исчезло, поглощенное священным сиянием.

За пределами этого света Эрин могла различить темное озеро, черные горы и синее небо. Затмение завершилось, в долину вернулся холодный и безоблачный день. Но это все тоже казалось далеким, как сон об ином мире.

На несколько мгновений пейзаж дрогнул, наполнившись теплым светом, зима превратилась в лето с зеленой травой, синей водой и пылающим алым солнцем. Возле утесов стояли

на страже два дерева, покачивая пышной листвой, их ветви клонились от тяжести спелых плодов.

«Неужели это Эдем?..»

Вновь раздался колокольный звон, заставивший Эрин вновь взглянуть на Люцифера. Но эти радостные раскаты исходили не от спасенного ангела, а с небес над его головой. Хор их пел ликующе и приветственно, приглашая его присоединиться. Все эти бесчисленные годы собратья ждали, пока он вернется домой.

Люцифер поднялся и расправил крылья, оперенные теперь белым пламенем. Не отрывая взора от зовущих его небес, он протянул руку к Эрин и возложил палец ей на голову. От этого прикосновения сквозь нее хлынуло тепло, затопив ее тело, точно приливная волна. Радость бурлила в ее душе, подобно весеннему ручью.

Затем в ее ушах ударил барабан — и снова, уже тише.

Она узнала этот ритм, который слышала всю свою жизнь.

Это забилося ее сердце.

Эрин закрыла лицо руками, из груди ее вырвался плач, полный счастья. Люцифер вернул ей цельность. Она пожертвовала ради него жизнью, и он возвратил ей эту жизнь.

Колокола гудели громче, в их гуле прорывалась настойчивость и даже нетерпение.

Светлому ангелу пора было возвращаться туда, где он должен был пребывать по праву.

Отвечая на этот зов, Люцифер взмахнул своими огромными крылами и взмыл в воздух, поднявшись над долиной. На долгое мгновение он завис там, прижимая Евангелие к груди.

Затем посмотрел вниз, вероятно, в последний раз.

Его взор бежал озеро, поверхность которого снова покрылась прочной коркой льда. И на этом льду, как и по всей долине, ползали, шныряли и прыгали чернильно-черные твари, сами их движения были чужды этому миру. Они бегали и царапали землю, завывали и кричали, зная, что им навечно закрыт путь домой.

Люцифер смотрел вниз — не с отвращением и не с жалостью. Вместо этого его тело излучало любовь. Он приоткрыл уста, и в воздухе загудела печальная темная нота. Находясь

шиеся поблизости существа замерли на месте. Ангел склонил голову, неотрывно глядя вниз и, вероятно, размышляя о том, какое великое зло эти демоны способны принести в мир.

Если Люцифер уйдет, царствие земное, вероятно, все равно будет обречено.

Как будто ища правильный ответ, ангел снова открыл Евангелие, и золотой свет озарил черты его лица. Через мгновение в его глазах возникло понимание, затем — решимость, к которой примешивалась капля сожаления. Люцифер в последний раз взглянул на небо, а затем спланировал на огненных крыльях к застывшему озеру и легко коснулся льда. Поняв, что будет дальше, Эрин отступила назад и пятилась к берегу, пока не ощутила на своей теплой коже прикосновение холодной ладони.

«Рун...»

Люцифер издал новый печальный зов, и Корца прижал женщину к себе. На его лице было написано неимоверное облегчение. Он знал, что она вновь стала человеком. И все же для радостных объятий не было времени. Вместо этого Рун схватил ее за руку, и они вместе помчались по льду к берегу.

Демоны и жуткие твари всех видов пробегали мимо них, отвечая на гулкий призыв их повелителя, спеша собраться вокруг Люцифера.

Эрин заметила Джордана, стоящего на берегу рядом с Элизабет. На лед выбежал львенок, описав дугу вокруг Эрин и Руна и кинувшись обратно. Каждое движение его было наполнено радостью, он словно просил их побыстрее собраться всех вместе.

Грейнджер в подобных просьбах не нуждалась.

Она высвободила ладонь из пальцев Руна и метнулась к Джордану. Тот сделал неверный шаг навстречу ей, одна его рука была плотно прижата к животу.

— Осторожнее, леди, — предупредил он, но его улыбка была теплой и радостной.

Не замедляя бега, Эрин налетела на Джордана и крепко обняла его, словно намереваясь никогда не отпускать.

Однако Рун погнал их прочь от озера.

— Уходим, — приказал он. — Мы должны оказаться как можно дальше ото льда.

Они повиновались и начали подниматься по уступам под защиту двух деревьев. Лишь там трое остановились и обернулись. Эрин прижалась к Джордану, над головами их нависали заснеженные ветви.

Демоны уже собрались вокруг Люцифера, их тени заслоняли свет, исходящий от ангела.

Ангел посмотрел туда, где стояла Эрин. Лицо его сияло, точно серебро, и в выражении этого лица читались покой и смирение, равно как и ясное понимание того, чем он намеревался пожертвовать. Люцифер высоко воздел крылья и с силой ударил ими о лед. Вспышка света ослепила всех — но Эрин успела увидеть, как под собравшейся ордой разверзлась черная пропасть, и все эти тени полетели вниз... забрав с собой сияющую звезду, Несущего Свет.

Когда блеск померк, поверхность озера была пуста и вновь затянута льдом.

Слезы струились по лицу Эрин.

— Он решил вернуться назад, — промолвила она. — Он мог бы вознестись в небеса, но вернулся в ад, чтобы стеречь демонов, не давая им нести зло миру.

— Потому что ты принесла ему спасение. — Рун коснулся своего наперсного креста. — Перед лицом подобного величия он выбрал служение Господу в Преисподней, а не на Небесах.

Глава 44

*22 марта, 10 часов 42 минуты
по центральноевропейскому времени
Ватикан*

Два дня спустя после событий в Непале Элизабет сидела у постели Томми.

Охранник-сангвинист провел ее сюда и теперь ждал за дверью. Это была мелкая уступка, на которую ей пришлось пойти, чтобы получить разрешение повидаться с Томми и вообще узнать, где разместили мальчика в Ватикане. Элизабет

намеревалась оценить состояние Томми и составить план. Она знала, что в худшем случае сможет легко одолеть одинокого стража и похитить мальчика прежде, чем кто-либо спохватится.

Войдя, она обнаружила, что Томми спит, и вид у него был куда более больной, чем ей представлялось. Его сердце повествовало о страданиях и слабости. Бледная кожа почти не отличалась по цвету от подушки, на которой покоилась голова Томми, а руки, сложенные поверх одеяла, были испещрены темными пятнами.

«Я должна что-то быстро предпринять».

Как будто почувствовав ее присутствие, мальчик открыл глаза — карие, круглые и невинные, точно у оленя. Он моргнул, потом протер глаза кулаками.

— Элизабет? Это правда ты?

— Конечно, это я! — Ее слова прозвучали резче, чем она хотела.

— Я слышал, что ты вернулась.

Он с огромным усилием сел, но Элизабет не стала ему помогать, зная, как он ценит свою независимость. И все же, чтобы скрыть потрясение при виде его слабости, она протянула руку и переложила подушки так, чтобы мальчику было удобнее опираться на них спиной.

— Еще я слышал, что вы спасли мир... опять, — с усталой улыбкой сказал Томми. — И что сангвинисты считают тебя героиней.

— Я никогда не хотела считаться героиней среди сангвинистов, — ответила она.

Он нахмурился.

— Но я думал, что ты теперь одна из них.

— Да, я приняла их обеты.

— Хорошо.

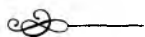
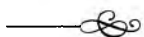
Она выпрямилась.

— Почему это хорошо?

— Не знаю, — отозвался Томми, пожав плечами. — Но ты сможешь дружить с другими сангвинистами. Тебе не нужно все время быть одной. Тебе даже не нужно охотиться.

Его забота о ней тронула сердце Элизабет.

— Я нашла другой путь.

Она рассказала ему о том, что узнала во Франции — о том, что есть другой способ жить вне пределов Церкви и не стать жертвой собственной свирепой природы.

— Но если ты попытаешься уйти, разве сангвинисты не будут охотиться за тобою? — спросил мальчик.

— Они охотились за мной долгие годы, но я по-прежнему в этом мире.

Томми помолчал, теребя в пальцах край пледа и не поднимая на нее взгляда.

— В чем дело? — не выдержала Элизабет.

— Когда ты уходишь?

Она еще не приняла окончательного решения и именно так ответила ему:

— Я пока еще не решила.

— Тогда, быть может, ты останешься... пока я не умру? — Мальчик смотрел на распятие на стене, на дверь, на закрытое ставнями окно, куда угодно, только не на нее. — Я думаю, что этого не придется ждать долго.

— Я останусь с тобой, — пообещала графиня. — Но не для того, чтобы смотреть, как ты умираешь. А чтобы помочь тебе остаться в живых.

Томми прикрыл ладонью шею, явно понимая, что она имеет в виду.

— Нет.

— Нет?

— Я не хочу становиться чудовищем.

— Тебе и не нужно быть чудовищем. — Очевидно, она выразилась недостаточно ясно. — Я же рассказывала тебе о Франции и Гималаях, о другом пути.

Томми отчаянно затряс головой.

— Я готов умереть. Мне следовало умереть в Масаде вместе с мамой и папой.

— Умереть всегда успеешь, — возразила она. — Не надо с этим торопиться.

— Нет, — повторил он, откинувшись на подушки. Усилия, понадобившиеся ему для спора с Элизабет, дались ему немалой ценой. — Я не хочу быть бессмертным. Я не хочу жить, питаясь кровью или вином. Я видел такую жизнь и не хочу ее.

Она коснулась его руки. Эта рука была теплее, чем ее собственная, но холоднее, чем должна была быть. Его можно обратить без труда. Она сильнее. Она убила и преобразила больше человек, чем могла счесть. Сотни. Но он был бы первым, кого она убила бы из любви.

Томми сжал ее руку.

— Пожалуйста, позволь мне умереть.

— Ты не знаешь, о чем говоришь.

— Знаю, — возразил он. — Я видел Распутина, Бернарда, Руна и других. Я знаю, как они живут. Они несчастны, и я тоже буду несчастен.

Что он знал о счастье или о жизни? Ему было всего четырнадцать лет, и два года из них он провел в ожидании смерти от страшной болезни. Она могла обратить его. Возможно, со временем Томми сумел бы простить ее, а если бы даже и нет, он все равно остался бы в живых. Ей была невыносима мысль о том, что он умрет.

Его карие глаза смотрели ей прямо в лицо. За короткие годы жизни мальчика эти глаза видели многое, и все же в них отражались невинность и доброта. Глаза у Томми были темными, как у Руна, но Элизабет никогда не видела в глазах Корцы ни простого счастья, ни невинности. Руну тоже было навязано бессмертие, и оно не подходило ему. Он не был убийцей. Он действительно должен был стать священником — тем, кто служит другим. Превращение в стригоя стало искажением его сущности.

Точно так же, как оно стало бы искажением для сущности Томми.

«Как я могу навязать ему свою волю и извратить эту невинность?»

Это деяние было бы продиктовано себялюбием. Она забрала бы его душу, чтобы избавить себя от скорби из-за потери еще одного ребенка. Она не могла оберегать себя от горя, причиняя вред ему. Ни за что.

Должно быть, Томми увидел, как изменилось выражение глаз Элизабет; он расслабился, улыбнулся ей и прошептал:

— Спасибо.

Графиня отвела взгляд и сморгнула слезы. Он будет страдать и умрет, а она не сможет спасти его. Элизабет поднялась

со стула, отошла к окну и повернулась лицом к ставням, чтобы мальчик не видел, как она плачет. Она должна вытерпеть это молча и остаться с ним до самого конца. Сделав глубокий вдох, Батори попыталась собраться с силами.

— Быть может, нам выйти на улицу, прогуляться, пока погода хорошая? — предложила она. Ведь можно хотя бы помочь ему насладиться оставшимся у него временем.

Прежде чем он успел ответить, раздался стук в дверь. Не дожидаясь разрешения, в палату влетел Рун, за ним по пятам следовал львенок.

— Извините за вторжение. — Корца переводил взгляд с Элизабет на Томми. — Я услышал, что вы здесь, сестра Элизабет, и...

Она хмуро посмотрела на него, зная, что заставило его ворваться сюда в такой спешке. Рун боялся, что она обратит мальчика.

— Я в порядке, — заверил Томми.

Она улыбнулась ему.

— Это правда.

Львенок промчался мимо Руна и запрыгнул на кровать. Взгляд его золотистых глаз был устремлен прямо в глаза Томми, мальчик и звереныш смотрели друг на друга с неотрывным вниманием.

— Познакомься со львом Руна, — произнесла Элизабет светским тоном.

Томми словно не слышал ее, потерявшись во взгляде юного зверя — они как будто давно знали друг друга.

Корца, глядя на них, тихо прошептал:

— Так же львенок реагировал, когда впервые встретил Джордана. Я думаю, это из-за ангельской крови, которая когда-то текла в них. Все трое в тот или иной момент времени несли в себе ангельскую сущность архангела Михаила.

Львенок подался вперед и потерся головой о щеку мальчика. Тот, словно очнувшись от гипноза, весело рассмеялся.

От этого смеха сердце Элизабет пронзила боль — она знала, как ей будет его недоставать.

Рун подошел к окну и распахнул ставни. Солнечный свет хлынул в комнату, но теперь это не так досаждало Элизабет, как еще несколько дней назад.

Маленький лев нежился под солнечными лучами, распростершись рядом с Томми. В груди у зверя рокотало тихое мурлыканье. Этот звук был полон любви, довольства и незамысловатого наслаждения.

Слушая это мурлыканье, Элизабет почувствовала, как сквозь нее прошла волна странного тепла — и отхлынула, оставив легкое головокружение. Она прислонилась к столбику кровати, ожидая, пока это ощущение уйдет.

«Быть может, я не так привыкла к солнечному свету, как мне казалось...»

Томми поднял исхудавшую руку и погладил белоснежный мех льва, на губах его появилась мечтательная улыбка.

Элизабет была рада видеть эту улыбку на лице мальчика — пусть на краткий миг. Даже его сердце сейчас билось сильнее, кровь интенсивнее потекла по его жилам.

И тут она вздрогнула, потрясенно глядя на бледную кожу Томми.

— Твои руки... — произнесла Элизабет.

Он в замешательстве опустил взгляд, потом на его лице отобразилось такое же изумление.

— Пятна...

— ...исчезли, — договорила за него Элизабет.

Разбуженный этой суматохой, львенок поднял голову и открыл сонные глаза. Теперь они были не золотистыми, а просто карими, как у самого Томми.

— Рун... — Графиня повернулась к нему, ища хоть какого-то объяснения.

Сангвинист опустился на одно колено, дотронулся до своего наперсного креста, затем легонько провел пальцами по коже Томми и по шкуре львенка.

— Я чувствую себя лучше, — сказал мальчик, и глаза его расширились, словно от удивления перед собственными словами.

Элизабет улыбнулась. Она пыталась усмирить отчаянную надежду, но та непрошенно проникала в ее холодное сердце.

— Он исцелился?

Рун встал.

— Не знаю, честно говоря. Но похоже, что ангельская сущность покинула льва. Джордан вернулся из Непала без ма-

лейших признаков присутствия этой сущности в крови. Возможно, след небесной силы задержался в теле львенка, чтобы свершить это последнее чудо.

Элизабет вспомнила странное тепло, охватившее ее от мурлыканья льва. Что же произошло в тот момент? Но в конечном итоге ее мало занимал механизм этого исцеления — только то, что оно было.

— Мы попросим врачей осмотреть его, — пообещал Рун. — Но я думаю, что он всего лишь обычный мальчик: исцелившийся от болезни, но оставшийся обычным.

Улыбка Томми стала шире.

Элизабет протянула руку и взъерошила его густые темные волосы. Именно этого он всегда и хотел — быть обычным мальчиком.

Прощавшись и пообещав заходить еще, графиня вслед за Руном вышла в коридор; за ними помчался львенок.

— Я рад, что ты не обратила его, — сказал Корца, едва они оказались за пределами слышимости.

— Ты думал, я это сделаю? — Элизабет широко раскрыла глаза, изображая невинность, в которую, как она хорошо знала, Рун не поверит.

— Я боялся, что ты можешь это сделать, — ответил он.

— Я сильнее, чем ты думаешь, — возразила она.

— Что станет с мальчиком?

— Его нужно вернуть к его дяде и тете, и я прослежу, чтобы это было сделано, — заявила Элизабет. — Я не гожусь быть ему матерью.

— Значит, ты сможешь просто отказаться от него?

— Это будет непросто. — Она вскинула подбородок. — И я не собираюсь отказываться от него совсем. Я буду присматривать за ним, приходить, когда он будет во мне нуждаться, и покидать его, когда такой нужды не будет.

— Я сомневаюсь, что орден позволит тебе дальнейшее общение с ним.

Элизабет рассмеялась.

— Я не их раба и не крепостная. Я буду приходить и уходить, когда мне вздумается.

— Значит, ты покинешь орден? — Корца сглотнул. — А как же я?

— Я не могу оставаться связанной с Церковью. Ты должен знать это лучше, чем кто бы то ни было. Так что пока ты остаешься здесь, мы никогда не сможем быть вместе.

— Тогда вскоре нам придется попрощаться, — промолвил Рун и коснулся ее локтя, прося ее помедлить. Элизабет повернулась к нему. — Я получил разрешение уйти в Затворничество, начать свой срок уединения и размышлений в святилище ордена.

Она хотела поглумиться над ним, высмеять его за то, что он отворачивается от мира, но после того как в его голосе прозвучала такая искренняя радость, Элизабет смогла лишь грустно посмотреть на него.

— Тогда ступай, Рун, и найди покой.

17 часов 06 минут

Корца спускался через залы Святилища, испытывая тихую радость, готовый наконец отринуть мирские тревоги. Он шел один, звук его шагов эхом отдавался в обширных комнатах и переходах. Своим острым слухом он различал вдали шепот молитв, отмечающих начало вечерни.

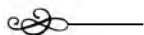
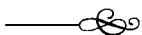
Он спускался все глубже, на те уровни, где затихал даже этот шепот.

Солнечный мир наверху ничего больше не мог дать ему. Прежде чем кардинал Бернард направил его в Масаду на поиски Кровавого Евангелия, Рун был готов начать жизнь Затворника в Святилище. И сейчас он чувствовал себя еще более усталым, нежели тогда.

Время пришло.

Отныне его небом будут высокие своды Святилища. Он погрузится в медитацию, и священники-сангвинисты будут приносить ему вино, как некогда он сам приносил другим. Он сможет отдохнуть здесь, в лоне церкви, которая и прежде хранила его так много лет. Его роль как Рыцаря Христова была окончена, и ему не нужно служить Церкви в этом качестве и дальше. Он свободен от своих обязанностей.

Входя в обитель Затворников, Рун склонил голову. Здесь нашли покой его братья и сестры по ордену, стоя в нишах

или лежа на холодном камне, отринув потребности плоти ради вечных раздумий и созерцания. Здесь, внизу, ему была отведена келья, где в течение целого года он должен будет прожить, не вымолвив ни слова, лишь вознося безмолвные молитвы.

Но сначала Корца остановился и зажег свечу перед изображением святого-покровителя, одним из сотен чтимых изображений, которые можно найти по всему Святилище. Рун преклонил колени, когда огонек свечи озарил черты облаченной в сутану фигуры, стоящей под деревом — на ветвях дерева, как и на плечах святого сидели птицы. Святой Франциск Ассизский. Рун склонил голову, вспоминая Гуго де Пейна и самопожертвование, которое тот совершил, дабы спасти их и многих других.

Этим утром в аэропорту Корца попрощался с Эрин и Джорданом — они улетали обратно в Штаты, навстречу счастливой жизни. Хорошо, что они остались живы, хватит уже героических смертей. Хотя отшельник вышел из рядов ордена, Рун намеревался почтить его, хотя бы таким образом.

«Спасибо, друг мой».

Он прикрыл глаза и зашевелил губами, безмолвно шепча молитву. Через долгое время, когда вечерня уже давно окончилась, его плеча коснулась рука — легкая, точно крыло бабочки.

Корца повернулся и увидел перед собой высокого человека в простой рясе. Удивленный этим визитом, он еще ниже склонил голову и прошептал, узнав Воскрешенного, первого из их ордена:

— Вы оказываете мне честь.

— Выпрямись, — произнес Лазарь голосом, хриплым от долгого безмолвия.

Рун повиновался, но так и не поднял взгляда.

— Почему ты здесь, сын мой? — спросил Лазарь.

Корца жестом указал на безмолвные фигуры поодаль — покрытые пылью, недвижимые, точно статуи.

— Я пришел сюда, чтобы разделить с ними покой Святилища.

— Ты отдал ордену все, — сказал Лазарь. — Твою жизнь,

твою душу и твою службу. Неужели теперь ты отдашь ему и остаток дней своих?

— Отдам. Я охотно отдал все это для высшего блага. Я существую лишь для того, чтобы служить Ему с открытым сердцем.

— И все же ты пришел к этой жизни через ложь. Ты не был предназначен к такому служению. Ты мог пойти иным путем — и все еще можешь это сделать.

Рун вскинул голову, слыша в голосе собеседника не обвинение, но одну только скорбь. Он не понимал этого. Лазарь повернулся и пошел прочь, поманив Корцу за собою.

Они шагали мимо недвижных силуэтов монахинь и священников, которые сошли сюда, взыскав отдыха от мира.

— Разве я не достаточно заплатил за свои грехи? — спросил Рун, боясь, что ему откажут в этом покое.

— Ты не совершал грехов, — ответил Лазарь. — Грех был совершен против тебя.

Корца шел за высокой мрачной фигурой, и разум его лихорадочно перебирал грехи, совершенные за долгую жизнь им самим — и те, что были совершены против него. И все же понимание медлило прийти к нему.

Лазарь вел его все глубже, в темные залы, где Затворники, облаченные в древние одеяния, стояли, опустив головы или запрокинув их к потолку. Рун слышал об этой части Святилища, куда уходили те, кто искал не просто вечной медитации, но также отпущения, раздумий над тяжестью грехов — чужих и своих собственных.

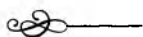
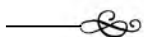
Он озирался по сторонам, видя повсюду лица, на которых лежала печать скорби и смирения.

«Зачем меня привели сюда?»

И вот Лазарь остановился перед фигурой священника, который стоял, поникнув головой. Он был одет в простую бурую рясу, такую же, какую Рун носил давным-давно, в своей смертной жизни. И даже не видя его лица, Корца почувствовал в нем нечто знакомое.

«Должно быть, это один из моих братьев из тех давних времен, тоже ушедший от мира ради созерцания».

Лазарь наклонился поближе к священнику и что-то прошептал, сдувая пыль с уха Затворника.

Наконец тот поднял голову — и Рун увидел лицо, которое преследовало его в кошмарах более четырех сотен лет. Он качнулся назад, словно от сильного удара.

«Не может быть...»

Корца окинул взглядом длинные темные волосы, высокий бледный лоб, полные губы. Он помнил, как эти губы приникли к его горлу, как эти зубы вонзились в его плоть. Он и сейчас словно бы чувствовал кровь этого человека у себя во рту. Его тело помнило это блаженство. Они до сих пор были связаны — связаны кровью.

Это был тот самый стригой, который напал на Руна, пришедшего к могиле сестры, и вырвал из его тела душу, положив конец его смертной жизни. Корца думал, что этого монстра убили еще тогда. Он помнил, как стражи-сангвинисты, верные Бернарду, увлакивали эту тварь прочь.

Но ныне этот монстр был облачен в одеяния ордена.

Священник открыл глаза и посмотрел на Руна с величайшим состраданием и нежностью. Затем коснулся шеи Корцы сбоку, там, где его зубы некогда впились в плоть, и на мгновение задержал пальцы на этой незримой ране.

— Я думал, что исполняю долг служения, когда совершал этот грех против тебя.

— Служения? Служения кому?

Рука, касавшаяся его шеи, безвольно упала, глаза закрылись, сознание в них угасало.

— Прости меня, сын мой, — произнес священник-стригой заташающим шепотом. — Ибо не ведал я, что творил.

Рун ждал еще чего-то, каких-то слов, которые придадут смысл этой невероятной ситуации.

— Он — символ лжи, — объяснил Лазарь. — Той лжи, что увлекла тебя с праведного пути служения на долгую дорогу неволи в рядах нашего ордена.

— Я не понимаю, — пробормотал Рун. — Что это за ложь?

— Тебе следует спросить Бернарда, — сказал Лазарь, взял Корцу за локоть и повел обратно ко входу в Святилище. Оказавшись у врат, он препроводил его наружу.

Рун помедлил на пороге, боясь покинуть тихое убежище и неожиданно потеряв всякое желание выведывать эти по-

следние тайны. Но Лазарь преграждал ему обратный путь, не оставляя выбора.

— Постигни свое прошлое, сын мой, чтобы узнать свое будущее. Пойми, кто ты такой на самом деле. И потом сделай выбор — где тебе провести дальнейшую жизнь.

Рун пошел прочь. Он сам не знал, как его ноги нашли путь вверх по запутанным тоннелям и лестницам до базилики Святого Петра. Но пока Корца поднимался, в голове его выстраивалась картина той ночи, когда он был обращен: как сангвинисты нашли его прежде, чем он успел совершить грех, как его привели к Бернарду и как тот убедил его отринуть злую природу и вести жизнь сангвиниста.

Все указывало на Бернарда.

Слова Затворника снова и снова эхом звучали в памяти Руна:

«Я думал, что исполняю долг служения, когда совершал этот грех против тебя».

Он понял, что стояло за этими словами.

Бернард знал о ночных визитах Руна на могилу сестры. Он знал, что ночью тот будет под открытым небом, одинокий и уязвимый. Именно Бернард послал одного из членов ордена — замаскированного под стригоя — на кладбище, чтобы тот обратил Руна. После чего можно было завербовать новообращенного в орден, дабы заставить пророчество сбыться — так был создан Избранный, сангвинист, никогда не пробовавший человеческой крови. Из пророчества, насчитывавшего много столетий, Бернард знал, что лишь Избранный, состоящий в ордене, сможет найти утраченное Кровавое Евангелие.

И потому кардинал создал этого Избранного.

Вместе с растущим осознанием Рун ощущал жгучий гнев, полыхающий в нем, точно очистительный огонь. Бернард похитил его душу — а Корца с тех пор тысячи раз благодарил его за это.

«Всё мое существование было ложью».

Словно очнувшись от сна, Рун обнаружил, что шагает через Апостольский дворец к канцелярии Бернарда. Кардиналу было позволено, как и прежде, работать там в ожидании суда

за кровавый грех против Элизабет. Дойдя до дверей, Рун не стал стучаться. Он ворвался внутрь, как ураган.

Бернард поднял взгляд от стола, заваленного бумагами, на лице его читалось изумление. На нем была алая сутана, алые перчатки и прочие атрибуты, символизирующие его сан.

— Рун, что случилось?

Корца едва мог говорить, ярость душила его.

— Вы отдали приказ, из-за которого я лишился души!

Бернард встал.

— Что ты такое говоришь?

— Вы послали монстра, который превратил меня в мерзость. Вы привели меня в объятия Элизабет и забрали ее душу. Моя жизнь, моя смерть — все это было подстроено вами, дабы повлиять на волю господ. Чтобы подчинить пророчество своей воле.

Рун смотрел, как Бернард тщательно подбирает слова, ища самый подходящий ответ на эти обвинения.

Наконец кардинал решил держаться истины.

— Тогда ты понимаешь, что я был прав.

— Прав? — Это слово, сорвавшееся с губ Руна, было исполнено горечи и боли.

— Теперь, когда все пророчества исполнились, неужели ты хотел бы, чтобы все пошло иначе? Тебе известна цена, которую заплатил бы мир, если бы мы потерпели неудачу.

Рун дрожал от ярости. Бернард оторвал его от родных, обрек на вечную жажду крови, заставил поверить, что единственный оставшийся Руну путь — это служение Церкви, и превратил женщину, которую тот любил, из целительницы в убийцу.

И все ради того, чтобы спасти мир на условиях самого Бернарда. Чтобы исполнить пророчество, которое могло никогда не вступить в действие без его вмешательства. Чтобы держать всех сангвинистов в неведении относительно того, что у них есть выбор вне пределов церкви, вне пределов власти кардинала.

По мнению Бернарда, такой финал стоил любых жертв. Когда весь мир балансирует на лезвии, что значат страдания одного-единственного человека? Одной-единственной графини? Нескольких сотен сангвинистов?

Полный отвращения перед подобным предательством, Рун резко развернулся и покинул кабинет Бернарда. Кардинал крикнул ему вслед:

— Не действуй поспешно, сын мой!

Но это вряд ли можно было назвать поспешностью. Этому предательству исполнилось уже несколько столетий.

Рун выбежал в папские сады, чувствуя необходимость в свежем воздухе, в открытом небе над головой. Наступила ночь, воздух был холодным и прозрачным. Небо усеивали звезды, молодая луна уходила за горизонт.

Лазарь послал его на поверхность, чтобы он узнал истину и мог свободно выбрать свою судьбу — сделать то, в чем ему отказал Бернард. Отказал ему и всем остальным сангвинистам. Правда о Гуго де Пейне и стригоях-буддистах уже распространилась внутри ордена, и другие стояли перед тем же выбором, с которым Рун столкнулся сегодня — как и где провести вечность.

Он бежал все дальше в сады — пока его обоняния не коснулся знакомый запах.

К нему длинными прыжками мчался левенок, словно задержавшийся на земле кусочек лунного света, летящий над темной травой. За ним гналась рассерженная смотрительница.

— Вернись обратно, Навуходоносор!

Лев налетел на Руна, с силой врезавшись в его лодыжки, потом начал неистово тереться о его ноги. Завтра левенку предстояло отправиться в Кастель-Гандольфо, под присмотр брата Патрика. Но похоже, кое-кто решил, что за спасение жизни Томми левенку обязаны провести хотя бы финальную экскурсию по садам.

К Руно и льву подбежала Элизабет, одетая в черные джинсы, белые тенниски и алый свитер, поверх которого была наброшена легкая курточка. Волосы графини были распущены, локоны колыхались вокруг лица, словно листва под порывом ветра. Она никогда еще не казалась столь прекрасной.

Батори выругалась по-венгерски.

— Чертова тварь не желает слушаться.

— И все же ты дала ему имя, — заметил Рун. — Навуходоносор.

— Царь Вавилонский, — подтвердила Элизабет, откидывая волосы назад и словно подзадоривая Руна пошутить над нею. — На самом деле его предложила Эрин. Я решила, что этому льву такое имя вполне подойдет. И чтоб ты знал — когда я уеду, я заберу его с собой.

— Правда?

— Его не следует запирать в каком-нибудь лошадином стойле или в клетке. Ему нужны открытые просторы, небо над головой. Ему нужен большой мир.

Рун смотрел на нее и любил ее всем своим безмолвным сердцем. Он сделал шаг вперед и взял ее за руку, ее сильные пальцы переплелись с его пальцами. Элизабет вскинула голову и пристально посмотрела на него, возможно, почувствовав, как сильно он изменился с минувшего утра.

— Покажи мне, — прошептал Корца.

Она подалась ближе, начиная понимать.

— Покажи мне мир.

Рун наклонился и поцеловал ее, глубоко и страстно, без малейшей неуверенности. Это не был целомудренный поцелуй священника.

Ибо Рун больше не был священником.

Через некоторое время...

Поздняя весна

Де-Мойн, штат Айова

«Наконец-то мир...»

Солнце уже клонилось к горизонту. Эрин, забравшись в выстроенную из красного дерева беседку, вдыхала нежный запах выющихся роз, которые карабкались к самой крыше строения по решеткам. Сев на скамью, она откинулась назад.

Неподалеку над лужайкой звенел детский смех. Ребятишки играли в салки, что было достаточно сложно в праздничных платьях и костюмчиках, и кое у кого на одежде уже красовались пятна от травы, а на коленях — царапины. Взрослые, тоже облаченные в вечерние наряды, стояли поодаль, попивая шампанское и переговариваясь друг с другом.

Эрин испытывала к ним всем добрые чувства и даже любовь, но постоянное их присутствие утомляло ее. Она сейчас желала присутствия только одного человека.

Как будто прочитав ее мысли, у входа в беседку возник именно тот, кого она ждала. Он последовал за ней, как она и надеялась.

— Найдется местечко еще для одного? — спросил Джордан.

— Всегда, — ответила Эрин.

Его пшенично-золотые волосы за последние месяцы стали чуть длиннее и уже не торчали армейским ежиком. Отросшая шевелюра придавала ему более раскованный, менее воинственный вид, особенно сейчас, в сочетании с темно-серым фракным костюмом. Глаза Джордана остались прежними — ярко-синими с более темным ободком вокруг радужной оболочки.

Прислонившись к столбу у входа в беседку, он улыбнулся Эрин. Лицо его сияло любовью и радостью. Женщина ответила ему улыбкой, исполненной тех же чувств.

— Выглядите великолепно, миссис Грейнджер-Стоун, — произнес он.

— Вы тоже, мистер Грейнджер-Стоун, — отозвалась она.

Всего час назад каждый из них добавил к своей фамилии фамилию другого, перед лицом его семейства и ее друзей, принеся брачные обеты под безоблачным синим небом.

«Пока смерть не разлучит нас».

После всего, что случилось с ними, эти слова имели особенно глубокое значение. Джордан сделал ей предложение после того, как они вернулись в Рим, и она сразу же ответила согласием.

Время было слишком драгоценно, чтобы терять хотя бы секунду.

Эрин коснулась зажившей раны на шее. Она выбрала свадебное платье с высоким воротником, чтобы прикрыть ярко-розовый шрам, но тот все равно выглядывал из-под верхнего края. Рана уже не болела, но каждый раз, глядя в зеркало, Эрин видела этот шрам и вспоминала, что она умерла и вернулась к жизни, и это не позволяло ей забыть, как близко она подошла к тому, чтобы потерять будущее — их общее с Джорданом будущее.

Муж осторожно отвел ее руку от шеи и спрятал в своих ладонях. Его кожа была теплой, без неестественного жара. Даже татуировка вернулась к изначальному размеру. Теперь он до последней капли был тем же самым красивым и добрым мужчиной, которого она встретила в пустыне Масады, до того, как сангвинисты вмешались в их жизнь.

Но теперь и он, и она снова стали хозяевами своей жизни. Вместе.

Джордан сделал глубокий вдох и сел рядом с ней.

— Грядут большие перемены — нам с тобой предстоит работать в джунглях. Ты будешь искать артефакты, а я надену очки и стану изучать судебную антропологию. Никаких сражений, никаких чудовищ. Думаешь, ты будешь счастлива при такой жизни?

— Более чем счастлива. В полном восторге.

Благодаря связям в Ватикане она получила лакомую работу по проведению раскопок в Южной Америке, где ей предстояло добывать в джунглях материальные свидетельства истории, чтобы вызнать их секреты и сохранить для будущих поколений. Это будет трудная работа, но по крайней мере она никак не связана с ангелами и святыми. Жизнь Эрин теперь принадлежала ей — и она вольна была разделить ее с мужем.

Джордан получил почетную отставку из армии и вступил в программу по изучению судебной антропологии, чтобы трудиться рядом с Эрин. Вместо современных преступлений он решил расследовать древние. Он хотел приходить на место, когда кровь уже давно стала травой и все тайны превратились в интеллектуальные задачи, никак не связанные с ныне живущими лично.

Такая жизнь обещала им перспективу совместного будущего.

И не только им двоим.

Джордан поцеловал ладонь Эрин; его губы на мгновение задержались в центре, отчего вверх по руке разлилось мягкое щекотное тепло. Она зарылась пальцами в его светлые волосы и притянула его лицо вплотную к своему, желая целовать мужа, чувствовать вкус его губ, раствориться в нем. Руки Джордана скользнули вниз по ее спине и замерли на бедрах,

скрытых под складками шелка. Потом одна ладонь сместилась на ее живот.

Эрин посмотрела вниз, гадая, заметно ли уже что-нибудь.

— Как ты думаешь, твоя мать знает? — спросила она.

— Откуда? Мы и сами не знали, пока не вернулись в Штаты. Пока что это наш секрет, на двоих. — Он осторожно погладил ее живот. — Но я думаю, что мама догадается раньше, чем через семь месяцев. Особенно учитывая, что это близнецы.

Эрин тоже положила руку на живот, рядом с его ладонью.

«Близнецы... мальчик и девочка».

Она нежилась в объятиях мужа, представляя себе белокурого мальчика, такого же синеглазого и бесшабашного, как Джордан... и янтарноглазую девочку, которая будет читать всё, что попадется ей под руку.

— Я подумал, — произнес муж, — как насчет того, чтобы назвать девочку Софией?

Эрин улыбнулась ему и запечатлела на его губах нежный поцелуй.

— Идеально.

Его объятия казались надежным укрытием от всего на свете, но в сердце Эрин шевелилась тревога.

По возвращении в США она прошла через все возможные медицинские и физиологические тесты. Все вернулось в абсолютную норму. Но эти дети были зачаты, когда в жилах Джордана еще текла ангельская кровь, и это заставляло Эрин беспокоиться о том, что он мог им передать.

«Или что могла передать им я».

Будучи уже беременной, она на краткий срок умерла и побывала стригоем.

Ощувив ее страх, Джордан снова поцеловал ее.

— Все будет в порядке.

Эрин черпала силы в уверенности, которая звучала в его голосе. Разве можно было ему не верить?

С другой стороны лужайки долетел настойчивый звонкий голосок:

— Пора резать торт! — Должно быть, это Оливия, племянница Джордана, ярая сладкоежка. — Давайте быстрее, все!

Джордан улыбнулся, его губы были так близко от губ Эрин...

— А мальчика...

— Давай угадаю. Ты думаешь о том, чтобы назвать его Христианом.

— Нет, на самом деле у меня на уме было другое имя — Тор. Это очень мужественно.

— Тор? — Эрин оттолкнула его и встала. — Пойдем, накормим тебя тортом. Говорят, сахар способствует умственной деятельности. Глядишь, и тебе поможет.

Она взяла его за руку и повела на залитую вечерним солнцем лужайку. Они шли через аромат весенних роз навстречу свадебному торту — и навстречу совместной жизни.

Благодарности

Джеймс хотел бы поблагодарить свою литературную группу, которая стойко выдержала это путешествие от пустынь Египта до врат Преисподней. Я не мог бы пожелать себе лучшей команды:

Салли Энн Барнс, Крис Кроув, Ли Гаррет, Джейн О'Рива, Денни Грейсон, Леонард Литтл, Скотт Смит, Стив и Джуди Прей, Кэролайн Уильямс, Кристиан Райли, Том Тодд, Крис Смит и Эмми Роджерс. И конечно же, Дэвид Сильвиан и Кэролайн Маккрей, которые были моей правой и левой рукой, от первого шага до последнего прыжка. Особая признательность простирается также на тех, кто был задействован на всех стадиях выпуска книги в жизнь: моего редактора Лиссу Кюш и ее коллегу Ребекку Лукаш; и моих агентов, Раса Галена и Дэнни Бэора (вместе с его дочерью Хизер Бэор).

Ребекка также хотела бы поблагодарить ее литературную группу, включая Кэтрин Уэдсворт, Дэвида Дирдорфа, Джудит Хит, Карен Холлинджер и Бена Хаггарда за их многократное вычитывание текста, за все найденные ими ошибки, за придание тексту качества. Также отдельные благодарности писателям, друзьям и агентам, которые помогли мне совершить авторское путешествие вместе с этой книгой: Эндрю Петерсону, Джошуа Корину, Шейну Герику, Шону Блэку, Дж. Ф. Пенну, Александра Бюстерьен, Мэри Эллис Кьер и Энн Коттл. Я высоко ценю то, что у меня есть такие друзья, как вы. И наконец самое важное: огромный долг признательности перед мужем и сыном за их терпение, которое они проявляли, пока Ребекка сражалась с монстрами как настоящими, так и воображаемыми. Кошка Твинкл же благодарности не получит — от нее не было никакой помощи.

Оглавление

ЧАСТЬ I

Глава 1	23
Глава 2	38
Глава 3	46
Глава 4	54
Глава 5	62
Глава 6	74
Глава 7	86
Глава 8	101

ЧАСТЬ II

Глава 9	109
Глава 10	121
Глава 11	133
Глава 12	141
Глава 13	149
Глава 14	158
Глава 15	169

ЧАСТЬ III

Глава 16	177
Глава 17	186
Глава 18	198
Глава 19	207
Глава 20	218
Глава 21	227
Глава 22	239
Глава 23	256

ЧАСТЬ IV

Глава 24	259
Глава 25	271

Глава 26	.279
Глава 27	.289
Глава 28	.296

ЧАСТЬ V

Глава 29	.301
Глава 30	.310
Глава 31	.323
Глава 32	.336
Глава 33	.347
Глава 34	.358
Глава 35	.363
Глава 36	.370

ЧАСТЬ VI

Глава 37	.375
Глава 38	.385
Глава 39	.394
Глава 40	.403
Глава 41	.412
Глава 42	.421
Глава 43	.428
Глава 44	.438
Благодарности.	.457

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность

Литературно-художественное издание

КНИГА-ЗАГАДКА, КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

Джеймс Роллинс, Ребекка Кантрелл

КРОВЬ ЛЮЦИФЕРА

Ответственный редактор *В. Хорос*

Редактор *В. Лебедев*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *Г. Романова*

Компьютерная верстка *М. Белов*

Корректор *М. Сиротникова*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1 Тел. 8 (495) 411-66-86, 8 (495) 956-39-21

Өндіруші «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй

Тел. 8 (495) 411-66-86, 8 (495) 956-39-21

Тауар белгісі «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1

Тел. 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс 8 (727) 251 58 12 вн 107

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 10.08.2015.

Формат 60х90 1/16 Гарнитура «SchoolBook».

Печать офсетная Усл. печ. л. 29,0

Тираж 20 000 экз. Заказ 5774

Отпечатано с готовых файлов заказчика

в АО «Первая Образцовая типография»,

филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

В электронном виде книги издательства вы можете
купить на www.litres.ru

ЛитРес:
один клик до книг

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:

142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными
оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж**
*International Sales: international wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**
+7 (495) 411-68-59, доб. 2115/2117/2118; 411-68-99, доб. 2762/1234.

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел.: (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29,
бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.: (831) 216-15-91 (92/93/94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел.: (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел.: (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел.: +7 (383) 289-91-42.

В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев, пр. Московский, 9 БЦ «Форум».
Тел.: +38-044-2909944.

**Полный ассортимент продукции Издательства «Э»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД»,
Невский пр-т, д. 46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14.

ISBN 978-5-699-83286-6

ГЕН АТЛАНТИДЫ

А. Дж. Риддл

— роман, покоровший весь мир!

«Ген Атлантиды» — книга, которая произвела настоящую революцию в секторе электронных продаж на «Амазоне», ворвавшись в список абсолютных бестселлеров!

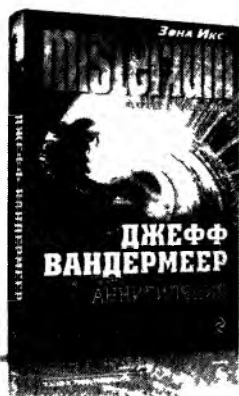
Автор повествует о величайшей из затерянных цивилизаций прошлого Атлантиде, о глобальных генетических экспериментах, древних заговорах и тайне человеческой эволюции, что в итоге представляет собой потрясающий сюжет в духе Дж. Роллинса и Д. Брауна.

misterium

ДЖЕФФ ВАНДЕРМЕЕР АННИГИЛЯЦИЯ

СЕНСАЦИОННАЯ ТРИЛОГИЯ
ОТ ЛЕГЕНДАРНОГО МАСТЕРА ПСИХОДЕЛИЧЕСКОГО УЖАСА!

ЖУТКО И ЗАВОРАЖИВАЮЩЕ.

Стивен Кинг

Одна из самых искусных,
САМЫХ ПОРАЗИТЕЛЬНЫХ РАБОТ
блестящего писателя.

Питер Страуб

Неожиданно
и **КРАСИВО ДО УМОПОМРАЧЕНИЯ.**

Уоррен Эллис

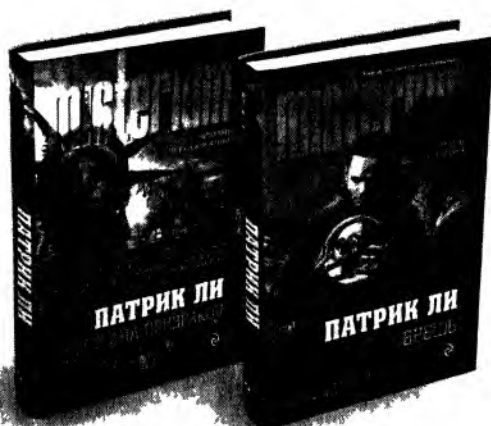
**КОГДА РИСКОВАННАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ПРОВАЛИВАЕТСЯ,
КАЖДЫЙ ОКАЗЫВАЕТСЯ САМ ЗА СЕБЯ В ЭТОМ
ВОСХИТИТЕЛЬНО ЖУТКОМ СМЕШЕНИИ ФАНТАСТИКИ С КОШМАРОМ.**

Никто не знает, откуда взялась Зона Икс — смертельно опасная территория, кишащая аномальными явлениями. Там не бегают чудовища, оттуда не приносят трофеев, и охотники за наживой там не промышляют. Тайная правительственная организация отправляет в Зону одну исследовательскую экспедицию за другой, но чаще всего те не возвращаются — или возвращаются, но неуловимо и страшно изменившись. Сможет ли новая, двенадцатая экспедиция в Зону добиться того, что не удалось предшественникам, и раскрыть тайны этого проклятого места? Оставив позади имена и прежние жизни, четыре женщины — психолог, биолог, топограф и антрополог — отправляются навстречу чуждой, нечеловеческой тайне...

КОНЕЦ СВЕТА НЕ ПРОСТО ВОЗМОЖЕН. ОН НЕИЗБЕЖЕН

Сенсационная серия романов от новой звезды остросюжетной литературы! На студии Lionsgate создателем «Блэйда» снимается блокбастер по первой книге!

ЭТО ДОЛЖНЫ ПРОЧИТАТЬ ВСЕ!

ПАТРИК ЛИ родился в штате Мичиган в 1976 году. Еще в юношеские годы он начал писать киносценарии для Голливуда. Когда ему исполнилось тридцать, Патрик решил попробовать себя на поприще остросюжетной литературы — и не прогадал. Первый же его роман «Брешь», открывающий серию книг о Трэвисе Чейзе, стал супербестселлером, самой продаваемой книгой 2010 года по версии издания New York Times.

Очень ярко и пугающе, **ПОЧТИ НЕВЕРОЯТНО.**

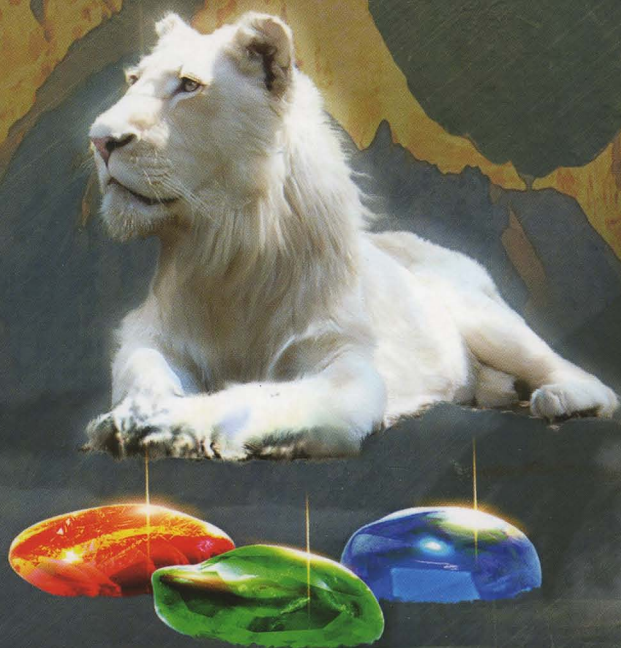
Ли Чейз

Одно слово: **БЛЕСТЯЩЕ...** у меня **ДЫХАНИЕ ПЕРЕХВАТИЛО.**

Джеймс Веллингс

У **ЛИ** **БЕЗУСЛОВНЫЙ ТАЛАНТ РАССКАЗЧИКА...**

Пол Маккарти

Орден сангвинистов подошел к финальной части операции, направленной на спасение человечества от вечного мрака и господства темных сил. Трое Избранных – Рун Корца, Джордан Стоун и Эрин Грейнджер – узнали, где на Земле сокрыт Первый Ангел, призванный уничтожить зло. Но, чтобы добраться до этого места, им понадобится собрать сложнейшую головоломку и подобрать ключ к ангельской темнице. Да и что будет потом, хранителям Кровавого Евангелия неизвестно. Никто из них не знает, чего ожидать от пробужденного создания. Ведь это... сам Люцифер!

ISBN 978-5-699-83286-6

9 785699 832866 >